МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

КУБАНСКИЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Научный центр пропаганды и внедрения инноваций

Уголовная политика в сфере обеспечения безопасности здоровья населения, общественной нравственности и иных социально-значимых интересов

материалы Международной научно-практической конференции
20 мая 2012г.

Краснодар, 2012

УДК 343.4 (063)
ББК 67.99 (2) 8
У 26

Редакционная коллегия:

Л.А. Прохоров
д.ю.н., профессор Кубанского социально-экономического института, Россия
Д.А. Флудас
д.ю.н., профессор, доцент колледжа Хьюз Холл
Кембриджского университета, Англия
Жаксыбеков А.С.
д.полит.н., профессор Казахского национального педагогического университета им. Абая, Республика Казахстан.
Л.К Гаврильченко
к.ю.н., доцент Одесского национального университета им. И.Мечникова, Украина
Т.В. Пилюгина
к.ю.н., доцент Кубанского социально-экономического института, Россия

Уголовная политика в сфере обеспечения безопасности здоровья населения, общественной нравственности и иных социально-значимых интересов: материалы Международной научно-практической конференции, 20 мая 2012 г. / отв.редактор Прохорова М.Л.. Краснодар: КСЭИ, 2012. 343 с.

ISBN 978-5-91276-046-4

УДК 343.4 (063)
ББК 67.99 (2) 8
У 26

©Издательство
Кубанского социально-экономического института, 2012

С О Д Е Р Ж А Н И Е

I Раздел:

«Актуальные аспекты совершенствования уголовной политики в области обеспечения здоровья и общественной нравственности»

Гарбут Э.
ОБЩАЯ ПРОФИЛАКТИКА НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ И ПОЛОВОЙ СВОБОДЫ ЛИЧНОСТИ 10

Пилюгин Д.С.
НАРКОТИКИ И НАРКОТИЗМ – ГЛОБАЛЬНАЯ УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ЗДОРОВЬЮ НАСЕЛЕНИЯ 13

Пилюгина Т.В., Эрнст А.А.
ПРИЧИННАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ФОРМИРОВАНИЯ НАРКОЗАВИСИМОЙ ЛИЧНОСТИ 17

Помазан С.В.
ОБЩЕСТВЕННАЯ НРАВСТВЕННОСТЬ КАК ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ 23

Прохоров Л.А., Прохорова М.Л.
НОВЫЙ ПОДХОД ЗАКОНОДАТЕЛЯ К ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ НАРКОТИКОВ 29

Пуду Элиса
НАРКОСИТУАЦИЯ В МИРЕ: МАСШТАБЫ, ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАРКОБИЗНЕСА 35

Расцветаев С.А.
КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ ОТ НАРКОТИЗАЦИИ КАК РАЗНОВИДНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ НАРКОБЕЗОПАСНОСТИ 40

Сидоров А.А.
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОЛИГРАФА В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ И ОБЩЕСТВЕННОЙ НРАВСТВЕННОСТИ 44

Сильченко Е.В.
ПРЕСТУПНОЕ СООБЩЕСТВО (ПРЕСТУПНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ), СОЗДАВАЕМОЕ В ЦЕЛЯХ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ НЕЛЕГАЛЬНОГО НАРКОБИЗНЕСА, КАК СТРУКТУРНАЯ ОСНОВА ЕГО ФОРМИРОВАНИЯ 50

Скачко А.В.
ТРАНСФОРМАЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ПОДХОДОВ К КОНСТРУИРОВАНИЮ СОСТАВОВ КОНТРОБАНДЫ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ 55

Согомонов Д.К., Нальгиев Р.К.
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА КОНТРАБАНДУ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ 60
Согомонов Д.К., Сарычев В.В.
КОНТРАБАНДА В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ И КИТАЯ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ 70
Торосян Р.В.
УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, НАПРАВЛЕННЫЕ ПРОТИВ ОБЩЕСТВЕННОЙ НРАВСТВЕННОСТИ, СВЯЗАННЫЕ С АЗАРТНЫМИ ИГРАМИ В ЗАРУБЕЖНОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ 76

II Раздел:
«Правовые аспекты противодействия преступлениям против несовершеннолетних»

Мельников А.В.
К ВОПРОСУ О КРИМИНАЛИЗАЦИИ ДЕЯНИЙ В СФЕРЕ СЕКСУАЛЬНОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ 79
Никитина Л.В.
АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПОСЯГАТЕЛЬСТВАМ ПРОТИВ ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ЮВИНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ) 84
Серая А.Н.
КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАРКОПРЕСТУПЛЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ 91
Сидоренко Л.П.
УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ БОРЬБЫ С ПОЛОВЫМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ ПРОТИВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ 96
Чапурко Т.М., Дорошенко Г.С.
О ПРОБЛЕМАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ НА ЗАЩИТУ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ИХ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ И ПОЛОВОЙ СВОБОДЫ 101
Чапурко Т.М., Гаврильченко Л.К.
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ КАК СОСТАВНОЙ ЧАСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ 107

III Раздел:
«Правовое регулирование правоохранительной деятельности в сфере обеспечения законности, правопорядка, безопасности личности, общества и государства»

Белхороева Д.А.
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОВД ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ 114
Белхороева Д.А.
НАДЗОР КАК СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ 120
Иващенко Н.П.
ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ В СИСТЕМЕ РЕФОРМИРОВАНИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ 124
Ищенко Д.С.
ТЕКСТ КАК УЛИКА ИЛИ ОПРАВДАНИЕ: ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ПРИ РАССМОТРЕНИИ В СУДЕ ДЕЛ ПО ЗАЩИТЕ ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ 130
Кулиш М.В.
ПОЛНОМОЧИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В СФЕРЕ НАДЗОРА И КОНТРОЛЯ ЗА ОРГАНАМИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ. 134
Легостаев В.П.
ПРОБЛЕМЫ РАССМОТРЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В СУДАХ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ 140
Май Даг Биен
НРАВСТВЕННЫЕ НАЧАЛА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ВЬЕТНАМ 144
Максимов А.М.
СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАКОННОСТИ В СФЕРЕ РЫБОЛОВСТВА И ОХОТЫ 148
Мандрыкин А.С.
К ВОПРОСУ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ ПРИ НЕПРАВОМЕРНОМ ЗАВЛАДЕНИИ АВТОТРАНСПОРТНЫМ СРЕДСТВОМ 153

Мартынова Т.В.
ВОПРОСЫ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СВЕТЕ СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ДО 2020 ГОДА 157
Машлыкина О.В.
ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ НАПРАВЛЕНИЙ РАЗВИТИЯ БИОПОЛИТИК И КАК ФОРМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ 160
Медведева Э.А.
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРИВАТИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ: ОДНА ИЗ СОСТАВЛЯЮЩИХ СОБЛЮДЕНИЯ ЗАКОННОСТИ 166
Пехтерева З.А.
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОГОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА 171
Рамазанова Е.П.
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИВАТИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА УКРАИНЕ: ИХ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ПРАВОВАЯ СУЩНОСТЬ 176
Рябошапка О.Н.
АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГРАЖДАН В ПРОЦЕССЕ РЕАЛИЗАЦИИ ИХ ПРАВ НА ДОСТУП К НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ 183
Сафронов Д.А.
К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНЫХ АСПЕКТАХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 188
Уткин В.Н.
К ВОПРОСУ О КРИМИНОГЕННОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ МОЛОДЕЖНЫМИ ГРУППАМИ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ 190
Чапурко С.В.
ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ ПРИ ПРОТЕСТНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЯХ АВТОМОБИЛИСТОВ 194
Чапурко Я.Я.
К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОБЛЕМ НАЦИОНАЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ В РОССИИ 197

Шадрин С.М.
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ КАК ИСТОЧНИК НАСИЛЬСТВЕННЫХ КОНФЛИКТОВ И ВОПРОСОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ 200

IV Раздел:
«Совершенствование уголовной политики в сфере обеспечения иных социально-значимых интересов»

Антоненко М.Н.
СПЕЦИФИКА МЕДИЦИНСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И КЛАССИФИКАЦИЯ УПУЩЕНИЙ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ 207
Буз С.И.
К ВОПРОСУ О КОРЫСТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШЕННЫХ С ПРИМЕНЕНИЕМ НАСИЛИЯ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ 211
Волобуева К.В.
О СПЕЦИАЛЬНО-КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ ЖЕНСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В ЮЖНОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 215
Гигинейшвили М.Т., **Деметриус А.Ф.,**
СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА АПАРТЕИД 221
Губко И.В.
ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ НОВЕЛЛЫ В СФЕРЕ УСТАНОВЛЕНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УКЛОНЕНИЕ ОТ ОТБЫТИЯ УГОЛОВНОГО НАКАЗНИЯ И ИНЫХ МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА (ст. 314 УК РФ) 226
Дербок З.Г.
МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ХИЩЕНИЯ ПРЕДМЕТОВ, ИМЕЮЩИХ ОСОБУЮ ЦЕННОСТЬ 233
Джангуразов М.А.
УНИЧТОЖЕНИЕ ИЛИ ПОВРЕЖДЕНИЕ ИМУЩЕСТВА КАК СПОСОБ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ 239
Жинкин А.А.
ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ БОРЬБЫ С ТОРГОВЛЕЙ ЛЮДЬМИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В РОССИИ 246
Жинкина Е.Ю.
ПОНЯТИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ НОРМ ПРАВА: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ 254

Заянчковская Э.
ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ ОБ УГОЛОВНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОСНОВАХ НОВОГО ПОЛЬСКОГО УК 1997 Г. И ПРАКТИКЕ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ 265
Клегер Сандра
ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ МИРА В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ 270
Кузьмин А.В.
К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕКТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПОСЯГАЮЩИХ НА ЛИЧНОСТЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ВЛАСТИ И ЛИЦ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (ст.ст. 317, 318, 319 и 320 УК РФ) 275
Любичева Э.Н.
НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОПИСАНИЯ СОСТАВА УГОЛОВНО-НАКАЗУЕМОГО ХУЛИГАНСТВА 281
Малийкович О.
К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЕ ЛИЧНОСТИ ОТ ПРЕСТУПНЫХ И ИНЫХ ФОРМ ДЕЯНИЯ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ЖИЛИЩНЫХ ПРАВ 284
Мариненко В.Ю.
НЕКОТОРЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЦЕЛЕВОЕ РАСХОДОВАНИЕ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ И СРЕДСТВ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ВНЕБЮДЖЕТНЫХ ФОНДОВ 287
Ольшанский А.В.
АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ 295
Орели Дюборг
УРОВЕНЬ КОРРУПЦИИ В БЕЛЬГИИ И МЕРЫ БОРЬБЫ С НЕЙ 301
Панкратова О.В.
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ ИНВАЛИДОВ 305
Пилюгина Т.В., Сушкова И.А.
ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ 311
Пичкуренко А.А.
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ПО СОВОКУПНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ 318

Соболева А.А.
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА СЕМЬИ: НРАВСТВЕННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ РЕПРОДУКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ 326
Спирина С.Г.
ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ВНУТРЕННИХ И ВНЕШНИХ ФАКТОРОВ СКРЫТОЙ И СКРЫВАЕМОЙ ПРЕСТУПНОСТИ НА ФИНАНСОВУЮ УСТОЙЧИВОСТЬ ЭКОНОМИКИ 329
Точка А.В.
ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПОРЯДОК В СИСТЕМЕ ОБЪЕКТОВ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ 334
Сведения об авторах 339

I Раздел:
«Актуальные аспекты совершенствования уголовной политики в области обеспечения здоровья и общественной нравственности»

ОБЩАЯ ПРОФИЛАКТИКА НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ И ПОЛОВОЙ СВОБОДЫ ЛИЧНОСТИ

Гарбут Э.
Кубанский социально-экономический институт,
Краснодар, Россия

Аннотация: Вопросы уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности, в том числе и несовершеннолетних. И система мер общей профилактики предупреждения преступлений.

Ключевые слова: Уголовная политика, охрана здоровья личности, уголовная ответственность, преступление ,профилактика.

Abstract: Questions of criminal policy in the sphere of the prevention of crimes against sexual inviolability and a sexual personal freedom, including not the full age. And system of measures of the general prevention of the prevention of crimes.

Keywords: Criminal policy, personality health protection, criminal liability, crime, prevention.

Подход к преступности как социальному негативному явлению предполагает соответствующую стратегию борьбы с нею, главным направлением в которой является воздействие на причины, ее порождающие.

На сегодняшний день предупреждение преступности – главное направление деятельности государства и общества в борьбе с этим социальным негативным явлением. Если уголовное наказание оказывает влияние на преступность посредством воздействия на личность преступника, то меры предупреждения направлены на устранение или нейтрализацию причин и условий, порождающих преступность. Поэтому предупредительная деятельность по своему содержанию, масштабам мероприятий и количеству субъектов, участвующих в ней, значительно шире и богаче, чем практика применения уголовного наказания.

Политика в области предупреждения преступности должна быть основана на определенных принципах. Являясь особым видом деятельности в области социального управления, профилактика, как правило, не связана с причинением конкретным лицам лишений и правоограничений. Она на-

правлена на совершенствование общественных отношений, в недрах которых коренятся причины преступности.

Предупреждение преступности реализуется в функционировании единой, всеохватывающей системы профилактики преступлений, имеющей различные объекты воздействия; разные уровни, на которых оно осуществляется; субъекты-реализаторы возможностей системы; соответствующие возможностям формы, методы, технология профилактической работы, основанные на использовании как специальных, так и общесоциальных мер.

Иными словами, профилактика преступлений – это организованная и управляемая деятельность, а точнее – проявление системы в сочетании мер общесоциального и специально-криминологического характера. Справедливо отмечается, что «при всем значении административных и правовых мер, решающая роль в преодолении антиобщественных явлений принадлежит социальной профилактике, устранению тех конкретных экономических и социальных фактов, которые, так или иначе, поддерживают существование. В итоге эффективность профилактики преступлений зависит от уровня моральных, нравственных отклонений. Второй компонент социальной профилактики – правовая профилактика, направляемая на недопущение различных правонарушений, включает административно-правовую, гражданско-правовую и иные виды профилактики, в том числе – профилактику преступного поведения.

Уголовно-правовая профилактика – это система мер предупреждения преступлений, опирающаяся на возможности частной и общей превенции, основанная на применении или угрозе применения уголовного наказания, реализуемых в связи и по поводу совершения или подготовки преступлений. Специфика уголовно-правовой профилактики в том, что она чаще всего следует «за преступлением», направлена на недопущение рецидива или повторного совершения преступления. Объекты уголовно-правовой профилактики – лица, совершившие преступление или покушавшиеся на него, включая и осужденных, а также – адресаты общей превенции.

На третьем этапе профилактика осуществляется учреждениями уголовно-исполнительной системы. На заключительном этапе функционирует система административно-контрольной профилактики, субъекты которой – органы, осуществляющие административный надзор, надзор и профилактическую работу в отношении лиц, отбывших наказание и др.

Специальная криминологическая профилактика – это деятельность, направленная специально на недопущение преступлений. Она осуществляется как путем воздействия на причины и условия преступлений, так и на конкретных лиц (или определенные их категории), в отношении которых есть необходимость удержания их от совершения преступлений.

Мероприятия, составляющие криминологическую профилактику, в той их части, в какой они осуществляются правоохранительными органами

и общественными организациями, специально направленными на решение профилактических задач, составляет специальную профилактику1. В рамках специальной профилактики осуществляется оперативно-розыскная и оперативная охранительная профилактика.

С учетом специфики профилактики преступлений против личности, в том числе и насильственных половых преступлений осуществляется также виктимологическая профилактика, к которой относятся определения общей, индивидуальной и неотложной профилактики.

Соответственно общая виктимологическая профилактика – это система мер выявления и ликвидации связанных с личностью и поведением потерпевших причин преступлений и условий, способствующих их совершению, осуществляемых применительно к населению в целом и отдельным социальным группам, всей преступности и отдельным группам преступлений, в целях снижения и в конечном итоге ликвидации виктимности как массового социального явления.

Таким образом, предупреждение преступности – это деятельность государства и общества, направленная против преступности с целью удержания ее на минимально возможном уровне посредством воздействия на причины и условия, ее порождающие. По своему конкретному содержанию меры предупреждения классифицируются на экономические, социальные, идеологические, технические, организационные и правовые.

Экономические меры предупреждения преступности направлены на нейтрализацию криминогенных последствий функционирования экономической сферы и проявляют свое значение как на макроуровне (например, оздоровление экономики страны в целом; экономическая защита наименее обеспеченных слоев населения посредством введения научно обоснованного прожиточного минимума), так и на микроуровне (например, льготы и помощь конкретным лицам, находящимся в критической ситуации).

Социальные меры профилактики призваны оказывать позитивное воздействие на различные социальные институты: семья, коллективы, общественные организации.

Идеологические меры профилактики призваны формировать у членов общества морально-нравственное сознание на базе общечеловеческих ценностей, исправлять нравственные деформации у лиц с правонарушающим поведением с помощью индивидуально-воспитательной работы.

Особое место в предупреждении и в профилактике преступлений занимают органы внутренних дел, поскольку их оперативные аппараты имеют возможность осуществлять оперативно-розыскную профилактику, обеспеченную необходимой осведомительной информацией, полученной из специальных, в том числе конфиденциальных источников. Эффективных результатов в направлении предупреждения преступности против половой неприкосновенности можно достигнуть лишь при хорошо отлаженной системе действий в каждом органе внутренних дел, связанных с опера-

тивно-розыскной профилактикой рассматриваемых преступлений; Особое внимание необходимо уделять профилактической работе в учебных заведениях, направленной на привитие детям и подросткам правил поведения на улице и в общественных местах.

Литература

1.Сахаров А.Б. О личности преступника и причинах преступности в СССР. Москва:1961.С.112

2.Ли Д.А. Преступность как социальное явление. Москва: 1997. С.177.Жалинский А.Э. Специальное предупреждение преступлений в СССР. Львов, 1967, С.11; Криминология. Москва. 1968, С. 167-168.

3.Марцев А.Е. Уголовная ответственность и общее предупреждение преступлений. Омск, 1973, С. 41-42.

НАРКОТИКИ И НАРКОТИЗМ – ГЛОБАЛЬНАЯ УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ЗДОРОВЬЮ НАСЕЛЕНИЯ

Пилюгин Д.С.
Кубанский социально-экономический институт,
Краснодар, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются негативные социальные явления как наркомания, наркотизм и наркопреступность. Раскрыты их дефиниции. Приведен анализ потребления наркотиков, в том числе несовершеннолетних. Затронуты вопросы профилактики и предупреждения наркопреступности.

Ключевые слова. Наркомания, наркотизм, наркопреступность, предупреждение преступлений, уголовная ответственность

Abstract. The article considers the negative social phenomena as drug addiction and narcotism and narco-crimes. Disclosed their definitions. The analysis of consumption of drugs, including minors. Touched upon the issues of prevention and the prevention of drug trafficking.

The key words. Drug addiction and narcotism, drugs trafficking, prevention of crimes, criminal responsibility

Глобальной угрозой здоровью населения и национальной безопасности в нашей стране и во всем мире на рубеже XX–XXI вв. стали такие негативные социальные явления, как наркопреступность, наркотизм и наркомания. Если не принять самые решительные меры к нейтрализации этой угрозы, то в перспективе человечество может прекратить свое существование как биологический вид.

По мере расширения зарубежных контактов, в связи с изменениями социально-экономической ситуации в нашей стране, все более масштабные и тревожные ситуации приобретают проблемы, связанные с немедицинским потреблением и незаконным оборотом наркотиков, и, как следствие,

наркопреступностью. Пагубность наркомании как заболевания очевидна. С одной стороны, лицо, систематически потребляющее наркотические средства, психотропные вещества и их аналоги растительного или синтетического происхождения, причиняет реальный, непосредственный вред своему организму и опосредованный – своему потомству. С другой стороны, нарушаются нормы морали, так как общество осуждает и запрещает немедицинское потребление наркотиков, а значит, потребитель вступает в конфликт с обществом и государством. Наркотизм по своей правовой природе – явление общесоциальное, сущность которого состоит в приобщении к потреблению наркотиков отдельных групп населения.[1]

Наркомания, наркотизм и наркопреступность – взаимосвязанные, но самостоятельные негативные явления, принципиальные различия которых предполагают и дифференциацию мер борьбы с ними. Определим их правовую природу.

Наркома́ния (от греч. νάρκη /narkē/ — оцепенение, сон, и μᾰνία /mania/ — безумие, страсть, влечение.) — хроническое прогредиентное заболевание, вызванное употреблением наркотических веществ.[2] С точки зрения общепринятой социологии наркомания является одной из форм девиантного поведения, то есть поведения, отклоняющегося от общепринятых морально-нравственных норм. Среди причин возникновения и развития наркомании чаще всего называют особенности характера, психические и физические расстройства, влияние различных социальных факторов. [3]

Наркотизированное население не способно решать какие-либо общественно значимые задачи. Оно озабочено лишь своими проблемами, связанными с поиском наркотиков или средств на их приобретение. Эта категория граждан способна допустить любые нарушения правопорядка, коллективное и массовое девиантное поведение, ведущее к распаду социальной среды. В связи с чем, проблема массового незаконного потребления наркотических средств и распространенности наркомании стоит весьма остро. При этом требует пристального внимания со стороны государства проблема подростковой наркомании.

В силу психологических особенностей данная возрастная группа наиболее подвержена негативным воздействиям окружающей среды. Именно в возрасте 14-17 лет формируются основы социального поведения, способность противостоять негативному воздействию окружающей подростковой среды. В среднем по стране, среди потребляющих наркотики увеличивается доля малолетнего населения и женщин.

Врачи-наркологи утверждают, что если 3-4 года назад средний возраст юных наркоманов составлял 16-17 лет, то сегодня – 13-14 лет. Согласно данных здравоохранения, количество детей до 14 лет под наблюдением врачей-наркологов составляет 11,1%. Из числа, состоящих на диспансерном и профилактическом учете несовершеннолетних 67,8 % упот-

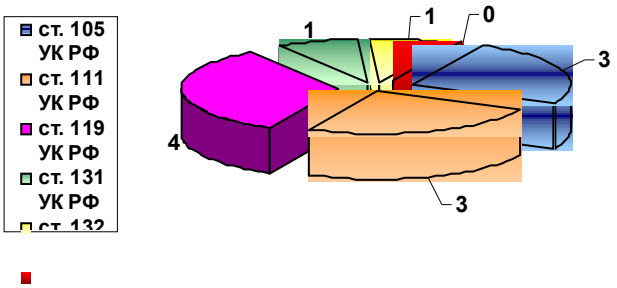
ребляют спиртные напитки, 18,7 % наркотические и 13,5 % токсические вещества. [4]

Социальный состав детей и подростков, употребляющих психоактивные вещества и состоящих на учете у врачей-наркологов, представляется следующим образом: учащиеся школ – 42,4 %, неорганизованные подростки – 22,3 %, учащиеся ССУЗов – 25,1%, работают – 8,4 % учетных несовершеннолетних, студенты 1 курсов ВУЗов составляют 1,8 %..

Предварительные результаты мониторинга наркоситуации в Российской Федерации показывают несоответствие количество наркозависимых лиц, состоящих на учёте фактическому числу наркопотребителей. Показатель распространенности наркомании остается высоким, и носит кризисный нестабильный характер. По данным органов здравоохранения за последние десять-двенадцать лет темп роста заболеваемости наркоманией, составляет 33,9 человек на 100 тыс. населения. При этом больше всего зарегистрированных как потребители наркотических средств в Южном Федеральном Округе, а львиная их доля приходится на Краснодарский край - 26,5%. Среднекраевой показатель составляет 807,4 человек на 100 тыс. населения. [5] Реально вызывает тревогу и увеличение числа женщин, употребляющих наркотические и психотропные препараты. Их количество возросло в 7 раз. Такая массовая наркозависимость становится угрожающей для нормального развития общества и пагубно влияет на демографические последствия.

В тоже время проблема массового незаконного потребления наркотических средств и распространенности наркомании напрямую связано с уровнем наркопреступности. Такая проблема весьма остро стоит и в Краснодарском крае. Результаты социологических исследований, проводимых по заданию администрации края, показали, что 77,2% опрошенных горожан считают проблему наркомании весьма по характеру острой (13,9% полагают, что она не столь остра, как о ней говорят; 7,0% думают, что эта проблема не так остра по сравнению с другими социальными проблемами и 1,9% респондентов затруднились ответить).[6]

Общее количество преступлений, совершенных в состоянии наркотического опьянения в сфере преступлений против жизни и здоровья человека в 2010 году.



Результаты проведённых исследований говорят о том, что далеко не всегда общественное мнение бывает компетентным. В России показатель наркопреступности более чем в три раза превышает уровень таких преступлений в мире. По данным правоохранительных органов в 2009 году в России было пресечено 238 тысяч наркопреступлений, привлечены к уголовной ответственности почти 120 тысяч человек. За последние 5 лет эта цифра превысила полмиллиона**.** "По заключению экспертов, одно наркопреступление в среднем порождает четыре других, не связанных с наркотиками, большей частью - насильственного характера. Каждое 12 преступление, совершенное в состоянии наркотического опьянения связано с преступлениями против жизни и здоровья человека - убийство (ст.105 УК), тяжкие телесные повреждения (ст.111 УК), угроза убийством (ст.119 УК), преступления сексуального характера (ст.131,132 УК), неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетних (156 УК).

Таким образом, пресеченные за год 238 тысяч наркопреступлений свидетельствуют о том, что этой наркопреступностью порожден еще 1 млн уголовных преступлений.

Такое положение, в свою очередь, говорит о необходимости акцентировать внимание силовых структур на создание концептуальной модели противодействия наркопреступности, наркотизму и наркомании. К сожалению, пока результаты работы всех правоохранительных органов по борьбе с наркопреступностью не соответствуют уровню наркоагрессии.

Понимая, что побороть наркоманию как явление невозможно, а это непрерывный терроризм против государства, против наших граждан, против молодежи, была сформирована новая государственная антинаркотическая политика, которая нашла свое отражение в разработанной Федеральной целевой программе "Комплексные меры противодействия злоупотреблению наркотиками и их незаконному обороту", рассчитанной до 2014 года.[7] Кроме того основные угрозы наркотической безопасности в целом нашли отражение в новой Стратегии национальной безопасности, а также Концепции долгосрочного социального экономического развития страны на период до 2020 года.[8] При этом индикаторами эффективности федеральной целевой программы должны стать два мониторинга – общероссийский и международный. Мониторинг необходим для выявления состояния процессов наркотизации населения и наркопреступности.

Борьба с наркопреступностью и лечение от наркомании это процесс по времени достаточно длительный. Но если все субъекты профилактики, в том числе и негосударственные на основании действующего законодательства вместе с повышением уровня лечения, реабилитации наркобольных будут решать задачи на основании комплексного подхода, то результаты с каждым годом будут улучшаться, что частично, и наблюдается в последнее время.

Таким образом, эффективность практической реализации антинаркотической функции требует от государства решения задачи ее адекватного законодательного обеспечения, развивать новаторские подходы, стимулировать дальнейшее взаимодействие и выполнять координирующую роль. Положительным моментом сегодняшнего состояния дел в сфере наркоборьбы является наличие в каждом субъекте РФ Межведомственных комиссий, 80 % программы их работы — это разработка и внедрение государственной политики в сфере профилактики наркотизации.

Литература:

1.Клименко Т. М. Проблемы противодействия наркопреступности, наркотизму и наркомании в Российской Федерации (вопросы теории и практики) _ Автореф. д.ю.н., Волгоград 2008

2.Наркомания: ситуация, тенденции и проблемы. – В сб. под общ. ред. М.Е. Поздняковой. М., 1999

3.Ролик А.И., Романова Л.И. Наркомания и наркотизм - острейшие проблемы мирового социума // Наркоконтроль. 2009. N 2. С. 8.

4.Фудельман Д.А.: Противодействие наркопреступности мерами профилактического характера - Челябинск, 2007

5.Аналитический сборник Минздрава России 2010 г

6.Егорышев С. В. Особенности социологического исследования проблем наркомании и наркопреступности / http://www.bashinform.ru/news/272039

7.Концепция Государственной антинаркотической политики Российской Федерации. // URL: http://fskn.gov.ru.

8.Вступительное слово Д.А. Медведева на заседании Совета Безопасности по вопросу "Совершенствование государственной политики в области борьбы с распространением наркотиков" 08.09.2009 // URL: http://www.scrf.gov.ru/news/471.html.

ПРИЧИННАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ФОРМИРОВАНИЯ НАРКОЗАВИСИМОЙ ЛИЧНОСТИ

Эрнст А.А.
Goethe-Universität Frankfurt am Main
Германия
Пилюгина Т.В., к.ю.н., доцент
Кубанский социально-экономический институт,
Краснодар, Россия

Аннотация: статья рассматривает вопросы исследования процесса детерминации личности употребляющей наркотические средства, поиска оптимальных мер профилактики наркотизма, в том числе и средствами уголовно-правового и криминологического характера. Масштабы и темпы наркотизма сегодня таковы, что если наркотизму в самом ближайшем будущем не будет поставлен надежный и поистине эффективный заслон, то через каких-то 10-15 лет данная проблема обернется для российского общества национальной трагедией.

Ключевые слова: наркотики, личность, наркотическая зависимость, профилактика, уголовная ответственность.

Abstract: The article considers the issues of the research of the process of determination of the individual taking the drugs, the search for the best measures of prevention drug usape, including means of criminal law and criminal science of the nature. The magnitude and rate of drug usape today are such that if drug usape in the near future will not put a reliable and truly effective barrier, then after some 10-15 years the problem will lead to the Russian society of the national tragedy.

Keywords: Drugs, personality, drug addiction, prevention, criminal responsibility.

Преступность, как и другие социальные феномены, есть порождение общества, социальных отношений, условий бытия и существенно зависит от них. В настоящее время, проникая во все сферы жизнедеятельности общества, преступность обрела масштабы, которые без преувеличения позволяют отнести её к одной из угроз национальной безопасности России. В этой связи резко повышается значимость исследования процесса детерминации данного явления, поиска оптимальных мер его профилактики, в том числе и средствами уголовно-правового и криминологического характера. Девиантность социума проявляется через отклоняющееся поведение – деятельность не соответствующую установившимся в данном обществе социальным нормам. [1] Вычленение в исследовании генетического аспекта позволяет понять процесс взаимодействия экономических, социальных условий жизни людей как причин, с одной стороны, и самой преступности как следствия, с другой.

Кризисное состояние экономики; ослабление со стороны государства социальной защиты населения, что породило рост безработицы, особенно среди молодежи, и как следствие – неуверенность в своем будущем, те условия и причины, которые породили порочное социальное явление – наркотизм. Масштабы и темпы которого сегодня таковы, что если в самом ближайшем будущем им не будет поставлен надежный и поистине эффективный заслон, то через каких-то 10-15 лет данная проблема обернется для российского общества национальной трагедией. [2] Ведь по данным правоохранительных органов и органов здравоохранения, в 2009 г. общее количество граждан России, регулярно употребляющих наркотики, превысило 2,5 млн. человек.

Таким образом, согласно данных статистики, в России положение дел в сфере незаконного оборота наркотиков в последние годы продолжает оставаться достаточно сложным, особенно в ее отдельных регионах, а это поставило наше общество перед выбором – или мы найдем средства его обуздания или должны потерять уважение к самим себе.[3]

Вопросы борьбы с наркотизмом, наркоманией и связанными с ними преступлениями нашли достаточно широкое освещение в юридической ли-

тературе. Научной разработкой проблемы борьбы с незаконным оборотом наркотиков занимались известные ученые и практики: Ю.М. Антонян, Ю.Н. Аргунова, Т.А. Боголюбова, А.А. Габиани, Р.М. Готлиб, А.И. Гуров, А.И. Долгова, Г.Н. Драган, Б.Ф. Калачев, И.И. Карпец, Т.М. Клименко, В.Н. Кудрявцев, Н.Ф. Кузнецова, Г.М. Меретуков, Г.М. Миньковский, В.И. Омигов, Э.Ф. Побегайло, Л.А. Прохоров, М.Л. Прохорова, В.П. Ревин, Л.И. Романова, Т.Н. Фокин, Б.П. Целинский, работы которых внесли неоценимый вклад в научно обоснованный подход к совершенствованию антинаркотического законодательства, повышение эффективности борьбы с распространением незаконного оборота наркотиков и наркомании. С момента написания этих работ существенно изменились уголовно-правовые нормы направленные на борьбу с наркотизмом, изменилась и сама наркоситуация, проблемы которой многогранны. Сама жизнь современного социума обозначила необходимость дальнейшего совершенствования правовой базы для регулирования наркопроцессов в обществе. Решение этой задачи невозможно без знания социально-психологической специфики преступной среды, а также понимания таковой как целостного социального явления.

Использование на протяжении тысячелетий наркотических веществ в мире мгновенно повлекло за собой массу негативных явлений в социуме, человечество столкнулось с проблемой разрушительного воздействия физического и нравственного распада общества. Здоровье населения, важно и в социальном, и в экономическом, и в политическом плане для государства. Покушение на это благо, в первую очередь, бьет, конечно же, по конкретному человеку, однако, складываясь из множества отдельных фактов нарушений этого блага, в геометрической прогрессии бьет по интересам государства в целом. Попадание в зависимость от «смертного зелья» человек деградирует как личность. Наркозависимость, проявившаяся как антиобщественная направленность, отражающая совокупность негативных социально-значимых свойств, влияющих в сочетании с внешними условиями и обстоятельствами на характер преступного поведения, сегодня поражает практически все слои общества. Деградация и разложение изнутри дошли до своей критической отметки. [4]

Совершенно очевидно, что социальная дестабилизация вызывает всплеск девиантности, обостряет крайние (маргинальные) формы ее проявления. В одних случаях причина антиобщественного поведения заключена в личности, совершившей преступление, в условиях её неблагоприятного воспитания и формирования, в других — она коренится в обстоятельствах непосредственной ситуации, в которой было совершено преступление.

Отвечая на вопрос, что главным образом детерминирует в настоящее время девиантное поведение, преступность как его тяжелейшую разновидность и социальную аномалию в целом, можно с уверенностью сказать, что

это те изменения в социальных отношениях общества, которые получили отражение в понятии “маргинализация”, то есть неустойчивость, “промежуточность”, “переходность”. Главным признаком маргинализации является разрыв социальных связей, причем в классическом случае последовательно рвутся экономические, социальные и духовные связи. Отсутствие духовной насыщенности, культурного и интеллектуального развития зачастую оказываются детерминантами распространения наркобизнеса и злоупотребления наркотиками.

В современном обществе коммуникативные каналы информации: книги, газеты, теле-, радиовещание, глобальная информационная система Интернет - те средства массовой информации, из которых население черпает знания, подчас крайне искаженные, о наркотиках, способах и последствиях их употребления, навыках наркобизнеса. При этом информация о вреде наркотиков, неполноценна: в основе ее лежит недостаточно наглядное утверждение о том, что, начав потреблять наркотики, можно «заболеть» или «умереть». Согласно исследованиям, проведенным ВНИИ и Управлением ФСКН Российской Федерации по Краснодарскому краю, то или иное представление о наркотиках по телевидению получили 59,2% опрошенных молодых людей, из публикаций в прессе, видеофильмов, программ радиовещания соответственно 32,7 и 32,3%, книг и брошюр - 14,8%, кинофильмов, просматриваемых в кинотеатрах, - 9,4%.[5]

Думается привлечение средствами массовой информации внимания к данному социальному явлению без нравственной его оценки и невозможность по этой причине сформировать у граждан, в том числе и у молодежи, твердую отрицательную позицию по отношению к нему, играет негативную роль.

Хорошо известно, как трудно бороться с пьянством и алкоголизмом. Но ведь они развиваются постепенно, в течение довольно длительного периода. При этом многие индивиды так и остаются на стадии «культурного» потребления алкоголя. При наркомании же стадия «культурного потребления» наркотика невозможна. Зависимость личности от психоактивных веществ не может не влиять на ее ценностные ориентации, мотивационную структуру, общение, систему взаимоотношений с окружающими. Очевидно, что такое формирование проходит в обществе в конкретных социальных группах, поэтому является специфической гранью общего процесса социализации и логичным с точки зрения социально-психологических закономерностей. При этом в структуре криминогенных факторов отдается предпочтение негативным сдвигам в сознании и психике личности, вызывающим преступное поведение, формирующееся, как правило, в общении, несущее на себе отпечаток межличностных, групповых и межгрупповых взаимодействий.[6] Наркотики обладают способностью проникать в любые социальные «щели», использовать любые пути – аналогия цепным реакци-

ям, хорошо изученным физической химией (горение, взрыв), или же механизму распространения инфекций.

По мере закрепления наркоманизации в качестве способа удовлетворения актуальных потребностей система порождаемых наркосредством личностных смыслов приобретает стабильность, ригидность, устойчивость, превращаясь в систему специфических установок личности. Нарушения когнитивных процессов, низкий уровень внутреннего контроля затрудняет отказ от употребления наркотиков.[7] При этом снижения социальной адаптированности является утрата личностью смыслообразующих ценностей жизни, которые начинают реализовываться искусственным образом, что приводит к существенным изменениям исходных (реальных) ценностей. В процессе потребления наркотических средств, исходные ценности превращаются лишь в понимаемые, но не переживаемые. Смыслообразующие ценности и мотивы наркозависимой личности сосредотачиваются преимущественно на внедеятелъностных ценностях наркоопъянения.. [8] Наркозависимая личность, по нашим наблюдениям, довольствуется лишь более или менее развернутым изображением реальной деятельности, сосредотачивая главное внимание на субъективных эмоциональных переживаниях, обычно сопровождающих предметную деятельность.

Анализ наркозависимой личности с позиции социально-психологического подхода связан с личностными факторами, являющимися пусковым механизмом начала употребления наркотиков и последующего злоупотребления ими, выделяются индивидуальная дисгармоничность, наследственная генетическая дефицитарность, врожденные аномалии характера, проявляющиеся в виде негативных аффективных и поведенческих расстройств. Наркозависимость является результатом конфликта, разворачивающегося по поводу распространенных в обществе способов удовлетворения потребностей. Борьба за более приемлемые для индивида способы удовлетворения потребностей порождает, с одной стороны, людей, не обладающих достаточными средствами для стандартных способов удовлетворения потребностей, с другой – людей, отвергающих сложившиеся способы удовлетворения потребностей. Последнее, заставляет индивидов двигаться по пути таких способов удовлетворения потребностей, которые, по предположению самих же потребителей наркотиков, делают их менее зависимыми от общества. Как справедливо пишет Р. Дарендорф, молодые люди стали нетерпеливы, время «отложенного удовлетворения» потребностей, накопления и ожидания прошло. Иллюзия освободить себя от личностной, духовной, правовой зависимостей, толкает их в объятия вещной зависимости, что, в конечном счете, делает их подвластными сообществу, которому выгодно культивирование наркозависимости. Практика показывает, что хотя негативное явление - наркомания и связано с улицей, бытом и досугом, в какой - то мере с местом работы и учебы, берет свое начало в семье и в ней проявляется наиболее активно.[9] Поскольку

семья служит институтом социального контроля со дня рождения человека, «лепит» ребенка по образу и подобию родителей, влияет на формирование свойств личности, постольку и семейное воспитание по значимости своей роли превосходит все другие свойства.

На наш взгляд моральная и психологическая обстановка в семье, культурный, образовательный и профессиональный уровень родителей, круг их интересов, специфика организации семейного досуга - вот неполный перечень факторов, влияющих на формирование личности ребенка и, как следствие, его отношения к наркомании.

В современной России всё чаще наблюдаются попытки объяснения детерминизма наркобизнеса и наркомании с помощью зарубежных теоретических воззрений. Однако ни одна из социально-экономических теорий в отвлеченном от других детерминант виде не способна объяснить истоки механизма развития незаконного оборота наркотиков и злоупотребления ими. Ведь для каждой страны характерны индивидуальные особенности развития общества. Проблема наркомании в нашей стране представляет собой сложное, широкомасштабное, социально опасное явление, имеющее тенденцию к росту. Подлинное избавление от наркозависимости возможно только при условии разрушения пронаркотических установок. Высокий самоконтроль и ответственность за себя рассматриваются как важнейшее условие, препятствующее наркотизму.[10]

Практика последних двух лет показывает, что шаги только по одной линии не приносят желательного результата. Не следует надеяться, что можно добиться реального эффекта только лишь благодаря усилиям отдельных лиц или общественных структур. Основной акцент должен ставиться на профилактические, превентивные меры. Не ограничиваться единичными учреждениями, а создавать сеть реабилитационных центров. Разрабатывать собственные методики лечения и возвращения людей к нормальной социальной жизни. Должна, наконец, в полную силу заработать Правительственная комиссия по противодействию злоупотреблению наркотическими средствами и их обороту. Ситуация с наркоманией в стране - острая. И отвечать на нее мы должны квалифицированно и предельно оперативно.

Литература

1.Гилинский, Я.И. Девиантность, преступность, социальный контроль / Я.И. Гилинский. - СПб, 2004. С. 11.

2.Преступность в России начала XXI века и реагирование на нее М. 2006

3.Статкус В.Ф. Раскрытие преступлений - важнейшее средство борьбы с преступностью \\Государство и право 1998, № 4

4.Прохорова М.Л. Профилактика наркотизма: (проблемы теории и практики) Краснодар, 2003

5.Статистические данные ГУВД Краснодарского края

6.Кузнецова Н.Ф. Проблемы криминологической детерминации. М., 1984.

7.Петровский В.А. Психология неадаптивной активности /Российский открытый университет. М.: ТОО "Горбунок", 1992.

8.Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ: Учеб. пособие / Под ред. А.Н. Сергеева. М., 2000. С. 236-237.

9.Абельцев С. Семейные конфликты и преступления / С. Абельцев // Российская юстиция. - 1999. - №5. - С. 6.

10.Психологические особенности наркоманов периода взросления (опыт комплексного экспериментально-психологического исследования) /Березин С.В., Лисецкий К.С. Самара: "Самарский университет", 1998.

ОБЩЕСТВЕННАЯ НРАВСТВЕННОСТЬ КАК ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

Помазан С.В., к.ю.н.
Южный институт менеджмента
Краснодар, Россия

Аннотация: рассмотрены основные и специфические черты общественной нравственности как объекта уголовно-правовой охраны. Проведен анализ особенностей объекта преступлений, предусмотренных ст. 240-245 УК РФ. Дано понятие преступных посягательств, на общественную нравственность.

Ключевые слова: нормы морали, общественная нравственность, объект преступления, нравственное развитие, культурное наследие.

Abstract: the basic and specific features of public morality as the object of criminal law protection. The analysis of the characteristics of the object crimes under Art. 240-245 of the Criminal Code. Given the notion of criminal attacks on public morality is given.

Keywords: morality, social morality, the object of a crime, moral development, cultural heritage.

Во все времена и у всех народов падение общественной нравственности вызывало опасения, лучшие умы человечества высказывали по этому вопросу суждения принципиальной важности, все религии мира проблемам морали уделяли самое пристальное внимание. Несмотря на исторические, классовые, национальные, религиозные различия нравственных принципов и норм, оказалось, что суть их принимается подавляющим большинством людей на протяжении столетий у разных народов и принимается в качестве моральных абсолютов или императивов.

Мерилом нравственных норм у индивидуума и у какой-либо общественной группы является степень компромисса между моралью и возможными способами достижения групповых или индивидуальных целей. Поэтому необходимо учитывать многие факторы, влияющие на отрицание и отклонения от норм. Среди этих факторов не только принадлежность к социальной группе, но и конкретные обстоятельства места, действия, а также особенности индивидуальной и социальной психологии.

Нравственность индивидуальна и субъективна. Однако мы способны так или иначе опознавать нравственно близких нам людей, ощущать нравственную общность в каких-то основных, самых важных нормах. Это и дает основание говорить о возможности существования больших социальных групп, придерживающихся сходных нравственных норм. Очень важно научиться осознавать свои нравственные нормы, уметь ими управлять и - самое главное - отличать нежелательное влияние на нравственность от влияния благотворного.

Распавшаяся общность, например, государство может собраться как целое, если нравственный код большинства общества не разрушен. Тогда люди будут узнавать друг друга по совпадению нравственного кода. Если же нравственное ядро страны, народа, цивилизации разрушено основательно, то за этим последует распад этой общности. Распавшиеся части перестанут узнавать друг друга и ощущать себя едиными, сообщниками. Самое главное - нравственная близость перестанет скреплять эту общность, и при любом насилии извне она разрушится.

Нормы морали (нравственности) - это правила общего характера, основанные на представлениях людей о добре и зле, достоинстве, чести, справедливости и т.д., служащие регулятором и мерилом оценки деятельности индивидов, организаций. Нравственные нормы - это внешние регуляторы поведения людей. Если индивид усвоил эти внешние требования и руководствуется ими, то они становятся его внутренним моральным регулятором в отношениях с другими людьми. Следовательно, здесь имеет место согласованное действие обоих регуляторов - морального и нравственного.

Общественное назначение нравственности подчеркивал выдающийся русский философ В.С. Соловьев: "Само нравственное начало предписывает нам заботиться об общем благе, так как без этого заботы о личной нравственности становятся эгоистичными, т.е. безнравственными. Заповедь нравственного совершенства дана нам раз и навсегда в Слове Божьем и дана, конечно, не для того, чтобы мы ее твердили, как попугаи, или разбавляли собственною болтовнею, а для того, чтобы мы делали что-нибудь для осуществления в той среде, в которой мы живем, т.е., другими словами, нравственный принцип непременно должен воплощаться в общественной деятельности"[1]. Нравственность — это исторически сложившаяся система неписаных законов, основная ценностная форма общественного сознания, в которой находят отражение общепринятые нормативы и оценки человеческих поступков. Соблюдение нравственных норм является залогом общественного благополучия. Более того, одним из необходимых и обязательных компонентов нормального функционирования любого государства является общественная нравственность.

Наличие в действующем законодательстве уголовно-правовых норм об ответственности за преступления против общественной нравственности

вызвано важностью тех общественных отношений, которым эти посягательства причиняют ущерб и необходимостью вести борьбу с ними путем уголовной репрессии. Отсюда следует вывод, что уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за посягательства на общественную нравственность, в настоящее время социально обусловлены.

В уголовном законодательстве России к преступлениям, посягающим на общественную нравственность относят деяния, предусмотренные ст. 240-245 УК РФ: ст. 240 "Вовлечение в занятие проституцией", ст. 241 "Организация занятия проституцией", ст. 242 "Незаконное распространение порнографических материалов или предметов", ст. 242-1 "Изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних", ст. 243 "Уничтожение или повреждение памятников истории и культуры", ст. 244 "Надругательство над телами умерших и местами их захоронения", ст. 245 "Жестокое обращение с животными". Несмотря на усилия законодательных, правоохранительных органов по совершенствованию борьбы с данной категорией преступлений (внесение изменений в уголовное законодательство и др.), многие проблемы в данной области остались неразрешенными. Указанные преступления представляют явную опасность, касающуюся всего общества, самих основ его существования. В период 2005-2009 гг. в России было зарегистрировано следующее количество указанных преступлений: ст. 240 УК - 900; ст. 241 УК - 2 777; ст. 242 УК -6 539; ст. 242-1 УК - 84; ст. 243 УК - 346; ст. 244 УК - 5 991; ст. 245 УК - 2 679.

Существует немало определений общественной нравственности в контексте определения объекта преступлений, посягающих на нее. Так, А.В. Наумов определяет общественную нравственность как принципы и нормы поведения людей в обществе, выражающие представления о добре и зле, справедливости, общественном долге, гражданственности и т.п.[2]. Однако все вышеперечисленные категории: честь, долг, справедливость, добро, охватываются одним понятием - общечеловеческие ценности. Поэтому, на наш взгляд, более широким и одновременно более точным будет следующее определение общественной нравственности: общественная нравственность - это совокупность общественных отношений, обеспечивающих сохранение общечеловеческих ценностей, сложившихся в обществе.

Определение объекта посягательства предоставляет возможность определить юридическую природу конкретного преступления. Общепринято, что объект преступления - это общественные отношения, охраняемые уголовным законом, на которые направлено конкретное посягательство и которым преступлением причиняется вред либо создается реальная угроза причинения вреда.

Все посягательства на общественную нравственность можно подразделить на виды: а) аморальный проступок; б) административное правона-

рушение; в) преступление. Они различаются между собой по тяжести нарушений общественных отношений, являющихся содержанием общественной нравственности. Тяжесть таких нарушений зависит от многих объективных и субъективных факторов: специфики нарушаемых отношений, серьезности последствий, способа, места, времени нарушения, формы вины, характера мотивов и целей, личности нарушителя и т.п. Критерий для разграничения посягательств на общественную нравственность усматривается также в содержании, особенностях и видах нарушаемых социальных норм, регулирующих и охраняющих общественную нравственность. В основу разграничения анализируемых посягательств положен и характер применяемых санкций, то есть характер ответственности виновных. Такая ответственность может быть различной – моральной или юридической.

Преступления, посягающие на общественную нравственность (ст. 240-245 УК) расположены в главе 25 УК РФ "Преступления против здоровья населения и общественной нравственности". Глава 25 входит в раздел IX кодекса, который имеет название "Преступления против общественной безопасности и общественного порядка".

Согласно ст. 1 Закона Российской Федерации от 5 марта 1992 г. «О безопасности» безопасность - это состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. К жизненно важным интересам относятся потребности людей, удовлетворение которых обеспечивает существование и создает возможности для всестороннего развития личности, формирования такого общества и государства, для которых человек и гражданин являются высшей ценностью.

Определяя видовой объект преступлений, указанных в ст. 240-245 УК РФ, следует разобраться в том, что составляет содержание общественного отношения. В юридической литературе общепризнанно, что в состав любого общественного отношения входят его субъекты (участники отношения). Субъектами рассматриваемых общественных отношений являются, с одной стороны, общество в лице государства и его органов, а с другой - граждане, на которых возложены определенные обязанности по соблюдению правил социального поведения, социального общения.

Социальная связь между субъектами общественных отношений основывается на взаимодействии между ними, основанном на строгом выполнении правовых норм, которые устанавливаются одним из этих субъектов - государством. Социальная связь в отношениях в сфере общественной нравственности представляет собой определенный защитный механизм интересов общества и граждан от аморальных, административно наказуемых и уголовно наказуемых деяний. Разрушительные, поражающие их свойства вызывают необходимость особой деятельности по предупреждению и устранению возможности причинения вреда этими деяниями.

Механизм преступного посягательства на охраняемые законом общественные отношения, в сфере общественной нравственности, заключается в том, что один из названных субъектов (гражданин) не исполняет или ненадлежащим образом исполняет установленные для него обязанности по соблюдению общепринятых правил нравственного поведения и тем самым разрывает охраняемую законом социальную связь, исключает себя из сферы охраняемых уголовным законом отношений. Именно путем посягательства на этот защитный механизм, эту социальную связь и причиняется ущерб отношениям в сфере общественной нравственности как видовому объекту данных преступлений.

При совершении посягательств на общественную нравственность нарушается налаженность нормальной нравственной жизнедеятельности общества, происходит дезорганизация его нравственных отношений и в то же время причиняется определенный вред его субъективной стороне, индивидуальному сознанию, душевному состоянию людей как субъектов общественных отношений. Это может касаться как небольшой группы людей, так и более широкой пространственной сферы микрорайона, отдельной местности, например, при разрушении памятников истории и культуры, массовом уничтожении и повреждении мест захоронения.

Преступления, предусмотренные ст. 240-245 УК РФ посягают не только на общественную нравственность, дополнительными объектами этих преступлений, выступают честь и достоинство личности, здоровье, собственность. Они дополняют основной объект указанных преступлений, указывают на обширность нарушаемых общественных отношений, способствуют уяснению сущности этого преступления.

Глава 25 УК РФ объединяет уголовно-правовые нормы об ответственности за преступления против здоровья населения (ст. 228-239) и общественной нравственности (ст. 240-245). Анализ общественной нравственности как объекта уголовно-правовой охраны в полной мере невозможен без определения непосредственного объекта каждого преступления, посягающего на общественную нравственность, определения дополнительных (факультативных) объектов.

Так, непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 240 УК, на наш взгляд, является общественная нравственность в сфере половой жизни. Факультативным объектом может выступать здоровье человека, его честь и достоинство, неприкосновенность личной жизни.

При определении объекта преступного посягательства, предусмотренного ст. 241 УК, по нашему мнению, необходимо учитывать, что организация занятия проституцией, а равно содержание притонов для занятия проституцией или систематическое предоставление помещений для занятия проституцией, наряду с посягательством на общественную нравственность, ставят под угрозу здоровье граждан в связи с распространением лицами, занимающимися проституцией, различных половых заболеваний и

ВИЧ-инфекции, представляющей особую опасность для здоровья и жизни населения. Поэтому непосредственным объектом ст. 241 УК является общественная нравственность в сфере половой жизни и здоровье населения. Факультативным объектом может выступать здоровье человека, честь и достоинство личности.

Объектом преступления, предусмотренного ст. 242 УК, на наш взгляд, является общественная нравственность в сфере половой жизни, духовное здоровье и развитие граждан.

Непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 242-1 УК, полагаем, следует считать общественную нравственность в сфере половой жизни, духовного здоровья и правильного психического развития детей, духовного здоровья взрослых лиц от угроз, возникающих в связи с изготовлением и оборотом предметов и материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних.

Непосредственным объектом ст. 243 УК являются нравственные отношения, обеспечивающие сохранение и правильное использование исторических и культурных ценностей прошлого, других объектов, предметов и документов, имеющих историческую и культурную ценность.

Объектом преступления, предусмотренного ст. 244 УК РФ, - общественная нравственность, предписывающая уважительное отношение к памяти умерших и местам погребения. Факультативным объектом могут выступать отношения собственности, расовое и религиозное равноправие.

Общественная нравственность в сфере гуманного обращения с животными является, на наш взгляд, непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ. Факультативным объектом могут выступать отношения собственности (если пострадавшее животное находится в чьей-то собственности).

Подводя итог рассмотрению общественной нравственности как объекта уголовно-правовой охраны, следует подчеркнуть следующие моменты: 1) общественная нравственность не охватывается такими понятиями, как «общественная безопасность» и «общественный порядок»; 2) на общественную нравственность посягают деяния, предусмотренные ст.ст. 240-245 УК РФ. В завершение, на наш взгляд, можно определить общее понятие преступных посягательств, на общественную нравственность следующим образом: общественно опасные, противоправные, умышленные деяния, причиняющие вред или создающие угрозу причинения вреда сложившимся этическим отношениям в обществе, а также личности, физическому и духовному здоровью, нравственному развитию граждан и культурному наследию.

Литература

1.Соловьев В.С. Сочинения: В 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 290 – 291.

2.Наумов А.В.Российское уголовное право. Курс лекций:в 3 т. Т. 3 Особенная часть / А.В. Наумов. – 4-е изд., перераб. и доп. –М.: Волтерс Клувер, 2007. С.92.

НОВЫЙ ПОДХОД ЗАКОНОДАТЕЛЯ К ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ НАРКОТИКОВ

Прохоров Л.А.
д.ю.н., профессор,
Заслуженный работник Высшей школы РФ, зав. кафедрой
административного права и правоохранительной деятельности
Кубанский социально-экономический институт
Прохорова М.Л.
д.ю.н., профессор, зав. кафедрой уголовного и уголовно-исполнительного
права Кубанского социально-экономического института
Краснодар, Россия

Аннотация. в статье представлен критический анализ подхода законодателя к дифференциации уголовной ответственности за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, отраженный в Федеральных законах от 27.12 2009 г. №377-ФЗ; от 6.05.2010 г. №81-ФЗ; от 19.05. 2010 г. № 87-ФЗ; от 7.12 2011г. № 420-ФЗ; от 1.03. 2012 г. № 18-ФЗ.

Ключевые слова: незаконный оборот наркотиков, противодействие наркотизму, уголовная репрессия, уголовная ответственность, дифференциация уголовной ответственности, новеллы уголовного закона

Abstract. The article presents a critical analysis of the approach законодате-La to the differentiation of the criminal responsibility for crimes related-wide trafficking in illicit drugs, as reflected in the Federal law from 27.12 2009. №377-FZ; of 6.05.2010 g. №81-FZ; from 19.05. 2010. № 87-FZ; from 7.12 2011. № 420-FZ; of 1.03. 2012. no. 18-FZ.

Key words: drug trafficking, combating drug, criminal repression, the criminal responsibility, the differentiation of the criminal responsibility, stories of the criminal law

Существенное осложнение ситуации в сфере противодействия наркотизму и наркомании в настоящие время вызывает особую озабоченность российского общества. Противодействие этому социальному бедствию в мировой практике объективируется в различные формы. В одних странах основной упор делается на предупредительную деятельность, на медико-реабилитационное воздействие в отношении к наркоманам. В других странах эта ситуация обусловливает усиление уголовной репрессии за незаконные действия с наркотиками. К этой группе стран следует отнести и Российскую Федерацию. Проблемам дифференциации уголовной ответственности за этот вид преступлений с уклоном на ее ужесточение законодатель только в 2009-2011 г.г. посвятил 4 Федеральных закона: от 27.12. 2009 г. № 377-ФЗ; от 6.05. 2010 г. № 81-ФЗ; от 19.05. 2010 г. № 87-ФЗ; от 7.12.

2011г. № 420-ФЗ. Кроме того, Федеральным законом от 1.03. 2012 г. № 18-ФЗ установлено беспрецедентное решение об усилении уголовной ответственности в рамках ст. 228 и 228^1 УК РФ, а также о введение в уголовный кодекс ст. 228^3 и ст. 228^4 УК. Все эти новеллы уголовного законодательства связаны с новым подходом законодателя к дифференциации уголовной ответственности за эти преступления.

Дифференциация уголовной ответственности за действия, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, как одно из основных направлений уголовно-правовой политики государства [1] - это законодательный процесс поиска величины, дозы государственного принуждения, адекватной характеру и степени общественной опасности этих действий, результаты которого объективируются в санкции уголовно-правовой нормы. Правильно построенная санкция уголовно-правовой нормы выполняет важнейшую функцию общего и индивидуального предупреждения преступлений [2]. Кроме этого, она создаёт необходимые предпосылки для последующей эффективной индивидуализации наказания за совершённое конкретное преступление. Подобная логическая цепочка составляющих ее элементов (законодательный и правоприменительный) дает положительный эффект только при их полной гармонии, т. е. законодатель в санкции объективно оценивает опасность соответствующих преступлений, а суд назначает справедливое наказание в соответствии с законом. При этом реальным показателем эффективности всей этой деятельности является количественно-качественные показатели и уровень рецидива конкретного вида преступлений. Следовательно, если количество преступлений соответствующего вида неудержимо возрастает, процент рецидива очень высок, несмотря на ужесточение законодателем санкции, то это, как представляется, свидетельствует об ущербности выработанной линии борьбы с этим видом преступлений. Причем эта ущербность связана либо с недостатками законодательного регулирования, либо неадекватности правоприменительной деятельности, а возможно, и того, и другого. В любом случае это уже позволяет говорить о наличии кризиса уголовного наказания как основного средства противодействия соответствующим преступлениям.

Охарактеризованная нами ситуации наиболее рельефно проявляется в сфере противодействия наркотизму как важнейшему направления уголовно-правовой политики в современный период жизни нашего государства. Согласно выводам экспертов, в мире насчитывается более 38 млн. проблемных наркоманов, то есть тех, кто систематически употребляет наркотики. В России количество потребителей наркотиков достигает 6 млн. человек[3]. По данным официальной статистики, большинство осужденных за наркопреступления составляют подростки и молодежь в возрасте до 30 лет (порядка 70%) [4]. 30% таких преступлений совершаются женщинами в возрасте от 25-65 лет. Особую тревогу вызывает то обстоятельство, что в

потребление наркотиков вовлекаются дети 11-13-летнего возраста. Например, Ю. создала группу для занятия сбытом героина, втянув в нее свою мать С. (67 лет), а также гражданок Г. и Л. В свою очередь, С. вовлекла в сбыт героина 13-летнюю внучку. Деяния С. были квалифицированы по совокупности ч.4 ст. 228 (в ред. до 2003 года) и ч. 4 ст. 150УК РФ [5].

В связи с этим в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. не зря отмечено, что «одними из главных угроз национальной безопасности в сфере здравоохранения и здоровья нации являются массовое распространение ВИЧ-инфекции, туберкулеза, *наркомании* и алкоголизма, повышение доступности психоактивных и психотропных веществ» [6]. Организация противодействия общества такой социально опасной болезни, как наркомания, рассматривается в названной Стратегии в качестве проблемы военно-политического и военно-стратегического характера.

Дальнейшее развитие и конкретизацию эти идеи получили в Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020года [7].

В целях усиления противодействия незаконному обороту наркотиков в 2003, а затем в 2009 и 2010 годах в ст. ст. 228-233 УК РФ были внесены изменения, направленные на совершенствование дифференциации уголовной ответственности за незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. Максимальное наказание за незаконные действия с наркотическими средствами, психотропными веществами или их аналогами без цели сбыта было установлено до 10 лет лишения свободы. Еще более суровые меры уголовной ответственности за эти деяния будут применяться с 1 января 2013 года.

Как видим, реальность угрозы массовой наркотизации и, следовательно, угрозы причинения вреда здоровью населения России, вполне очевидна [8]. Поэтому народное здоровье, т.е. такое состояние жизнедеятельности населения, при котором оно в целом способно выполнять биологические и социальные функции, можно рассматривать как один из главнейших жизненно важных интересов общества, а, следовательно, и как объект безопасности, подлежащий особой защите[9]. В данном случае речь идет о группе деяний, представляющих собой своего рода «самопреступление», когда лица совершают посягательство на своё собственное здоровье. Они для этого незаконно приобретают, хранят, перевозят, изготавливают, перерабатывают наркотические средства, психотропные вещества или их аналоги без цели сбыта для собственного потребления (ст.228, отчасти ст.231 УК РФ).

В структуре зарегистрированных наркопреступлений, как показали наши исследования, 47 % составляют действия с наркотиками, совершенные без цели сбыта для собственного потребления (ст. 228 УК РФ), 53 % - с целью сбыта (ст. 228.1 УК РФ). Среди пяти форм деяний, предусмотренных ч.

1 ст. 228 УК РФ, наибольший удельный вес среди зарегистрированных преступлений составляют две: незаконные *приобретение* и *хранение* без цели сбыта наркотических средств или психотропных веществ либо их аналогов в крупном размере[10]. Чаще всего, это сбор дикорастущей конопли с последующей переработкой. Например, К. 17 сентября 2010 года около 17 часов на правом берегу реки Сухой Лог в станице Тбилисской обнаружил несколько кустов дикорастущей конопли, сорвал верхушечные части растений, а также листья и спрятал в правый карман брюк. В этот же день он был задержан работниками милиции, и наркотическое вещество растительного происхождения массой 22,51 грамма у него было изъято. Тбилисской районный суд назначил ему наказание в виде одного года и шести месяцев ограничения свободы[11]. Аналогичное наказание Тбилисской районный суд назначил Д., который на пустыре в станице Тбилисской сорвал верхушечные части растений, а также листья дикорастущей конопли весом 17,02 грамма [12].

Уголовных дел, возбуждаемых за *изготовление* либо *переработку* наркотических средств или психотропных веществ, в судебной практике встречается значительно реже. Причем изготовление либо переработка совершаются, как правило, довольно примитивным способом. Например, Д., имея умысел на изготовление наркотического средства в особо крупном размере, у неустановленного лица приобрел пакет с семенами мака. В своей квартире, в целях экстрагирования морфина и кодеина, содержащихся в семенах мака, изготовил кустарным способом на газовой плите в кухонной комнате наркотическое средство – экстракт маковой соломы. После изготовления вышеуказанного средства он был задержан в названной квартире сотрудниками управления ФСНК по Краснодарскому краю. При осмотре кухонной комнаты было обнаружено и изъято наркотическое средство - экстракт маковой соломы массой 8,956, что согласно заключению эксперта № 26/430 от 15.06.2004 года является наркотическим средством и согласно постановлению Правительства РФ от 6.05.2004г. № 231 составляет особо крупный размер[13]/

На различных этапах развития уголовного законодательства России реакция законодателя на эти деяния была различна: а) либо полностью их криминализировали (УК РСФСР 1960 г. до 1989 г.); б) либо смягчали ответственность за приобретение, хранение без цели сбыта, но при этом за другие действия (незаконное изготовление, перевозку, пересылку наркотиков) уголовная ответственность не была дифференцирована и цель не имела значения для квалификации (УК РФ 1996 г); в) либо существенно ограничивали пределы ответственности за все виды незаконных действий с наркотиками при отсутствии цели сбыта (ст.228 УК РФ в редакции 2003 г.).

Последний этап законодательного регулирования уголовной ответственности за данные деяния связан с кардинальным изменением общест-

венной оценки наркотизма как негативного социального явления, *признания наркомании болезнью*, и в силу этого стремлением отграничить тяжкую болезнь от преступления. Отмеченное обстоятельство обусловило внесение в 2003 году корректив в дифференциацию уголовной ответственности за совершение этих взаимосвязанных, но качественно существенно отличающихся по степени общественной опасности деяний. Но, тем не менее, за эти «самопреступления» законодатель устанавливает уголовную ответственность, причем относит некоторые из них к категории тяжких преступлений (ч. 2 ст. 228 УК РФ). Таким образом, мы можем констатировать, что законодатель неуклонно придерживается карательной концепции, устанавливая достаточно суровые санкции. А тот факт, что это серьезное заболевание, которое медицина пока еще безуспешно пытается излечивать, отходит на второй план.

Второй показатель структуры наркопреступности составляют деяния, связанные с незаконным сбытом наркотиков (ст. 228.1 УК РФ). Эти преступления действительно представляют повышенную опасность для здоровья нации, и законодатель устанавливает максимальное наказание за их совершение в виде лишения свободы до двадцати лет.

Для нас представляет интерес, каким образом правоохранительные и правоприменительные органы реагируют на эти две группы преступлений, указанным образом оцененные законодателем. Эмпирическую базу составили материалы 301 уголовного дела, осужденные по которым подавали прошение о помиловании в комиссию по помилованию на территории Краснодарского края. Как мы уже отметили, 47% уголовных дел были возбуждены по ст. 228 УК РФ, а 53% - по ст. 228.1 УК РФ. За незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов *с целью сбыта* уголовное наказание назначалось следующим образом: 69% виновных лиц были приговорены к лишению свободы сроком от 4 до 7 лет; 31% - от 7 до 10 лет.

За незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов *без цели сбыта* уголовное наказание назначалось следующим образом: 50 % виновных лиц были приговорены к лишению свободы сроком на 1год; 7% - на 3-4 года; 20 % - к исправительным работам; 2 % - к лишению свободы условно с испытательным сроком; 21 % - к ограничению свободы. Необходимо подчеркнуть, что в 2010-2011 г.г. суды стали часто назначать ограничение свободы за эти преступления. Таким образом, суды довольно строго наказывали сбытчиков наркотиков даже при сбыте незначительных их объемов. В то же время за незаконное приобретение, хранение, перевозку, изготовление, переработку наркотиков без цели сбыта почти в половине случаев назначалось наказание без лишения свободы, в остальных случаях в пределах одного года лишения свободы. Это при условии, что законодатель установил максимальное наказание до 10 лет лишения свободы.

Резонно возникает вопрос, почему между волей законодателя и судебными решениями имеет место такая диспропорция? Мы видим в этой сложившейся ситуации следующую основную причину. Формально юридическая конструкция рассматриваемой уголовно-правовой нормы не соответствует объему общественной опасности деяния, за которые она устанавливает соответствующие пределы наказания. По уголовным делам, возбуждаемым по ст. 228 УК РФ, проходят лица, приобщенные к наркотикам, нередко уже признанные наркоманами, т. е. больные лица. Таких лиц необходимо лечить, а не наказывать, так как уголовное наказание в этих случаях объективно не может достичь своих целей. Назначаемое судом наказание должно быть по виду и мере таковым, чтобы обеспечить достижение его целей: а) восстановить социальную справедливость; б) исправить осужденного; б) сдержать осужденного от рецидива, а третьих лиц – от совершения соответствующего преступления. Поэтому, прежде всего, следует определить, в чем должно быть выражено в данном случае восстановление социальной справедливости. Далее, исправление наркомана карательными мерами не принесет должного результата. Для этого необходимы комплексные реабилитационные меры, постоянный медицинский и общественный контроль. Применительно к исследуемой проблеме совершенно справедливо более ста лет назад выдающийся криминалист Л.Е. Владимиров писал: «Общественная безопасность может быть обеспечена лишь живой, деятельной, тысячеглазой, всеведающей, никогда не засыпающей и, конечно, ответственной администрацией»[14].

Справедливости ради следует отметить, что законодатель сделал попытку в какой-то степени акцентировать внимание на лечение от наркомании и медико-социальную реабилитацию их. Федеральным законом от 7-12. 2011 г. № 420-ФЗ в систему Общей части введена ст. 82^1 УК РФ, предусматривающая отсрочку отбывания наказания больным наркоманией. Однако этот шаг законодателя не может смягчить репрессивный уклон нововведений в УК РФ и обоснованность решений об усилении уголовной ответственности.

Литература:

1.Васильевский А.В. Дифференциация уголовной ответственности и наказания в Общей части уголовного права: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2000; Чугаев А.П. Основы дифференциации ответственности и индивидуализации наказания. Краснодар, 1985; и др.

2.Марцев А.И. Уголовная ответственность и общее предупреждение преступлений. Омск, 1973.

3.Сайт «Нет наркотикам». 2009.

4.Преступность в РФ: Статистический сборник. М., 2007.

5.Архив Туапсинского городского суда Краснодарского края за 2004 год.

6.Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. (п.72) // Российская газета. 2009. 19 мая.

7.Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики РФ до 2020года» // Российская газета. 2010. 15 июня.

8.Данные Всемирного Конгресса антинаркотических сил // Информационно-аналитический бюллетень Национального Центрального Бюро Интерпола в России. 1999. Вып. 2 (28). С. 39.

9.Прохорова М.Л. Наркотизм: социально-психологические, криминологические и уголовно-правовые аспекты. Саратов, 2001. С. 120 – 121.

10.Гришко А. Я. О незаконном обороте наркотиков // Российский криминологический взгляд. 2005. № 3.С. 87 - 89.

11.Архив Тбилисского районного суда Краснодарского края за 2010 г.

12.Архив Тбилисского районного суда Краснодарского края за 2010 г.

13.Архив Советского суда г. Краснодара за 2003 год.

14.Владимиров Л.Е. Уголовный законодатель как воспитатель народа. М., 1903. С. 46.

НАРКОСИТУАЦИЯ В МИРЕ: МАСШТАБЫ, ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАРКОБИЗНЕСА

Пуду Элиса
Урбинский университет имени Карло Бо,
Урбина, Италия

Аннотация: транснационализация наркобизнеса, его наступательная стратегия на пороге двух тысячелетий во многом связаны с тем, что к традиционным причинам, порождающим это зло (бедность, политическая безысходность, социальная неустроенность, отчуждение миллионов людей), в 90-х годах добавились новые факторы, сопутствующие глобализации финансовой, банковской, торговой, технологической, информационной и других областей человеческой деятельности.

Ключевые слова: наркобизнес, наркоситуация, международный характер.

Abstract: Narcobusiness transnationalization, its offensive strategy on a threshold of two millennia are in many respects connected with that to the traditional reasons generating this evil (poverty, the political hopelessness, social disorder, alienation of millions people), were in the nineties added the new factors accompanying globalization of financial, bank, trading, technological, information and other areas of human activity.

Keywords: narcobusiness, narcosituation, international character.

Благодаря своему международному характеру и рыночной основе накробизнес быстрее, чем легальный бизнес, реагирует на эти изменения, используя глобализацию для расширения наркосети и экспансии по всем направлениям. В активе наркодельцов все преимущества теневой экономики – беспошлинность, бесконтрольность, концентрация огромных капита-

лов, сетевая международная структура организации корпоративного типа, которая охватывает основные звенья наркоиндустрии и связывает в единую глобальную сеть всех участников незаконного оборота наркотиков – производящие, потребляющие и обеспечивающие транзит наркогрузов страны. А специфический товар – наркотик благодаря запрету имеет самые высокие цены, определяемые не издержками производства, а спросом на наркорынке зависимого от него потребителя и от расстояния от него до места производства.

Наркоиндустрия является достаточно устойчивой из-за постоянного спроса и приносит немалые прибыли в связи с отсутствием сколько-нибудь серьезной конкуренции между организациями, занимающимися этим видом преступного бизнеса. Оборот мировой наркоиндустрии оценивается экспертами ООН примерно в 400 млрд. долларов в год, что составляет около 8% оборота всей международной торговли. Доклад ООН о положении с наркотиками в мире 1997 г. отмечает, что мировой оборот наркобизнеса в отдельные годы превышает оборот мирового рынка автомобилей или мирового рынка черных металлов. Одни только колумбийские картели, представленные более чем 500 компаний, в конце 90-х годов XX века извлекали из торговли наркотиками в США 20 млрд. долларов ежегодной прибыли. Для сравнения отметим, что суммарно национальные бюджеты Колумбии, Боливии и Перу составляли на тот момент лишь около 9 млрд. американских долларов ежегодно. Транснациональный размах преступной деятельности позволяет преступникам использовать каналы быстрого и относительно надежного аудио и видеоконтакта.

Так, наибольшее распространение получают случаи использования глобальной информационной сети Internet для заключения бесконтактных сделок. По сообщениям агентства Reuters, наркоторговцы и их клиенты все чаще заключают сделки в “ private-room” (закрытых комнатах) чат-каналов, защищенных от постороннего взгляда программно-аппаратными средствами. Отследить подобные сделки практически невозможно. Internet-аптеки выдают без рецепта психоактивные препараты. И, наконец, голландские и канадские компании через Internet торгуют по всему миру семенами каннабиса, травяным экстази, эфедрином. Использование мощной компьютерной техники, подключенной к международной банковской электронной сети, способствует распространению в международном масштабе процесса легализации преступных доходов. Все чаще наркодилеры “отмывают деньги” через Internet-банки.

Поскольку международный рынок наркотиков охватывает все регионы мира и практически каждую нацию, отмывание денег, полученных в результате торговли наркотиками, также приобрело транснациональный характер. Только в пределах Российской Федерации “отмывается” от 2 до 7 млрд. долларов наркоденег, эти средства затем фактически беспрепятственно перемещаются за рубеж. По заявлению официальных лиц Сингапу-

ра, с 1989 по 1992 г. наркоторговцами проведено через Сингапур около 100 миллионов долларов, которые направлялись через подпольный банк в Бахрейн и далее на счета Всемирного банка. В 1996 году в Сингапуре был наложен арест на средства организаций наркоторговцев в сумме, эквивалентной 20 миллионам долларов США. Оценка отмывания денег в Австралии составляет примерно 3,5 млрд. долларов ежегодно. Здесь, например, была раскрыта сеть по отмыванию более 20 миллионов долларов выручки от продажи героина в Нью-Йорке и конфисковано более 40 миллионов долларов из фондов преступного синдиката, торгующего каннабисом в Австралии, но находящегося в Гонконге.

Незаконный оборот наркотиков активно стимулирует и коррупцию, с помощью которой наркокартели и иные преступные группы, вовлеченные в процесс наркобизнеса, стремятся обезопасить свой бизнес и уйти от ответственности. Часть прибыли тратится на подкуп и получение необходимой информации. Ведется сбор сведений о коррумпированных чиновниках в правоохранительных органах и органах власти, данные о конъюнктуре рынка, о ценах на наркотики. Например, один из не самых крупных мексиканских картелей – Тиджуанский – тратит еженедельно 1 миллион долларов на взятки мексиканским судьям, прокурорам, полиции, армии, таможне. Генеральный прокурор Мексики признал, что 90% судей и прокуроров в Тиджуане “куплены” картелем. Одной из важнейших общемировых тенденций в развитии наркобизнеса также является его индустриализация. Незаконное производство наркотических средств приобретает характер хорошо налаженной индустрии. В зависимости от технологической сложности организации незаконных производств подпольные нарколаборатории можно условно подразделяются на кустарные, которые, как правило, обладают низкой производительностью и производство в которых осуществляется без сложных химических реакций, и промышленные, отличающиеся высокой производительностью и используемые для производства синтетических наркотиков посредством сложного химического синтеза.

В последние годы XX столетия наблюдалась тенденция к концентрации производства наркотических средств, укрупнение мощностей по производству наркотиков. Об этом свидетельствуют многочисленные факты обнаружения лабораторий-гигантов по производству кокаина. Так, согласно данным, опубликованным антинаркотической полицией Колумбии, в 1996 г. в Центральной Колумбии была обнаружена и уничтожена подпольная лаборатория-комплекс, охраняемая крупным вооруженным формированием. Она располагала несколькими взлетно-посадочными полосами, была оснащена современной системой оповещения и отличалась высоким уровнем организации производственного процесса. Ежегодная максимальная производительность этой лаборатории могла составлять приблизительно 350 т кокаина.

Стремительный рост и международная экспансия наркобизнеса, опутывающего своими сетями все новые и новые страны, явились важнейшим, но не определяющим фактором эволюции наркоситуации в современном мире. Все большее значение приобретает активное противодействие этому злу на международном и национальном уровне, осуществляемом на основе многочисленных программ, таких, как Программа ООН по международному контролю над наркотиками, Европейский план действий по борьбе с наркотиками (1995 – 1999), субрегиональная Программа по контролю над наркотиками в Юго-Восточной Азии, Межамериканская наркостратегия, антинарковойна и политика сертификации, проводимые США и многие другие. Немаловажную роль сыграло смягчение с окончанием периода “холодной войны” политических противоречий, и сотрудничество государств в сфере борьбы с наркобизнесом стало практически более осуществимым мероприятием. Например, еще недавно казались неосуществимыми программы сотрудничества, в которых участвовали бы одновременно Египет, Израиль, Иордания и Палестинская Автономия (между тем такая программа введена в феврале 1999 года) или сотрудничество Индии и Пакистана в вопросах борьбы с незаконным оборотом наркотиков (это сотрудничество под эгидой Управления по борьбе с наркотиками и профилактике преступности ООН началось в конце 1990-х годов).

В 1998 Генеральной Ассамблеей ООН была проведена специальная сессия по проблемам наркотиков, на которой были поставлены цели – вдвое сократить потребление наркотиков и существенно уменьшить их незаконное производство к 2008 году. В то время эти цели могли показаться недостижимыми, но опыт последних двух лет свидетельствует о том, что поиск путей эффективного контроля над наркобизнесом все-таки дает положительные результаты. Доклад о положении с наркотиками в мире за 2000 г. – работа базирующегося в Вене Управления ООН по борьбе с наркотиками и профилактике преступности – отмечает наиболее существенный прогресс в тенденции к сокращению производства двух главных проблемных наркотических веществ в мире - кокаина и героина. В докладе утверждается, что благодаря серьезному подходу со стороны большинства стран, являющихся основными производителями коки и опийного мака, эти растения возделываются сейчас в меньшем, чем когда-либо, числе стран. Пино Аларчи, исполнительный директор УБНПП, привел следующие факты, говорящие о положительных изменениях, произошедших на фронте борьбы с наркобизнесом:

- В 2000 году в Пакистане фактически прекратилось производство опийного мака, кроме того, после выполнения пятнадцатилетней программы уничтожена вся продукция.

- В Боливии за три года в соответствии с “Основным планом”, введенным в действие в 1997 году, на 78% сократились площади незаконного культивирования коки.

- Производство коки в Перу, резко возросшее в 1980-х годах, с 1992 года так же стремительно снижается с 50-процентным сокращением поставок кокаина на мировой рынок.

- За 18 месяцев, последовавших за соглашением, достигнутым между УБНПП и Президентом Лаоса, культивирование опиума в Лаосе, который является одним из трех основных мировых производителей, было сокращено на 30% .

- В 1990-х годах культивирование опийного мака во Вьетнаме сократилось на 90%.Производство опийного мака в Таиланде уменьшилось под жестким руководством короля страны, поддерживаемого местными социальными институтами и международным сообществом, в частности, Программой ООН по международному контролю над наркотиками и Управлением по борьбе с наркотиками и профилактике преступности

Площади, занятые посевами опийного мака достигли самого низкого уровня с 1988 г., т.е. в 1999 г. посевы опийного мака занимали площади, на 17% меньшие, чем в 1990 году. Площади, на которых культивируется кока, тоже достигли самого низкого уровня с 1987 года, и в 1999 году посевы коки занимали на 14% меньше посевных площадей, чем в 1990 году.
Снизилась доля незаконного наркопроизводства в экономике основных стран-производителей наркотиков. Даже в тех странах, где уровень производства наркотических веществ все-таки имеет высокие показатели, доля производства наркотиков в ВВП падает – в Колумбии она упала на 2,5%, после того как поднялась на 7% с середины 1980-х годов.

К концу последнего десятилетия потребление наркотиков в развитых странах стабилизировалось или снизилось; по сравнению с предыдущим десятилетием упало потребление кокаина в Северной Америке, стабилизировалось злоупотребление героином в Западной Европе.“Пришло время изменить наш взгляд на наркотики, - говорит исполнительный директор УБНПП Пино Арлачи. - Мировое сообщество должно отказаться от психологии отчаяния, охватившей умы поколения, и верить в то, что ничто не сможет вернуть нас назад и тем более ничто не заставит нас остановиться на достигнутом. Мы должны сосредоточиться на прагматическом, интегрированном, долгосрочном подходе к снижению спроса и предложения в отношении нелегальных наркотиков. Совместными усилиями мы действительно можем в течение восьми лет достичь двух целей – существенного сокращения спроса на наркотики и уничтожения производства коки и опийного мака”.

Таким образом, несмотря на все расширяющуюся экспансию наркобизнеса, многолетний опыт многих стран мира по поиску путей эффективного контроля над ним уже сейчас позволяет увидеть положительные результаты. И, возможно, в перспективе международное сообщество сможет закрепить первые успехи в борьбе с незаконным оборотом наркотиков и углубить положительные тенденции, прослеживающиеся на рубеже веков.

Литература

1.Директор ЦРУ о наркоторговле и глобальной безопасности / http://usinfo.state.gov

2.Комиссия ООН по наркотикам отмечает прогресс в борьбе с наркоманией // http://usinfo.state.gov

3.Уолш Дж. Контроль за исполнением законов в области нелегального оборота наркотических средств// Проблемы борьбы с организованной преступностью. М ., 1998.

4.The United Nation and Transnational Organized Crime, London, 1996.

5.World Drug Report. Oxford University Press. 1997.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ ОТ НАРКОТИЗАЦИИ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ НАРКОБЕЗОПАСНОСТИ

Расцветаев С.А.
аспирант Северо-Кавказской академии государственной службы
Краснодар, Россия

Аннотация: Автором предлагается взгляд на государственную политику наркобезопасности через оценку возможностей криминологической защиты населения от наркотизации и поиска путей обеспечения безопасности личности.

Ключевые слова: государственная политика; криминологическая политика; наркотизация; наркобезопасность.

Abstract: Author is offer a look to the public policy of narcosafety through the estimation of possibilities of criminology defence of population from наркотизации and search of ways of providing of safety of personality.

Keywords: public policy; criminology politics; narcosafety.

За последние двадцать лет общественные отношения, существующие в сфере контроля над наркотиками в Российской Федерации, как объект правоохраны и управления претерпели существенные изменения. Это было обусловлено рядом обстоятельств. С одной стороны, в 1993 году Верховным Советом Российской Федерации была утверждена Концепция государственной политики по контролю за наркотиками[1], был принят Федеральный закон «О наркотических средствах и психотропных веществах»[2], Указом Президента РФ «Вопросы совершенствования государственного управления в Российской Федерации»[3], а также был создан Государственный комитет Российской Федерации по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ.

С другой стороны прозрачность государственных границ, географическое положение России, удобное для транзита наркотических средств, способствуют лавинообразному росту контрабанды наркотических средств и психотропных веществ. По данным Управления ООН по наркотикам и

преступности[4] ежегодно в Россию поступает 627 тонн наркотиков, а изымается не более 4% от всей массы. Конвертируемость рубля и ряд других социально-экономических причин обусловили емкий внутренний рынок сбыта наркотиков, что повлекло рост числа потребителей и больных наркоманией.

По сведениям Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков и УНП ООН ежегодно в Российской Федерации умирают от передозировки наркотиков и иных вредных последствий употребления наркотических средств и психотропных веществ от 30 до 40 тысяч человек. Согласно экспертным оценкам, приведенным в обзоре ООН, процент российского населения, вовлеченного в злоупотребление опиатами, в 5-8 раз превышает соответствующий показатель в странах Европейского Союза. И если число лиц, находящихся под наблюдением наркологической службы, за период с 1992 по 2009 год выросло почти в 11,5 раз и составляет около 538 тысяч человек, то опыт употребления наркотиков в России имеют около 6 миллионов человек[5] (примерно 4% населения), находящихся под воздействием факторов наркотизации. По мнению экспертов ООН Критическая масса наркотизации населения в любом государстве, за которой следует полная деградация населения составляет 5%[6]. Учитывая, что более двух третей от всего числа наркопотребителей – это лица в возрасте до 30 лет, мы можем утверждать, что наркотики являются оружием селективного действия, направленного против будущего России.

Традиционно научные концепции обеспечения защиты интересов личности, общества и государства в рассматриваемой сфере строятся по двум основным направлениям. Во-первых, это исследования в области совершенствования и применения антинаркотического законодательства, включающего уголовное, уголовно-процессуальное, уголовно-исполнительное и административное. Во-вторых, развитие науки криминологии, когда криминологами рассматриваются причины и условия незаконного оборота, личность преступника, различные меры предупреждения такого оборота, связанные с воздействием на эти причины и личность, большое внимание уделяется виктимологическим аспектам работы с населением, антинаркотической пропаганде.

Названные выше направления играют существенную роль в развитии российской правовой науки, тем не менее, их практическое влияние на тенденции наркотизации и борьбу с преступностью, связанной с незаконным оборотом наркотиков, все же оказывается недостаточно эффективным. Исследования американских ученых показывают, что вкладываемые в борьбу с незаконным оборотом наркотиков средства не только не дают необходимой отдачи, но даже не могут приостановить негативной динамики распространения наркотиков и наркомании[7]. Основной причиной неэффективности является увеличивающийся спрос на наркотические средства и

психотропные вещества. А его повышение связано, прежде всего, с увеличением численности лиц, находящихся под воздействием факторов наркотизации.

Современная концепция антинаркотической политики строится на подходе, который заключается в балансе мер, направленных на предупреждение и пресечение незаконного предложения наркотиков и уменьшение спроса на них. Уменьшение спроса на них предполагается лишь за счет антинаркотической пропаганды и повышения эффективности лечения от наркомании. В то же время предполагается, что группы риска входят в состав населения, с которым организуется виктимологическая профилактика. И группу риска составляет основной «потенциальный объект» для распространителей наркотиков. Именно группа риска нуждается в оперативных мерах защиты, которые создают реальные преграды на пути предложений наркотических средств и обеспечивают защиту лиц от вовлечения в систематическое потребление наркотиков.

Не отказываясь от подхода, связанного с сокращением незаконного предложения наркотиков и уменьшением спроса на них, мы считаем необходимым в основу концепции государственной антинаркотической политики предложить дифференциацию мер воздействия исходя из объектов такого воздействия. Разделение данных объектов необходимо в связи с их ролью и специфическими особенностями.

Таким образом, можно выделить четыре основные группы таких объектов: во-первых, это лица, организующие, участвующие и способствующие незаконному обороту наркотиков; во-вторых, это наркозависимые лица, не только потребляющие, но и часто распространяющие наркотические средства; в-третьих, это «группа риска» наркотизации, т.е. лица, имеющие опыт потребления, знающие источники, а соответственно имеющие возможность приобретения наркотиков, но не являющиеся наркозависимыми; и, в-четвертых, это остальные граждане, которых не только необходимо удерживать от контакта с наркотиками, но и формировать у них активную антинаркотическую жизненную позицию.

Определяя группу риска как объект защитного воздействия, следует выделить направление государственной антинаркотической политики, связанное с обеспечением криминологической защиты этой социальной группы и позволяющее выстроить определенным образом систему субъектов и мер криминологической политики в рассматриваемой сфере. Подобное разделение объектов воздействия государственной антинаркотической политики позволит дифференцировать имеющуюся систему мер и субъектов, акцентировав внимание на приоритетных направлениях, т.к. «… именно общенациональная политика задает те рамки, в пределах которых ведется наркотическая война»[8]. Исходя из указанных соображений, актуальность данной темы обусловлена решением двух новых проблем: - формирования концептуальных основ криминологической политики защиты час-

ти населения, находящегося под угрозой наркотизации (группы риска), и - выработки целостной теоретической платформы для образования системы ее субъектов и системы мер профилактического воздействия. Однако за рамками научного анализа остаются перспективы развития субъектов государственной политики контроля над наркотиками и совершенствования их деятельности. Недостаточно разработаны проблемы оптимизации их правового статуса, нормативного регулирования и реализации принадлежащей им компетенции. Не рассмотрены и другие актуальные вопросы механизма реализации государственной политики в сфере профилактики немедицинского потребления наркотических средств и психотропных веществ и их незаконного оборота. Вместе с тем, современное знание о системе управления профилактикой немедицинского потребления наркотических средств и психотропных веществ и их незаконного оборота, а также о системе управления профилактикой других видов преступлений, связанных с таким социальным явлением, как наркотизация населения, остается проблематичным. Поэтому необходимость переосмысления достигнутых научных результатов и выработки новых теоретических и практических подходов к обеспечению правопорядка в такой жизненно важной сфере общества, как охрана здоровья населения, требует проведения исследований более широкого теоретического научного диапазона.

Современные концепции в качестве основного направления обеспечения общественной безопасности в рассматриваемой сфере предусматривают воздействие на преступность с целью ее сокращения и удержания на социально приемлемом уровне. Концепция криминологической безопасности строится в рамках парадигмы «безопасность – это защита от опасности». Такая постановка вопроса не только не снижает значимость борьбы с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, но и дополняет ее еще одним направлением – криминологической защитой населения, являющегося объектом наркотизации. Поэтому система мер обеспечения криминологической безопасности в рассматриваемой сфере может быть дифференцирована на три группы: во-первых, это меры, воздействующие на угрозы наркотизации и их источники; во-вторых, меры, обеспечивающие криминологическую защиту объекта наркотизации, которые дифференцируются на меры по криминологической охране объекта наркотизации и меры по созданию преград на пути распространения наркотиков в отношении объекта наркотизации; третьей группой мер в сфере обеспечения криминологической безопасности всего населения являются меры виктимологической профилактики наркотизации.

Таким образом, криминологическая политика защиты населения от наркотизации понимается нами как направления деятельности системы субъектов, имеющей основным назначением обеспечение криминологической защиты части населения, находящейся под угрозой наркотизации, т.е. объективного состояния защищенности от воздействия факторов наркоти-

зации и опасности, связанной с распространением наркотических средств и психотропных веществ, а также осознание этой группой населения такой своей защищенности.

Литература:

1. О Концепции государственной политики по контролю за наркотиками в Российской Федерации: Постановление ВС РФ от 22.07.1993 № 5494-1//ВСНД и ВС РФ. 12.08.1993, №32, Ст.1265.
2. О наркотических средствах и психотропных веществах: Федеральный закон от 8 января 1998г. №3-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 12.01.1998, № 2, Ст. 219.
3. Вопросы совершенствования государственного управления в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 11 марта 2003г. №306 // СЗ РФ, 24.03.2003, № 12, Ст. 1099.
4. Далее по тексту УНП ООН.
5. Черкесов В.В. Развитие наркосистемы приостановлено // Наркоконтроль, 2008. №1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Мальцев Ю.А. Актуальные проблемы противодействия наркоугрозе с афганского направления // Деятельность ШОС по противодействию новым вызовам и угрозам в сфере обеспечения региональной безопасности: Матер. научно-практ. конфер. - М.: Известия, 2009. С. 94.
7. Криминология / Под ред. Дж. Ф. Шели / Пер. с англ. – СПб.: Питер, 2003, С. 617.
8. Там же, с. 617.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОЛИГРАФА В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ И ОБЩЕСТВЕННОЙ НРАВСТВЕННОСТИ

Сидоров А.А.
Кубанский социально-экономический институт
Краснодар, Россия

Аннотация: В статье анализируются проблемы организации и использования полиграфа применительно к расследованию, преступлений против здоровья населения и общественной нравственности, а также опыт применения метода опросов граждан с использованием полиграфа в ГУВД Краснодарского края, применительно к резонансным уголовным делам.

Ключевые слова: полиграф, психофизиологическое исследование, эксперименты, расследование, оперативно-розыскная деятельность, допрос, опрос.

Abstract: In article problems of the organization and polygraph use with reference to investigation, crimes against health of the population and public morals, and also experience of application of a method of polls of citizens with polygraph use in the Municipal Department of Internal Affairs of Krasnodar territory, with reference to resonant criminal cases are analyzed.

Keywords: a polygraph, psychophysiological research, experiments, investigation, operatively-search activity, interrogation, poll.

Практический опыт применения метода опросов граждан с использованием полиграфа в ГУВД Краснодарского края приближается к двадцатилетнему юбилею, использоваться он начал с 1994 года. Интенсивное использование полиграфа в течение ряда лет позволило провести в 1997 г. 1-ю научно-практическую конференцию операторов полиграфа ГУВД Краснодарского края, с тех пор, стараниями ГУВД Краснодарского края, они проводятся ежегодно .

Использование полиграфа убедительно демонстрирует его возможности при решении разнообразных оперативно-служебных задач, в том, числе и при расследовании преступлений против здоровья населения и общественной нравственности.

Вместе с тем, дискуссия о полиграфе, до настоящего времени не разрешенная научными изысканиями, остается горячей и острой. Наиболее верными его приверженцами являются работники правоохранительной системы, представители спецслужб, люди, осуществляющие подбор кадров, а также психологи и криминалисты, занимающиеся научными исследованиями в этой сфере. Критика метода психофизиологического исследования (полиграфа) исходит от гражданских правозащитников, некоторых юристов, адвокатов и остальных учёных, исследующих эту проблему.

Начиная с 30-х годов в СССР публиковались только работы, критикующие применение психодиагностики в уголовном процессе: Л.Я. Вышинский, М.С. Строгович, С.Я. Розенблит.

Так, в 1937 году А.Я. Вышинский писал, что использование психологической диагностики в уголовном процессе – это не только абсурд, но грубейшее нарушение прав человека[1].

Эту же точку зрения разделял М.С. Строгович: «ничего нового в этом «новом направлении нет, все это хорошо было известно инквизиционному процессу: обвиняемого в убийстве подводили к трупу и наблюдали, как он реагировал на это, при допросе иногда велся «протокол поведения», в котором фиксировалось поведение допрашиваемого: дрожание голоса, побледнение и покраснение и т.п. «Новое направление» только снабдило старые методы всяческими приборами, тестами, диаграммами и т.п., ничего не прибавив к их «научности». Пожалуй, методы инквизиционного процесса выигрывают в своей примитивности и откровенности но сравнению с «научными» гнусностями представителей «нового направления» [2].

С.Я. Розенблит так же писал о недопустимости применения полиграфа в уголовном процессе, поскольку он причиняет испытуемому «неимоверные физические страдания» [3].

Похожие мнения распространены и до настоящего времени – публикации Ларина, И.Ф. Пантелеева, Н.Н. Полянского[4] и других авторов.

Несмотря принятую тогда точку зрения находились люди, объективно оценивавшие возможности использования полиграфа для расследования преступлений.

В 1976 году Г.А. Злобин и С.А. Яни опубликовали труд, в котором была дана положительная оценка использования детектора лжи в криминалистической практике[6].

Вместе с тем, основным аргументом противников полиграфа возможность неоднозначного толкования его показаний. Так П.С. Элькинд писал, что «нельзя, например, согласиться с предложениями об использовании в следственной и судебной практике аппаратов, регистрирующих состояние и изменение физиологических параметров организма, происходящих под влиянием тех или иных эмоций, в частности, волнения или страха (полиграфы, вариографы и др.). Фиксируя соответствующие данные, такие аппараты не в состоянии установить их причину: является ли эмоциональное возбуждение результатом волнения, испытываемого человеком от того, что он впервые оказался перед следствием и судом, от возмущения несправедливостью, от страха быть изобличенным или по иной причине» [7].

В других странах и в США в частности, также есть сомнения в объективности результатов тестирования на полиграфе.

Так, Дж. Эдгар Гувер, директор ФБР, говорил: «ФБР полагает, что техника полиграфа недостаточно точна, чтобы можно было приходить к категорическим, без оговорок, суждениям о ложности или правдивости показаний. Техника полиграфа имеет ряд недостатков, один из которых связан с психической пригодностью и психическим состоянием лица, которое предполагается подвергнуть испытанию». Позже, председатель Верховного Суда США Э. Уоррен писал: «Я не буду утверждать, что испытание полиграф-детектором устанавливает правду». И далее: «Сам я не предложил бы испытание полиграф-детектором для установления правды» [8].

В науке выделяют четыре аспекта проблемы полиграфа – это технический, тактический, этический и процессуальный[9].

1. Технический аспект. Существующие сейчас полиграфы представляет собой точный прибор, точно воспроизводящий психофизиологическое состояние организма тестируемого.

В настоящий момент имеются различные полиграфы отечественного и зарубежного производства: портативные чернило-пишущие полиграфы; компьютерные полиграфы; использован метод бесконтактных датчиков (их действие испытуемым не ощущается, или сам факт их существования для испытуемого неизвестен), то есть бесконтактный полиграф.

2. Тактический аспект. Эксперименты показывают, что решение этого вопроса заключается в передаче испытуемому информации таким образом, чтобы она воздействовала избирательно и вызывала наиболее сильную эмоциональную реакцию лишь в строго ограниченных случаях, под-

лежащих однозначному объяснению. На первый план, таким образом, выступают организация и тактика самого эксперимента; с точки зрения достоверности и надежности результатов применения полиграфа, тактический аспект проблемы оказывается решающим.

3. Этический аспект, выражается в следующем: морально ли использование полиграфа в расследовании? Противники полиграфа говорят по этому поводу отрицательно[10]. Мы не согласны с этим.

Однако, невозможно не принять во внимание аргументированное предостережение Г.А. Злобина и С.А. Яни, что «есть в рассматриваемой стороне действия полиграфа и более глубокая проблема, касающаяся принципиальной правомерности и пределов допустимости инструментального проникновения (даже не столь уж глубокого) во внутренний мир личности. Не секрет, что при помощи полиграфа недобросовестным оператором может быть добыта информация, выходящая за пределы официально расследуемого события и связанная с той областью личного, принудительное или тайное проникновение в которую противоречит гарантированным… правам и свободам гражданина» [11].

Говоря об этичности использование полиграфа в расследовании нельзя не присоединиться к высказыванию Р.С. Белкина по этому поводу: «вовсе не следует, как нам кажется, использовать в качестве отрицательного аргумента примеры негативной практики органов расследования зарубежных стран. Практика правоохранительных органов любой страны не свободна от ошибок и нарушений закона. В данном случае задача заключается в том, чтобы нормативное регулирование применения полиграфа позволяло если не исключить их вообще, то свести к тому минимуму, который неизбежен при применении любого технического средства» [12].

4. Уголовно-процессуальный аспект. Общую правовую основу тестирования с помощью полиграфа в России создают нормы УПК об участии специалиста в следственных действиях и возможности применения технических средств для собирания, фиксации и использования информации, а также Закон РФ «Об оперативно-розыскной деятельности» от 5 июля 1995 г.

В настоящее время действует также Инструкция «О порядке применения полиграфа при опросе граждан», утвержденная Генеральной прокуратурой, ФСБ и МВД РФ и зарегистрированная 28 декабря 1994 г. в Министерстве юстиции РФ. Министром внутренних дел РФ 12 сентября 1995 г. издан специальный приказ № 353 «Об обеспечении внедрения полиграфа в деятельность органов внутренних дел».

Вместе с тем этого крайне недостаточно.

В науке существует версии уголовно-процессуальной модели применения полиграфа для получения криминалистически значимой информации при допросе.

В.И. Комиссаров высказал мнение, что в случае принятия решения (по своей инициативе или по просьбе допрашиваемого) о применении полиграфа следователь должен будет:

- пригласить защитника (если предполагается допросить подозреваемого или обвиняемого), педагога, переводчика (при допросе несовершеннолетнего, глухонемого и др.);
- установить психологический контакт со всеми участниками допроса;
- разъяснить всем им содержание, условия, порядок производства следственного действия и особенности использования информации, получаемой при тестировании;
- удостовериться, что испытуемый понял следователя, и разъяснить допрашиваемому его право отказаться от тестирования;
- получить в письменной форме согласие пройти «испытание» на полиграфе;
- разъяснить права и обязанности всем участникам следственного действия, о чем делается отметка в протоколе допроса;
- предупредить оператора об уголовной ответственности за заведомо ложную расшифровку полиграммы, а возможно, и за разглашение тайны предварительного следствия;
- занести в протокол замечания и заявления участников процесса.

Программу тестирования и расшифрованную оператором полиграмму, В.И. Комиссаров предлагает, прилагать к протоколу допроса, который подписывается всеми участниками следственного действия[13].

Однако, если допрос является источником доказательств то как рассматривать полиграмму?

Имеются и другие предложения, так А.Р. Белкин допускает применение полиграфа и при допросе при законодательном закреплении следующих положений:

1. Применение полиграфа допускается только с добровольного согласия допрашиваемого; отказ от испытания на полиграфе, равно как и предложение подвергнуться испытанию при отказе со стороны допрашиваемого не должны фиксироваться ни в одном процессуальном документе; отказ от испытания не может ни и какой форме толковаться во вред допрашиваемому.

2. Для участия в допросе разрешается привлекать специалиста-психолога, исполняющего функции оператора полиграфа в пределах обычной компетенции специалиста – участника следственного действия.

3. Результаты применения полиграфа не имеют доказательственного значения и используются следователем лишь как ориентирующая информация; доказательствами признаются лишь фактические данные, содержащиеся в показаниях допрашиваемого. Материальные свидетельства применения полиграфа (ленты, записи) к делу не приобщаются.

Однако, на практике результаты теста на полиграфе преподносится как доказательство вины подозреваемого, обвиняемого, что на наш взгляд недопустимо. Примером, здесь может служить резонансное дело чиновника Минтранса Виктора Макарова, получившего 13 лет колонии по обвинению предусмотренного ч. 3, ст. 132 УК РФ.

«В ходе следствия Макаров обратился к независимому эксперту о проведении психофизиологического исследования на полиграфе с целью подтвердить свою непричастность. Однако обмануть полиграф ему не удалось, заключение подтвердило факт совершения насильственных действий сексуального характера в отношении ребенка. Полиграфолог сам пришел в следственные органы с соответствующим заявлением о преступлении», - подчеркнул руководитель ГСУСК по Москве генерал-майор юстиции Вадим Яковенко [14].

На наш взгляд, этого явно недостаточно, при отсутствии иных доказательств.

Поэтому, мнение Р.С. Белкина более приемлемо.

Результаты применения полиграфа не имеют доказательственного значения и используются следователем лишь как ориентирующая информация.

Литература:

1. Вышинский А.Я. Проблемы оценки доказательств в советском уголовном процессе. // Проблемы уголовной политики. 1937, Кн. 4, С. 13-38.

2. Строгович М.С. Учение о материальной истине в уголовном процессе. М., 1947. С. 114-115.

3. Розенблит С.Я. Инквизиционные методы допроса подозреваемых в США. // Соц. Законность. 1954. №4. С. 89.

4. Ларин А.М. Криминалистика паракриминалистика. М.,1996. С. 148; Пантелеев И.Ф. Некоторые вопросы психологии расследования преступлении.// Труды ВЮЗИ. М., 1971. Вып. XXIX. С. 227; Полянский П.Н. Доказательства в иностранном уголовном процессе. М., 1946. С. 68-76.

5. Варламов В. А. Детектор лжи. Краснодар, 1998. С. 17.

6. Злобин Г.А., Яни С.А. Проблема полиграфа. // Проблемы совершенствования советского законодательства: Труды ВНИИСЗ. М., 1976. № 6. С. 122-136.

7. Элькинд П.С. Научно-технический прогресс и уголовное судопроизводство. // Сов. юстиция. 1977. № 3. С. 3.

8. The National Sheriff. Jan. 1970. Vol. XXI, No. 5. P. 4.

9. Белкин Р.С. Курс криминалистики. М., 1997, Т. 3. С.44-56.

10. См.: Проблемы судебном этики. М., 1974; Пантелеев И.Ф. Некоторые вопросы психологии расследования преступлении.// Труды ВЮЗИ. М., 1971. Вып. XXIX.; Ларин А.М. Криминалистика паракриминалистика. М.,1996.

11. Злобин Г.А., Яни С.А. Проблема полиграфа. С. 131.

12. Белкин Р.С. Курс криминалистики. М., 1997, Т. 3. С. 53.

13. Комиссаров В.И. Использование полиграфа и борьбе с преступностью. // Законность. 1995. № 11. С. 43-47.

14.[Электронный ресурс]. http://ria.ru/society/20111026/471501572. html#ixzz25/ (дата обращения 04.09.12)

ПРЕСТУПНОЕ СООБЩЕСТВО (ПРЕСТУПНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ), СОЗДАВАЕМОЕ В ЦЕЛЯХ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ НЕЛЕГАЛЬНОГО НАРКОБИЗНЕСА КАК СТРУКТУРНАЯ ОСНОВА ЕГО ФОРМИРОВАНИЯ

Сильченко Е.В.
к.ю.н.
Кубанский государственный аграрный университет,
Краснодар, Россия

Аннотация. В статье автором рассматриваются вопросы организации преступного сообщества создаваемого в целях осуществления нелегального наркобизнеса. Автором раскрыты основные моменты теории соучастия, его формы в зависимости от характера участия субъекта.

Ключевые слова: преступное сообщество, преступление, наркотизм, наркобизнес, уголовная ответственность.

Abstract: In article the author considers questions of the organization of criminal community of illegal narcobusiness created with a view of realization. The author opens high lights of the theory of partnership, its form depending on character of participation of the subject.

Keywords: criminal community, a crime, Narkotizm, narcobusiness, a criminal liability.

Структурным подразделением наркобизнеса является преступное сообщество. В законе и теории уголовного права преступное сообщество (преступная организация) рассматриваются как одна из наиболее опасных форм соучастия. Соответственно, ей свойственны все признаки, присущие соучастию.

Наиболее опасные преступления зачастую совершаются путем объединения усилий нескольких лиц. Такое преступное деяние, как организация преступного сообщества, может совершаться только несколькими объединившимися лицами. Их противозаконная деятельность обладает наибольшей общественной опасностью, оказывает значительное психологическое воздействие на общество в целом.

На основе анализа уголовного законодательства и специальной литературы, посвященной исследованию теории соучастии, можно выделить следующие его формы в зависимости от характера участия субъекта в преступлении:

1. сложное соучастие (ст.33 УК РФ);
2. соисполнительство (ч.2 ст. 33 УК РФ);
3. преступная группа (ч.1-3 ст.35 УК РФ);
4. преступное сообщество (ч.3 ст.35 УК РФ).

Каждая из форм соучастия наделена персонифицированным набором объективных и субъективных характеристик общественной опасности, которые находят своё отражение в признаках состава преступления.

Наибольший интерес представляет такая самостоятельная и наиболее общественно опасная форма соучастия, как преступное сообщество, выступающее структурной основой формирования наркобизнеса.

Преступление признается совершенным преступным сообществом (преступной организацией), если оно совершено сплоченной организованной группой (организацией), созданной для совершения тяжких или особо тяжких преступлений, либо объединением организованных групп, созданных в тех же целях (ч.4 ст.35 УК РФ).

Существенный интерес представляет рассмотрение признаков преступного сообщества.

Во-первых, преступное сообщество характеризуется сплоченностью организованной группы. Сплоченность присуща лишь соучастникам преступного сообщества. Понятие сплоченности, тесно связанное с понятием устойчивости, является характеристикой организованной группы. Используя признак сплоченности в качестве самостоятельного признака преступного сообщества, законодатель пытается разграничить указанные разновидности группового преступления.

Сплоченность – это социально-психологическая характеристика преступного сообщества. Она отражает общность участников в реализации преступных целей. К объединению членов преступного сообщества побуждает наличие единой системы ценностей и одинаковая социальная ориентированность. В процессе существования преступного сообщества в нем вырабатываются ценностные ориентации и нормы поведения, определенные взгляды, которых придерживаются все его участники. Достижение преступных целей участниками сообщества достигается путем объединения физических и моральных сил всех участников сообщества.

Во-вторых, преступное сообщество обладает таким признаком, как устойчивость. Вывод о наличии указанного признака можно сделать на основе содержания ч.4 ст.35 УК РФ, упоминающей об организованной группе, обязательным признаком которой является устойчивость.

Исследователи проблем форм соучастия отмечают, что основные показатели устойчивости, в отличие от иных проявлений группы (групповой формы), перемещаются в преступном сообществе (преступной организации) на самые ранние этапы (стадии) преступной деятельности, что, в свою очередь, закрепляется в форме конструирования так называемых усеченных составов.

Устойчивость можно рассмотреть и с позиции признания поведения участников преступного сообщества как деятельности «соисполнителей по закону» в рамках усеченного состава, основанного на том, что опасное по-

ведение каждого субъекта выступает неотъемлемой составляющей деятельности всего сообщества.

Об устойчивости преступного сообщества свидетельствует и общая преступная цель.

Замечу, что нельзя согласиться с мнением о том, что понятие сплоченности выступает составной частью понятия устойчивости, и о том, что сплоченность является видовым образованием устойчивости.

В-третьих, преступное сообщество создается для совершения только тяжких и особо тяжких преступлений (ч.4 ст.35 УК РФ). Отсутствие указания на данный признак дает основание для отнесения объединения участников к организованной группе.

Замечу, что в действующем уголовном законодательстве не все преступления, связанные с нелегальным оборотом наркотиков, относятся к категории тяжких и особо тяжких. Следовательно, квалифицировать указанные деяния, совершаемые в соучастии, как осуществленные преступным сообществом (преступной организацией) невозможно. Это, несомненно, сужает возможности уголовно-правовой борьбы с таким проявлением организованной преступности, как нелегальный наркобизнес.

В-четвертых, преступное сообщество может состоять из объединения организованных групп, созданных для совершения тяжких и особо тяжких преступлений.

Данная форма присуща структурированным объединениям. Так, для преступлений в сфере нелегального наркобизнеса характерно нахождение под контролем конкретного субъекта отдельной сферы преступной деятельности, каждую из которых осуществляют отдельные организованные группы.

Преступное сообщество представляет собой систему, состоящую из подсистем в виде организованных групп. Одна группа реальна лишь на начальном этапе формирования сообщества либо с целью совершения одного особо тяжкого преступления, которые полностью могут быть выполнены только преступным сообществом.

Объединение нескольких организованных преступных групп способствует переходу организованной преступности на более высокий уровень развития. При этом преследуется цель защиты определенного вида преступной деятельности от посягательств иных преступных формирований.

Структура преступных организаций может различаться в зависимости от количества участников и вида преступной деятельности, однако строится на общих, свойственных всем криминальным образованиям принципах. Прежде всего, это принцип пирамиды с многоканальной схемой взаимодействия членов группы. Он вытекает из сущности иерархичности – чем выше уровень, тем уже его состав. Организованная преступность в России – это массовое явление, ставящее под угрозу основы общественной безопасности.

В России прослеживается значительный рост числа преступных группировок, что свидетельствует об усиливающейся власти российской организованной преступности. Увеличение количества преступных группировок сопровождается отделением от них мелких групп и объединений, что является показателем процесса деления криминала и его экспансии.

«Русская мафия» - это огромная и сложная структура, состоящая из различных группировок и нелегальных организаций, зачастую не являющихся русскими по этническому составу и происхождению. Очевидно существование мощных цементирующих связей внутри отдельных криминальных сообществ, связей, создающих фундамент взаимного доверия в сфере, не подчиняющейся никаким формальным правилам и законам.

В современной России преступные сообщества существуют практически во всех субъектах государства, и значительная их часть занимается совершением преступлений, входящих в систему наркобизнеса.

Можно сказать, что преступное сообщество является особым субъектом организованной преступности, своеобразным системообразующим явлением, которое ставит перед собой определенные цели и стремится к их достижению. Например, совершение преступлений в сфере наркобизнеса, получение в результате этого масштабных прибылей, последующая легализация преступных доходов, полученных в результате совершения противоправных действий с наркотическими средствами и психотропными веществами, удовлетворение иных потребностей.

Преступное сообщество, осуществляющее свою деятельность в сфере наркобизнеса, характеризуется, наряду с рассмотренными выше уголовно-правовыми признаками, свойственными преступному сообществу (преступной организации), общностью и совместностью совершения преступной деятельности, высоким уровнем навыков и знаний, владением различными методиками и способами добывания материальных средств, наличием структурной и функциональной иерархичности, а также коррумпированными связями с правоохранительными органами, органами государственной власти и иными коммерческими и общественными структурами.

Учитывая повышенную степень общественной опасности преступлений, совершаемых в сфере наркобизнеса, очевидность и неоспоримость глобальности угрозы наркотизации российского общества и вреда общественным отношениям в сфере защиты здоровья населения, в целях совершенствования уголовного законодательства в сфере борьбы с организованной преступностью и наркобизнесом считаю необходимым дополнить УК РФ статьей 210.1 «Организация преступного сообщества (преступной организации) в целях осуществления наркобизнеса».

Введение специальной нормы об ответственности за создание преступного сообщества можно объяснить следующими общетеоретическими положениями.

Нормы, касающиеся института соучастия (и, в частности, его форм) закреплены законодателем в нормах общего характера, тщательно согласованы и эффективно выполняют свои функции. Однако одновременно общие правила должны выступать рамочным инструментом учета в конкретных статьях Особенной части различных типично распространенных групповых преступлений. Для организации эффективной борьбы с различными формами соучастия в преступлении законодательные органы должны конструировать нормы, учитывающие реальность общественных отношений, соответствующие требованиям социальной действительности, отвечающие вызовам времени.

Важно заметить, что в нормах Общей части отражены все без исключения формы совместного совершения преступления, встречающиеся на практике. В Уголовном кодексе РФ в нормах общего характера дано определение понятия соучастия в преступлении, закреплены определения исполнителя, организатора, подстрекателя и пособника преступления, представлены субъективные и объективные признаки сложного соучастия.

Зачастую практически в любом умышленном преступлении возможно наличие охарактеризованных видов посягательства на охраняемые уголовным законом отношения, и нормы общего типа дают возможность это учесть и эффективно использовать.

Как справедливо замечено исследователями проблемы, отнесение таких норм к числу общих явилось результатом конструирования обоснованных практическими потребностями обобщенных положений, что позволило избежать необходимого в противном случае включения содержащихся в них правил непосредственно в каждую статью Особенной части.

В свою очередь, в рамках одного и того же правового института возможно выделение как общих, так и специальных норм в рамках Особенной части, которые формулируют правила, распространяющие свое действие не на все, а лишь на некоторые индивидуализированные виды преступлений. Указанная тактика законодателя оправдана с точки зрения повышения ответственности за групповое преступление и отграничения его от соисполнительства ввиду наименьшей степени общественной опасности последнего по сравнению с групповой формой соучастия.

Таким образом, подводя итоги вышесказанному, отмечу, что под преступным сообществом (преступной организацией) создаваемым для совершения преступлений в сфере нелегального наркобизнеса, следует понимать создание такового, а равно руководство им или входящими в него структурными подразделениями, а также создание объединений организаторов, руководителей или иных представителей организованных групп в целях разработки планов и условий для совершения преступлений в сфере нелегального наркобизнеса.

Литература:

1.Галиакбаров Р.Р. Энциклопедия уголовного права. Т.6: Соучастие в преступлении. Глава III: Формы соучастия // Издание профессора Малинина – СПб ГКА. СПб., 2007. 723с.

2.Иванов Н.Г.Организованная преступность и совершенствование уголовного законодательства о соучастии // Советсткое государство и право. 1990. № 7.

3.Сильченко Е.В. Уголовно-правовые средства борьбы с наркобизнесом. – Пятигорск, 2009. 171с.

4.Яровой А.А. Преступления против собственности, совершаемые организованными преступными группами: вопросы квалификации. Краснодар, 2006. 163с.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ПОДХОДОВ К КОНСТРУИРОВАНИЮ СОСТАВОВ КОНТРАБАНДЫ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ

Скачко А.В.
к.ю.н., доцент
Краснодарский университет МВД России,
Краснодар, Россия

Аннотация: автор рассматривает актуальные проблемы уголовной ответственности за контрабанду наркотических средств и психотропных веществ в условиях таможенного соглашения между Россией, Белоруссией и Казахстаном

Ключевые слова: контрабанда, Таможенный союз, государственная граница, наркотические средства, психотропные вещества

Abstract: the author considers actual problems of criminal liability for smuggling of drugs and psychotropic substances in the conditions of the customs agreement between Russia, Belarus and Kazakhstan

Keywords: smuggling, Customs union, frontier, drugs, psychotropic substances

Законодательный подход к регламентации ответственности за контрабандные преступления, получивший реализацию в Федеральном законе от 07.12. 2011 № 420-ФЗ, без преувеличения можно назвать эпохальным. Контрабанда как уголовно-наказуемое деяние имеет многовековую историю. В 13-м веке в Российском государстве появляется прообраз таможенной службы, одной из основных задач которой была борьба с контрабандой, т. е. *бесконтрольным оборотом товаров, и предотвращение ввоза на территорию государства и вывоза товаров и изделий, исключенных из свободного гражданского оборота.* Контрабанда и уклонение от уплаты таможенных платежей, являясь традиционными для российского уголовного права деяниями, в последние годы получили весьма значительное распространение, модернизировались, проявили новые черты криминологической характеристики. Особую тревогу вызывает контрабанда предме-

тов, изъятых из свободного оборота или ограниченных в нем. Прежде всего, стремительно возрастает число контрабанды наркотических средств и психотропных веществ. Так, более 50% обнаруженных в незаконном обороте в РФ препаратов (кокаина, например, 100%) поступают в страну в результате контрабанды. Совершение названного преступления оказывает негативное влияние на здоровье населения, ее культурный потенциал.

Осложнению ситуации способствовала коррумпированность, получившая широкую распространенность, в первую очередь, в правоохранительных и контролирующих органах. Вызывает озабоченность общества развернутая экспансия наркотиков из стран Южной Азии, Южной Америки. Сложившаяся ситуация подтверждает то обстоятельство, что рассматриваемая проблема носит международный характер. Соответственно, международными организациями принято немало правовых актов, направленных на консолидацию усилий разных стран по противодействию незаконному обороту наркотиков. Мы в этой работе обратим особое внимание на следующие правовые документы. В 1988г. на Конференции 106 государств была принята Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ [1]. Конвенция вступила в силу 11 ноября 1990г. Одним из новых положений Конвенции является выявление, замораживание и конфискация доходов и собственности, полученных в результате незаконного оборота наркотиков. Суды получили возможность издавать постановления о приостановлении или аресте банковских, финансовых или коммерческих счетов и документов, при этом уже нельзя ссылаться на необходимость сохранения банковской тайны.

Конвенция установила необходимость взаимной юридической помощи между государствами в проведении расследований, связанных с наркотиками, передачу материалов судопроизводства для обеспечения уголовного преследования, выдачу крупных торговцев наркотиками. В частности, Конвенция обеспечивает государствам договорную основу для оказания взаимной помощи в выполнении просьб в отношении различных форм сотрудничества, таких как сбор и предоставление доказательств и информации, выдача лиц, скрывающихся от правосудия. Нельзя не отметить еще один важный аспект этого документа. Так, наряду с комплексом уголовно-правовых и уголовно-процессуальных мер воздействия на лиц, вовлеченных в незаконный оборот наркотиков, в Конвенции предусмотрены, в определенной мере механизмы решения медицинских и социальных вопросов. Конвенция имеет более широкую сферу применения и охватывает нарушителей законов о наркотиках в целом, включая лиц злоупотребляющих, так и не злоупотребляющих наркотиками. Конвенция учитывает степень тяжести совершенных правонарушений: за тяжкие правонарушения меры, направленные на лечение и воспитание могут предусматриваться лишь в дополнение к осуждению и наказанию; за менее тяжкие право-

нарушения и правонарушения, связанные с личным употреблением наркотиков, такие меры могут рассматриваться в качестве альтернативы осуждению или наказанию [2].

Помимо Конвенции 1988г. и ранее принятых конвенций, Организация Объединенных Наций на XX специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, посвященной совместной борьбе с проблемой наркотиков (10 июля 1998г.), приняла ряд важных международных документов. Из них следует выделить следующие правовые акты:

- Политическая декларация;
- Декларация о руководящих принципах сокращения спроса на наркотики;
- План действий по борьбе с изготовлением и оборотом стимуляторов амфетаминового ряда и их прекурсоров;
- План по налаживанию международного сотрудничества в деле искоренения наркотикосодержащих культур и содействия альтернативному развитию[3].

Рассмотренные конвенционные нормы направлены на защиту таких важнейших общечеловеческих ценностей как здоровье и социальное благополучие населения.

В соответствии с Конвенцией 1988г. каждая сторона должна принять такие меры, которые могут потребоваться, с тем, чтобы определенные действия признать уголовными преступлениями согласно своему законодательству. Уголовное законодательство многих зарубежных стран было скорректировано с учетом положений конвенции. Причем одна группа стран в своих законах сделала акцент на либеральное отношение к лицам, нарушающим правила обращения с наркотиками. Представителями этой группы стран являются Нидерланды (Голландия) и Испания. Наиболее известным ее представителем является Голландия. Начавшаяся здесь с середины 1950-х годов легализация «мягких» наркотиков несколько сократила количество преступлений, связанных с ними. Однако кардинальных изменений не произошло, однако голландское правительство по-прежнему считает, что оно имеет достаточно возможностей для эффективного контроля за наркотиками [4].

Другая, можно сказать полярная, группа стран придерживается жесткой политики по отношению к лицам, совершающим наркопреступления. , к ней относятся в первую очередь Малайзия, Иран, Пакистан, Турция, Китай, Таиланд, Нигерия и т.д. Здесь борьба ведется с распространением и потреблением наркотиков жесткими методами - вплоть до смертной казни, а законодательство в отношении распространителей наркотиков максимально ужесточено. Китайский законодатель устанавливает ответственность за контрабанду, торговлю, перевозку, производство наркотиков независимо от их количества. Ст. 347 УК КНР устанавливает за контрабанду при наличии квалифицирующих обстоятельств наказание в виде

лишения свободы на срок пятнадцать лет, пожизненное лишение свободы либо смертной казни, в качестве дополнительного наказания применяется конфискация имущества. В качестве квалифицирующих обстоятельств в законе названы:

- контрабанда опиума свыше одной тысячи граммов;
- пятидесяти граммов и более героина либо метиламфетамина;
- других наркотиков в большом количестве;
- руководство группой по контрабанде, торговле, перевозке, производству наркотиков;
- вооруженное прикрытие контрабанды, торговли, перевозки, производства наркотиков;
- применение насилия, сопротивление следствию, задержанию, аресту при отягчающих обстоятельствах; участие в организованном международном наркобизнесе.

Законодательство СССР, а затем и Российской Федерации в определенной степени также учитывало положения Конвенции 1988г. Например, Таможенный кодекс Российской Федерации также содержал нормы, отражающие контроль над перемещением наркотических средств и психотропных веществ через таможенную границу. Для пресечения наркобизнеса таможенные органы использовали контролируемую поставку наркотиков (глава 42)[5]. Уголовный кодекс РФ также содержал норму, устанавливающую ответственность за контрабанду наркотических средств или психотропных веществ. За время действия Кодекса в него был введен ряд новелл, устанавливающих и усиливающих уголовную ответственность за некоторые преступные операции с наркотиками - с одной стороны, и усиливающих профилактическую направленность - с другой.

И в условиях такой сложной оперативной обстановки в мире российский законодатель осуществляет очередную трансформацию законодательного подхода к регламентации ответственности за контрабанду во всех ее проявлениях. Федеральным законом от 07.12. 2011 № 420-ФЗ из системы Особенной части УК РФ исключена ст. 188 УК РФ, внесены принципиальные изменения в ст. 194 УК РФ, включены статья 226^1 УК о контрабанде оружия и статья 229 УК о контрабанде наркотиков. Исключение ст. 188 УК РФ, содержание новых статей УК РФ уже повлекли критические оценки, отмечено их несовершенство.

Возникает вопрос, связанный с созданием Таможенного союза и установлением правового соглашения между членами Таможенного союза (Россией, Белоруссией и Казахстаном). Государственная Дума приняла фундаментальный Федеральный закон «О таможенном регулировании в Российской Федерации» от 27 ноября 2010 года №306 – ФЗ. Однако *концепция*, заложенная в этом нормативно-правовом акте, вызывает определенные возражения. Во-первых, имеет место несогласованность между пределами предполагаемого правового регулирования деятельности госу-

дарства и установленными в преамбуле закона его целями. Согласно формулировке названия закона, речь в нем должна идти о таможенной деятельности государства в международном масштабе, т. е. со всеми странами окружающего мира. Но цели, определенные в ст. 1закона, сфокусированы на деятельность в рамках Таможенного союза.

Во-вторых, вызывает вопросы также несогласованность законодательства стран - участниц Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС. Так, формулировка основного состава контрабанды наркотических средств, психотропных веществ, содержащаяся в ст. 228 УК Республики Беларусь, до сих пор включает деяния по перемещению предметов контрабанды через таможенную границу своего государства. Однако речь должна идти о таможенной границе Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС либо Государственную границу Российской Федерации с государствами – членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС.

В - третьих, создание такого союза и принятие правового соглашения между его членами, предполагает, видимо, и согласованность санкций за допускаемые правонарушения.

В-четвертых, редакция части 1 ст. 229^1 УК РФ неудачна не только по своей громоздкости, но и по содержанию. Так, она устанавливает: «Незаконное перемещение через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС либо Государственную границу Российской Федерации с государствами – членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, растений, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, либо их частей, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, инструментов или оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для изготовления наркотических средств, психотропных веществ». Поэтому возникает вопрос - по какой статье квалифицировать контрабанду наркотиков или психотропных веществ при перемещении через Государственную границу Российской Федерации с государствами, не являющихся членами Таможенного союза?

Таким образом, мы полагаем, что вновь принимаемые законы, посвященные внешне - экономическим и торговым связям России с другими странами, в том числе устанавливающие ответственность за контрабанду, необходимо будет корректировать с законом «О таможенном регулировании в Российской Федерации» от 27 ноября 2010 года №306 – ФЗ. Однако более рациональный выход - вместо него принять новый закон с учетом сложившейся ситуации. Актуальность и серьезность правотворчества в этой сфере подчеркнута в Указе Президента РФ от 7 мая 2012 года «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления». Указ гласит: «установить требования к проведению процедуры оценки регулирующего воздействия в отношении проектов норматив-

ных правовых актов в области *таможенного* и налогового законодательства»[6]

Литература:

1.Конвенция о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (Вена, 20 декабря 1988г.).. Сборник документов / Сост. В.С. Овчинский. М., 2004.

2.Прохорова М.Л. Наркотизм: социально-психологические, криминологические и уголовно-правовые аспекты. Саратов, 2001. С.28.

3.Документы XX специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, посвященной совместной борьбе с мировой проблемой наркотиков (10 июля 1998г.). Сборник документов / Сост. В.С.Овчинский. М., 2004. С. 861-889.

4.Хайрумин М. Чума XXI века // Мир новостей. М., 2001. 22 мая. №21(387). С. 4.

5.Таможенный кодекс Российской Федерации. М.. 2003. С. 205.

6.Указ Президента РФ от 7 мая 2012 года №601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» //Российская газета. 2012.9 мая.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА КОНТРАБАНДУ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ

Согомонов Д.К.
помощник прокурора г. Новороссийска
Нальгиев Р.К.
заместитель начальника СУ Приволжского
линейного управления МВД России на транспорте,
подполковник юстиции, к.ю.н.,
Саратов, Россия

Аннотация: В статье представлен исторический анализ становления и развития в российском уголовном праве норм об ответственности за контрабанду. Авторы рассматривают соответствующие положения, содержащиеся в памятниках отечественного права X-XX вв.

Ключевые слова: контрабанда, таможенная пошлина, незаконное перемещение таможенной границы, уголовная ответственность

Abstract: The article is devoted to the historical analysis of formation and development in the Russian criminal law norms on the responsibility for the smuggling. The authors reviews-provide the relevant provisions, contained in the monuments of the domestic law of the X-XX centuries.

Key words: smuggling, the customs duty, the illegal movement of the border, criminal responsibility

Контрабанда относится к числу преступных посягательств, известных уголовному законодательству практически всех государств и имеющих многовековую историю. Изучение памятников древнерусского права и законодательства последующих периодов свидетельствует о том, что по-

ложения, так или иначе относящиеся к уплате таможенных пошлин и касающиеся ответственности за их неуплату, также формировались на заре существования государства российского.

В русско-византийских договорах, заключённых князем Олегом с греками в 912 (2 сентября), 945 годах, регламентировались вопросы торговли Руси с Византией, обязательственные отношения купцов двух государств, оговаривались привилегии славяно-русских купцов. В частности, в соответствии с договором 912 года последние освобождались от уплаты мыта в Византии, однако, в договоре 945 года в пункте о привилегиях русских купцов положение о беспошлинной торговле уже отсутствовало [1] Развитие института таможенного обложения в России наблюдается в документах князя Владимира Святославича, например, в его Уставе.

Документы русского права 12 – 13 веков также содержат положения о взимании сборов (пошлин, мыта) за осуществление торговли, провоз товаров через заставы. Так, в Уставной грамоте князя Ростислава (1150 г.) относительно сборов читаем: «… на Копысе полюдья четыре гривны, а торгового 4 гривны, в Лучине мыта и корчмиты не ведомо …» [2].

В 14 веке в правовых документах Руси появился термин «тамга». Например, духовная грамота московского князя Ивана Калиты (около 1339 года) содержит следующее положение: «А из городских доходов даю княгине моей осмничее, а тамгою и другими доходами городскими поделятся сыновья мои; также и проездными торговыми пошлинами, которые у кого в узде» [3]. Слово «тамга» имеет тюркское происхождение, у кочевников Средней Азии оно означало клеймо, печать, тавро, которые обычно ставились на те или иные предметы в качестве свидетельства права собственности на них [4]. На Руси во времена татаро-монгольского ига тамгой называли торговую пошлину.

До 15 века, таким образом, законодательство о торговых пошлинах, сборах носило несистематизированный, хаотичный, разрозненный характер, что было обусловлено, в первую очередь, социально-экономическим и политическим уровнем развития российской государственности. Однако, начиная с 15 века, с образованием русского централизованного государства происходит формирование и проведение единой упорядоченной таможенной политики. Указанный период характеризуется созданием многочисленных местных рынков, укреплением экономических связей внутри отдельных русских земель, развитием внешней торговли, появлением в городах наиболее состоятельной касты купечества - гостей, ведущих иноземную торговлю, выделением из них сурожан, торгующих с Крымом (с Сурожем - Судаком) [5] Все это требовало соответствующего правового урегулирования. Исследователи проблемы отмечали, что до 17 века торговля была стеснена таможенными сборами, размеры которых устанавливались очень высокие [6] Это подтверждается и документами того периода. Так, например, принятыми на Соборе 1642 года,[7] Из этих документов

видно, что отличий в обложении пошлинами торговли русских и иностранных купцов не существовало, напротив, для иностранцев иногда устанавливались привилегии.

Первым правовым документом, более или менее упорядочившим таможенное законодательство, явилось Соборное уложение 1649 года. Оно содержало целый ряд разделов, касающихся перемещения товаров, в том числе в другие государства и из них, мытов, обжалования незаконных действий сборщиков пошлин, ответственности за нарушение соответствующих установлений [8]. Так, например, устанавливалось наказание в виде битья кнутом за проезд в иное государство с торговыми целями без проезжей грамоты. Данное положение свидетельствует о стремлении государства упорядочить процесс осуществления внешней торговли и контролировать его в целях получения казной установленных пошлин (мытов).

Глава двадцать пятая Соборного уложения «Указ о корчмах, а в нем двадцать одна статья» предусматривала наказание в виде смертной казни за ввоз и торговлю табаком, ибо он относился к числу товаров, ввоз, продажа и потребление которых запрещались. «А кто русские люди, и иноземцы табак учнут держать, или табаком учнут торговать, и тех людей продавцов и купцов, велено имать и присылать в новую четверть (приказ, ведавший государственными монополиями и податями - Авт.). И за то тем людям чинить наказание большое без пощады под смертною казнью, и дворы их и животы имая продавать, а деньги имать в Государеву казну».

Соборным уложением 1649 года также предусматривалась ответственность за кормчество, т.е. незаконные ввоз, производство и продажу спиртных напитков, так как на осуществление этой деятельности была установлена государственная монополия. Совершение указанных действий влекло за собой наказание в виде битья кнутом на торгах, ссылку в дальние города с конфискацией в пользу государства «дворов, поместий и вотчин». Таким образом, в Соборном уложении уже усматриваются зачатки преступления, которое в последующем станет именоваться контрабандой. Н. Евреинов в своей известной книге «История телесных наказаний в России» писал: « Преобладающей мерой наказания в 17 – 18 веках за ввоз товаров без уплаты пошлины, потребление которых в России было запрещено, а также за контрабандный ввоз и тайную торговлю товарами, являющуюся государственной монополией, были жестокие телесные и членовредительские наказания. По закону 1670 года за кормчество полагался кнут, но сколько ударов дать, - решал судья» [9]

За Соборным уложением 1649 года следовали Таможенный устав (1653 год) и Новоторговый устав (1667 год), являющиеся серьезным этапом в развитии русского таможенного законодательства. Наиболее важными положениями этих документов необходимо считать установление таможенного тарифа, то есть свода пошлин, которыми облагались перевозимые через границу товары; здесь же определялись круг

товаров, облагаемых пошлинами и ставки пошлин, которые для иностранных купцов в четыре раза превышали размеры, устанавливаемые для русских купцов; давался перечень товаров, запрещенных к ввозу и вывозу [10]

Для исполнения положений, сформулированных названными Уставами, были созданы специализированные органы: Большая таможня, Посольская новая таможня, Мытная изба в Москве, в уездах - таможенные избы, на торговых путях - таможенные заставы. О взимании пошлин делались записи в таможенных книгах.

Серьезный шаг в развитии таможенного дела и таможенного законодательства был сделан во времена правления Петра I. Выход России в первой четверти 17 века к берегам Балтийского моря, обусловленный, в том числе, и этим обстоятельством значительный рост внутренней и внешней торговли требовали соответствующего урегулирования на законодательном уровне.

В это же время набирала рост контрабанда, в первую очередь, совершаемая с целью уклонения от уплаты высоких таможенных пошлин. В связи с этим государств принимало меры к укреплению и закрытию границ. В 1723 году Петр I издал Указ, направленный на воспрепятствование беспошлинному провозу товаров через российскую границу, в котором говорилось: «По всей польской границе по большим дорогам учредить крепкие заставы, а между тех больших дорог малые дороги, проезды лесом зарубить, а где лесу нет, то рвами пере копать накрепко наказать, чтобы никто ни для чего по оным за рубеж не ездил, и следу не прокладывали, а объезжали бы на помянутые большие дороги, а для того с помянутых за от одной до другой иметь разъезды и ежели на таких заповедных проездах явится след, то дожидать, и кто поедет, того взять и штрафовать взятием всего того, с чем взят будет» [11] Однако объемы тайной переправы контрабанды через границу не сокращались. Этому в определенной степени способствовала и коррумпированность таможенных чиновников [12]

Анализ правовых документов рассматриваемой эпохи и центрального из них – Артикула воинского с кратким толкованием (30 марта 1716 г.) свидетельствует о том, что контрабанда и неуплата таможенных сборов и платежей не карались в уголовно-правовом порядке, они подвергались «денежной» ответственности. Однако если эти действия сочетались, например, с фальшивомонетничеством или с подделкой документов и печатей, то денежная ответственность сочеталась с применением к виновным наказаний уголовных. Артикул 199 гласил: «Кто лживую монету будет бить или делать, оный имеет живота лишен, и по великости нарушения сожжен быть», а артикул 201 устанавливал: «Фальшивых печатей, писем и расхода сочинители имеют на теле наказании, или чести и имения, пожитков и живота лишены быть по состоянию, ежели обман велик или мал, или вредителен есть» [13]

Во времена Елизаветы Петровны в целях создания барьеров для контрабандного ввоза и вывоза товаров был принят Морской пошлинный устав (1731 г.), определявший порядок захода торговых судов в русские порты. Чуть позднее появился Указ об усилении таможенного надзора в прибрежной морской полосе. В 1754 году в России была учреждена Пограничная стража, одной из функций которой являлось противодействие контрабанде, затем из нее выделилась специальная таможенная стража. В связи с тем, что в 1757 году вновь значительно повысились таможенные пошлины, резко возрос и объем контрабанды. Среди принимаемых государством различных организационно-правовых мер противодействия этому процессу наиболее действенным представляется снижение таможенных тарифов, осуществленное в 1766 и 1782 годах. Однако остановить поток контрабанды все-таки не удалось. В связи с этим в 1782 году Екатериной II был подписан Указ «Об учреждении особой таможенной цепи и стражи для отвращения потаенного привоза товаров».

Восстановление внешней торговли после Отечественной войны 1812 года потребовало принятия соответствующих организационно-правовых мер. В 1819 году был принят Таможенный устав, в котором содержались детально разработанные положения, касающиеся контрабанды. В соответствии с Уставом тайно провозимыми за границу или из-за границы, т.е. контрабандными, признавались товары, провозимые либо проносимые помимо таможни, а также провозимые либо проносимые через таможню, но без указаний о них в соответствующих документах (§ 381, 382). В Уставе содержались и положения, касающиеся таможенных пошлин. Преступлениями признавались и контрабанда, и уклонение от таможенных платежей, однако они объединялись понятием дефраудация (от латинского – выманивать, обманывать), которое включало в себя и контрабанду, и обманное уклонение от уплаты таможенных платежей [14].

В соответствии с Карантинным Уставом 1832 года Таможенная стража была переименована в Пограничную стражу, на которую возлагались следующие обязанности: «Недопущение провоза и переноса товаров и задержание их, а также недопущение проезда и перехода лиц через границу не в указанных таможенными учреждениями местах» [5] Наказания за контрабанду устанавливались достаточно жесткие. Так, например, по своду законов 1832 года за тайный ввоз иностранных товаров следовало битье плетьми [16]. Однако объем контрабандных поставок в Россию различных товаров продолжал расти, контрабандисты использовали самые разнообразные приемы и способы их незаконного перемещения через границу, стали нередкими случаи оказания вооруженного сопротивления представителям пограничной таможенной стражи. В «Материалах к истории пограничной стражи»[17] приводится, в частности, такой пример контрабандного перемещения товаров через российскую границу: «Полотно, ситец и другие недорогие ткани укладываются в тюки, которые конные

контрабандисты привешивают вьюком по обеим сторонам лошади, а пешие люди несут на плечах. Шелковые же материи и другие ценные ткани укладываются в небольшие плоские пачки, которые располагаются вокруг груди и спины. Дорогие товары несут обыкновенно позади, а впереди посылаются люди с товаром малоценным, а иногда и вовсе без товаров с тюками, набитыми сеном, которые бросают в случае тревоги и преследования. Такой маневр сбрасывания части контрабанды очень употребителен в некоторых местах границы контрабандисты перетаскивают бочонки с ромом и спиртом с одного берега на другой веревками, протянутыми под водой». Из содержания названных «Материалов…» можно выявить и другие способы, которыми пользовались правонарушители. Так, например, драгоценности провозили в специально оборудованных в каретах и дилижансах тайниках – между двойными днищами, под козлами, в дышлах и рессорах.

Для утайки высокопошлинных товаров употребляли различные ящики и бочки как с двойными боками, так и с двойным дном; использовали стеклянную непрозрачную, каменную и прочую посуду, жестянки, предназначенные для провоза беспошлинного жидкого товара; на высокопошлинный груз навешивали ярлыки от другого груза, вообще не облагаемого пошлиной или облагаемого низкой пошлиной; мануфактурные товары прятали в бочках с цементом, орехами, фруктами; внешне похожие товары выдавали одни за другие: так, бронзовые изделия – за медные, фруктовые сиропы – за фруктовые соки, шампанское – за минеральную воду и т.д.; во внутренности швейных машин, обшитых рогожей, укладывали нитки и шелк на катушках; некоторые высокопошлинные товары провозили в музыкальных инструментах. Как следует из этих описаний, в способах, применяемых современными контрабандистами, определенно просматривается историческая преемственность.

Уложение о наказаниях 1845 года [18], по сути, воспроизвело соответствующие положения, сформулированные в Таможенном уставе 1819 г. Дальнейшим этапом в развитии таможенного законодательства необходимо считать появление Таможенного устава 1892 года. Сохранив основные подходы к понятию контрабанды, имевшие место в Уставе 1819 года, он содержал следующие интересные для нас положения:

1. Тайный ввоз и вывоз запрещенных товаров влек за собой ответственность в виде конфискации товара и штрафа в размере двойной стоимости товара (ст.1522, 1524 Устава).

2. Тайный ввоз и вывоз товаров, подлежащих пошлинному обложению, карался пятикратной пошлиной; ввозимые в Россию товары при этом подлежали конфискации, а вывозимые в случае надлежащей выплаты штрафа возвращались владельцу (ст.1522, 1524 Устава).

3. В случае предоставления лицом, перевозящим товар, доказательств принадлежности товара другому лицу, оно подвергалось штрафу, а

контрабандная пеня взыскивалась с фактического владельца (ст.1546 Устава).

4. Укрывательство тайно перевезенных иным лицом товаров каралось наложением штрафа в размере двухкратной стоимости сокрытого товара.

5. В случае принятия лицом контрабандного товара оно наказывалось так же, как и укрыватель.

Борьба с таможенными нарушениями продолжалась и в XX веке. 1906 год в этом отношении ознаменовался принятием нового Таможенного устава. Последний относил к контрабанде: 1) ввоз из-за границы помимо таможенных учреждений или хотя и через таковые, но с сокрытием от таможенного контроля товаров иностранных, пошлинных и запрещенных; 2) вывоз за границу или попытку вывоза помимо таможенных учреждений или хотя и через таковые, но с сокрытием от таможенного контроля отечественных товаров, запрещенных к вывозу; 3) выпуск на внутренний рынок поступивших в таможню товаров, запрещенных к вывозу и допущенных к обратному вывозу за границу, но не вывезенных из пределов России» [19]

С позиций уголовного права представляют интерес положения Устава 1906 г., регулирующие вопросы множественности таможенных преступлений. Статья 1067 Устава предусматривала наказание за рецидив контрабанды в виде штрафа в размере двухкратной стоимости товаров с удалением контрабандиста из пятидесятиверстного пограничного района сроком до пяти лет; при этом в качестве рецидива рассматривалось совершение контрабанды после отбытия наказания за такое же преступление. Уложение о наказаниях содержало положения, касающиеся ответственности за контрабанду, совершаемую группой лиц. Статья 926 приравнивала групповую контрабанду к действиям воровских шаек и предусматривала за нее наказание в виде лишения всех прав состояния и направления в арестантские отделения сроком от трех с половиной до четырех лет.

В первые годы Советской власти за контрабандой сохранялся статус общественно опасного деяния. Согласно Декрету от 29 декабря 1917 г. «О разрешениях на ввоз и вывоз товаров» [20] контрабандными признавались товары, перемещаемые лицом, не имеющим разрешения на ввоз и вывоз любых товаров, выдаваемого уполномоченным на то государственным органом. Более или менее четкое понятие контрабанды как тайного перемещения товаров, денег и всякого рода предметов помимо таможенных учреждений или перемещение их с сокрытием от таможенного контроля путем каких-либо ухищрений было дано в Декрете СНК РСФСР от 3 января 1921 года «О реквизициях и конфискациях»[21] Декретом СНК РСФСР от 8 декабря 1921 года «О борьбе с контрабандой»[22] за нее устанавливалось наказание в виде лишения свободы со строгой изоляцией на срок не менее трех лет, а при наличии отягчающих обстоятельств высшую меру социальной защиты – расстрел[23]

В УК РСФСР 1922 года[24] состав контрабанды, отнесенной к числу преступлений против порядка управления, был в общем виде сформулирован в статье 97. Однако четкого определения самого по себе деяния в УК не содержалось, бланкетная по своей природе диспозиция ст.97 отсылала правоприменителя к соответствующим законам и постановлениям, регламентирующим ввоз из-за границы и вывоз туда товаров. Ответственность за контрабанду дифференцировалась в зависимости от наличия квалифицирующих признаков: простая (неквалифицированная контрабанда) влекла наказание в виде исправительно-трудовых работ на срок до трех месяцев с полной или частичной конфискацией контрабандного товара штрафа в размере до трехсот рублей. При наличии квалифицирующих признаков совершение контрабанды наказывалось лишением свободы на срок не менее трех лет со строгой изоляцией или высшей мерой наказания – расстрелом[25]. Столь жесткое наказание было обусловлено стремлением Советского государства обеспечить неприкосновенность установленной им монополии внешней торговли. Тем не менее, уровень распространенности контрабанды оставался высоким[26] Декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 1 января 1926 г. в редакцию статьи 97 УК были внесены изменения, которые, во-первых, заключались в том, что в ней сформулировано понятие контрабанды. Последняя определялась как перемещение через государственную пограничную черту товаров, ценностей, имущества и всякого рода предметов помимо таможенных учреждений или через таковые, но с сокрытием от таможенного контроля. Во-вторых, в ст.97 дифференцировалась уголовно наказуемая контрабанда (ч.3) и контрабанда – административный проступок (ч.1, 2). В таком виде статья была воспроизведена первоначально в УК РСФСР 1926 года[27] и сохраняла свою редакцию до принятия Положения о преступлениях государственных, утвержденного ЦИК СССР 25 февраля 1927 года[28]

В Уголовном кодексе 1926 года простая контрабанда предусматривалась ст.83, которая устанавливала, что совершение этого деяния влечет за собой меры, применяемые таможенными учреждениями в административном порядке, а именно – наложение штрафа и конфискацию предмета контрабанды и перевозочных средств (ст.168 Таможенного кодекса), а при совершении контрабанды во второй раз в течение трех лет – наложение штрафа, конфискацию предмета контрабанды и перевозочных средств, а также административную высылку (ст.175 ТК). Таким образом, в уголовном законе речь шла об административном проступке.

Квалифицированная контрабанда (то есть контрабанда при наличии отягчающих обстоятельств) предусматривалась, как уже было сказано выше, статьей 59-9 УК. Она была отнесена к числу особо опасных для СССР преступлений против порядка управления, и ее совершение влекло за собой наказание в виде лишения свободы на срок не ниже одного года с конфискацией всего или части имущества, а при особо отягчающих об-

стоятельствах – в виде заключения в исправительно-трудовой лагерь на 25 лет, а в военное время – расстрела с конфискацией имущества.

Следующий этап в развитии уголовного законодательства об ответственности за контрабанду следует связывать с принятием Верховным Советом СССР 25 декабря 1958 года Закона об уголовной ответственности за государственные преступления[29]. Статья 15 названного Закона определяла контрабанду следующим образом: «Контрабанда, то есть незаконное перемещение товаров или иных ценностей через государственную границу СССР, совершенная с сокрытием предметов в специальных хранилищах, либо с обманным использованием таможенных и иных документов, либо в крупных размерах, либо группой лиц, организовавшихся для занятия контрабандой, либо должностным лицом с использованием служебного положения, а равно контрабанда взрывчатых, наркотических, сильнодействующих и ядовитых веществ, оружия и воинского снаряжения». В таком же виде состав контрабанды был представлен в ст.78 Уголовного кодекса РСФСР, принятого Верховным Советом РСФСР 27 октября 1960 года[30] и введенного в действие с 1 января 1961 года.

В ст. 78 УК РСФСР одной диспозицией охватывались признаки контрабанды обычных товаров и иных ценностей и контрабанды предметов, изъятых из свободного гражданского оборота либо ограниченных в нем, - взрывчатых, наркотических, сильнодействующих и ядовитых веществ, оружия и воинского снаряжения. Однако контрабанда первыми являлась преступлением при осуществлении их перемещения через государственную границу СССР определенным в законе способом или при наличии иных указанных в норме УК обстоятельств, связанных, например, с размером, предметом или свойством субъекта преступления – с сокрытием предметов в специальных хранилищах либо с обманным использованием таможенных и иных документов, либо в крупных размерах, либо группой лиц, организовавшихся для занятия контрабандой, либо должностным лицом с использованием служебного положения. При отсутствии перечисленных признаков контрабанда товаров и иных ценностей рассматривалась как административное правонарушение. Контрабанда второй группы предметов являлась преступлением в любом случае. Следует отметить, что по сравнению с предыдущими Уголовными кодексами советского периода УК РСФСР 1960 г. формулировал состав контрабанды более четко и определенно.

Таким образом, анализ законодательства Союза ССР и РСФСР свидетельствует о том, что в шестидесятые годы прошлого столетия применительно к регламентированию ответственности за контрабанду произошло четкое размежевание компетенции административного и уголовного закона, что, бесспорно, следует признать позитивным процессом.

Законом РФ от 1 июля 1994 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс

РСФСР»[31] была изменена редакция статьи 78 УК. Под контрабандой стало пониматься незаконное перемещение через таможенную границу только особых видов предметов (оружия, наркотиков и пр.). Это деяние по-прежнему содержалось в главе первой Особенной части УК РСФСР «Государственные преступления» и относилось к числу иных государственных преступлений. Контрабанда же товаров и иных предметов, названных в ст.78 УК, была переименована в нарушение таможенного законодательства Российской Федерации, ответственность за которое предусматривалась ст. 169 УК.

Следующим этапом в развитии уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за контрабанду, явилось принятие Уголовного кодекса РФ 1996 года, анализ соответствующих положений которого в данной работе даваться не будет.

Таким образом, осуществленный нами исторический анализ развития российского уголовного законодательства об ответственности за контрабанду свидетельствует о том, что истоки этого процесса мы находим уже в X веке, затем следует поступательный процесс его формирования, совершенствования. На него, естественно, оказывалось воздействие социально-экономические и политические условия существования российского государства. Давая оценку содержания современного уголовного законодательства, мы можем наблюдать множество элементов исторической преемственности в определениях, терминах, а также подходах к конструированию соответствующих составов преступных посягательств.

Литература:

1.Гавозда К.В. , Мамотов В.В. Памятники средневекового права Руси X – XVI в.в. (историко-правовой комментарий): Учебное пособие. Новороссийск, 2001. С. 15 – 16; Габричидзе Б.Н., Зобов В.Е. Таможенная служба в Российской Федерации. М., 1993. С.12; Лодыженский К. История русского таможенного тарифа. СПб., 1886. С.1; Марков Л. Очерки по истории таможенной службы. Иркутск, 1987. С.24 – 25.

2.Там же. С. 23.

3.Там же. С.37.

4.Контрабанда и контрабандисты: Серия: Энциклопедия преступлений и катастроф / Наркотики, антиквариат, оружие / Сост. Т.И. Ревяко. Минск, 1997. С.11.

5.История государства и права СССР: Учебник / Под ред. К.А. Сафроненко. Часть I. М., 1967. С. 209 - 232.

6.Осокин Е. Указ. соч. С.112

7.История государства и права СССР (сборник документов). Часть I / Сост. А.Ф. Гончаров, Ю.П. Титов. М., 1968. С.195 - 196.

8.История государства и права СССР (сборник документов). Часть I. М., 1968. С.197 – 258.

9.Евреинов Н. История телесных наказаний в России. СПб., 1913. С.26.

10.Контрабанда и контрабандисты: наркотики, антиквариат, оружие. С.16 – 18.

11.Пограничник. 1906. № 1. С.15.

12.Контрабанда и борьба с ней. М., 1925. С.2.

13.История государства и права СССР (сборник документов). Часть I. С.319 – 320.

14.Кучеров И.И. На службе податей казенных, или как велась борьба с налоговыми нарушениями в царской России // Налоговая полиция. 1995. № 5 -6.
15.Чернушевич М. Указ. соч.
16.Свод законов Российской империи. Т.XV. С.508 – 509.
17.Материалы к истории пограничной стражи. СПб., 1901.
18.Российское законодательство X – XX вв.: В 9-ти т. / Под общ. ред. О.И. Чистякова. Т.6: Законодательство первой половины XIX века. М., 1988.
19.Контрабанда и контрабандисты: Наркотики, антиквариат, оружие. С.26.
20.СУ РСФСР. 1918. № 14.
21.СУ РСФСР 1921. № 5. Ст.37.
22.СУ РСФСР. 1921. № 79. Ст.674.
23.Декрет СНК РСФСР от 17 октября 1921 г. «О порядке реквизиции и конфискации имущества частных лиц и обществ» // СУ РСФСР. 1921. № 70. Ст.564.
24.СУ РСФСР. 1922. №15. Ст.153.
25.Курс советского уголовного права. Т.4: Часть Особенная / Под ред. А.А. Пионтковского, П.С. Ромашкина, В.М. Чхиквадзе. М.,1970. С.261-262.
26.Практика таможенного дела. М., 1927. С.210.
27.Курс советского уголовного права. Т.4. С.262; СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст.600.
28.СЗ СССР. 1927. № 12. Ст.123. См. также: Советское уголовное право: часть Особенная / Под ред. А.А. Герцензона, З.А. Вышинской. М., 1951. С.127 – 129; Советское уголовное право: Особенная часть / Под ред. Б.С. Утевского. М., 1958. С.77 – 79.
29.Научно-практический комментарий к Закону об уголовной ответственности за государственные преступления. М., 1961.
30.Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст.591.
31.Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. №10. Ст.1109.

КОНТРАБАНДА В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ И КИТАЯ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Согомонов Д.К.
помощник прокурора г. Новороссийска
Сарычев В.В.
начальник Следственного управления Центрального
ДВД на транспорте МВД Республики Казахстан,
полковник юстиции,
г. Астана, Республика Казахстан

Аннотация. В статье содержится сравнительно-правовой анализ регламентации ответственности за контрабанду в уголовном законодательстве России и Китая. Авторы выявляют «родственные» положения УК обоих государств и отличающие их установления.

Ключевые слова: контрабанда, Уголовный кодекс РФ, Уголовный кодекс КНР, уголовная ответственность, наказание, компаративистский анализ.

Abstract. The article contains comparative-legal analysis of the regulation of-responsibility for smuggling in the criminal law of Russia and China. The authors of the document to be «related» provisions of the criminal code of both States and distinguishing their establishment.

Key words: smuggling, criminal code of the Russian Federation, the criminal code of the PRC, Hugo, responsibility, the punishment, the comparative analysis.

Федеральным законом от 7 декабря 2011 года №420-ФЗ осуществлена декриминализация так называемой товарной, или экономической, контрабанды [1], в связи с чем прекратила свое действие ст.188 УК РФ. Вместе с тем российский законодатель дополнил Уголовный кодекс двумя статьями – ст.226^1 и 229^2, устанавливающими ответственность за контрабанду особыми видами предметов.

Первая из названных статей предусматривает наказание за контрабанду сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, взрывчатых, радиоактивных веществ, радиационных источников, ядерных материалов, огнестрельного оружия или его основных частей, взрывных устройств, боеприпасов, оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а также материалов и оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а также стратегически важных товаров и ресурсов или культурных ценностей. Она помещена в гл.24 «Преступления против общественной безопасности» УК. Вторая – за контрабанду наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, инструментов или оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для изготовления наркотических средств или психотропных веществ. Это преступление отнесено к группе посягательств на здоровье населения (гл.25 УК).

Такое серьезное преобразование института ответственности за контрабанду породило немало вопросов и дискуссий [2], а также вызвало потребность осуществить компаративистское исследование для установления подходов зарубежного законодателя к регламентации названного преступления. В рамках настоящей статьи мы рассмотрим соответствующие положения Уголовного кодекса Китайской Народной Республики.

Особенностью Уголовного Кодекса КНР является наличие специально выделенных параграфов - §2 «Контрабанда» и §7 «Преступления, связанные с контрабандой, продажей, транспортировкой и изготовлением наркотиков» (ст.ст. 347 - 357).

Говоря об Уголовном Кодексе Китайской Народной Республики, нельзя не остановится на последних его изменениях, затронувших и нормы о контрабанде. Восьмой проект поправок к Уголовному кодексу КНР был подан на рассмотрение на 11-м заседании ПК ВСНП 11-го созыва в августе 2010 г. По результатам соцопросов данные поправки были утверждены на 19-м заседании ПК ВСНП 11-го созыва 25 февраля 2011 г. и вступили в силу с 1 мая 2011 г. [3]

Новая редакция УК КНР была принята в 1997 г. Предыдущие изменения производились в 1999, 2001 (дважды), 2002, 2005, 2006 и 2009 годах. По сравнению с прошлыми поправками главным предметом интереса общественности в восьмой поправке стал вопрос отмены смертной казни как меры наказания.

Согласно восьмой поправке к УК КНР смертная казнь отменяется по 13 составам экономических преступлений ненасильственного характера. В этот перечень входят и интересующие нас составы: контрабанда культурных ценностей; контрабанда драгоценных металлов; контрабанда ценных животных и продукции из них; контрабанда иных товаров и предметов, запрещенных государством к ввозу и вывозу[4]. Однако за контрабанду наркотиков сметная казнь не отменена, так как данный вид контрабанды посягает на другой объект. С позиций истории вопроса данное исключение вполне закономерно. Представляется, что эти нормы уголовного права были приняты в годы, когда большая часть Азии являлась колонией Англии, которая официально устроила здесь сбыт опия в промышленных масштабах, что вело к деградации населения. Именно поэтому во многих азиатских странах до сих пор действуют законы, которые направлены на сдерживание распространения опия.

Так, по мнению Б.Ф. Калачева «опиумные войны» 1840 - 1860 гг., развязанные против Китая вначале англичанами, а затем присоединившимися к Великобритании США, Францией, Бельгией, Швецией, Норвегией и некоторыми другими западными государствами, являются относительно хорошо исследованной темой [5].

Так, по некоторым, имеющимся в литературе сведениям, с 1795 по 1838 г. британцы завезли в Китай 450000 ящиков, или 27 тыс. тонн, опиума [6], а с 1863 по 1912 г. - все страны-импортеры 47,2 млн. тонн [7]. При этом китайское правительство «хорошо видело, что ввоз опиума происходил не без ведома английских купцов, и неоднократно обращалось к резидентам Ост-Индской компании с требованием прекратить эту торговлю» [8].

Только на 64-й год после развертывания британской экспансии опиума в Китай император Даогуань (1821-1850) решился на жесткие меры противодействия контрабанде наркотиков. К тому времени китайскую серебряную мошну англичане основательно выбрали, в стране (население

400 млн. человек) насчитывалось от 80 до 140 млн. наркозависимых [9], на глазах разрушались тысячелетние традиции, культура, нравственность.

Нельзя не отметить, тот факт, что в УК КНР очень подробно регламентирована уголовная ответственность за контрабанду наркотиков. Под наркотиками в УК КНР понимаются опиум, героин, метиламфетамин («лед»), морфий, гашиш, кокаин, а также определенные государством другие наркотические средства и психотропные вещества, способные вызвать у людей пристрастие к ним (ст. 357 УК КНР). Примечателен тот факт, что в соответствии с ч.1 ст. 347 УК КНР контрабанда, продажа, транспортировка и изготовление наркотиков рассматривается как преступление независимо от их количества и подлежат наказанию в соответствии с уголовным законом [10].

Контрабанда, продажа, транспортировка и изготовление опиума в количестве свыше 200 г., но менее 1000 г., героина или метилфениламина в количестве свыше 10 г., но менее 50 г. или иных наркотиков в сравнительно крупном объеме наказываются лишением свободы на срок свыше 7 лет и штрафом.

Контрабанда, продажа, транспортировка и изготовление опиума в количестве менее 200 г., героина или метилфениламина в количестве менее 10 г., или иных наркотиков в небольшом объеме наказываются лишением свободы на срок до 3 лет, краткосрочным арестом или надзором, а также штрафом; при отягчающих обстоятельствах - лишением свободы на срок от 3 до 7 лет и штрафом.

Квалифицирующими признаками согласно ч.2 ст. 347 УК КНР являются:

1) контрабанда, продажа, транспортировка и изготовление опиума в количестве свыше 1000 г., героина или метилфениламина в количестве свыше 50 г. или иных наркотиков в крупном объеме;

2) руководство группой, занимающейся контрабандой, продажей, транспортировкой и изготовлением наркотиков;

3) вооруженное прикрытие контрабанды, продажи, транспортировки и изготовления наркотиков;

4) сопротивление с применением насилия проведению досмотра, задержанию и аресту, при отягчающих обстоятельствах;

5) участие в организованной международной торговле наркотиками.

Санкция ч.2 ст.347 УК КНР предусматривает самые строгие виды наказания - лишение свободы на срок 15 лет, бессрочное лишение свободы, смертную казнь. Обращает на себя внимание тот факт, что УК КНР предусматривает в качестве дополнительного наказания конфискацию имущества. С позиции китайского законодателя, подобный подход является наиболее действенным для крупных торговцев наркотиков (по аналогичному пути идет, например, и уголовное законодательство США).

Обращает на себя внимание статья 349 УК КНР, предусматривающая ответственность за «покрывательство преступных элементов», занимающихся контрабандой, продажей, транспортировкой и изготовлением наркотиков; предоставление убежища преступным элементам, передачу, укрывательство наркотиков или имущества, полученного преступным путем. Санкция ч.1 ст. 349 УК КНР предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок до 3 лет, краткосрочного ареста или надзора. Часть 2 ст. 349 УК КНР в качестве квалифицирующего признака предусматривает специальных субъектов преступления. Законодатель дает их исчерпывающий перечень. К ним относятся лица, занимающиеся розыском наркотиков, или иные работники государственных органов, покрывающие преступных элементов, занятых контрабандой, продажей, транспортировкой и изготовлением наркотиков. Для них предусмотрено более суровое наказание, чем для общих субъектов, - лишение свободы на срок от 3 до 10 лет.

При этом совершение указанных в частях первой и второй статьи 349 УК КНР преступлений по предварительному сговору одновременно влечет за собой наказание и как за контрабанду наркотиков.

Повышенное внимание уделяет китайский законодатель к лицам, ранее осужденным за контрабанду, продажу, транспортировку, изготовление, незаконное владение наркотиками. При повторном совершении любого из преступлений, перечисленных в рассматриваемом нами §7, названные лица наказываются максимально суровым наказанием из предусмотренных в санкциях данных статей.

В §2 «Контрабанда» главы 3 Особенной части УК КНР «Преступления, связанные с нарушением порядков социалистического рынка» в ст. 151 очень подробно регламентирована ответственность за контрабанду. В данной норме объединены три самостоятельных состава контрабанды, различающиеся спецификой объекта посягательства. Так, в ч.1 ст. 151 УК КНР предусмотрена ответственность за специальную контрабанду оружия, боеприпасов, ядерных материалов или фальшивой валюты, которая наказывается лишением свободы на срок свыше 7 лет и одновременно наложением штрафа или конфискацией имущества. При наличии смягчающих обстоятельств деяние наказуемо лишением свободы на срок от трех до семи лет и штрафом.

В ч.2 ст. 151 УК КНР речь идет о контрабанде запрещенных государством к вывозу из страны культурных ценностей, золота, серебра и прочих драгоценных металлов, а также запрещенных государством к ввозу в страну ценных животных и произведенной из них продукции. Она наказывается лишением свободы на срок свыше 5 лет и штрафом; при смягчающих обстоятельствах - лишением свободы на срок до 5 лет и штрафом.

Часть третья ст. 151 УК КНР посвящена контрабанде запрещенных государством к вывозу из страны уникальных растений и продукции из них, что наказывается лишением свободы на срок до 5 лет и одновременно

или в качестве самостоятельного наказания – штрафом. При отягчающих обстоятельствах – лишением свободы на срок свыше семи лет и одновременно наложением штрафа или конфискации имущества, а при особо отягчающих обстоятельствах - бессрочным лишением свободы, а также конфискацией имущества. Вооруженное прикрытие контрабанды в соответствии со ст. 157 УК КНР наказывается самыми суровыми мерами наказания из указанных выше.

Статья 152 УК КНР устанавливает ответственность за контрабанду с целью извлечения прибыли или распространения порнографических предметов (кинофильмов, картинок, печатной продукции и пр.).

Таким образом, в УК Китая представлена достаточно обширная система контрабанды специальными видами предметов. Вместе с тем в отличие от действующего УК РФ названный Кодекс устанавливает наказуемость простой («товарной») контрабанды. Она предусмотрена ст.153 и 154. Преступным является сговор и пособничество контрабандисту (ст.156), а также вооруженное прикрытие контрабанды и препятствование задержанию контрабандиста (ст.157).

Осуществленный анализ свидетельствует о том, что китайский законодатель в отличие от российского, предусмотрев систему специальных видов контрабанды, выделяемых в зависимости от свойств ее предмета, вместе с тем сохраняет ответственность за «товарную» контрабанду.

Литература:

1.Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. №50. Ст.736

2.Федоров А. Изменения в законодательстве об ответственности за контрабанду: новые реалии и проблемы // Уголовное право. 2012. №2.

3.Ли Гоцян. Краткий анализ восьмой поправки к Уголовному кодексу КНР, отменяющей смертную казнь как меру наказания за 13 составов преступлений // Российский юридический журнал. 2011. № 4. С.63.

4.Ли Гоцян. Указ. соч. С.63.

5.Калачев Б.Ф. Новая «опиумная война» в Афганистане // Наркоконтроль. 2009. № 4. С. 8.

6.Пескова Г.Н. Иностранная торговля опиумом в Китае и позиция России // Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений / Отв. ред. С.Л. Тихвинский. М., 1982. С. 383.

7.Новый энциклопедический словарь. Т. XXI. Петроград: Типография акц. о-ва «Издательское дело б. Брокгауз – Ефрон», б.г. С. 670.

8.Бутаков А.М., Тизенгаузен А.Е. Опиумные войны: Обзор войн европейцев против Китая в 1840-1842, 1856-1858, 1859 и 1860 годах. М., 2002. С. 7.

9.Корсаков В.В. О курении опиума // Московский медицинский журнал. 1925. №5. С. 73 (отдельный оттиск Московского медицинского журнала. 1925. №5); Опиум. Курители опиума в Китае. Мнение двух китайских сановников о влиянии его на судьбу Небесной Империи. Б.м., б.г. (напечатано приблизительно после 1837 г.). ГБЛ (W62/87). С. 45.

10.Уголовный Кодекс Китайской Народной Республики / Под ред. А.И. Коробеева. СПб., 2001. С. 231-232.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, НАПРАВЛЕННЫЕ ПРОТИВ ОБЩЕСТВЕННОЙ НРАВСТВЕННОСТИ, СВЯЗАННЫЕ С АЗАРТНЫМИ ИГРАМИ В ЗАРУБЕЖНОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Торосян Р.В.
преподаватель
Кубанский социально-экономический институт
Краснодар, Россия

Аннотация: Рассмотрены вопросы уголовной ответственности за азартные игры в зарубежном законодательстве. Азартные игры опасны и для здоровья человека. Увлекшись игрой, человек не замечает, как простой интерес перерастает в психическое расстройство, именуемое игроманией. Данное расстройство психиатры ставят в один ряд с наркотической и алкогольной зависимостью. Кроме того, игорный бизнес является благоприятной средой для распространения преступлений**.**

Ключевые слова: Уголовный кодекс, уголовная ответственность, азартные игры, незаконное содержание игорного заведения, проступки, направленные против общественной нравственности.

Abstract: Considered the issues of criminal responsibility for gambling in foreign legislation. Gambling dangerous for human health. Carried away by the game, the person does not notice how simple interest grows into a mental disorder, referred to as. This disorder psychiatrists put in one row with drug and alcohol addiction. In addition, the gambling business is a favorable environment for the spread of crime.

The keywords: Criminal code, code of criminal responsibility, gambling, illegal detention of the gambling institution, offences against public morality.

Уголовным законодательством ряда зарубежных государств предусмотрена ответственность за деяния, направленные против общественной нравственности, связанные с азартными играми. Соответствующая норма была и в УК 1960 г. - ст.208.1 «Организация азартных игр». В настоящее время такая деятельность признана разновидностью предпринимательства, и нарушение законодательства при ее осуществлении будет являться, например, преступлением в сфере экономической деятельности (при наличии всех необходимых признаков), но никак не преступлением против общественной нравственности.

Итак, ответственность за названные преступления предусмотрена, например, Уголовными кодексами штата Техас (ст.47.01–47.06), Турции (ст.567-570), Швеции (ст.14 гл.16).

В *УК Техаса* содержится целая глава 47 «Азартные игры», объединяющая нормы, устанавливающие ответственность за соответствующие преступления. В ст.47.01 УК даны определения терминам, используемым в статьях данной главы, в частности, «пари», «букмекерство», «игорное заведение», «игорный автомат», «игорная атрибутика», «лотерея» и др. Статья 47.02 УК устанавливает ответственность лица, которое заключает пари на промежуточный или окончательный результат игры или соревнования, или на выступление участника игры или соревнования; пари на результат любого политического выдвижения; играет на пари на деньги в любую игру с использованием карт, костей, шаров или на любом игорном автомате и др. Здесь же определены ситуации, в которых уголовное наказание исключено: например, если деятель участвовал в азартной игре на частной территории[1]; никто не получил никакой экономической выгоды, кроме личного выигрыша; поведение деятеля состояло исключительно в участии в лотерее данного штата, разрешенной на основании Акта о лотереях штата.

Наказание предусмотрено также за содействие незаконным азартным играм (ст.47.03 УК), незаконное содержание игорного заведения (ст.47.04 УК), сообщение информации в ходе азартной игры (ст.47.05 УК), незаконное владение игорным автоматом, игорными принадлежностями или игорными атрибутами (ст.47.06 УК).

В *УК Турции* статьи об ответственности за названные преступления расположены в главе первой «Азартные игры» раздела третьего «Проступки, направленные против общественной нравственности». Статья 567 УК устанавливает ответственность за организацию азартных игр в публичных или открытых для публики местах, а равно предоставление места для таких игр. Более суровое наказание предусмотрено для лиц, питающих пристрастие к азартным играм или принимающих ставки в таких играх. Менее опасным деянием признается игра в азартные игры в публичных или открытых для публики местах (ст.568 УК). В качестве отягчающего обстоятельства в обеих названных статьях предусмотрено повторное совершение деяния.

В ст.569 УК содержится понятие азартной игры – это игра, устраиваемая с целью приобретения выгоды, когда выигрыш или проигрыш зависит от воли случая. Статья 570 УК определяет, что такое открытые для публики места. Под ними понимаются места, где взимается плата за пользование игральными принадлежностями и оборудованием, даже в тех случаях, когда такие места принадлежат частным обществам, места, где обычно проводятся игры, и места, куда любой желающий участвовать в играх может свободно входить, если даже вход является бесплатным.

Наказаниями за названные преступления, в основном, являются денежный штраф, легкое заключение (на срок от десяти дней до одного месяца или от двух месяцев до одного года), в качестве дополнительного на-

казания выступает лишение права заниматься профессиональной или ремесленной деятельностью на срок до трех месяцев.

УК Швеции устанавливает ответственность за незаконную организацию для публики игр или других подобных мероприятий, результат которых целиком или существенно зависит от случая, и если ввиду природы этого мероприятия, размера ставок и других обстоятельств оно становится опасным или может принести значительный финансовый доход организатору (незаконная организация азартных игр), - ст.14 гл.16. Здесь же предусмотрено наказание за разрешение лицом такой деятельности в квартире или другом помещении, которые оно открыло для публичного доступа. Наказание за названные посягательства – штраф или тюремное заключение на срок не более двух лет.

Статья 14а устанавливает, что если преступление, указанное в статье 14, рассматривается как тяжкое, то лицо, его совершившее, приговаривается за тяжкую незаконную организацию азартных игр, к тюремному заключению на срок не менее шести месяцев и не более четырех лет. В части второй названной статьи определены критерии отнесения деяния к категории тяжкого: при этом особое внимание должно быть обращено на то, осуществлялось ли мероприятие профессионально, включало ли оно значительные суммы или иным образом носило особо опасный характер. Таким образом, понятие тяжести для названного преступления является преимущественно оценочным.

Законодательство ряда зарубежных стран (ст. 302 УК Бельгии, §203 УК Дании, §286 УК ФРГ, ст. 234 Закона об уголовном праве Израиля и ст. 567 УК Турции) предусматривает конфискацию имущества, используемого для проведения незаконных азартных игр, а также являвшегося предметом ставки либо выигрыша в подобных играх или дохода.

Увлечение азартными играми представляет реальную угрозу для общественной нравственности. Человек стремится получить деньги, не прилагая никаких усилий, не трудясь. У такого человека теряется интерес к работе, поскольку он полагает, что деньги можно получить с помощью выигрыша. Азартные игры опасны и для здоровья человека. Увлекшись игрой, человек не замечает, как простой интерес перерастает в психическое расстройство, именуемое игроманией. Данное расстройство психиатры ставят в один ряд с наркотической и алкогольной зависимостью. Кроме того, игорный бизнес является благоприятной средой для распространения преступлений. [2].

Литература

1.п. 8 ст.47.01 УК Техасса.

2.Севостьянов Р.А. Проблемы уголовной ответственности за организацию и ведение незаконного игорного бизнеса: Автореф. дис. ... к.ю.н. Саратов, 2009

II Раздел:
«Правовые аспекты противодействия преступлениям против несовершеннолетних»

К ВОПРОСУ О КРИМИНАЛИЗАЦИИ ДЕЯНИЙ В СФЕРЕ СЕКСУАЛЬНОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Мельников А.В.
соискатель кафедры уголовного права и криминологии
Кубанского государственного университета
Краснодар, Россия

Аннотация. В статье автор оценивает общественную опасность деяний, связанных с сексуальной эксплуатацией несовершеннолетних, как фундаментальное основание их криминализации. На основе осуществленного анализа предлагаются коррективы в соответствующие уголовно-правовые нормы отечественного законодательства.

Ключевые слова: криминализация, основание криминализации, общественная опасность, сексуальная эксплуатация, несовершеннолетние, общественная нравственность

Abstract. In the article the author considers the social danger of acts involving the sexual exploitation of minors, as the fundamental basis of their criminalization. On the basis of carried out analysis of the proposed adjustments in conformity appropriate criminal legal norms of domestic legislation.

Keywords: criminalization, obligations criminalization, public danger of sexual exploitation of minors, public morality

Необходимость тщательной оценки обоснованности криминализации состоит в том, что от того, насколько точно в законе закреплены признаки состава преступления, определено место преступного деяния в системе уголовного законодательства, напрямую зависит эффективность уголовно-правовой превенции.

Общественная опасность является фундаментальным основанием криминализации деяний. Она означает, что деяние вредоносно для общества. По справедливому утверждению Н.Ф. Кузнецовой, общественная опасность деяния состоит в том, что оно причиняет или создает угрозу причинения определенного вреда общественным отношениям [1]. Сходную точку зрения высказывает и Ю.А. Красиков, понимающий под общественной опасностью объективное свойство деяний, которые влекут негативные изменения в социальной действительности, нарушают упорядоченность системы общественных отношений [2].

Несмотря на кажущуюся очевидность рассматриваемой категории, в отечественной доктрине, как и нормотворческой практике, не представлено четких критериев определения общественной опасности. Общественная опасность как основание криминализации весьма сложна для правовой и материальной оценки. По мнению П.С. Тоболкина, это можно объяснить тем, что общественная опасность, являясь основополагающей категорией, дающей общее освещение всех основных проблем теории уголовного права, обеспечивающей концептуальное единство уголовно-правовых знаний, и выступая пределом обобщения уголовно-правовых знаний, не может быть раскрыта с помощью каких-либо других уголовно-правовых понятий [3].

Определенную ясность в вопрос о содержании общественной опасности деяния позволяет привнести ее структурный анализ. По мнению П.Н. Панченко, вывод о наличии либо отсутствии общественной опасности делается на основе всех объективных и субъективных признаков деяния, т.е. учитываются признаки, относящиеся к объекту и субъекту посягательства, а также самого посягательства [4]

Вместе с тем думается, что, являясь объективной категорией, общественная опасность формируется из содержания объективных признаков преступного деяния. Поэтому она определяется, прежде всего, объектом посягательства и его объективной стороной. В уголовно-правовой доктрине подчеркивается, что в основе криминализации лежит объективный вред, причиняемый общественным отношениям, или реальная опасность причинения вреда[5].

Обращаясь к вопросу криминализации деяний, связанных с сексуальной эксплуатацией несовершеннолетних, подчеркнем, что ее необходимость не подвергается сомнению. По справедливому замечанию Ю.П. Смирнова, «статьи УК РФ о преступлениях данного вида оказывают превентивное воздействие на потенциальных субъектов преступлений и учитывают виктимологические особенности участников охраняемых отношений, не противоречат предписаниям Конституции РФ и федерального законодательства» [6].

Вместе с тем существует достаточно много вопросов относительно избранной законодателем формы данной криминализации. Критический анализ проблемы следует проводить с учетом следующих постулатов:

- норма может гармонично «вписаться» в сложившуюся систему законодательства только в том случае, если она обладает теми же конструктивными свойствами, что и ранее принятые нормы;
- норма должна не нарушать, но, напротив, укреплять ранее сформировавшуюся систему правовых установлений;
- норма не может дублировать ранее существовавшие положения; она лишь должна восполнять не замеченные ранее или образовавшиеся с течением времени пробелы в системе криминализации деяний.

По крайней мере, второй и третий из названных постулатов при криминализации деяний, связанных с сексуальной эксплуатации несовершеннолетних, в УК РФ были нарушены.

В обоснование своего выводы приведем следующую аргументацию. Поместив ст. 240 и ст. 242[1] УК РФ в гл. 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности», в качестве видового объекта этих преступлений законодатель определил общественную нравственность. Однако фактическая степень их общественной опасности значительно выше и не ограничивается последствиями в виде нарушения устоев нравственности. Общественная опасность вовлечения несовершеннолетних в занятие проституцией, а также создания и оборота продукции с их порнографическими изображениями определяется непосредственным объектом данных преступлений, под которым следует понимать общественные отношения, которые обеспечивают состояние защищенности психического, сексуального здоровья и нравственного становления соответствующего лица. Оценка последствий названных преступных посягательств в данном случае однозначно свидетельствует о том, что в результате этих деяний неизбежно причиняется вред психическому здоровью несовершеннолетнего, следовательно, приоритетом уголовно-правовой защиты должно выступать именно его здоровье. Общественная нравственность в данном случае является дополнительным объектом посягательства. В пользу признания непосредственным объектом рассматриваемых преступлений здоровья несовершеннолетнего высказываются и другие авторы [7]. Кроме того, в УК РФ выделена отдельная глава, объединяющая посягательства в отношении несовершеннолетних, – гл. 20 «Преступления против семьи и несовершеннолетних». Поэтому, на наш взгляд, дабы не нарушать стройной системы уголовного закона, построенной на иерархии видового, родового и непосредственного объектов преступления, более логично все нормы о преступлениях против несовершеннолетних размещать в рамках названной главы.

На этом основании считаем, что вовлечение несовершеннолетнего в занятие проституцией следует предусмотреть в ч. 3 ст. 151 УК РФ, а положения ст. 242[1] УК РФ полностью переместить в гл. 20 УК РФ, дополнив ее ст.151[2].

Криминологическим основанием криминализации должны выступать динамика общественно опасных деяний, а также их причины и условия. Из официальных источников следует, что ежегодно жертвами подобных преступлений становятся от 600 до 800 тысяч человек. Из них 80% жертв составляют женщины, до 50% - несовершеннолетние [8]. Так, в 2002 г. зарегистрировано 92 преступления по ст. 240 (выявлено и привлечено к ответственности 17 человек), 241 преступление по ст.241 (привлечено к ответственности 158), в 2003 г. по ст. 240 зарегистрировано 276 преступлений (выявлено 100 виновных), по ст. 241 - 976 преступлений (выявлено 656 че-

ловек), в 2005 г. по ст. 240 - 390 преступлений (100 человек), по ст. 241 - 1039 преступлений (741 человек), в 2006 г. по ст. 240 - 548 преступлений (262 человека), по ст. 241 - 1376 преступлений (967 человек), в 2007 г. по ст. 240 – 575 преступлений (273 человека), по ст. 241 – 1570 преступлений (1049 человек), в 2008 г. по ст. 240 – 446 преступлений (199 человек), по ст. 241 – 1419 преступлений (1051 человек), в 2009 г. по ст. 240 – 648 преступлений (454 человека), по ст. 241 – 1715 преступлений (950 человек) [9]

Если в отношении динамики данное требование, как правило, отечественным законодателем соблюдается, то, говоря о втором криминологическом компоненте криминализации, подобного утверждать нельзя. Законодатель пока крайне мало внимания уделяет проблеме нейтрализации причин и условий преступлений. При криминализации необходим не только учет динамики данных деяний, но и их причин, поскольку выяснение таковых показывает обусловленность уголовного закона факторами, характеризующими источник преступного поведения [10].

Учет порождающих общественно опасные деяния причин и условий имеет весьма существенное значение как для правильного установления уголовно-правового запрета, так и для определения его пределов [11]. Этот вопрос особенно актуален для криминализации деяний, связанных с сексуальной эксплуатацией несовершеннолетних. Криминологические исследования, да и судебно-следственная практика отчетливо свидетельствуют, что в большинстве случаев субъектами этих деяний выступают родители, близкие родственники либо лица, которым вверены подростки в силу их профессиональной деятельности (учителя, воспитатели, руководители спортивных секций и т.п.). Следовательно, правовой статус названных лиц выступает условием для совершения преступных деяний в отношении несовершеннолетних. Думается, что законодатель должен принять меры к его нейтрализации, закрепив более высокую меру уголовной ответственности для лиц, являющихся родителями, законными представителями, а также лиц, осуществляющих педагогическую деятельность.

Данное предложение в полной мере соответствует социально-психологическим и историческим факторам криминализации деяний в России. Для того чтобы нормы уголовного закона могли реально воздействовать на поведение людей, они должны быть социально-психологически и традиционно-исторически обоснованы. Главный социально-психологический фактор криминализации состоит в том, что объявление деяния уголовно наказуемым должно одобряться обществом: «... Криминализация любого деяния должна быть «морально обоснована», т. е. должна получить моральную поддержку большинства членов общества в связи с отрицательной моральной оценкой криминализируемого деяния». Для российского общества, сильного своими патриархальными традициями, вполне естественно требование об усилении наказания за совершение преступления близкими родственниками потерпевшего. Следовательно, перечень

лиц, указанных в ч. 2 ст. 151 УК РФ, необходимо дополнить указанием на близких родственников несовершеннолетнего.

Следует также оговориться, что существенному пересмотру в свете предлагаемой оптимизации ст. 151 УК РФ должна быть подвергнута ее санкция.

Резюмируя изложенное, предлагаем следующую редакцию ст. 151 УК РФ

Статья 151. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий

1. Вовлечение несовершеннолетнего в систематическое употребление спиртных напитков, одурманивающих веществ, в занятие бродяжничеством или попрошайничеством, совершенное лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, наказывается

2. То же деяние, совершенное родителем, иным близким родственником, педагогом либо другим лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего, наказывается

3. Вовлечение несовершеннолетнего в занятие проституцией или принуждение к продолжению занятия проституцией, совершенное лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста,

4. То же деяние, совершенное родителем, иным близким родственником, педагогом либо другим лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего, наказывается

5. Деяния, предусмотренные частями первой, второй, третьей или четвертой настоящей статьи, совершенные с применением насилия или с угрозой его применения, наказываются

Примечание оставить в прежней редакции.

Литература:

1.Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. М., 1969. С. 60.

2.Уголовное право России: учебник для вузов. Общая часть / Под ред. А.И. Игнатова, Ю.А. Красикова. М., 2000.С. 71.

3.Тоболкин П.С. Социальная обусловленность уголовно-правовых норм. Свердловск, 1983. С. 48.

4.Актуальные проблемы криминализации и декриминализации общественно опасного деяния. Омск, 1980. С. 8.

5.Там же. С. 17.

6.Смирнов Ю. П. Уголовная ответственность за сексуальную эксплуатацию других лиц в форме занятия ими проституцией: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2010. С. 7.

7.Валентонис А.С. Криминологические и уголовно-правовые аспекты противодействия обороту предметов или материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних. Тамбов, 2010. С. 9.

8.Смирнов Ю.П. Указ. соч. С. 4.

9.mvdinform.ru

10.Левченко В. Ю. Юридические и социально-психологические основания криминализации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Электронное периодическое издание ISSN 2220-2404 (печать) ISSN 2221-1373 (Online): Line-science.ru

11.Дубнов А.П., Дубовцев В.А. Философия преступности: проблемы криминализации российского общества. Екатеринбург, 1999. С. 27.

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПОСЯГАТЕЛЬСТВАМ ПРОТИВ ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ЮВИНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)

Никитина Л.В.
аспирант Краснодарского университета МВД России,
Краснодар, Россия

Аннотация: Автором рассматриваются основы ювинального законодательства в России с позиций результатов противодействия посягательствам в сфере защиты прав и интересов несовершеннолетних.

Ключевые слова: несовершеннолетние; ювинальное законодательство; преступления против несовершеннолетних.

Abstract: the author examines the basics of ûvinal′nogo legislation in Russia in terms of results against infringements in the field of the protection of the rights and interests of minors.

Keywords: minors; ûvinal′noe legislation; crimes against minors.

Конституция РФ гарантирует обеспечение государственной поддержки и защиты детства, провозглашает неотчуждаемость прав и свобод человека и принадлежность их каждому от рождения, а также равенство всех перед законом и судом [1]. Впервые на законодательном уровне государственная политика в интересах детей получила свое закрепление в Федеральном законе от 24 июля 1998г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», где наряду с Конституцией РФ установлены основные гарантии и законные интересы ребенка [2]. В частности, в нем предусмотрено, что органы государственной власти Российской Федерации, органы государственной власти субъектов РФ, должностные лица указанных органов в соответствии со своей компетенцией содействуют ребенку в реализации и защите его прав и законных интересов. Далее Федеральным законом от 28.04.2009 № 71-ФЗ введена в действие новая статья 14.1 Федерального закона «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», предусматривающая меры по содействию физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию детей [3].

Во исполнение названной нормы Законодательным Собранием Краснодарского края принят Закон от 21 июля 2008 года № 1539- КЗ «О мерах по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних

в Краснодарском крае», целью которого является создание правовой основы для защиты жизни и здоровья несовершеннолетних, профилактики их безнадзорности и правонарушений на территории Краснодарского края[4].

Оговариваются обязанности в указанной сфере деятельности органов и учреждений, осуществляющих профилактику безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, определен порядок взаимодействия каждого из указанных органов и учреждений с другими звеньями системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних при выявлении безнадзорных, беспризорных несовершеннолетних или несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении либо проживающих в неблагополучных семьях. К органам, осуществляющим профилактику безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних Закон относит - комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, органы управления социальной защитой населения, органы управления образованием, органы опеки и попечительства, органы по делам молодежи, органы управления здравоохранением, органы государственной службы занятости, органы внутренних дел (милиция), органы управления культурой, досугом, спортом и туризмом, другие органы, осуществляющие (в соответствии с их компетенцией) меры по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в порядке, установленном законодательством Российской Федерации и законодательством Краснодарского края. Родителям и иным законным представителям несовершеннолетних вменяется в обязанность принимать меры по недопущению пребывания несовершеннолетних в ночное время в общественных местах (приводится неисчерпывающий перечень таких мест и критерии ночного времени для разных возрастных групп), учащихся в учебное время - в Интернет-залах, игровых клубах, кафе, барах, ресторанах, кинотеатрах, развлекательных комплексах и иных развлекательных заведениях, за исключением специально организованных учебными заведениями в учебное время культпоходов. Несовершеннолетние не должны допускаться к участию в конкурсах красоты, к посещению игорных заведений, предприятий общественного питания, в которых подают алкогольные напитки и пиво, а также организаций, которые осуществляют реализацию товаров (услуг), эксплуатирующих интерес к сексу, распространение печатной продукции, аудио- и видеопродукции, пропагандирующей насилие и жестокость, порнографию, наркоманию, токсикоманию, антиобщественное поведение. Вместе с тем, специальные меры ответственности за нарушение норм Закона не оговорены (органы власти субъектов РФ не обладают полномочиями по установлению мер административной или иной ответственности в данной сфере правового регулирования). Согласно Закону, ответственность за нарушение его положений наступает в случаях и порядке, предусмотренных федеральным законодательством.

Порядок образования и деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, а также полномочия комиссий определены в Законе Краснодарского края от 13 ноября 2006 года № 1132-КЗ « О комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав в Краснодарском крае»[5].

На уровне Краснодарского края был принят Закон от 26 июня 2002 года № 498-КЗ «Об уполномоченном по правам ребенка в Краснодарском крае»[6], которым определены правовые, организационные и финансово-экономические основы осуществления деятельности Уполномоченным по правам ребенка в Краснодарском крае, к компетенции которого отнесены реализация и обеспечение гарантий основных прав и законных интересов ребенка в Краснодарском крае, их соблюдения и уважения государственными органами, органами местного самоуправления, организациями и должностными лицами. Приоритетным направлением в деятельности Уполномоченного по правам ребенка определена защита прав и законных интересов детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, а также лиц из их числа.

В 2007 году Законодательным Собранием был принят Закон Краснодарского края от 29 декабря 2007 года № 1372-КЗ «О наделении органов местного самоуправления в Краснодарском крае государственными полномочиями Краснодарского края по организации и осуществлению деятельности по опеки и попечительству в отношении несовершеннолетних»[7]. Предметом регулирования этого Закона стало наделение органов местного самоуправления муниципальных районов и городских округов в Краснодарском крае государственными полномочиями Краснодарского края по организации и осуществлению деятельности по опеке и попечительству в отношении несовершеннолетних. Целью Закона является создание правовой основы защиты прав и интересов детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Для улучшения качества жизни и здоровья детей в Краснодарском крае, повышения доступности социальных услуг для семей с детьми, в том числе для семей с детьми-инвалидами, и для совершенствования государственной системы социальной защиты несовершеннолетних, попавших в трудную жизненную ситуацию, создана краевая целевая программа «Дети Кубани» на 2009–2013гг.[8]. В данную программу включены подпрограммы «Дети и семья», «Профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», «Дети-инвалиды», «Дети-сироты», «Одаренные дети Кубани», «Организация отдыха, оздоровления и занятости детей и подростков» и «Здоровый ребенок». Общий объем денежных средств краевого бюджета, предусмотренных на реализацию мероприятий программы, со-

ставляет 4 млрд. 847 млн. 771 тыс. рублей, в том числе в 2009 году - более 965 млн. руб.

Таким образом, правовая основа деятельности органов государственной власти и государственных учреждений в области профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних создана как на федеральном уровне, так и на уровне Краснодарского края. Вместе с тем является признанным тот факт, что указанная система при решении конкретных проблем неэффективна.

Недостаточная работа проводится и по организации занятости и трудоустройства несовершеннолетних. Так в крае из 666 подростков, совершивших преступления, 370 не учились и не работали, что составляет 55,6%. В Прикубанском округе города Краснодара из 27 несовершеннолетних, совершивших преступления, 25 не учились и не работали; в Западном округе г. Краснодара из 26 - 20 были не заняты, в г. Геленджике 8 из 9; в Славянском районе 13 из 15; в Динском районе 7 из 11[9].

Не должным образом, проводится работа по раннему выявлению семейного неблагополучия, защите прав и законных интересов несовершеннолетних. Достаточно сказать, что «в Отрадненском районе в январе 2009 года отец жестоко избил свою дочь, в результате чего она была госпитализирована с диагнозом «закрытая черепно-мозговая травма, сотрясение головного мозга, тупая травма брюшины». В Новороссийске в феврале 2009 года отец убил свою годовалую дочь, когда она ночью проснулась и стала плакать. В Успенском районе в марте 2009 года была изнасилована четырнадцатилетняя школьница. В Северском районе в апреле 2009 года бабушка задушила свою внучку. В Курганинском районе в апреле 2009 года сосед убил и бросил в колодец 10-летнюю девочку. В Мостовском районе в мае 2009 года мать повесила свою 7-летнюю дочь. При этом ни органы уполномоченные защищать детство, ни полиция, ни главы сельских поселений, ни общественность своевременно не приняли необходимых мер по защите прав и законных интересов детей.

В Карасунском округе города Краснодара мать избивала, унижала своего двенадцатилетнего сына, который обратился во внутриокружную комиссию по делам несовершеннолетних и защите их прав за помощью в помещении его в социально-реабилитационный центр, но должностные лица муниципальных органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, которые должны защищать детство, проявили волокиту и формализм в принятии мер» [10].

Логичным развитием системы охраны и защиты прав ребенка могло бы послужить создание системы ювенальной юстиции как институциональной основы формирования ювенальной политики. Формирование системы правовых актов как фактора, в котором находит выражение политика государства в сфере защиты прав и интересов несовершеннолетних, обусловлено созданием системы ювенального законодательства. Работу в дан-

ном направлении необходимо начать с разработки концепции по созданию ювенальной юстиции в Российской Федерации как ее законодательной, так и институциональной основ.

При создании законодательства о ювенальной юстиции и ювенальной системе, которое является составной частью ювенального права, следует принять во внимание предложения некоторых авторов о проведении ревизии действующей нормативной правовой базы для выявления и последующего устранения имеющихся противоречий, пробелов и дублирования, в том числе в отношении законов, защищающих права и интересы несовершеннолетних, направленных на предупреждение безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Так, А.В. Заряев считает, что «в нашей стране юридические нормы, регламентирующие правовой статус несовершеннолетнего, фактически входят в состав многочисленных обособленных отраслей права. Такая ситуация неизбежно порождает как коллизии, так и пробелы в правовом регулировании общественных отношений с участием несовершеннолетних. Вот почему необходим комплексный правовой подход к проблемам защиты прав и законных интересов несовершеннолетних и создания системы органов для регулирования общественных отношений с участием несовершеннолетних (органов ювенальной юстиции). По этой причине для определения правового статуса несовершеннолетнего в настоящее время возникла необходимость формирования новой для отечественных права и законодательства отрасли - ювенальной, которая, в свою очередь, будет регламентировать деятельность этих специализированных органов» [11, с.7].

По мнению Н.Е. Борисовой, «как любая отрасль права, ювенальное право отличается предметом и методом правового регулирования. Предмет регулирования ювенального права составляет не ребенок как таковой, а совокупность существующих общественных отношений, как минимум одной из сторон в которых выступает несовершеннолетний. Их круг составляют: условия и порядок обеспечения надлежащего статуса ребенка в отношениях, традиционно урегулированных профилирующими отраслями права (конституционным, финансовым, налоговым, семейным, гражданским, гражданско-процессуальным, трудовым, социального обеспечения, административным, уголовным, уголовно-исполнительным, уголовно-процессуальным и др.); личные неимущественные и имущественные, социально-экономические, политические отношения, в которых ребенку как их участнику противостоят взрослые; формы и порядок юридической ответственности несовершеннолетних в русле отношений, связанных со становлением и функционированием системы ювенальной юстиции» [12, с.79].

В теоретической науке в этой связи выделяется два основных подхода определяющих внутреннюю организацию системы законодательства. Первый - характеризуется тем, что в системе законодательства выделяются

ее отрасли [13, с.107-113]. Другой - отмечает, что система законодательства явление комплексное и его внутренняя дифференциация возможна на основе концепции системы и структуры права [14, с.39-40]. Большинство ученых, исследующих указанную проблему, выделяют один из центральных элементов структуры системы законодательства - отрасль законодательства. На этом дифференциация системы законодательства заканчивается. Однако существует и отличающийся научный подход по данной проблеме. Так, И.Л. Бачило предлагает выделить следующие элементы: норма права, нормативно-правовой акт и блок нормативно-правовых актов или отрасль законодательства [15, с.84]. По нашему мнению, подобное структурирование законодательства в контексте его гармонизации вполне уместно. Вместе с тем существует еще иерархическая, федеративная и отраслевая дифференциация системы законодательства. Это обстоятельство позволяет отметить приемлемость именно данного подхода для практического построения системы ювенального законодательства Российской Федерации.

Нам представляется, что система ювенального законодательства как необходимое условие регламентации развивающихся и требующих правового регулирования отношений в сфере защиты прав и интересов несовершеннолетних должна отражать следующие аспекты ювенальной политики в современной России:

1. Закрепить понятие, принципы, цели, функции и задачи ювенальной политики Российской Федерации, определить ее приоритетные направления.

2. Определить круг субъектов формирующих и реализующих ювенальную политики, их предметы ведения и полномочия в указанной сфере, учитывая федеративную организацию российского государства и принципы организации местного самоуправления, предпринять меры по разграничению предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и ее субъектов, отметить круг полномочий органов местного самоуправления в данной области, а также негосударственных органов, учреждений и организаций, занимающихся защитой прав и интересов несовершеннолетних, и их взаимодействие.

3. Определить виды объектов ювенальной политики и режим их правового регулирования.

4.Закрепить правовой статус несовершеннолетних, разработать систему гарантий защиты прав и его интересов.

5.Закрепить нормы, регламентирующие обучение, образование и подготовка специалистов для институциональной системы ювенальной политики.

6. Закрепить ответственность за нарушение ювенального законодательства.

7. Совершенствовать систему административной и судебной защиты прав и интересов несовершеннолетних.

8. Урегулировать правовые средства борьбы с детской безнадзорностью и беспризорностью.

9. Закрепить нормы о международном сотрудничестве в сфере защиты прав несовершеннолетних, цели и задачи данного сотрудничества, его функции, положения о непосредственном применении норм международного права к регулированию ювенальных отношений.

Литература:

1.Конституция РФ, принята референдумом 12 декабря 1993г. с изм. и доп. от 30 декабря 2008 г. // Российская газета. 21 января 2009г.

2.Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации: Федеральный закон от 24 июля 1998г. № 124-ФЗ (в ред. от 17.12.2009) // СЗ РФ. 2009 г. № 51 ст. 6163.

3.О внесении изм. в ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»: Федеральный закон от 28 апреля 2009 г. № 71-ФЗ // СЗ РФ. 2009. №18 ст. 2151.

4.О мерах по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в Краснодарском крае: Закон Краснодарского края от 21 июля 2008г. №1539-КЗ// Кубанские новости. 22 июля 2008г. № 120.

5.О комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав в Краснодарском крае: Закон Краснодарского края от 13 ноября 2006 г. № 1132- КЗ (в ред. от 20.12.2010) // Кубанские новости. 22 декабря 2010г. № 226.

6.Об уполномоченном по правам ребенка в Краснодарском крае: Закон Краснодарского края от 26 июня 2002г. №498-КЗ (с изм. и доп.) // Кубанские новости. 07 мая 2009г. №72.

7.О наделении органов местного самоуправления в Краснодарском крае государственными полномочиями Краснодарского края по организации и осуществлению деятельности по опеки и попечительству в отношении несовершеннолетних: Закон Краснодарского края от 29 декабря 2007г. №1372-КЗ (в ред. от 05.04.2010) // Кубанские новости. 08 апреля 2010г. №57.

8.Об утверждении краевой целевой программы «Дети Кубани» на 2009-2013гг.: Закон Краснодарского края от 29 декабря 2008г. №1654-КЗ (в ред. от 29.12.2010) // Кубанские новости. 30 декабря 2010г. №231.

9.О состоянии работы по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в муниципальных образованиях Краснодарского края в рамках реализации закона Краснодарского края от 21 июля 2008г. №1539 «О мерах по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в Краснодарском крае за 4 месяца 2009 года»: Постановление комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав при администрации Краснодарского края от 20 мая 2009г. № 4/1.

10.Там же.

11.Ювенальное право: Учебник для вузов / Под ред. А.В. Заряева, В.Д. Малкова. М.: ЗАО «Юстицинформ», 2005.

12.Борисова Н.Е. Развитие ювенального права в России. М., 1999.

13.Мозолин В.П. Система российского права (Доклад на Всероссийской конференции 14 ноября 2001г.) // Государство и право. 2003. № 1.

14.Пилипенко Е.А. Система российского права: структурно-сравнительный анализ. Дисс….канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2003.

15.Бачило И.Л. Проблемы гармонизации в законодательстве // Журнал российского права. 2000. № 8.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, СВЯЗАННЫХ С НАРКОТИКАМИ

Серая А.Н., к.ю.н., доцент
зам. начальника юридического отдела департамента муниципальной собственности и городских земель
Краснодара, Россия

Аннотация: Вопросы профилактики правонарушений среди несовершеннолетних являются одной из самых актуальных проблем современной России. За прошедшее десятилетие на территории Российской Федерации количество зарегистрированных преступлений, связанных с наркотиками и сильнодействующими веществами, возросло более чем в 10 раз. Масштабы и темпы распространения наркомании таковы, что ставят под угрозу физическое и моральное здоровье молодежи и будущее значительной её части, социальную стабильность российского общества в ближайшее время.

Ключевые слова: Несовершеннолетние, наркомания, преступления, национальная безопасность.

Abstract: The issues of prevention of offences among imperfectly-year-olds are one of the most actual problems of modern Russia. Over the past decade on the territory of the Russian Federation the number of for-registered drug-related crimes and substances, has increased more than in 10 times. The magnitude and rate of spread-a spread of drug addiction is such that endanger the physical and moral health of young people and the future of its significant part, social stability of the Russian society in the nearest time.

Keywords: Minors, drug addiction, crime, national security.

Сегодня ни у кого не вызывает сомнения, что критерием дееспособности и прозорливости власти является ее отношение к детям, уважение и защита прав, свобод и законных интересов. В раннем возрасте дети особенно уязвимы и особенно подвержены различным влияниям, и поэтому ребенок должен пользоваться приоритетом в том, что касается забот и ресурсов, а в ходе проводимых в России социально-экономических реформ общественное положение детей оказалось неблагополучным, а сами дети – незащищенными.[1]

Следовательно, вопросы профилактики правонарушений среди несовершеннолетних являются одной из самых актуальных проблем современной России. Взглянем на статистику.

За прошедшее десятилетие на территории Российской Федерации количество зарегистрированных преступлений, связанных с наркотиками и сильнодействующими веществами, возросло более чем в 10 раз.[2] Мас-

штабы и темпы распространения наркомании таковы, что ставят под угрозу физическое и моральное здоровье молодежи и будущее значительной её части, социальную стабильность российского общества в ближайшее время. В то же время, львиная доля выявленных преступлений приходится на деяния «низовых» курьеров, сбытчиков, хотя рынок на 90% контролируется организованным наркобизнесом.[3] Неоднократно зафиксированы случаи употребления наркотиков детьми 7-летнего возраста. До 40% подростков страны хотя бы один раз принимали наркотики. Сложность выявления наркотизма обусловлена его латентным характером.

По данным Европейского проекта школьных исследований по алкоголю и наркотикам (ESPAD), проведенного в 2007 году, 18,6 % российских учащихся в возрасте 15-16 лет имели хотя бы единичный опыт пробы препаратов конопли, 3,2 % – «экстази», 2,7 % – ЛСД. По экспертным оценкам, более 2 % населения регулярно потребляют наркотики, при этом почти две трети наркопотребителей – лица в возрасте до 30 лет.

Статистический анализ темпов роста численности молодежи, на которую в первую очередь нацелена наркотическая экспансия, позволяет выделить стабильную характеристику многоаспектного негативного социально-правового явления современной России – «молодежный наркотизм». Его тенденции должны быть учтены при построении инновационной модели российской антинаркотической политики.

Сегодня совершенно очевидно, что если не поставить надежный предупредительный заслон подростковой наркопреступности, то через какие-то 10-15 лет эта проблема обернется национальной трагедией для российского общества.[4] Иными словами, сегодня детство должно стать предметом сознательного конструктивного законодательства социальной, экономической, семейной, образовательной политики российского государства.[5] В этом случае законодательные акты обеспечат со стороны структур власти государства и общества реальные гарантии системы средств социальной и правовой защиты прав ребенка, позволяющей стать не только «объектом управления», но и «субъектом развития». Позволят обеспечить правовое регулирование механизма предупреждения. Лучшим средством станет взаимодействие правоохранительных органов и общественности.[6]

На основе принятой системы программных мероприятий Федеральной целевой программы “Комплексные меры противодействия злоупотреблению наркотиками и их незаконному обороту” было предложено в порядке эксперимента создать в Республике Северная Осетия - Алания и Московской области два межрегиональных центра для детей с девиантным поведением, страдающих наркоманией, организовать их лечение, общеобразовательное и профессиональное обучение и социальную адаптацию.

Особое внимание в противонаркоманийной пропаганде принадлежит телевидению. Именно благодаря рекламирующему подходу к фривольно-

му отношению к наркотикам, алкоголю и “легким последствиям”, возникающим вследствие их употребления, складывается катастрофическая наркотическая ситуация в молодежной среде. В учебных заведениях проводится разъяснительная профилактическая работа наркологами, психологами и представителями правоохранительных органов. Проводятся мероприятия по организации летней оздоровительной кампании для детей и подростков. Ведется психологическая и педагогическая работа с так называемыми “группами риска”.

Думается, что в этой связи, необходима разумная цензура, предотвращающая попадание на наш экран и на наши полки информации, приводящей к проявлению интереса к наркотикам. Вся информация должна быть направлена на возникновение у молодежи негативного отношения к наркотикам, на осознание пагубности как самого явления, так и негативных разрушающих последствий для личности, пристрастившейся к наркотикам. [7]

Правительство, исполнительные органы власти субъектов Российской Федерации стремятся исправить сложившееся положение с подростковой преступностью, прежде всего, силовыми способами, непосредственно предназначенными для борьбы с ней. Однако определенные позитивные результаты в этом могут быть достигнуты и через другие уровни социальной политики, непосредственно адресованной подрастающему поколению и лицам, ответственным за его воспитание.

До недавнего времени практически вся работа с трудными подростками ложилась на плечи правоохранительных органов и администрации края. Семья же принимала минимальное участие в воспитании таких несовершеннолетних. С принятием краевой комплексной программы реализации государственной молодежной политики ужесточается контроль за несовершеннолетними. Значительно повышена ответственность каждого участника воспитательного процесса. Наряду с руководителями муниципалитетов, директорами школ, участковыми и специалистами различных служб ответственность несут и родители, что позволит снизить преступность в молодежной среде и уменьшит количество праздношатающихся недорослей.[8]

Сегодня профилактические мероприятия, безусловно, обладают действенным профилактическим эффектом, предоставляя несовершеннолетним широкий арсенал легальных, социально одобряемых способов удовлетворения основных потребностей в труде, общении, признании. Меры данного уровня все чаще реализуются в рамках региональных программ предупреждения преступности несовершеннолетних.[9] Профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, определяющие меры общефедерального уровня, направленные на создание оптимальных условий жизни и воспитания несовершеннолетнего с учетом всех особенностей его социального статуса - компонент национальной политики государства

в отношении несовершеннолетних.[10] Государство располагает многими средствами реализации этой политики. Ниже рассмотрим региональные меры по совершенствованию механизма борьбы с подростково-молодежной преступностью, включая вопросы взаимодействие контролирующих и правоохранительных органов в борьбе с ней.

Местные власти рассматривают борьбу с подростковой преступностью в качестве одного из приоритетных направлений своей деятельности. На реализацию этих целей направлен целый ряд нормативных актов и документов. Неординарность, многообразие тактических приемов, обеспечивающих оптимальный эффект упреждающих и блокирующих мер позволили в крае обеспечить положительную динамику преступности несовершеннолетних. В своей совокупности элементы деятельности по предупреждению преступлений образуют специфическую систему регулирования общественных отношений, а это позволяет осуществлять социально-профилактические меры и меры индивидуальной профилактики. Курс на профилактику как генеральную линию борьбы с преступностью, определен ее основными направлениями, определяющими конкретные задачи в этой области перед правоохранительными и другими государственными органами, общественными организациями. Приоритетными направлениями являются:

- профилактика семейного неблагополучия и социального сиротства детей, восстановление благоприятной для воспитания ребенка семейной среды, семейное устройство детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей;
- социальная поддержка семей с детьми-инвалидами для обеспечения максимально возможного развития таких детей в условиях семейного воспитания, их социализации, подготовки к самостоятельной жизни и интеграции в общество;
- социальная реабилитация детей, находящихся в конфликте с законом (совершивших правонарушения и преступления, осужденных за совершенные преступления, в том числе условно осужденных, закончивших отбывать наказание), профилактика безнадзорности и беспризорности детей, преступности несовершеннолетних, в том числе рецидивной;
- содействие развитию межведомственной координации решения проблем детского неблагополучия как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов РФ, выработка успешных моделей построения такой работы на местном;
- выявление, распространение и поддержка лучших практик работы;
- продвижение программно-целевого подхода в решении задач по улучшению положения детей;
- целенаправленное содействие инфраструктурным изменениям, необходимым для сокращения распространенности детского неблагополучия;

- содействие сокращению разрыва между территориями в организации социальной работы с детьми, находящимися в трудной жизненной ситуации;

- поддержка профессиональных сообществ специалистов, работающих с детьми, находящимися в трудной жизненной ситуации.

Решение всех задач, связанных с предупреждением преступности несовершеннолетних, рассматривается не как «расходы» общества, а как инвестирование в особую сферу, от развития которой зависит будущий уровень безопасности общества.

Таким образом, региональная политика предупреждения преступности несовершеннолетних – это основанная на определенных идеях деятельность системы государственных и негосударственных институтов по формированию и реализации основных задач, принципов, направлений и средств предупреждения явления преступности несовершеннолетних с целью защиты человека общества и государства от преступных посягательств.

Только объединив все усилия, мы сможем преодолеть такой опасный «недуг», как преступления совершаемые подростками и преступления, в совершение которых они вовлекаются. Помочь подростку найти свое место в жизни, понять его стремление, интересы, дать возможность развиваться его индивидуальности, значит - во многом предотвратить преступление.

Литература

1.Состояние преступности в России. М.: ГИЦ МВД России, 1991-2000.

2.Ревин В.П. Незаконный оборот наркотиков в России и некоторые направления стабилизации ситуации. Сб. статей конференции «Проблемы совершенствования борьбы органов внутренних дел с незаконным оборотом наркотиков». М.: ИМПЭ им. А.С. Грибоедова, Академия управления МВД РФ. 2001. С.5

3.Преступность в России начала XXI века и реагирование на нее М. 200

4.Мехришвили, Л.Л. Социальная политика: концептуальные подходы к трансформации понятия / Л.Л. Мехришвили // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. - Пермь, 2007.

5.Указ Президента РФ от 10 января 2000 г. N 24 "О концепции национальной безопасности Российской Федерации" // СЗ РФ. - 2000. - №2. Ст. - 170.

6.Преступность несовершеннолетних в России в 1990-1994 гг. - М., 1995; Ермаков, В.Д. Преступность несовершеннолетних в СССР и Российской Федерации / В.Д. Ермаков, Н.И. Крюкова. - М., 1996

7.аблоцкис, Г.А. Информационно-методическое обеспечение анализа и прогнозирования преступности / Г.А. Заблоцкис, В.В. Романов // Методические рекомендации. - М., 1994. – С.4.

8.Постановление Правительства РФ от 18 декабря 1997 г. № 1565

9.Панкратов, В.В. Социальный контроль в структуре государственной политики предупреждения преступности несовершеннолетних;

10.Забрянский, Г.И. Основы концепции государственной политики предупреждения преступности несовершеннолетних / Г.И. Забрянский // Государственная политика предупреждения преступности несовершеннолетних и защита их прав и интересов. - М., 1997.

УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО КАК МЕРА БОРЬБЫ С ПОЛОВЫМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ ПРОТИВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Сидоренко Л.П.
Кубанский социально-экономический институт,
Краснодар, Россия

Аннотация: В статье рассмотрены изменения, внесенные в Уголовный закон, усиливающие наказание за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Государственная Дума Российской Федерации приняла «президентский» законопроект, направленный на борьбу с педофилией. В закон вошли некоторые новации, содержавшиеся в ранее отклоненном "депутатском" законопроекте.

Ключевые слова: Половая неприкосновенность, несовершеннолетний, уголовное законодательство.

Abstract: In article the changes brought in the Criminal law, strengthening punishment for crimes against sexual inviolability of minors are considered. The State Duma of the Russian Federation adopted the "presidential" bill directed on fight against pedophilia. The law included some innovations containing in earlier rejected "deputy" bill.

Key words: Sexual inviolability, minor, criminal legislation.

В целом Уголовные законы о половых преступлениях представляют собой часть социальных воззрений общества относительно должного поведения человека в сфере половых отношений.

В зависимости от способа удовлетворения полового влечения вышеуказанные преступления можно разделить на две группы: где оно имеет место и где оно отсутствует.

К первой группе относятся: все виды изнасилования, понуждения лица к половому сношению, половое сношение с лицом, не достигшим 14-летнего возраста.[1] С объективной стороны изнасилование может выступать в следующих формах: 1) половое сношение с применением либо угрозой применения насилия к потерпевшей; 2) половое сношение с применением либо угрозой применения насилия к другим лицам; 3) половое сношение с использованием беспомощного состояния потерпевшей. В случаях с использованием беспомощного состояния потерпевшей необходимо заключение соответствующей экспертизы, если беспомощное состояние наступило под воздействием алкогольного (признается лишь такая степень опьянения, которая лишала возможности сопротивления) или наркотического опьянения, если потерпевшая страдала душевным расстройством либо находилась в состоянии

психологического ступора.[2]

Ко второй группе относятся насильственные действия сексуального характера, понуждение к мужскому или женскому гомосексуализму либо совершению иных действий сексуального характера; мужской или женский гомосексуализм по отношению к лицу, не достигшего 14-летнего возраста, и развратные действия. Закон предусмотрел несколько способов понуждения, исключающие физическое насилие, угроз его применения либо использование беспомощного состояния.

Понуждение может выражаться как шантаж или угрозы уничтожения, повреждения или изъятия имущества. Вторым способом понуждения законодатель называет использование материальной или иной зависимости потерпевшего. В случае реализации такой угрозы при наличии всех признаков соответствующего состава преступление нужно вести речь о совокупности злоупотреблением полномочиями или должностными полномочиями либо превышением должностных полномочий. Зависимость может быть вертикальной, основанной на доминировании одного человека над другим (служебная, административная, материальная), и горизонтальной при равном микростатусе людей (семейная, дедовщина). Субъектом преступления горизонтальной зависимости могут выступать родители или опекуны.

Следует провести четкое разграничение между составами этих двух категорий преступлений. Такое разграничение может быть проведено по нескольким параметрам:

1. При изнасиловании и насильственных действиях сексуального характера обвиняемый воздействует на жертву с помощью физического насилия, угроз его применения либо использует беспомощное состояние потерпевшего (ей). При понуждении используются только угрозы, и они менее интенсивны, носят иной характер. Воздействие на психику потерпевшего осуществляется путем физического нарушения и ущемления его интересов либо угрозы это осуществить.

2. Угроза в составе изнасилования и насильственных действий сексуального характера связанна немедленным причинением вреда жизни и здоровью, при понуждении угроза обычно должна быть реализована в будущем.

3. В преступлениях первой категории, угроза может быть высказана в адрес потерпевших или любых других лиц, даже не знакомых им, а при понуждении угроза должна касаться лишь интересов потерпевшего либо близких им лиц.

4. Изнасилование и насильственные действия сексуально характера признаются оконченными в момент начала осуществления деяний, описанных в диспозициях этих статей. Принуждение окончено с момента оказания психического воздействия на потерпевшее лицо, с целью склонить его к совершению сексуальных действий.[3]

В Уголовный Кодекс Российской Федерации внесены изменения, усиливающие наказание за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних.

Предусмотрено пожизненное лишение свободы за совершение особо тяжких преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста.

Совершение преступления в отношении несовершеннолетнего (несовершеннолетней) родителем или иным лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего (несовершеннолетней), а равно педагогом или другим работником образовательного, воспитательного, лечебного либо иного учреждения, обязанным осуществлять надзор за несовершеннолетним (несовершеннолетней), отнесено к обстоятельствам, отягчающим наказание.

Запрещено назначение условного осуждения за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста.

Вводится уголовная ответственность за использование несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов или предметов, а также за уклонение лица, страдающего расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости, от применения к нему принудительных мер медицинского характера.

Государственная Дума Российской Федерации приняла «президентский» законопроект, направленный на борьбу с педофилией. В закон вошли некоторые новации, содержавшиеся в ранее отклоненном "депутатском" законопроекте.

Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка Павел Астахов считает, что принятый закон позволит ужесточить ответственность за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних.

«Российское уголовное законодательство в части защиты детей от посягательств на их половую неприкосновенность признается одним из самых либеральных в мире. Мы находимся на одном уровне с Афганистаном, Мали и Анголой, поэтому нам необходимо идти по пути усиления ответственности за сексуальные преступления против детей и подростков», - отметил Уполномоченный.

В 2011 году резко снизилась активность правоохранительных органов в борьбе с детской порнографией: количество выявленных и зарегистрированных фактов изготовления и распространения материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних сократилось за год на 38,2% (с 613 до 379 фактов, после роста этого вида преступлений в 2010 году на 72,2%). Как правило, более 90% из них совершаются в сети Интернет.

Именно благодаря широкому распространению детской порнографии в сети Интернет происходит ускоренный рост числа преступлений сексуального характера в отношении детей, начиная с грудного возраста. В 2011 году число насильственных преступлений против половой неприкосновенности детей увеличилось по сравнению с 2010 годом на 41,2 %. [4]

Закон по борьбе с педофилами включает важные новации, за которые бились разработчики отклоненного «депутатского» закона:

исключения из всех составов преступлений признака заведомости осознания виновным возраста потерпевшего ребенка;

признания детей, не достигших 12-летнего возраста, находящимися в беспомощном состоянии, и квалификации любых совершаемых в отношении них действий сексуального характера по ст. 131 или 132 УК РФ;

отнесения к числу обстоятельств, отягчающих наказание (статья 63 УК РФ) совершения в отношении детей преступления родителем или иным лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего, а равно педагогом или другим работником образовательного, воспитательного, лечебного либо иного учреждения, обязанным осуществлять надзор за несовершеннолетним;

выделения в качестве квалифицирующих признаков совершения преступлений сексуального характера группой лиц, в отношении двух и более потерпевших, с использованием обмана, злоупотребления доверием или подкупа потерпевшего, с использованием информационно-телекоммуникационных сетей;

введения в составы преступлений сексуального характера, совершаемых в отношении несовершеннолетних, дополнительного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, а также дополнения УК РФ тремя новыми составами преступлений (часть 2 статьи 133, часть 2 статьи 242, статья 242.2 УК РФ).

Вместе с тем, в принятом 01.01.12г. законе «О профилактике преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних» содержатся нормы, способствующие существенной декриминализации состава полового сношения с несовершеннолетним, не достигшим шестнадцатилетнего возраста (часть 1 статьи 134 УК РФ).

Уже имеющееся в этой норме условие («возраст согласия») совершенно безосновательно дополнено новым ограничением, в соответствии с которым для привлечения к уголовной ответственности следствию и суду необходимо доказать, что потерпевший не достиг ни 16-летнего возраста, ни полной половой зрелости, а растлитель, посягая на половую неприкосновенность ребенка, осознавал оба этих обстоятельства. Если этого доказать не удастся, растлитель не будет привлечен к

уголовной ответственности даже при наличии квалифицирующих признаков, свидетельствующих о повышенной общественной опасности деяния (совершении преступления группой лиц, с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в отношении двух и более потерпевших, с применением обмана, подкупа, злоупотребления доверием потерпевшего).

Такое законодательное решение способствует существенному смягчению ответственности за сексуальное растление детей 14-15-летнего возраста.

Для снижения уровня преступности в сфере здоровья населения и общественной нравственности необходимо совершенствование как уголовного, так и административного законодательства, а также развитие на его базе мер криминологической профилактики.

Первостепенная роль в противодействии сексуальным посягательствам и растлению несовершеннолетних должна отводиться специально-профилактическим мероприятиям по предупреждению данного вида преступности, которые предполагают совершенствование уголовного и семейного законодательства; разработку механизма активного социального вмешательства в семью в целях пресечения нарушения прав детей.

Статья 4 закона «О профилактике преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних», закрепляет меры профилактики преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних посредством:

1) создания единой электронной базы лиц, отбывших наказание за совершение преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних;

2) осуществления спутникового наблюдения с использованием глобальной навигационной спутниковой системы ГЛОНАСС за лицами, отбывшими наказание за совершение преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних;

3) своевременного информирования граждан о проживании в населенном пункте лиц, отбывших наказание за совершение преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних;

4) проведения профилактических бесед с несовершеннолетними.[5]

Также следует осуществить разработку и принятие специального комплексного закона, направленного против распространения порнографии, алкоголя и наркотиков среди несовершеннолетних. Кроме того, соответствующим уполномоченным на то органам следовало бы осуществить ревизию государственной политики в отношении средств массовой информации, в первую очередь для создания социальной рекламы, различными способами пропагандирующей необходимость адекватного, а соответственно правомерного сексуального воспитания

несовершеннолетних. Это в свою очередь может стать определенным действенным механизмом виктимологического характера.

Литература

1.Меркурьев В. В. Некоторые вопросы классификации сексуальных преступлений.//Следователь-2001. №5 с.7

2.Комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации-М.: 2002,с.330

3.Кондрашова Т. В. Уголовная ответственность за понуждения к действиям сексуального характера.//Юридический мир-1999. №3,с. 38

4.http://www.rfdeti.ru/

5.Юридическая компания "ЮрПартнерЪ" http://jurpartner.livejournal.com/

О ПРОБЛЕМАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ НА ЗАЩИТУ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ИХ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ И ПОЛОВОЙ СВОБОДЫ

Чапурко Т.М.
д.полит.н., профессор
Кубанского социально-экономического института
Краснодар, Россия
Дорошенко Г.С.
уполномоченный по правам ребенка по Краснодарскому краю
Краснодар, Россия

Аннотация: Авторами рассматриваются вопросы противодействия преступлениям, совершаемым совершеннолетними лицами против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних лиц, а также предлагаются изменения в действующее законодательство.

Ключевые слова: Несовершеннолетние; насилие; жестокость; преступления против половой неприкосновенности и половой свободы; защита малолетних.

Abstract: Authors are examine the questions of counteraction to the crimes, by adult persons against sexual inviolability and sexual freedom of minor persons, and also changes are offered in a current legislation.

Keywords: Minor; violence; cruelty; crimes against sexual inviolability and sexual freedom; defence of very young.

Уголовная политика, являясь одним из направлений государственной политики в сфере борьбы с преступностью, определяет задачи, содержание, формы деятельности государственных органов по противодействию преступным проявлениям различного характера, в том числе преступлений, посягающих на несовершеннолетних. И сегодня мы являемся свидетелями крайне опасного состояния уголовно-правовых отношений, когда

субъектами посягательства выступают взрослые лица, а их жертвами – малолетние и несовершеннолетние дети.

В настоящее время обозначился ряд проблем в реализации уголовной политики Российского государства в отношении охраны и защиты малолетних и несовершеннолетних от преступного посягательства взрослых лиц. И связаны эти проблемы с комплексом недостатков законодательного, управленческого, организационного характера.

Особенно это касается преступлений против жизни, здоровья, половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних, которые являются настолько общественно опасным явлением в обществе, что вред, причиняемый ребенку в результате таких насильственных преступлений, приводит к отклонениям в нравственном и психофизическом развитии несовершеннолетних и представляет угрозу будущему государства и общества.

В последние годы в России проблема насилия и жестокости в отношении детей становится все более острой. О ее масштабах свидетельствует не только официальная статистика, но и те практические жизненные обстоятельства, ставшие достоянием известности от СМИ и др.

Так, несовершеннолетние составляют почти половину потерпевших от преступлений сексуального характера. Ежедневно 47 детей становятся жертвами сексуального насилия. Каждый десятый ребенок, в отношении которого совершено преступление является жертвой сексуального насилия. Не исключением явился и Краснодарский край: с каждым годом все чаще регистрируется сообщения о совершении преступлений в отношении несовершеннолетних. Так, исследования, проведенные ведущими криминологами России, показывают, что возраст жертв сексуальных посягательств колеблется от 4 до 9 лет. Безусловно, сложившаяся ситуация не может оставлять равнодушными как общественность так и представителей государственной власти. Защита детей от преступных посягательств должна быть приоритетным направлением государственной политики Российской Федерации всегда, как продукт национальной безопасности.

Еще в 2009 году Президент РФ Д.Медведев акцентировал внимание на необходимости принятия дополнительных мер законодательного порядка, направленных на обеспечение защиты и безопасности детей и подростков. Поэтому последние 3 года стали годами кардинальных изменений в национальном законодательстве в данной сфере, а именно, приняты меры, усиливающие уголовную ответственность за совершение преступных сексуальных посягательств в отношении несовершеннолетних, а также устанавливающие запрет на работу с детьми для лиц, совершивших преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних. Вместе этим, законодателем предусмотрено установление административного надзора за лицами, имеющими непогашенную либо неснятую судимость за совершение преступления в отношении несовершенно-

летнего, и освобожденных из мест лишения свободы.

Одновременно рассматривается вопрос о введении медико-правовой формы воздействия на лиц, которые отбывали наказания за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних и освобождаются из мест лишения свободы. На этой основе в Краснодарском крае выстроена система и выработан механизм по реализации и защите прав и законных интересов несовершеннолетних. Принимаются меры по обеспечению прав детей на безопасность, защиту от всех форм насилия, предупреждение безнадзорности и беспризорности, развитие и реализацию творческих способностей детей и др.

Постановлением главы администрации Краснодарского края от 8.04.2008г. №258 «Об утверждении Положения о порядке взаимодействия органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в области организации индивидуальной профилактической работы в отношении несовершеннолетних и семей, находящихся в социально опасном положении» утвержден механизм защиты и реализации прав несовершеннолетних, воспитывающихся в социально опасных семьях.

Следующим шагом в предупреждении совершения преступных деяний в отношении несовершеннолетних стало принятие Закона Краснодарского края от 21.07.2008г. №1539-КЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в Краснодарском крае», ограничивающим пребывание детей на улицах без сопровождения взрослых в вечернее и ночное время. В рамках реализации данного Закона, по данным ГУВД Краснодарского края за 3 прошедших года на улицах края в ночное время выявлено более 137 тыс. детей, из них в отношении 4088 безнадзорных и беспризорных приняты меры по дальнейшему жизнеустройству. Вместе с тем, принимаемые меры не позволяют в полном объеме преодолеть проблему насилия и жестокости в отношении детей, о чем свидетельствуют и статистические показатели. Так, по статистическим данным по Краснодарскому краю значительно увеличилось число зарегистрированных сообщений о преступных в отношении детей: если в 2009г. было зарегистрировано 1812 сообщений, то в 2010г. 1894, и только за 6 мес. 2011г. уже – 1310.

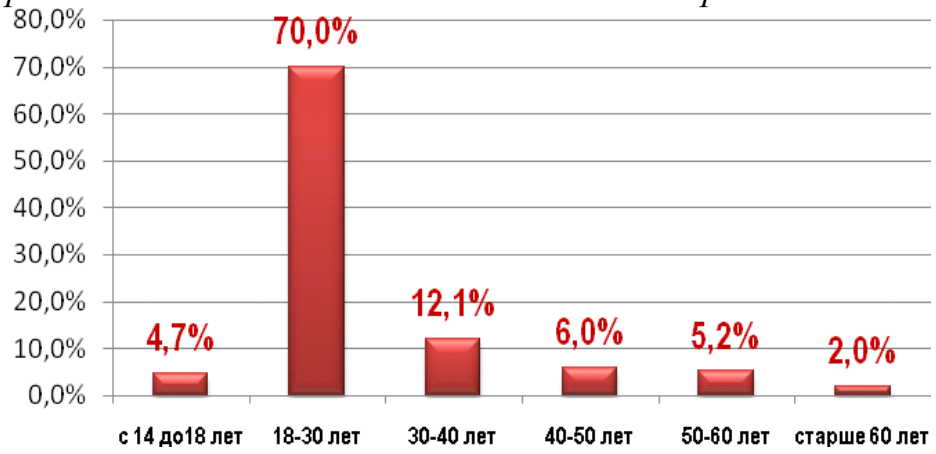
Данное повышение послужило основанием для изучения в целом вопросов защиты прав несовершеннолетних от любых форм насилия, а также проблем защиты несовершеннолетних от преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних. С этой целью был проведен комплексный анализ статистических и информационных данных различных ведомств по Краснодарскому краю за период с 2006 по 2010 годы и 6 месяцев 2011 года, который в итоге показал, что за указанный период сохраняется тенденция роста числа лиц, осужденных за преступные деяния против половой неприкосновенности и половой свобо-

ды несовершеннолетних. Далее, статистические показатели по видам преступлений, совершенных против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних, за последние 5 лет свидетельствуют, что наиболее распространенными среди них явились следующие преступления: - ст.134 УК РФ – половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим 16-летнего возраста; - по ст. 134 УК РФ привлечено к уголовной ответственности - 365 человек; - за развратные действия в отношении несовершеннолетних (ст.135 УК РФ) привлечен - 91 человек; - за насильственные действия сексуального характера в отношении детей (ст.132 УК РФ) – 67; - за совершение изнасилования несовершеннолетних (ст.131 УК РФ) - 12; - за понуждение к действиям сексуального характера (ст.133 УК РФ) – 4. Одновременно уделили внимание изучению сведений о наличии (отсутствии) судимости у лиц, совершивших преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних, что показало - 19,3% человек имели неснятую либо непогашенную судимость, 4,8 % - погашенную судимость, а 75,9 % - ранее не совершали преступных действий.

Также были изучены некоторые социально-ролевые характеристики указанных лиц и видим, что на момент совершения преступления более половины лиц не имели определенного рода занятий, оставшуюся долю составили лица рабочие - 29%, учащиеся - 4,7%, служащие - 2,6%, предприниматели - 2,5% и др. Это во многом связано с уровнем образования лиц, совершивших преступные сексуальные посягательства в отношении несовершеннолетних - в итоге видим, что большая часть осужденных имели среднее образование, треть из них - неполное среднее образование, и примерно каждый четвертый - среднее специальное, высшее образование - имели немногие.

Возрастные характеристики лиц, осужденных за сексуальные преступления в отношении несовершеннолетних, выглядят следующим образом:

Диаграмма № 1. Возраст лиц, осужденных за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних.



Из выше приведенных данных следует, что преобладающий возраст лиц, совершивших преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних (70%) лица от 18 до 30 лет, и из них в состоянии алкогольного опьянения совершили преступления - 16,1% лиц.

Таким образом, в большинстве своем это молодые люди активного трудоспособного возраста, но не имеющие определенных занятий и примерно каждый шестой совершил преступление в состоянии алкогольного опьянения. Вместе с этим, обращает на себя внимание тот факт, что каждый пятый уже преступал закон и находился под контролем уголовно-исполнительных инспекций и участковых уполномоченных полиции.

Безусловно, рост насильственных преступлений в отношении детей один из показателей и кризиса семьи, а также кризиса морали и нравственности в обществе в целом. Ведь нет ничего противоестественней совершения посягательства в отношении детей в семье, их родными и близкими. Так, анализ данных по Краснодарскому краю показал, что в течение последних трех лет более 70% от общего числа уголовных дел по фактам совершения преступлений в отношении несовершеннолетних составили дела, возбужденные по фактам совершения преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности несовершеннолетних. При этом почти 1/3 преступлений данной категории совершаются родителями, как законными представителями, или другими близкими родственниками потерпевших несовершеннолетних, но при наличии сведений об этом.

Не меньшую опасность представляет бездействие законного представителя, не принимающего мер по защите прав и законных интересов своего ребенка. Обращает на себя внимание то, что из 10 анализируемых уголовных дел об изнасиловании несовершеннолетних сожителями своих матерей в 4-х случаях матери знали о насилии, более того, старались «покрывать» преступные деяния своих сожителей, чтобы «не замарать репутацию семьи» или не лишить себя своей личной жизни (становится превыше материнской заботы, жизни и здоровья родного ребенка, защиты его прав).

При наличии объективной информации о преступном деянии, особая роль должна отводиться организации необходимой социальной, психологической, педагогической и медицинской помощи ребенку, ставшему жертвой насилия. Потому, что физическое и сексуальное насилие оставляет у ребенка неизгладимый след на всю жизнь. Серьезность последствий зависит: от обстоятельств, связанных с особенностями ребенка (возраст, уровень развития и свойства личности) и насильника; от продолжительности, частоты и тяжести насильственных действий; от реакции окружающих. Последствия насилия становятся более тяжкими, когда они совершаются близким для ребенка человеком.

По информационным данным лаборатории НИИ детства Российского детского фонда, дети, пережившие сексуальное насилие, отстают в физическом и особенно в психическом развитии; у них развивается своеобразный комплекс нервно-психических и поведенческих отклонений, нарушений в эмоциональной сфере, в связи с чем, нередко они становятся «трудными», опасными для окружающих. Все это приводит к драматическим ситуациям в жизни подростков. Безусловно, создание специальных центров реабилитации позволило бы своевременно оказывать специализированную помощь несовершеннолетним жертвам сексуального насилия, возвращая их к нормальной жизни.

Таким образом, изучение проблемы обеспечения прав несовершеннолетних на защиту от преступлений против их половой неприкосновенности и половой свободы показало необходимость принятия комплекса мер политико-законодательного, социально-организационного и просветительского плана.

В связи с чем, в целях предупреждения совершения преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, считаем возможным предложить:

-рассмотреть возможность создания специализированных реабилитационных центров для несовершеннолетних, подвергшихся сексуальному насилию;

- внесение изменений в ст. 131-135 Уголовного кода РФ, добавив особо квалифицирующим признаком – «то же деяние, совершенное родителем, опекуном, попечителем, работником в сфере образования, воспитания, развития несовершеннолетних, организации их отдыха и оздоровления, медицинского обеспечения, социальной защиты и социального обслуживания, в сфере детско-юношеского спорта, культуры и искусства с участием несовершеннолетних», предусмотрев санкцию по данному признаку в соответствии с общественной опасностью этих преступлений;

- внесение изменений в ст. 131-135 Уголовного кодекса РФ в части установления «постоянного (пожизненного) запрета на занятие профессиональной деятельностью в сфере образования, воспитания, развития несовершеннолетних, организации их отдыха и оздоровления, медицинского обеспечения, социальной защиты и социального обслуживания, в сфере детско-юношеского спорта, культуры и искусства с участием несовершеннолетних», для лиц, совершивших преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних.

- внесение изменения в часть 2 статьи 45 Уголовно-процессуального кодекса РФ по предоставлению права следователю, дознавателю на этапе досудебного производства по уголовному делу принимать решение об отстранении от участия в уголовном деле законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего, если его действия наносят ущерб интересам несовершеннолетнего, и допускать к участию в уголовном деле другого

законного представителя потерпевшего несовершеннолетнего. Данное позволит Следственному управлению Следственного Комитета РФ - усилить контроль за применением ст. 158 УПК РФ.

- усилить надзор за выполнением органами и учреждениями системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних законодательства по защите прав и законных интересов несовершеннолетних.

- рассмотреть возможность инициирования в МВД России вопроса о закреплении нормативными правовыми актами осуществления пожизненного контроля со стороны органов внутренних дел за взрослыми лицами, совершившими насильственные преступления в отношении несовершеннолетних, с выработкой механизма реализации, предусмотрев ведение административно-наблюдательных дел, которые будут направляться по территориальности в соответствии с фактическим проживанием данного лица.

- в МВД России о разработке формы справки о наличии (отсутствии) судимости и (или) факта уголовного преследования либо о прекращении уголовного преследования по реабилитирующим основаниям, а также механизма ее получения при поступлении на работу, связанную с деятельностью, к осуществлению которой в соответствии с действующим законодательством не допускаются лица, имеющие или имевшие судимость, подвергающиеся или подвергавшиеся уголовному преследованию;

- в Минздравсоцразвития - об утверждении перечня заболеваний, при наличии которых работники не допускаются к педагогической деятельности.

Литература:

1.Доклад Уполномоченного по права ребенка по Краснодарскому краю за 2011год.

2.Послание Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации / Российская газета. 2009.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ КАК СОСТАВНОЙ ЧАСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Чапурко Т.М.
д.полит.н., профессор
Кубанского социально-экономического института
Краснодар, Россия
Гаврильченко Л.К.
к.ю.н., доцент
доцент Одесского национального университета им. И.Мечникова
Одесса, Украина

Аннотация: В статье предложен механизм государственно-правового регулирования вопросов определения безопасности несовер-

шеннолетних, а также ее обеспечение с позиции государственной политики и национальных приоритетов.

Ключевые слова: безопасность несовершеннолетних; обеспечение безопасности; социально-политическая безопасность.

Abstract: In article the mechanism of state and legal regulation of questions of determination of safety of minors, and also its providing from a position of a state policy and national priorities is offered.

Keywords: safety of minors; ensuring safety; sociopolitical safety.

В последние годы в России наблюдается процесс интенсивных социальных изменений. Наше общество, приобретая новые формы и структуры, продуцирует и различные варианты допустимого и запретного поведения, поэтому постоянно и закономерно возрастает потребность в знаниях относительно их специфики, закономерностей и природы возникновения. Научное управление всеми сферами жизнедеятельности людей с каждым годом становится все более необходимым, но не всегда возможным и не всегда действенным и совершенным. События последних лет показывают, что управлять можно лишь при комплексном, системном подходе, требующем рассмотрения каждого жизненного процесса в обществе как целостного организма, но состоящего из множества взаимосвязанных частей. В то же время общий процесс характеризуется комплексом различных факторов, влияющих на данный процесс и на другие участвующие во взаимодействии процессы. Неотъемлемым аспектом управления, на наш взгляд, является государственное управление в сфере зашиты интересов несовершеннолетних и их безопасности.

Защита права на безопасность несовершеннолетних граждан любого государства, как и сами эти права, должны иметь конституционную основу. Поэтому в России механизм социально-правовой защиты конституционных прав «…представляет собой систему закрепленных законом направлений, методов, способов, средств, применяемых субъектами правозащитной деятельности в целях обеспечения конституционных прав, свобод и интересов юридических лиц и граждан, оказания им помощи по реализации и восстановлению своего правового статуса»[1]. Обеспечение безопасности является приоритетной задачей для личности, общества и государства. Абсолютной безопасности не бывает, всегда существует некоторый остаточный риск, поэтому безопасность – это приемлемый риск, где риск - количественная оценка опасности, которая может быть определенна как частота или вероятность возникновения одного события при наступлении другого события.

Одной из основных функцией государственного управления является «обеспечение социальной безопасности как непрерывного состояния всей совокупности факторов жизнеобеспечения и воспроизводства социальных

субъектов, гарантирующего минимально необходимый и достаточный уровень их жизнедеятельности и развития»[2]. В ряду этих факторов, на наш взгляд, следует считать: демографическую ситуацию в обществе, трудозанятость населения, приемлемые уровень и качество жизни, жилищное обеспечение, здравоохранение, общее и профессиональное образование, доступ к информации и ценностям культуры, личную безопасность граждан (взрослых и детей), экологически здоровую окружающую среду.

Понятия социальная безопасность и социальная защита населения могут интерпретироваться как гарантируемое государством обеспечение социальной функции, призванной поддерживать постоянное воспроизводство жизнедеятельности и развития всех социальных объектов в рамках целостного сообщества. Таким образом, социальная безопасность подразумевает обеспечение соответствующих целей и направленности развития общества, способов удовлетворения потребностей личности и защиты ее интересов на основе принципов гуманизма и гармонии во взаимоотношениях всех элементов социальной структуры, предотвращения деструктивных явлений и процессов.

Социально-политической безопасностью является состояние защищенности жизненно важных интересов личности, социальных и этнокультурных групп, общества и государства, которые обеспечиваются с помощью совокупности мер политического, правового, экономического, идеологического, организационного характера, позволяющих сохранять существующие в обществе конституционный строй, политическую и социальную стабильность.

Социальная безопасность не может быть обеспечена только политикой и действиями официальных и неофициальных властных институтов, для этого необходимы такие благоприятные социально-экономические условия, как экономический рост, обеспечение занятости населения, преодоление демографического кризиса, обеспечение доступа к системам образования, охраны здоровья, а также культурным ценностям и многим другим ценностям.

Антиподом социальной безопасности является социальная опасность (угроза), т.е. действие таких факторов, способных ущемить жизненные интересы и потребности социальных субъектов, нанести ущерб социальной инфраструктуре. Поэтому об улучшении демографической ситуации в России можно говорить как о национальной идее, которая выдвинута для преодоления опасности исчезновения россиян среди всего населения планеты. Но только повышением рождаемости демографическое положение в России не исправить. Поэтому, применительно к несовершеннолетним выше указанные понятия приобретают повышенные значения и важность. Количественные и качественные стороны социальных явления и процессов в сфере обеспечения безопасности несовершеннолетних можно разграничить следующим образом:

1. ***социально-демографические*** - а именно, динамика численности населения по половозрастной характеристике, рождаемость, смертность, средняя продолжительность жизни по половозрастным группам; численность семей, их состав, брачность, разводимость; детскую миграцию и характеристику детей-мигрантов; пороговые значения социально-демографических показателей;

2. ***социально-трудовые*** – характеристика несовершеннолетних трудовых ресурсов и потребностей общественного производства в рабочей силе; динамика занятости и безработицы несовершеннолетнего населения; условия и оплата труда несовершеннолетним; пороговые значения безработицы и деградации трудового потенциала;

3. ***уровень и качество жизни несовершеннолетнего населения*** – динамика реальных денежных среднедушевых доходов, потребления товаров, денежных сбережений, соотношения платежеспособного спроса и предложений товаров и услуг с учетом дифференциации по группам и типам семей, социальных пособий на несовершеннолетних детей и инвалидов; пороговые значения уровня и качества жизни несовершеннолетнего населения;

4. ***жилищное обеспечение детского населения*** – характеристика жилищного фонда по типу, метражу, принадлежности, благоустройству, потребности улучшения условий проживания; пороговые значения жилищных условий для семей с детьми, интернатов и детских домов;

5. ***здоровье детского населения и его здравоохранение*** – динамика заболеваемости и характеристика причин смертности детей, детской инвалидности; медицинской инфраструктуры и кадрового обеспечения – педиатров и иных специализирующихся врачей;

6. ***образование, культура, информационные услуги*** – динамика количества обучающихся детей, посещающих дошкольные и внешкольные учреждения, характеристика образовательной инфраструктуры и инфраструктуры культуры, кадрового потенциала, пороговые значения образовательных и культурных показателей;

7. ***экология и социальная безопасность*** – динамика показателей чистоты воды, воздуха, вредных выбросов, материальных затрат на обеспечение экологической безопасности, преступности несовершеннолетних и посягательств на них; пороговые значения экологических показателей и показателей криминогенности;

8. ***социально-психологическое самочувствие детского населения*** – социальные удовлетворенности несовершеннолетних; ущемленность, тревожность, напряженность, толерантность, конфликтность как у несовершеннолетних, так и в отношениях несовершеннолетних со взрослыми.

Кризисные социальные условия сегодня в обществе, неблагополучные тенденции преступности и особенно тревожные демографические процессы - все это дает основание прогнозировать возможность сохране-

ния высокого уровня опасности интересам несовершеннолетних. И существенные положительные изменения социальных условий в отношении несовершеннолетних и их семей в стране пока невозможны по многим экономическим и политическим причинам.

«Сегодня по городам и весям страны скитаются более 700 тысяч детей-сирот»[3]. К данным показателям еще необходимо добавить более чем миллионную «армию» безнадзорных детей, чтобы получить истинную картину бедствия в стране. Ежегодная статистика и данные прокурорских проверок говорят о том, что из года в год проблем несовершеннолетних становится все больше, и дела в обеспечении защиты их интересов идут не лучше, а хуже.

В результате проводимых исследований возникает закономерный вопрос, сколько же одних и тех же детей учтено различными ведомствами, но вместе с тем, сколько же их осталось не учтенными? Дать точного ответа никто не может, потому что в государстве отсутствует единый банк данных по детям и отсутствует статистика, которой можно доверять. Поэтому одной из проблем социально-правовой защиты интересов несовершеннолетних, нам видится, отсутствие учетности, как самого факта наличия детей в государстве из года в год, но и ролевого их статуса обществе. Отсутствие указанных позиций способствует наличию беспризорности и безнадзорности несовершеннолетних.

С проблемами беспризорности и безнадзорности несовершеннолетних тесно взаимосвязаны и малолетние, оказавшихся без попечения родителей. Многотысячная «армия маленьких изгоев» уже сегодня представляет большую опасность для общества, так как предоставленные сами себе они формируют «идеологию социального дна», в которой основными регуляторами стиля их жизни становятся жестокость, насилие и протестное поведение. Через пять-десять лет, вся эта «армия маленьких изгоев» подрастет и, став несовершеннолетними преступниками, осознает себя реальной физической силой будущего взрослого общества.

Сегодня на каждого беспризорного ребенка приходится по 2-3 безнадзорных, родители которых забыли о своих детях и обязанностях растить и воспитывать их. Ни какой реальной ответственности за это родители, как правило, не несут. Утверждать, что действующие законы безмолвствуют по данным фактам не верно, в них определены нормы материальной, административной и уголовной ответственности, но она на столько мягкая, что не сдерживает фактов поведении. Так, ст. 245 УК РФ - жестокое обращение с животными – предусматривает в качестве наказания - лишение свободы на срок до двух лет, а ст. 156 УК РФ – неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, совершенное с жестоким обращением с несовершеннолетним, - наказывается штрафом, исправительными работами либо ограничением свободы. Вопрос неизбежен - реально ли соотношение объектов, охраняемых Уголовным кодексом РФ ?

В конце 90-х годов прошлого века беспризорность детей в стране достигла оглушительного размаха и был принят закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»[4], которым определили органы, осуществляющие систему профилактики, их функции, задачи и полномочия. Профилактику возложили на следующих: органы внутренних дел, органы социальной защиты и органы образования, а также ряд других ведомств и организаций, напрямую не полномочных, но взаимосвязанных в указанных вопросах. На наш взгляд, нужна консолидация и координация усилий и нужен государственный орган, наделенный не только реальными административными правами, но и законодательной инициативой и финансовыми возможностями. Поэтому в целях совершенствования организационного обеспечения деятельности специализированной инфраструктуры, координирующей систему социально-правовых элементов, необходимо урегулировать созданием федерального органа по делам детей, с наличием исполнительных функций и законодательных инициатив. Одним из вариантов такого органа является Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка, и работа его имеет положительные результаты и показывает важность и значимость своей деятельности.

Таким образом, государственная система безопасности несовершеннолетних должна включать систему органов законодательной, исполнительной и судебной власти, государственных, общественных и иных организаций и объединений, граждан, принимающих участие в обеспечении безопасности несовершеннолетних, а также законодательство, регламентирующее отношения в сфере безопасности. Основными функциями такой системы безопасности должны быть: - выявление и прогнозирование внутренних и внешних угроз жизненно важным интересам объектов безопасности, осуществление комплекса оперативных и долговременных мер по их предупреждению и нейтрализации; - создание и поддержание в готовности сил и средств обеспечения безопасности; - управление силами и средствами обеспечения безопасности в повседневных условиях и при чрезвычайных ситуациях; - осуществление системы мер по восстановлению нормального функционирования объектов безопасности в регионах, пострадавших в результате возникновения чрезвычайных ситуаций; - участие в мероприятиях по обеспечению безопасности за пределами Российской Федерации в соответствии с международными договорами и соглашениями, заключенными или признанными Российской Федерацией.

Литература:

1.Глушенко П.П. Социально-правовая защита конституционных прав и свобод граждан (теория и практика)/под общ. ред.проф. В.П.Сальникова. –СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 1998. С.59.

2.Ковалев В.Н. Социология управления социальной сферой: Учебное пособие для вузов. –М., 2003. С.129.

3.Уголовный возраст. / Российская газета. 12 апреля 2005г. № 74 (3743).

4.«Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» ФЗ № 120 от 24.06.1999г./Российская газета. 20 июня 1999г.

III Раздел:
«Правовое регулирование правоохранительной деятельности в сфере обеспечения законности, правопорядка, безопасности личности, общества и государства»

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОВД ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Белхороева Д.А.
Кубанский социально-экономический институт
Краснодар, Россия

Аннотация: Несмотря на определенную стабилизацию в последнее десятилетие экономической и политической обстановки в Российской Федерации, задача защиты общества и граждан от правонарушений и преступных посягательств остается весьма актуальной. Продолжающийся рост преступности, повышение ее уровня, присущие ей общественно опасные тенденции оказывают отрицательное влияние на все стороны жизнедеятельности государства и общества, серьезно тормозят социально-экономические и политические преобразования России, подрывают ее международный авторитет.

Ключевые слова: предупреждение преступлений, криминализация, общество.

Abstract: Despite a certain stabilization in the last decade an economic and political situation in the Russian Federation, the problem of protection of society and citizens from offenses and criminal encroachments remains very actual. Proceeding rise in crime, the increase of its level inherent in it socially dangerous tendencies make negative impact on all parties of activity of the state and society, social and economic and political transformations of Russia seriously brake, undermine her international authority.

Keywords: prevention of crimes, criminalization, society.

Дальнейшая криминализация общественных отношений может стать неодолимой преградой стабилизации общества. Чтобы не допустить этого и взять криминальную ситуацию под контроль, необходимо последовательно реализовывать взвешенную государственную политику борьбы с преступностью, одним из важнейших направлений которой являются предупреждение и профилактика преступлений и иных правонарушений.

Особая роль государства в противодействии преступности обусловлена самой природой его социального предназначения. Как политическая организация общества оно располагает на федеральном и региональном уровнях соответствующими властными полномочиями, имеет в своем распоряжении социальные, культурно-воспитательные, принудительные, а

также другие средства борьбы с преступностью и несет перед гражданами обязанность надежно защищать их от противоправных посягательств.

Исходя из того, что преступность - продукт общества, следствие объективно существующих в его жизни противоречий, нереалистичной является задача ее полной ликвидации, окончательного искоренения причин и условий правонарушений. Общество, государство вынуждены мириться с существованием преступности как неизбежным злом. Но они в состоянии контролировать и сдерживать преступность, преодолевать ее наиболее разрушительные тенденции, нейтрализовывать причины и условия, способствующие совершению преступлений, защищать граждан и общественные интересы от преступных посягательств.

В деле борьбы с преступностью, предупреждения и профилактики преступлений и иных правонарушений органы внутренних дел занимают особое, центральное место, что предопределяется их предназначением и возможностями. На них возложена обязанность прямого и непосредственного противодействия преступности. Для этого органам внутренних дел предоставлены соответствующие полномочия, их сотрудники получают профессиональную подготовку для решения задач предупреждения и раскрытия преступлений. В распоряжении органов внутренних дел имеются разнообразные средства и методы противодействия преступности, соответствующая материально-техническая база. Они обладают наиболее полной информацией о преступности, о лицах, от которых можно ожидать совершения преступлений. В соответствии со своей компетенцией органы внутренних дел способны целенаправленно и позитивно воздействовать на значительную часть причин и условий преступности.

Однако практика организации и осуществления предупредительной деятельности органов внутренних дел длительное время страдала серьезными недостатками. Более чем двадцатилетний опыт работы системы МВД по реализации этой функции, несмотря на многочисленные эксперименты, организационные и функциональные преобразования, не дал ожидаемых результатов с точки зрения повышения эффективности борьбы с преступностью. До сих пор наблюдается спад, а в ряде регионов и полное свертывание предупредительной деятельности. При этом ухудшаются показатели как профилактической работы, так и деятельности по предотвращению, пресечению преступлений. Доля преступлений, выявленных органами внутренних дел на стадиях приготовления и покушения, чрезвычайно мала (не более 8 - 10% от общего количества зарегистрированных преступлений).

Чрезмерная централизация предупредительной деятельности, создание в свое время службы профилактики с ее постоянными реорганизациями, переводом из одного подразделения (УР) в другое (ООП), раздутостью управленческих штатов, нечеткостью соответствующих полномочий не позволили добиться положительных результатов в работе, выработать

наиболее эффективные, дифференцированные с учетом местных условий формы предупреждения преступлений и их профилактики, породили значительное увеличение документооборота, отвлечение, в первую очередь участковых уполномоченных, от конкретной профилактической работы на участках.

К числу причин недостатков в предупредительной деятельности органов внутренних дел следует отнести и фактический распад существовавшей ранее и в целом положительно зарекомендовавшей себя общегосударственной и общественной системы социального контроля, правового воспитания и просвещения населения. Эта система, несомненно, нуждавшаяся в развитии и совершенствовании, была разрушена в основном по надуманным соображениям, без каких-либо обоснований и расчетов. При этом взамен ничего нового практически не создано. В результате был заметно ослаблен профилактический потенциал государства, всего общества, возникла опасная полоса отчуждения между органами внутренних дел и населением, а сами они, по существу, остались единственной организацией, в той или иной степени осуществляющей превентивную деятельность.

Определенные сложности в работе органов внутренних дел обусловлены и тем, что возложенная на них функция по предупреждению преступлений зачастую выходит за пределы правовой и организационной компетенции их подразделений. Это порождает прямую зависимость результатов предупредительной деятельности органов внутренних дел от работы других субъектов профилактики, для которых данная функция является второстепенной, а порой и не вполне отвечающей их интересам. Отсюда укрывательство правонарушений предприятиями, учебными заведениями, неустановка технических средств наблюдения, охраны и т.п.

К сожалению, деятельность органов внутренних дел по предупреждению преступлений до сих пор слабо обеспечена в правовом отношении: отсутствуют законодательная база государственной системы социальной профилактики, четкая регламентация статуса субъектов и объектов предупредительного воздействия, их прав и обязанностей, санкций за их неисполнение, применяемых мер предупреждения, процессуальных вопросов индивидуального предупреждения и т.п.

Крайне ограничены материальные и иные ресурсные возможности для реализации мер предупреждения, особенно при оказании криминогенным и виктимным группам населения помощи по бытовому, трудовому устройству, организации досуга, а также для привлечения населения к оказанию содействия органам внутренних дел в их профилактической деятельности.

Определенные недостатки в предупреждении преступлений обусловлены и существующей системой оценки работы органов внутренних дел, их служб и подразделений. Отдельные из критериев оценки их деятельности в большей мере ориентированы не на предупреждение, а лишь на рас-

крытие преступлений, что неизбежно приводит к увеличению числа последних и к сокращению профилактической работы.

В последние годы с помощью мер, принятых органами внутренних дел при поддержке местных органов исполнительной власти, удалось не только приостановить дальнейший распад общественных формирований, но и улучшить их качественный состав, найти новые формы организации работы общественности.

На устранение отмеченных недостатков в предупредительной деятельности направлено создание разработанной в 2006 г. МВД России базовой модели государственной системы профилактики, включающей четыре уровня: в субъектах Российской Федерации; в городах с районным делением; в городах без районного деления; в муниципальных поселениях. Реализация данной системы предполагает консолидацию усилий органов государственной власти, правоохранительных органов, муниципальных образований, хозяйствующих субъектов, общественных объединений и населения в борьбе с преступностью, терроризмом, экстремизмом и иными противоправными деяниями.

Основными целями этой системы стали: предупреждение правонарушений общекриминальной направленности; активизация борьбы с алкоголизмом, наркоманией, детской беспризорностью, незаконной миграцией; ресоциализация лиц, освободившихся из мест лишения свободы.

Инициатива Министерства была поддержана главами субъектов Российской Федерации, в том числе Московской, Астраханской, Новгородской, Кемеровской и ряда других областей. Активные практические мероприятия по реализации данного предложения уже начались в Татарстане и Башкортостане, Краснодарском крае, Нижегородской и Ростовской областях и других регионах страны.

В настоящее время в результате проведенной работы в стране сформировано более трех тысяч межведомственных комиссий по профилактике правонарушений.

Усложнение предупредительной деятельности органов внутренних дел в связи с изменением структуры преступности, увеличением доли организованных, экономических преступлений, возрастанием коррупции, терроризма, экстремизма; ростом преступлений, которые традиционно рассматривались как наиболее чувствительные к уровню профилактической работы (преступлений несовершеннолетних и молодежи, рецидивистов; преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, наркотических средств и т.п.), требует определенного пересмотра положений об ее осуществлении и организации с учетом современных реалий в экономике, политике, праве, вызывает необходимость ее нормативно-правового, материально-технического и иного обеспечения, стимулирования работников органов внутренних дел и иных органов и учреждений, осуществляющих профилактику правонарушений и предупреждение преступлений.

В числе теоретических проблем, нуждающихся в своем решении, немаловажное значение имеет определение сущности как предупреждения, так и профилактики правонарушений и преступлений. Различные подходы к их пониманию не позволяют четко разграничить эти виды предупредительной деятельности, определить ее субъекты, их компетенцию и ответственность, меры осуществления, а также конкретизировать объекты профилактического воздействия.

К сожалению, и нормативно-правовая база, на которой основывается указанная деятельность, не дает ответа на вопрос о соотношении профилактики и предупреждения преступлений.

В результате некоторого смешения понятий предупреждения и профилактики отсутствует единство в понимании их сущности и содержания. Так, ряд авторов в качестве собирательного понятия всякой предупредительной деятельности выделяют предотвращение преступлений, рассматриваемое как комплекс мер профилактического и предупредительного характера, направленных на недопущение формирования антиобщественной направленности личности. При этом не учитывается, что предотвращение как деятельность по недопущению совершения отдельных преступных деяний составляет лишь часть индивидуального предупреждения преступлений. Достаточно спорным является и положение о том, что предупреждение и пресечение преступлений представляют собой лишь разновидности их профилактики.

Отмеченное смешение важных для практики понятий представляется необоснованным и нецелесообразным. Еще видный английский философ, логик, математик Бертран Рассел, предупреждая о подобном смешении, справедливо говорил, что если бы люди не использовали одни и те же термины для определения разных по содержанию понятий, человечество избавилось бы от доброй половины своих заблуждений.

Понятия «предупреждение» и «профилактика», означая «недопущение чего-либо» при единой целевой направленности семантически близки, но не идентичны. Применительно к правонарушительству и преступности их содержание различается как по объектам, субъектам осуществления, так и по используемым мерам.

На наш взгляд, вполне обоснованным представляется рассмотрение профилактики правонарушений и преступлений в качестве составной части предупреждения преступности и совершения отдельных преступлений. При этом предупреждение преступности, отражая весь комплекс мер по недопущению преступлений, предохранению от них людей, общества, государства, выступает как родовое по отношению ко всем иным видам превенции понятие.

Предупреждение преступлений представляет собой деятельность по недопущению их совершения путем выявления, устранения или нейтрализации причин, условий и обстоятельств, способствующих их совершению;

оказанию профилактического воздействия на лиц с противоправным поведением. Включая меры как общесоциального, так и специально-криминологического характера, предупреждение преступности и преступлений является по своей сущности более широким видом превентивной деятельности, чем профилактика правонарушений.

Профилактика правонарушений, на наш взгляд, - лишь одна из значимых мер общесоциального (влияющего на преступность опосредованно) предупреждения, средство позитивного воздействия, осуществляемого многими государственными и общественными субъектами на лиц с отклоняющимся предпреступным поведением, нарушающих нормы морали и права в результате недостатков воспитания, негативного влияния семьи, окружения, малых групп. К этим лицам в основном относятся безнадзорные и беспризорные несовершеннолетние, молодые экстремалы, лица, не имеющие постоянного источника доходов, алкоголики, наркоманы, субъекты семейно-бытовых конфликтов и т.п.

Профилактика такого предпреступного поведения указанных лиц осуществляется не только сотрудниками правоохранительных органов, но и в первую очередь представителями государственных учреждений (социальных, медицинских, образовательных), предприятий, общественных организаций, религиозных конфессий, средств массовой информации, обществом в целом. Объем этой работы значительно больше, а предпринимаемые меры разнообразнее, чем при осуществлении специально-криминологического предупреждения преступлений.

Таким образом, профилактика правонарушений и преступлений является лишь одним из важных направлений предупреждения преступности и совершения преступлений, включающего реализацию мер как общего, так и индивидуального характера.

Литература:

1.Алексеев А.И., Герасимов С.И., Сухарев А.Я. Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы. - М., 2009. - С. 4 – 11.

2.Иванов В.Д. Предупреждение и пресечение преступлений на различных стадиях их проявления. - Ростов н/Д, 2009. - С. 218.

3.Криминология: Учебник / Под ред. В.Д. Малкова. - М., 2008. - С. 116 – 117.

4.Малков В.Д. Теоретические, правовые и организационные проблемы деятельности органов внутренних дел по предупреждению и профилактике преступлений и иных правонарушений // Общество и право. – 2008. - № 3.

5.Першуткин Н.И. О создании государственной системы предупреждения преступлений // Вестник МВД России. - 2006. - № 3.

6.Смирнов Г.Г. Криминологическое учение о предупреждении преступности: содержание, развитие, реализация. - Екатеринбург, 2009. - С. 35 – 36.

НАДЗОР КАК СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Белхороева Д.А.
Кубанский социально-экономический институт,
Краснодар, Россия

Аннотация: В работе рассмотрен надзор как способ обеспечения законности в деятельности органов внутренних дел, проанализирована деятельность прокуратуры в области надзора за точным и единообразным исполнением законов, раскрыты правовые средства прокурорского надзора для установления нарушений закона органами полиции, а также выявлены типичные нарушения административного законодательства органами административной юрисдикции.

Ключевые слова: Надзор, прокуратура, органы прокуратуры, административная деятельность, правоохранительные органы, прокурор

Abstract: In this paper we consider as a way to oversee the rule of law in the internal affairs bodies, analyzed the activities of prosecutors in the field of supervision over exact and uniform execution of laws, legal means are disclosed for the establishment of Public Prosecutions of violations of law by the police, and identified common violations of administrative law bodies of administrative jurisdiction.

Keywords: Supervision, prosecutor's office, prosecutors, administrative activities, law enforcement agencies, prosecutor

Надзор - это контрольная деятельность за исполнением только законов. Надзор за точным и единообразным исполнением законов является единственным предназначением органов прокуратуры. Прокуратура и является тем единственным государственным органом в стране, который выполняет эти функции. Прокурорский надзор представляет собой одну из самостоятельных форм государственной деятельности наряду с другими ветвями власти: законодательной, исполнительной и судебной. На это обстоятельство прямо указывает Закон «О прокуратуре РФ». Органы прокуратуры осуществляют полномочия в пределах своей компетенции независимо от федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, общественных объединений и в строгом соответствии с действующими на территории РФ законами (п. 2 ст. 4 Закона). Прокуратура в механизме государства выполняет особую, свойственную только ей функцию и не по своему генезису, ни по характеру полномочий не входит в структуру власти, управления или правосудия. Правосудие и прокурорский надзор – самостоятельные виды государственной деятельности, осуществляемые в спе-

цифической форме разными, не подчиненными друг другу органами. Надзор за точным и неуклонным исполнением законов органами внутренних дел возложен на прокуратуру. Она осуществляет надзор за всеми видами правоохранительной деятельности этих органов: административной, оперативно-розыскной, уголовно-процессуальной. Полномочия прокурора при осуществлении надзора определяются действующим законодательством.

Правовые средства прокурорского надзора для установления нарушений закона органами полиции достаточно многообразны. Наиболее эффективными являются прокурорские проверки, вязанные с деятельностью правоохранительных органов, осуществляющиеся в форме:

- ознакомления с заявлениями, сообщениями о преступлениях и материалами их предварительной проверки, подлинными материалами процессуальной деятельности и копиями процессуальных документов;

- наблюдения за соблюдением органами полиции сроков рассмотрения и разрешения заявлений (сообщений) о преступлениях, расследования уголовных дел, задержания подозреваемых и применении к ним ареста в качестве меры пресечения, а также других процессуальных сроков;

- личного разбирательства по каждому случаю необоснованного и незаконного задержания, заключения под стражу, привлечения в качестве обвиняемого либо освобождения от уголовной ответственности, возбуждения либо отказа в возбуждении уголовного дела, производства следственных действий и принятия других процессуальных решений.

Рассматривая прокурорский надзор за исполнением административной деятельности правоохранительных органов, следует отметить, что надзор, обеспечивая исполнение законов и подзаконных актов, позволяет вести борьбу с нарушителями и, тем самым содействует законности в стране, в регионе и на местах. Методы реагирования прокурорского надзора за исполнением законов сводятся, как правило, к проверке правоохранительного органа на поступившую информацию о правонарушении или преступлении, вынесение прокурором представлений об устранении нарушения закона. Типичные нарушения административного законодательства органами административной юрисдикции заключаются в следующем:

- несоблюдение требований норм административного законодательства влечет за собой как необоснованное привлечение граждан к административной ответственности, так и противоправное фактическое освобождение виновных от установленной законом ответственности;

- привлечение к административной ответственности лиц, в действиях которых усматриваются признаки уголовно наказуемых деяний;

- несоблюдение предусмотренных законом сроков давности;

- составление протоколов и постановлений об административном правонарушении без указания в них всех необходимых сведений и без требуемого разъяснения прав и обязанностей всем участникам производства по делу;

- неполное выявление всех требуемых по закону обстоятельств, подлежащих выяснению по делу об административном правонарушении;

неверная юридическая оценка совершенных действий, неправильное применение квалифицирующих признаков;

- нарушение установленного законом порядка административного расследования;

- применение штрафов за конкретные виды правонарушений, предусмотренных законом, ниже или выше установленных размеров;

- нарушение порядка административного задержания граждан (в том числе факты необоснованного задержания, без составления протоколов, превышения установленных законом сроков задержания и др.);

- неиспользование должностными лицами своих полномочий по доказыванию виновности привлекаемых к административной ответственности лиц и иных обстоятельств, имеющих значение для разрешения конкретных дел (непринятие мер к опросу свидетелей, потерпевших, освидетельствованию в установленном порядке на предмет состояния опьянения и др.);

- противоправно упрощенная процедура рассмотрения материалов об административных правонарушениях (без приглашения и опроса лица, привлекаемого к ответственности, без разъяснений процессуальных прав, исследования документов и др.);

- игнорирование обстоятельств, исключающих производство по делу;

- нарушение подведомственности при рассмотрении отдельных определенных категорий дел (наиболее часто преувеличивают свои полномочия органы внутренних дел, необоснованно подменяя административные комиссии, комиссии по делам несовершеннолетних, суды);

- непринятие всех предусмотренных законом мер по реальному взысканию наложенных штрафов;

- непринятие мер по выявлению причин административных правонарушений и способствующих им условий в целях их последующего устранения.

Нельзя не принять во внимание, тот вопрос, что в 2010 году прокурорами выявлено свыше 350 тысяч нарушений законности, в следственные органы всех ведомств направлено почти 260 тысяч требований об их устранении. Показатель выявленных нарушений закона не всегда является коэффициентом эффективности прокурорского надзора за законностью правовых актов. Высшие должностные лица Российского государства признают наличие проблем в обеспечении законности, о чем свидетельствует Послание Президента России Д.А. Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации в 2010 году. Явно неудовлетворительное состояние с исполнением административного законодательства государственными органами, наделенными административной юрисдикцией, незамедлительно требует от прокуроров принятия кардинальных мер по улучшению

организации надзора на этом важнейшем направлении их деятельности.

Правильно организованные средства реагирования со стороны прокуратуры существенно гарантирует быстрое и полное устранение правонарушения, причин и способствующих ему условий. Непосредственное обнаружение прокурором фактов противоправного поведения и незаконных правовых актов занимает существенное место в практике надзора за исполнением законов, по многим его направлениям, в том числе и за исполнением административного законодательства. Оно обеспечивается, прежде всего, правом прокурора на беспрепятственный вход на территорию и в помещения органов, надзор за исполнением законов которыми осуществляет прокурор. Никаких препятствий для реализации названного права не может и не должно создаваться. Для прохода на нужную территорию прокурору достаточно предъявить служебное удостоверение, однако не все лица понимают это надлежащим образом. К прокурорам не применимы правила пропускного режима, требующие предварительного согласования визита представителя надзорной власти, заказа пропуска и др. Право беспрепятственного входа заключает в себе возможность попадания прокурора в нужное время и место к нужному лицу. Ведомственные, как и иные акты, ограничивающие право прокурора на беспрепятственный вход на поднадзорные ему объекты, незамедлительно опротестовываются прокурорами.

Личные наблюдения прокурора, как правило, дополняются документальными данными, которые прокурор имеет возможность получить благодаря предоставленному ему праву доступа к документам и материалам. Не случайно, право беспрепятственного входа на территории и в помещения поднадзорных органов и право доступа к материалам и документам предусмотрены российским законодательством.

Работа прокурора с документами достаточно широка и объемна. В данном случае следует иметь в виду, что изучение документов и материалов на месте имеет такие преимущества, как: возможность получения необходимых пояснений, справок от работников проверяемого органа, возможность сопоставления данных, отраженных в документах, с фактическим положением дел. Наконец, немаловажное значение имеет элемент внезапности, который свойствен обращению прокурора к документам непосредственно на том объекте, где, по имеющейся информации, совершаются правонарушения. Ознакомление с документами может помочь прокурору установить конкретные факты нарушений законодательства и получить соответствующую доказательственную информацию, наметить пути, определить формы и способы получения недостающих данных. Истребование и изучение необходимых документов, материалов, статистических и иных сведений в известной мере перекликается с правом доступа прокурора к документам и материалам. Однако это самостоятельные полномочия прокурора.

ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ В СИСТЕМЕ РЕФОРМИРОВАНИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Иващенко Н.П.
аспирант Краснодарского университета МВД Россия
Краснодар, Россия

Аннотация: Автором предлагаются обоснования соотносимости правового и политического нигилизма в вопросах обеспечения безопасности личности при реформировании системы правоохранительных органов.

Ключевые слова: политический нигилизм; правовой нигилизм; обеспечение безопасности личности; правоохранительная система.

Abstract: Author is offer the grounds of political nihilizm in the questions of providing of safety of personality at reformation of the system of law enforcement authorities.

Keywords: political nihilizm; legal nihilizm; to safety of personality; law-enforcement system.

Необходимо признать, что в стране не сложился институт общественного контроля за правоохранительными органами, именно контроля, а не вмешательства, что является одним из факторов воспроизводства политического нигилизма. Отсутствуют акторы, заинтересованные в создании в стране предсказуемой и четкой судебно-правовой системы.

Если рассматривать тему реформирования судебной и правоохранительной системы как некий месседж власти населению, то это послание воспринимается гражданами со значительной долей скептицизма, поскольку люди не видят системных изменений.

Такой дискурс объясним: в ходе реализуемой в стране судебной реформы и реформирования правоохранительной системы представители элиты решают сиюминутные политические задачи, а интересы граждан не более чем политическая декларация, не подкрепленная реальными шагами по устранению системных дисфункций в деятельности органов правопорядка.

Так, профессор Академии народного хозяйства при правительстве РФ А. Пригожин констатирует: «Пренебрежение правовым содержанием законов и есть беззаконие. А оно имеет столь тяжкие следствия, что кто-то когда-то вынужден будет заняться переходом к правовому государству, потому что беззаконие рождает страх перед властью и ее представителями. Страх создает в обществе много стрессов и фобий, репрессивную культуру. Он обессиливает общество, искажает обратную связь в государстве. Наш бизнес никогда не станет развитым, эффективным в этих условиях.

Беззаконие порочит страну, унижает, вызывает насмешки и неуважение к нам в развитом мире. Так складывается антиинновационная среда, где творческим людям дискомфортно жить и работать. Законность есть качество жизни. Без правового государства невозможно одолеть отсталость»[1].

Однако для делинквентно ориентированной части бюрократии не существует угрозы статусных потерь в случае нарастания в обществе политического нигилизма. На взгляд автора настоящей диссертации внутри политической элиты существуют группы, которые можно назвать реакционными и именно они представляют угрозу для политической модернизации осуществление которой, в частности, позволило бы снизить в стране уровень политического нигилизма.

Выступая в 2010 году с Посланием Федеральному Собранию Российской Федерации Президент РФ Д.А. Медведев сказал: «Модернизация только тогда даст ожидаемый эффект, когда в обществе будут действовать справедливые законы, функционировать независимые и уважаемые суды и органы правопорядка, которые пользуются настоящим доверием граждан. Все эти звенья, безусловно, тесно связаны, и реформировать нужно всю систему, а не отдельные институты. Именно поэтому наряду с развитием законодательства о судебной системе, что мы делали и продолжаем делать, мы начали проведение реформы МВД. И на законодательном уровне создаем условия для повышения качества работы следствия и прокуратуры. Этому служат и внесенные мною в Государственную Думу законопроекты «О полиции» и «О Следственном комитете». Сегодня не только федеральные, но и региональные, и муниципальные руководители обязаны готовиться к эффективной реализации этих новых актов. В них действительно много нового. При этом не прятаться по кабинетам и наблюдать за тем, как на их территории растет и наглеет криминал. Они должны делать все, чтобы люди не боялись за свою жизнь и жизнь своих близких; не опасались потерять свое здоровье, имущество и человеческое достоинство»[2].

И далее Д.А. Медведев констатировал, что «За последнее время, к сожалению, произошел целый ряд трагических событий, в результате которых погибли, были убиты наши граждане. Их причинами являются, в том числе, и расхлябанность в деятельности правоохранительных и других властных органов, зачастую их прямое сращивание с криминалом. По одному из таких эпизодов я принял решение освободить от должности начальника ГУВД Краснодарского края, а Генеральной прокуратуре, ФСБ, Следственному комитету - внести предложения об ответственности тех лиц, которые работали на соответствующих участках деятельности и которые обеспечивали правопорядок»[3].

По мнению автора статьи, события в станице Кущевской, а также деятельность «банды правоохранителей» на Дальнем Востоке (в которую были вовлечены около 250 человек и 90 юридических лиц), как они опи-

сываются в прессе, наталкивают на мысль, что хотя общество хочет гарантии прав собственности, невмешательства бюрократов в дела, хочет комфорта и перемен, сложившаяся теневая криминальная система не способствует укреплению политического порядка, не говоря уже об экономическом развитии территорий. Для широкого общественного обсуждения всех накопившихся тем, вопросов и проблем необходима общественная дискуссия о путях снижения политической аномии. У российской власти не одна, а как минимум две повестки дня – модернизационная и консервативная. Проведенное Е.Б. Шестопалом исследование восприятия российской власти населением страны показывает, что обе эти повестки дня не однозначно воспринимаются гражданами. Каждая из них имеет шансы на поддержку при условии, что и в той и в другой повестке дня будут затронуты не только «технические», но и нравственные темы, среди которых наибольшей востребованностью отличается тема социальной справедливости[4].

Основная функция государства – это монополия на насилие. А сегодня на территории любого государства разные формы насилия, особенно структурное насилие, осуществляют все, кому не лень. Государство же на это смотрит и делает вид, что ничего не происходит[5]. Так, немецкий политолог Йоханнес Фосвинкель пишет: «Демонстративный произвол властей, использующих закон исключительно как свое оружие в политической борьбе и стяжательстве, окончательно выхолостил и без того дырявое правовое российское государство». Как отмечает Фосвинкель, тысячи сомнительных приговоров ежегодно выносятся в отношении предпринимателей, чтобы завладеть их имуществом, офисными зданиями, товарными складами или земельными участками. «За этим стоят организованные группы рейдеров, региональные чиновники, продажные прокуроры, коррумпированные полицейские и послушные судьи»[6].

В таких условиях гражданина лишают основных прав де-факто представители местной элиты при попустительстве сотрудников правоохранительных органов, что выступает в качестве детерминанты политической аномии. «Именно в такой ситуации политическое насилие рано или поздно входит в число допустимых средств ведения политической борьбы — если не одобряемых, то с сочувствием принимаемых обществом. Сейчас проявления такого насилия похожи на стихийные поступки одиночек с не всегда внятным идеологическим посылом. Но эти одиночки не так одиноки, а идеологическая кристаллизация не такое уж хитрое дело. Тем более что готовые предложить свои услуги могут найтись на самых разных политических флангах»[7].

В случае эскалации политического насилия у политической системы страны нет будущего. По этому поводу известный отечественный политолог Г. Павловский констатирует: «В России на месте государства, которое бы отличало себя от общества, находится власть, неотличимая от схемы социальной реальности. Здесь для того, чтобы защититься, нужно самому

прибегнуть к насилию, либо перейти под защиту кого-то, кто насилие практикует. Очень хороший пример – станица Кущевская. Это экономически процветающая зона аграрного бизнеса, работающего на внутреннем и мировом рынке. Подобно неаполитанской экономике из бестселлера Роберто Савьяно «Гоморра», кубанское аграрное насилие стало средством защиты, арбитража, иногда даже экономической «оптимизации» и ограничения вмешательства коррумпированных и некомпетеных властей. Ценой этого была жизнь под «защитой» подонков, вырезавших целую фермерскую семью и ее гостей. Но подонки из Кущевской не пришли извне, они – часть динамичного социального сообщества, выживающего и защищающегося от «чужих»[8].

17-21 декабря 2010 года Аналитический Центр Юрия Левады (Левада-Центр) провел опрос по репрезентативной выборке 1611 россиян в возрасте 18 лет и старше в 133 населенных пунктах 45 регионов страны[9]. Распределение ответов на некоторые вопросы исследования приводятся в процентах от общего числа опрошенных в сравнении с данными предыдущих опросов. Погрешность данных этих исследований не превышает 3,4%.

Чувствуете ли вы себя лично под защитой закона?

	дек.06	дек.10
Да	25	33
Нет	68	58
затрудняюсь ответить	7	9

Почему вы не чувствуете себя под защитой закона?

	дек.06	дек.10
Потому что законы постоянно меняются	23	17
Потому что законы вольно трактуются теми, кто находится у власти	37	32
Потому что законы писаны не для всех; появилось слишком много людей, которые ощущают себя над законом	45	46
Потому что все коррумпированы, и я не могу надеяться на честное и объективное рассмотрение моего дела в суде	42	35
Потому что у людей нет средств воздействовать на власть	20	16
Другое	1	2
затрудняюсь ответить	4	5

В данном случае мы подошли к проблеме восприятия легитимированного насилия. Член Общественной палаты РФ, руководитель Новосибирского регионального общественного фонда «Социум» Н.Вавилина констатирует: «Я считаю, что в данном случае проблема не только в отношениях «человек-власть», здесь мы должны обратить внимание на другой тревожный симптом. Таких случаев, когда у нас безжалостно топчут слабых, все больше. А причина этого кроется в жестоком обращении с детьми, которое мы допустили на определенном этапе развития нашего общества. Насилие, как известно, порождает насилие. Мы переступили черту и начали проявлять жестокость по отношению к самым незащищенным - и эта жестокость неминуемо распространится на всех остальных»[10]. Что касается заявлений Президента РФ Д.А. Медведева о борьбе с «правовым нигилизмом» и реальных шагов, то политолог Д. Муратов отмечает «позитивные сдвиги». Муратов указывает на то, что часть российского судейского корпуса осознала свою независимость, гарантированную конституцией. «Правовой нигилизм в России означает, что закон трактуется в соответствии с интересами. И в течение года это положение вещей не изменить», - замечает Дмитрий Муратов[11].

И очевидно, эта же системность позволила в 2010 году появиться законопроекту Кремля, который в случае его последовательной реализации может обеспечить практике взаимодействия граждан РФ и государственного аппарата иное качество. Речь идет о ноябрьских поправках к Кодексу об административных правонарушениях (КоАП), впервые в российской истории вводящих денежные штрафы за административную волокиту и за не рассмотрение жалоб. Дело не в 2–30 тыс. руб., которых может лишиться чиновник за нерадение,— этими внешне некрупными изменениями в закон предполагается с 2011 года покушение на сам принцип взаимодействия власти и общества. Штрафы, налагаемые на чиновника за неисполнение его обязанностей, противоречат самой основе российской государственности, всегда предполагавшей: наказание госслужащего есть сугубо внутреннее дело структуры, в которой он служит, властная корпорация на этом уровне отделена от общества, общество не вправе вмешиваться в то, что происходит в коридорах власти иначе, чем в реальной или фальсифицированной «электорально-демократической» процедуре[12].

Социологические опросы показывают, что российские граждане чувствуют себя неуютно в среде, которая требует индивидуальной ответственности. В указанном отношении достаточно показательны события в станице Кущевской, которые высветили прямую взаимосвязь низкой эффективности функционирования правоохранительных органов с разгулом преступности и тотальной политической аномией населения.

В итоге, можем сказать, что транзитивной России так и не удалось перенять демократию и принцип верховенства закона у стран со стабиль-

ными политическими режимами. Понимание необходимости системного реформирования правоохранительных органов в контексте уменьшения в обществе политической аномии подразумевает комплексный подход к исследованию политического восприятия, учитывающий политико-культурные, пространственные, темпоральные, субъектные и политико-психологические аспекты реформы милиции/полиции. Кроме того объявленный президентом России курс на модернизацию требует соблюдения принципа независимости суда.

При этом сама по себе постановка проблемы снижения правового и политического нигилизма на уровне исполнительной власти совершенно необходима. Общество эту проблему не только осознало, оно к ней привыкло, что относится автором диссертации к числу угроз национальной безопасности.

Принимаемые меры по уменьшению уровня правового и политического нигилизма должны способствовать улучшению взаимоотношений между сотрудниками полиции и иных правоохранительных органов с гражданами. Чиновники рассчитывают, что нововведения в процессе проводимого реформирования помогут полиции избавиться от негативного образа коррумпированной структуры с некомпетентными сотрудниками, однако без решения проблемы политического нигилизма граждан, затраченные ресурсы не дадут эффекта.

Литература:

1.Пригожин А. Час икс: Право выше закона // Ведомости, 2010, № 203 (2721), 27.10.

2.Послание Президента РФ Дмитрия Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета - Федеральный выпуск, 2010 №5350 (271) от 1 декабря.

3.Там же.

4.Шестопал Е.Б. Политическая повестка дня российской власти и ее восприятие гражданами // Полис, 2011, № 2. С. 7-24.

5.Кузьмин А. Задача - воссоздать государство // Русский журнал, 2011, 7 апреля.

6.Voswinkel J. Fall Chodorkowskij – letzte Runde einer Justiz-Farce // Die Zeit, 2011, 25.5.

7.Кувалдин С. Желание разбрасывать камни // Эксперт, 2011, №18 (752).

8.Павловский Г. Новая политкорректность – против языка вражды // Русский журнал, 2010, 22 ноября.

9.Кого защищает закон? // Пресс-релиз Аналитического Центра Юрия Левады (Левада-Центр), 2011. 20.01.

10.Шулепова Е. Мэров бьют молча. В Рязанской и Тульской областях избили глав муниципальных // Российская газета - Федеральный выпуск, 2010, №5357 (278) от 9 декабря.

11.Цит. по: Donath K.-H. Dmitri Muratow über den Fall Chodorkowski "Die Oligarchen sind fetter geworden" // Die Tageszeitung, 2010, 15.12

12.Бутрин Д. Административные штрихи складываются в рисунок // Коммерсантъ, 2010, 27 декабря.

ТЕКСТ КАК УЛИКА ИЛИ ОПРАВДАНИЕ: ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ПРИ РАССМОТРЕНИИ В СУДЕ ДЕЛ ПО ЗАЩИТЕ ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ

Ищенко Д.С., к.филол.н.
Кубанский социально-экономический институт,
Краснодар, Россия

Аннотация: Статья посвящена вопросам проведения лингвистической экспертизы при рассмотрении в суде дел по защите чести, достоинства и деловой репутации.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, честь, достоинство, деловая репутация.

Abstract: The article is devoted to questions of realization of linguistic examination at consideration in court of businesses on protection of honour, advantage and business reputation.

Keywords: linguistic examination, honour, advantage, business reputation.

На рубеже XX-XXI веков формирующаяся постиндустриальная культура подчеркивает уникальность человека, ориентирует на его самоценность. Обществоведы отмечают изменение основного жизнеобеспечивающего ресурса: им становится сам человек с его творческим потенциалом, со способностью к саморазвитию, самоорганизации [1]. В свою очередь социальной формой самоорганизации становится гражданское общество, развитие которого является важнейшей предпосылкой построения правового государства с выработанными экономическими, политическими, правовыми и культурными отношениями между людьми, то есть предполагающее морально-нравственное здоровье общества. При этом особое значение начинают уделять защите прав и свобод человека, в связи с чем увеличивается число рассматриваемых в суде дел об оскорблениях и клевете, возбуждении национальной, расовой и религиозной вражды, призывах к свержению конституционного строя и т.д.

С формированием единого информационного пространства именно массовая культура и средства массовой информации становятся основными пропагандистами общекультурных ценностей, определяют и прививают нравственные ориентиры, формируют общественное мнение. При этом провозглашение свободы слова в России и логически вытекающей из нее свободы творческого самовыражения все чаще стали оборачиваться журналистским произволом на всех стадиях творческого процесса – при выборе темы, сборе и обработке материала и литературном его оформлении. Это в свою очередь привело к росту количества рассматриваемых в суде

дел, в которых ответчиком выступает журналист, редакция, теле- или радиокомпания. Вслед за журналистами и другие позволяют себе недопустимые вольности, проявляющиеся как в содержательном наполнении выражаемого мнения, так и в его формулировании.

Это приводит к необходимости проведения ряда экспертиз, позволяющих определить степень виновности или невиновности ответчика. При рассмотрении судебных дел традиционно прибегают к использованию таких экспертиз, какдокументальные, экономические, строительные, медицинские, товароведческиеи т.д. Однако в последнее время для выявления правонарушений, связанных с ущемлением прав и свобод человека как личности, проявилась тенденция к применению судебной лингвистической экспертизы, назначаемой управомоченным лицом для выявления юридически значимых фактов, регулируемой соответствующими процессуальными отраслями права (ГПК РФ, УПК РФ, АПК РФ, КоАП РФ) и актуальной в случаях, когда основным ресурсом является информация, текст. Необходимость в проведении лингвистической экспертизы возникает всякий раз, когда требуется уяснить точный смысл того или иного текста. Поводом для проведения лингвистической экспертизы может послужить рассмотрение «гражданских судебных дел – рассмотрение дел о защите чести, достоинства и деловой репутации, уголовных – об оскорблении и клевете, арбитражных» [2], если дело касается защиты деловой репутации в сфере предпринимательской и экономической деятельности.

При рассмотрении арбитражных дел лингвистическая экспертиза также может назначаться в целях толкования положений законодательства, толкований спорных положений договоров, для толкования текстов, размещенных на интернет-ресурсах. К сожалению, российский законодатель не всегда способен ясно выразить свою волю. По справедливому замечанию И. Левонтиной несколько лет назад для выяснения, «можно ли понимать протез как вспомогательное средство», проводилась лингвистическая экспертиза, поскольку «Приложение к “Приказу Министерства здравоохранения Российской Федерации от 29.01.97 № 30”, Постановление Министерства труда и социального развития Российской Федерации от 29.01.97 № 1. Классификация и временные критерии, используемые при осуществлении медико-социальной экспертизы» в пункте 1.5.2 комментировали: «Ограничение способности к самостоятельному передвижению: 1 степень - способность к самостоятельному передвижению при более длительной затрате времени, дробности выполнения и сокращении расстояния; 2 степень - способность к самостоятельному передвижению с использованием вспомогательных средств и (или) помощью других лиц» [3]. Таким образом, любое лицо или организация вправе провести инициативную лингвистическую экспертизу, выводы которой будут приниматься в судах.

Частотность рассмотрения гражданских и уголовных дел с использованием лингвистической экспертизы значительно выше. Проведение неза-

висимой лингвистической экспертизы характерно для анализа текстов и дискурсов различной целевой направленности: авторские произведения, публикации в СМИ и Интернете, рекламная продукция, слоганы, товарные знаки, коммерческие наименования и т.д. Весьма востребованы лингвистические экспертизы при расследовании и судебном рассмотрении дел по защите чести, достоинства и деловой репутации, об оскорблениях и клевете, распространении порочащих сведений, проявлении неуважения, возбуждении национальной, расовой и религиозной вражды. Это связано с тем, что любая информация, любой текст,традиционно обладают планом содержания и планом выражения, то есть содержанием, заключенным в форму. Таким образом, текст может выступить как улика за идеологически содержательное наполнение и за его языковое оформление, предполагающее как выбор жанра, так и стилистику, синтаксис, семантику используемых лексем и т.д.В связи с этим лингвистическая экспертиза текста допускает различные виды литературно-языкового анализа, среди которых анализлексики и морфологии, семантический, синтаксический, грамматический, морфологический анализы. При этом текст в зависимости от результата становится и карающим бичом и оправдательным документом.

При рассмотрении в суде дел по защите чести, достоинства и деловой репутации возникают дополнительные сложности, поскольку нередко они требуют лингвистической экспертизы не только «компрометирующего/ некомпрометирующего» текста, но и нередко выявления толкований понятий законодательства. Так сами понятия «честь», «достоинство», «деловая репутация», по справедливому замечанию Д.А. Шевчука, не определены законодателем и пока не вносят ничего содержательно или процессуально нового. В книге «Экономическая журналистика» автор осуществляет попытку проведения лингвистической экспертизы положений законодательства РФ. При этом он отмечает: «Унижение чести предполагает, что истец ощущает изменение (или считает потенциально возможным изменение) общественного мнения о себе. Это сознательная дискредитация человека в общественном мнении… Достоинство – это «самооценка личности, основанная на ее оценке обществом». Достоинство, как и честь, включается законодателем в число нематериальных прав личности.Конституция РФ не случайно говорит не об унижении, а об умалении достоинства. Нельзя унизить человека в его собственных глазах. Поэтому правильнее было бы говорить об «унижении чести и умалении достоинства». Что касается понятия деловой репутации, то она связывается в текстах права прежде всего с предпринимательской деятельностью и определяется А. Эрделевским как «сопровождающееся положительной оценкой общества отражение деловых качеств лица в общественном сознании» [4].

При этом Л.Н. Симанович отмечает, что судебный, а именно гражданско-правовой, порядок позволяет не только защитить указанные нематериальные блага путем опровержения, но и компенсировать моральный

вред, решить вопрос о возмещении убытков, по его замечанию «именно суд является тем государственным органом, который в силу представленных ему законом полномочий может вынести справедливое решение» [5].Однако, это не вполне справедливо, поскольку как указывает Комментарий к УК РФ, «наличие унижения и его степень, глубину оценивает в первую очередь *сам потерпевший*» [курсив здесь и далее наш – Д.И.]: объективных, тем более операциональных критериев для доказательства того, что «унижение чести» имело место, в законе и текстах права вообще нет, что делает защиту и обвинение несколько субъективными. Таким образом, осуществляются смысловые или семантические исследования, позволяющие проанализировать текст с целью выявления выраженных в нем смыслов и характера воздействия текста на адресата или аудиторию. Поскольку воздействие может быть весьма неоднозначным, это приводит к необходимости проведения психолого-лингвистической экспертизы, призванной обеспечивать защиту от речевой агрессии (суггестологический анализ текста, оценка коммуникативного эффекта текста, способы ведения эффективного диалога с суггестором (манипулятором), распознавание и нейтрализация манипулятивных приемов и тактик).

В результате по общему правилу гражданско-правовая ответственность за посягательства на указанные нематериальные личные блага наступает при одновременном наличии трех условий: факта распространения сведений; порочащего характера этих сведений и несоответствия их действительности. При отсутствии хотя бы одного из указанных обстоятельств иск не может быть удовлетворен судом. Доказательством присутствия первого и второго условий и занимаются лингвоэксперты, выявляя имеются ли в тексте высказывания в форме утверждения о каких-либо конкретных фактах нарушения гражданином действующего законодательства или моральных принципов, есть ли в тексте высказывания о фактах, не имеющих места в действительности, но формирующих о гражданине ложное, не соответствующее действительности представление, имеются ли высказывания, позорящие гражданина, имеются ли в тексте высказывания в форме утверждения, приписывающие гражданину незаконные или аморальные действия, вызывающие явное или неявное осуждение со стороны окружающих; содержатся ли в цитате слова, словосочетания или фразы, относящиеся к одному или нескольким типам оскорбительной лексики, носят ли высказывания, относящиеся к гражданину оскорбительных характер, имеется ли в высказываниях отрицательная оценка личности гражданина, подрывающая его престиж в глазах окружающих, наносящая ущерб уважению к самому себе, если имеется, то выражена ли такая отрицательная оценка в циничной, неприличной форме, противоречащей правилам поведения, принятым в обществе и т.д.

Сложность рассмотрения в суде дел по защите чести, достоинства и деловой репутации обусловлена также тем, что лингвистическая эксперти-

за отличается специфичностью объекта исследования (текст) и неотработанностью методики ее проведения, а отдельные слова и текстовые суждения должны рассматриваться в смысловом, целевом и эмоциональном контекстах всего текста сообщения.

Литература

1. Видт И.Е. Генезис ментальностей в культурно-образовательных средах //Институт системных исследований и координации социальных процессов. [Электронный ресурс]. URL: http://isiksp.ru/library/vidt_ie/vidt-000001.html (дата обращения: 20.05.2012).

2. Лингвистическая экспертиза // Байкальский центр судебных экспертиз, права и землеустройства. [Электронный ресурс].URL: http://www.expertiza38.ru/index.php/rechevedcheskie-ekspertizy/lingvisticheskaya-ekspertiza (дата обращения: 20.05.2012).

3. Левонтина И. Буква и закон.Судебная лингвистическая экспертиза. // Отечественные записки. - № 2 (23). – 2005.[Электронный ресурс]. URL: http://www.philology.ru/linguistics2/levontina-05.htm (дата обращения: 20.05.2012).

4. Шевчук Д.А. Экономическая журналистика. М.: ГроссМедиа: РОСБУХ, 2008. – 568 с.

5. Симанович Л.Н. Защита чести, достоинства и деловой репутации в суде // Адвокат.[Электронный ресурс]. URL:http://www.advokat-op.ru/2010-08-30-07-04-42 (дата обращения: 20.05.2012).

6. Белашова М.С.Доказывание и доказательства по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации граждан и юридических лиц:Автореферат диссертации на соискание ученой степеникандидата юридических наук. М.,2009. 25 с. // Юридическая Россия. Федеральный правовой портал. [Электронный ресурс]. URL: http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1308509 (дата обращения: 20.05.2012).

7. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL:http://www.consultant.ru/popular (дата обращения: 20.05.2012).

ПОЛНОМОЧИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В СФЕРЕ НАДЗОРА И КОНТРОЛЯ ЗА ОРГАНАМИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ.

Кулиш М.В.
к.ю.н., Кубанский социально-экономический институт,
Краснодар, Россия

Аннотация: в статье рассмотрены вопросы касающиеся деятельности органов государственной власти, автором рассмотрены полномочия в сфере надзора и контроля за органами местного самоуправления

Ключевые слова: органы государственной власти, органы местного самоуправления, полномочия контроля и надзора.

Abstract: in article questions concerning activity of public authorities are considered, the author considers powers in sphere of supervision and control over local governments

Keywords: public authorities, local governments, powers of control and supervision

Контроль является важным функциональным элементом любой системы власти и управления, в том числе местного самоуправления.

Он позволяет проверять эффективность исполнения законов, нормативных правовых актов, принимаемых решений, проверять состояние дел в различных сферах деятельности, в том числе и стиль работы органов и должностных лиц местного самоуправления.

Государственный контроль осуществляется федеральными и региональными органами государственной власти и по объекту контроля может быть подразделен на два вида:

1) контроль за соблюдением законов, который включает:

- контроль за соблюдением законов о местном самоуправлении и как следствие - установление порядка судебной защиты прав местного самоуправления;

- контроль за соблюдением законности в деятельности органов и должностных лиц местного самоуправления (а также прокурорский надзор в этой сфере) и, следовательно, регулирование и установление ответственности органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления за нарушение законов;

- контроль, осуществляемый иными самостоятельными государственными органами;

2) контроль за осуществлением органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий.

Каждый из перечисленных видов контроля имеет свою специфику, что обусловлено особенностями статуса и полномочий органов государственной власти, осуществляющих контрольную деятельность. Контроль со стороны органов исполнительной власти обычно называется административным .

Поскольку местное самоуправление самостоятельно, административный контроль, означающий проверку не только законности, но и целесообразности действий подконтрольных субъектов, за его деятельностью невозможен, так как он означал бы прямое административное подчинение местной администрации и иных органов местного самоуправления органам государственной власти. Существует единственное исключение из этого правила. Как уже отмечалось, это контроль, осуществляемый при наделении органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями. Этот контроль носит именно административный характер, поскольку органы государственной власти проверяют не только законность, но и целесообразность действий местной администрации при реализации отдельных государственных полномочий.

Возможность введения административного контроля за деятельностью органов местного самоуправления установлена ст.8 Европейской хартии местного самоуправления и обусловлена следующими принципами:

1) любой административный контроль за органами местного самоуправления может осуществляться только в порядке и в случаях, которые предусмотрены конституцией или законом;

2) такой контроль, как правило, предназначен лишь для обеспечения законности и соблюдения конституционных принципов. Тем не менее административный контроль может там, где это целесообразно, осуществляться вышестоящими органами власти при выполнении органами местного самоуправления делегированных им задач;

3) административный контроль за органами местного самоуправления осуществляется таким образом, чтобы степень вмешательства контролирующего органа была соразмерна значимости интересов, которые это вмешательство имеет в виду защитить.

Способы осуществления административного контроля над местным самоуправлением определяются в законодательстве (федеральном или субъектов Федерации). Этот контроль является постоянным и присутствующим во всех областях взаимодействия государственной власти и местного самоуправления лишь в рамках так называемой административной модели взаимоотношений государственной власти и местного самоуправления.

Статья 21 Федерального закона "Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ" 2003 г. не определяет процедур государственного контроля за местным самоуправлением в сфере делегированных полномочий. Она лишь устанавливает, что такой контроль осуществляется и органы местного самоуправления не должны ему препятствовать.

Анализ Конституции РФ и Федерального закона N 131-ФЗ показывает, что "порядок и случаи" контроля над осуществлением органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий органами государственной власти в федеральном законодательстве РФ не рассмотрены.

Как нам представляется, данный пробел в действующем законодательстве необходимо исключить, внеся дополнения в главу 4 "Наделение органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями" Федерального закона N 131-ФЗ.

Анализ более пятидесяти законов субъектов РФ о наделении органов местного самоуправления государственными полномочиями показал, что в большинстве из них не рассмотрены конкретные формы и порядок контроля или рассмотрены не полностью.

Для решения данной проблемы существуют следующие способы и методы контроля:

- проведение правовых экспертиз и анализ правовых актов органов местного самоуправления, принятых в связи с исполнением переданных им отдельных государственных полномочий;

- запрашивание и получение в срок до двух недель, а при чрезвычайных обстоятельствах (стихийные бедствия, катастрофы и т.д.) - в срок до трех дней необходимых документов и другой информации, касающейся исполнения переданных полномочий;

- проведение проверок (в том числе ревизий, инвентаризации) и принятие в ходе проверок необходимых мер по оперативному исправлению выявленных нарушений и их предупреждению;

- истребование от должностных лиц местного самоуправления объяснений и иной информации при проведении проверок;

- организация системы учета и отчетности по осуществлению государственных полномочий;

- дача указаний органам местного самоуправления по вопросам реализации переданных полномочий в виде инструкций, разъясняющих порядок исполнения делегированных государственных полномочий .

Помимо административного контроля, государство сохранило во взаимоотношениях с местным самоуправлением две другие основные формы государственного контроля над его деятельностью: прокурорский надзор, финансовый контроль и судебный контроль.

Статья 77 Федерального закона 2003 г. N 131-ФЗ устанавливает, что прокуратура Российской Федерации осуществляет надзор за исполнением федеральных законов, законов субъектов Российской Федерации и уставов муниципальных образований органами местного самоуправления и должностными лицами местного самоуправления.

Согласно ст. 21 Закона "О прокуратуре Российской Федерации" исполнение законов органами местного самоуправления и их должностными лицами, а также соответствие издаваемых ими правовых актов законам является составной частью предмета прокурорского надзора.

В случае выявления несоответствия положений правового акта органа местного самоуправления или его должностного лица закону либо нарушений закона в деятельности указанных субъектов, а также несоблюдения ими прав и свобод человека и гражданина прокурор использует предусмотренные законом правовые акты реагирования на допущенные нарушения. На противоречащий закону либо нарушающий права человека и гражданина правовой акт местного самоуправления прокурором приносится протест либо в орган местного самоуправления, либо должностному лицу органа местного самоуправления, в зависимости от того, кто является субъектом, издавшим правовой акт .

Согласно Закону "О прокуратуре Российской Федерации" альтернативой принесения протеста для прокурора является обращение в суд с требованием о признании незаконным правового акта местного самоуправле-

ния. Закон предоставляет возможность прокурору по своему усмотрению избирать процедуру, в рамках которой должна быть восстановлена законность: опротестование в порядке надзора либо обращение в суд. Прокурор также обращается в суд, если принесенный им протест был необоснованно отклонен или не был рассмотрен в установленные законом сроки.

Таким образом, прокурор имеет в своем распоряжении эффективные механизмы, в результате применения которых восстанавливаются нарушенные права граждан, отменяются неправомерные акты органов местного самоуправления и их должностных лиц. Однако существует мнение, что прокурорский надзор является государственным контролем, так как органы прокуратуры не входят в систему органов государственной власти.

О роли финансового контроля в государстве, его месте в системе управления властные структуры, по справедливому мнению Ю.М. Воронина, вспоминают лишь в случае необходимости усиления механизма принуждения.

Характерными чертами финансового контроля являются:

- осуществление в сфере отношений, складывающихся при образовании, распределении и использовании денежных фондов государства и органов местного самоуправления;

- реализация посредством деятельности государственных или иных органов, наделенных законом соответствующими контрольными полномочиями;

- осуществление в целях обеспечения законности, охраны собственности, правильного, эффективного и экономного использования бюджетных средств, обнаружения нарушений финансовой дисциплины, выявления резервов ее повышения, увеличения доходных поступлений в бюджет .

Наряду с проходящими преобразованиями в настоящее время в Российской Федерации не сложилось и единое системное правовое регулирование государственного финансового контроля. Кроме того, отдельные сферы государственного финансового контроля имеют правовое оформление разрозненными нормативными правовыми актами разного уровня. Происходит дублирование функций либо, напротив, возникают пробелы в деятельности органов государственного финансового контроля и как следствие - правовые ниши, позволяющие законным способом присваивать государственные средства.

Ю.А. Данилевский справедливо отмечает, что "за годы реформ не удалось создать эффективной системы государственного регулирования и контроля. Организация и состояние финансового контроля в стране находятся на низком уровне. Такого слабого контроля со стороны государства за своими собственными финансовыми ресурсами в истории России еще не было" .

Следовательно, представляется необходимым и целесообразным создать единый закон, который бы содержал все элементы и особенности фи-

нансового контроля, что, безусловно, соответствовало бы общей прогрессивной тенденции в развитии права, заключающейся в стремлении к систематизации и кодификации правовых норм .

Статья 78 Федерального закона 2003 г. говорит о том, что решения, принятые путем прямого волеизъявления граждан, решения и действия (бездействия) органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления могут быть обжалованы в суд или арбитражный суд в установленном законом порядке.

Предметом обжалования являются действия (бездействие), решения органов и должностных лиц местного самоуправления, а также официальная информация, послужившая основанием для совершения действия или принятия решения, в результате которых нарушены права и свободы гражданина. Под нарушением прав и свобод гражданина понимается не только прямое нарушение, но и создание препятствий для их осуществления гражданином, незаконное возложение на него какой-либо обязанности или незаконное привлечение к какой-либо ответственности.

Предметом обжалования в суде могут быть правовые акты как индивидуального, так и нормативного характера, нарушающие права и свободы гражданина.

Таким образом, к основным видам государственного контроля над местным самоуправлением относятся:

- административный контроль - контроль органов государственной власти за осуществлением органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий;
- финансовый контроль - система экономико-правовых действий конкретных органов государственной власти, базирующаяся на основных положениях законов государства;
- судебный контроль - решения и действия органов местного самоуправления и их должностных лиц могут быть обжалованы в суде;
- прокурорский надзор - надзор за исполнением законов органами местного самоуправления и их должностными лицами, а также надзор за соответствием издаваемых ими правовых актов законам.

Следует отметить, что в настоящее время существует ряд проблем, связанных с государственным контролем за органами местного самоуправления, которые требуют своего решения.

ПРОБЛЕМЫ РАССМОТРЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В СУДАХ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Легостаев В.П.
к.ю.н., доцент
Кубанский социально-экономический институт
Краснодар, Россия

Аннотация. В статье рассматривается институт суда присяжных в уголовном судопроизводстве и проблемы повышения его эффективности. Предлагается совершенствование уголовно-процессуального закона, направленное на обеспечение надлежащего осуществления правосудия по уголовным делам с участием присяжных заседателей.

Ключевые слова: Уголовно-процессуальный кодекс, уголовный процесс, суд с участием присяжных заседателей.

Abstract: The article considers the institute of trial by jury in criminal judicial proceeding and problems of increase of efficiency thereof. Participation influencing the objectivity and unbiased attitude of jury board and suggestbi the improvement of criminal procedure law directed to organization of due judicial practice of criminal cases with jury participation.

Key words: Criminal-procedure Code, Criminal Procedure, trial by jury, members of jury.

Количество уголовных дел, рассматриваемых судом с участием присяжных заседателей, неуклонно растет из года в год. Так, в период с 2003 по 2009 годы доля таких дел в судах областного звена выросла с 3,3 до 14% [1]. Привлекательность института суда присяжных для подсудимых во многом объяснима большей распространенностью оправдательных приговоров по делам, рассмотренным судом с участием присяжных заседателей. Средний показатель оправданных лиц за период с 1994 по 2009 годы составил 17% общего числа лиц, в отношении которых были окончены производством дела, а количество оправданных мировыми судьями и районными судами традиционно не превышает 1% [2].

Из сказанного следует признать, что рассмотрение уголовных дел в судах с участием присяжных заседателей на современном этапе переживает не самые лучшие времена. Ситуация усугубляется тем, что по некоторой категории уголовных дел суд с участием присяжных просто не в состоянии осуществлять правосудие, так как они не могут вынести обоснованный вердикт, а суд в целом не может постановить законный, обоснованный и справедливый приговор.

По мнению многих ученых-процессуалистов суд с участием присяжных в таком составе как сегодня, изначально не в состоянии вообще осуществлять правосудие. Так, например, В.П. Божьев, комментируя Постановление Пленума Верховного Суда РФ о производстве в суде с участием присяжных заседателей, справедливо отмечает: «...Но очевидно и другое: присяжные заседатели ни в первом, ни при повторном рассмотрении не в состоянии (по уровню своих знаний) решить вопрос о виновности подсудимых по сложным, многотомным делам» [3]. С ним соглашается И.Н. Алексеев: «…налицо полная непредсказуемость приговоров, выносимых судом с участием присяжных заседателей как при осуждении, так и при оправдании подсудимых» [4].

Наиважнейшей проблемой в деятельности таких судов является значительное число оправдательных вердиктов, выносимых присяжными заседателями (около 15%), тогда как судьи единолично выносят лишь 0,6% таких приговоров [5]. Довольно часто в качестве традиционного аргумента неэффективности суда присяжных можно встретить ссылку на высокий показатель отмены оправдательных приговоров, который в среднем за период с 1996 по 2009 годы составил 40,2% [6].

В связи с чем, в нашей публикации попытаемся разобраться в причинах такого количества оправдательных приговоров.

Одной из основных причин вынесения оправдательных вердиктов присяжными заседателями является тенденциозность его состава. В специальной литературе отмечается, что туда попадают малообразованные и не знающие, куда деть свое время люди, которые легко поддаются на эмоции под воздействием адвокатов. Кроме того, указывается, что процедура отбора кандидатур не исключает попадания в заседатели людей, нужных преступным группировкам, а сами присяжные не несут ответственности за принятые ими решения [7].

Существенной особенностью суда присяжных является то обстоятельство, что присяжные решают вопросы, не требующие специальных знаний, руководствуются не нормами права, а жизненным опытом и здравым смыслом. Вследствие этого в литературе критикуется непрофессионализм присяжных заседателей. Однако фактические обстоятельства дела устанавливаются присяжными посредством анализа и оценки доказательств. Именно поэтому в соответствии со ст. 340 УПК РФ перед удалением присяжных в совещательную комнату председательствующий в напутственном слове разъясняет им основные правила оценки доказательств. В связи с этим на практике возникает вопрос о том, могут ли непрофессионалы во всех случаях успешно справляться с данной непростой задачей [8].

Именно этими причинами, с нашей точки зрения, объясняется принятие нового Федерального закона от 30 декабря 2008 года №321-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам противодействия терроризму». Согласно данному зако-

ну из подсудности суда с участием присяжных заседателей изъяты уголовные дела о наиболее опасных преступлениях - о террористическом акте (ст. 205 УК РФ), о захвате заложников (ч. ч. 2 - 4 ст. 206 УК РФ), об организации незаконного вооруженного формирования или участии в нем (ч. 1 ст. 208 УК РФ), о массовых беспорядках (ч. 1 ст. 212 УК РФ), о государственной измене (ст. 275 УК РФ), о шпионаже (ст. 276 УК РФ), о насильственном захвате власти или насильственном удержании власти (ст. 278 УК РФ), о вооруженном мятеже (ст. 279 УК РФ) и о диверсии (ст. 281 УК РФ) [9].

Таким образом, из изложенного следует сделать вывод о том, что практика отбора присяжных заседателей требует незамедлительного законодательного разрешения. Представляется необходимым дополнить ст. 328 УПК РФ нормой содержащей возможность гласной и негласной проверки в рамках Федерального закона «Об ОРД», всю информацию о личности кандидата в присяжные заседатели, которая препятствовала бы участию в судопроизводстве таким лицам, и которым впоследствии мог бы быть заявлен мотивированный отвод.

Другой причиной столь высокого процента оправдательных приговоров является слабое качество предварительного расследования и, как правило, сторона защиты на предварительном слушании заявляет ходатайства о недопустимости доказательств. Низкое качество предварительного расследования и прокурорского надзора за его законностью, что чаще всего проявляется в нарушении процессуального порядка расследования, его односторонности и неполноте, поверхностной проверке и оценки доказательств, игнорировании конституционных и процессуальных прав обвиняемого, что влечет недопустимость доказательств и таким образом подрывает базу обвинения.

В юридической литературе приводятся примеры, когда «к недопустимым могут быть отнесены доказательства, не только полученные с нарушением уголовно-процессуального закона, но и, при определенных обстоятельствах, добытые строго в соответствии с нормами УПК РФ» [10].

В судебной практике не единичны случаи необоснованного исключения председательствующим судьей доказательств из числа допустимых. Так, Кассационной палатой Верховного Суда РФ был отменен оправдательный приговор, постановленный с участием коллегии присяжных заседателей Краснодарского краевого суда в отношении Ф., обвинявшегося в совершении изнасилования в отношении малолетней. Кассационная палата Верховного Суда РФ признала, что судья необоснованно исключил из разбирательства дела в суде присяжных допустимые доказательства – одежду потерпевшей и заключение судебно-медицинской экспертизы, что могло существенно повлиять на характер выносимого присяжными заседателями вердикта. Исходя из материалов дела, установлено, что одежда потерпевшей была выдана следствию ее матерью в присутствии понятых. Поста-

новление о назначении судебно-медицинской экспертизы было вынесено следователем до привлечения Ф. в качестве обвиняемого по делу в связи, с чем следствием не были допущены нарушения, на которые ссылается суд в своем постановлении.

Несомненно, существенное влияние на формирование убеждения присяжных заседателей о виновности подсудимого оказывает качество поддержания в суде государственного обвинения. По данным проведенного научными сотрудниками НИИ при Генеральной прокуратуре РФ анкетирования присяжных заседателей, у 30% опрошенных присяжных убеждение в виновности подсудимого сформировалось после обвинительной речи прокурора. Две трети из них отметили, что на их вывод о виновности подсудимого повлияла убедительная по содержанию и форме речь государственного обвинителя (92%) и ее интересно было слушать (96%), чему, в частности, способствовали такие качества прокурора, как свободное владение речью, умение говорить живо (100%), ясность, понятность (88%), выразительность, образность (72%), логичность и точность речи государственного обвинителя (96%) [11]. Приведенные данные свидетельствуют о том, что эффективность поддержания государственного обвинения в суде с участием присяжных заседателей зависит прежде всего от уровня подготовки и мастерства прокуроров. Данные факты послужили причиной активизации работы по повышению качества поддержания государственного обвинения в суде с участием присяжных заседателей [12].

Следует согласиться с мнением А. Малова, который пишет: «Какими бы доказательственными с точки зрения профессиональных юристов ни были материалы уголовного дела, для присяжных заседателей они не будут убедительны, если государственный обвинитель не сможет тактически правильно упорядочить и исследовать в суде собранные органами предварительного следствия доказательства» [13]. В. Мельник в этом отношении точно указывает: «Для недобросовестных и неквалифицированных судей, следователей, прокуроров и адвокатов он, суд присяжных неудобен тем, что его сложная процессуальная форма заставляет использовать только законные методы выполнения своих функциональных обязанностей, высвечивает их профессиональную несостоятельность и... не прощает ошибок, произвола, нарушения прав подозреваемого, обвиняемого и других участников процесса, процессуального порядка собирания доказательств» [14].

Таким образом, можно сделать вывод, что в связи с особенностями процедуры рассмотрения уголовных дел в суде присяжных роль профессиональных юристов возрастает на всех этапах уголовного процесса. Именно от качества их деятельности во многом зависит, будет ли виновный осужден, а невиновный оправдан. Большое количество ошибок при постановлении оправдательных приговоров в суде с участием присяжных заседателей допускается по вине профессиональных судей, в том числе после того, как вердикт коллегии присяжных заседателей вынесен в соответ-

ствии с требованиями закона. Высокий показатель отмены оправдательных приговоров также является следствием несовершенства уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего порядок формирования коллегии присяжных заседателей, и «обвинительной тенденции» некоторых судей вышестоящих инстанций, имеющих неверное представление о значении оправдания и задачах уголовного процесса.

Литература:

1.Гарашко А.Ю. Проблемы формирования и функционирования суда присяжных в России // Администратор суда. 2009. №4. С.9.

2.Божьев В. Пленум Верховного Суда РФ о производстве в суде с участием присяжных заседателей // Законность. 2006. №4. С.11.

3.Алексеев И.Н. Суд присяжных заседателей как угроза российской правовой системе // Уголовный процесс. 2005. №5. С.7.

4.Басманов Н., Гусаков Э. Обвинение в суде присяжных // Законность. 2006. №2. С. 9.

5.Гарашко А.Ю. Проблемы формирования и функционирования суда присяжных в России // Администратор суда. 2009. №4.

6.Ветрова Г.Н. Нужны ли правосудию народные представители? Государство и право на рубеже веков / Под ред. В.В. Лунеева, А.В. Наумова, И.Л. Петрухина. М., 2001. С. 256.

7.Шемонаев П. Подсудимые верят в справедливость суда присяжных // Российская юстиция. 2000. №8. С.21.

8.Федеральный закон от 30 декабря 2008 года №321-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам противодействия терроризму» // Российская газета. 31 декабря 2008 года.

9.Балакшин В.С. Оценка допустимости доказательств // Уголовный процесс. 2007. №1. С.13.

10.Наумов А. Суд как орган борьбы с преступностью, а прокуратура как институт общего надзора // Российская юстиция. 2002. № 1. С.17.

11.Малов А. Допрос государственным обвинителем свидетеля в суде с участием присяжных заседателей // Законность. 2007. №8. С.21.

12.Мельник В. Суд должен быть удобным для общества, а не для юристов // Российская юстиция. 2000. №1. С.27.

НРАВСТВЕННЫЕ НАЧАЛА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ВЬЕТНАМ

Май Даг Биен
к.ю.н., прокурор провинции Лам Донг
Социалистической Республики Вьетнам

Аннотация: Рассматриваются вопросы формирования правовой культуры и правового сознания вьетнамцев в вопросе понимания ценности прав и свобод человека, необходимость серьезного изменения всех институтов национальной правовой системы.

Ключевые слова: Правовая культура, правовое сознание, национальные ценности, права и свободы граждан, уголовно-процессуальное законодательство.

Abstract: The questions of forming of legal culture and legal consciousness of Vietnameses are examined in the question of understanding of value of rights and freedoms of man, necessity of serious change of all institutes of националь-ной of the legal system**.**

Keywords: Legal culture, legal consciousness, national values,, rights and freedoms of citizens, criminal and judicial statute.

Основной источник права в СРВ - законы и другие нормативные акты. Иерархию нормативных правовых актов составляют Конституция, законы и постановления Национального собрания, указы (декреты) и постановления Постоянного комитета Национального собрания, приказы (ордонансы) и решения Президента Республики, решения и директивы Правительства, подзаконные акты министерств и ведомств, местных органов власти.

Вхождение СРВ в мировое сообщество, существенные экономические, политические и социальные реформы определили необходимость серьезного изменения всех институтов национальной правовой системы. Конституция СРВ декларировала наше государство как правовое, обозначив, таким образом, приоритеты дальнейшей внутренней политики.

Несмотря на это, в сельской местности, особенно в труднодоступных районах, многие вопросы повседневной жизни регулируются обычным правом (согласно ст.5 Конституции СРВ, каждая национальность имеет право "сохранять и развивать свои прекрасные нравы, обычаи").

Социалистический строй допускает в этом смысле некие «вольности», в том числе в борьбе за нравственность. Так, в крупнейшем городе центральной части страны, Дананге отныне любому из горожан, кто не отказывает себе в удовольствии «сходить налево», следует помнить, что его или ее тайные амурные связи могут в один момент стать достоянием гласности.

Местной полиции вменяется в обязанность на регулярной основе проводить проверки во всех «домах отдыха» - небольших частных отелей, в которых дешево сдаются комнаты на почасовой основе.

Если «застуканные» там не смогут документально доказать связывающие их брачные узы, то об их отношениях обязательно будет сообщено в одной из местных газет.[1]

Признание и нормативное закрепление прав человека признано одним из важнейших факторов построения социалистического правового государства во Вьетнаме. Процесс решения этой сложной задачи объективно требует усиления системности и качественно иного состояния всех видов деятельности государственных органов и общественных организаций. С другой стороны, с учетом традиционного понимания прав человека во Вьетнаме эта задача может быть решена путем эволюционного развития юридической

науки в границах государственного правотворчества и современной правовой системы.

Уголовно-процессуальное законодательство Вьетнама и регулируемая им уголовно-процессуальная деятельность опираются на ряд руководящих, системообразующих положений, которые определяют характер всего уголовного процесса, его идеологическую и политическую направленность, играют в нем особую, главенствующую роль. Эти основы уголовного процесса принято называть его принципами.

За последнее десятилетие в ходе реформирования уголовного судопроизводства фундаментальные позиции уголовно-процессуального законодательства значительно изменились, коснувшись, в первую очередь, его принципов.

Сильнейшее влияние на формирование правовой культуры и правового сознания вьетнамцев в вопросе понимания ценности прав и свобод человека оказали традиции и обычаи вьетнамского общества, основанные на конфуцианстве. Это отразилось в формировании такого типа понимания прав человека, для которого характерно:

во-первых, единство между правами, выгодами каждого человека (простой человек, король, чиновник) и ответственностью, обязанностью перед обществом и благом нации, государства (при этом приоритетное место занимает благо государства, но и частные выгоды должны быть им защищены);

во-вторых, это защита прав на землю, имущество и другие выгоды трудящихся;

в-третьих, это расширение сферы влияния этических норм (уважение человеческого достоинства, критика неправильного поведения чиновников, мужчин в отношении женщин и т.п.);

в-четвертых, это гуманное отношение к правонарушителям особенно к женщинам, детям, пожилым людям, этническим меньшинствам, к малоимущим и одиноким людям).[2]

Несмотря на это, в уголовно-процессуальном законодательстве СРВ практически нет норм, прямо гарантирующих соблюдение основополагающих нравственных принципов. Однако стоит ли «экономить» на принципах, в том числе и таких важных и основополагающих, идущих из природы людей, как принципы нравственности?

Законы СРВ, в целом, не только провозглашают демократические права и свободы граждан, но и предусматривают определенные гарантии и способы защиты их через юстиционные и иные процедуры.

Демократические права граждан защищаются в суде четко и на основе таких демократических принципов как равенство всех граждан перед законом и судом, обеспечение права обвиняемого на защиту, независимости судей и народных заседателей и подчинении их только закону и т.п.[3]

Как правильно подметил в свое время Чыонг Куанг Винь, криминогенная обстановка во Вьетнаме пока остается сложной, а поэтому Вьетнамское государство нуждается в поиске наиболее дешевых, гуманных и эффективных видов уголовных наказаний для борьбы с преступностью, которые бы не противоречили нравственным представлениям вьетнамского народа и международно-правовым стандартам в сфере борьбы с преступностью.[4]

В этой связи, в качестве самостоятельных принципов уголовного процесса СРВ необходимо сформулировать специальные идеи, способные оказать влияние на формирование порядка судопроизводства, которые следует понимать как конструктивные идеи, на которых непосредственно строится конкретная форма уголовного судопроизводства. Именно эти принципы и должны формировать уголовное судопроизводство СРВ.

К таковым, следует отнести: сочетание принципов законности и справедливости, гласности. Представляется необходимым в целях совершенствования уголовного судопроизводства конструирование его концепции, базирующейся именно на принципах нравственности вьетнамского народа. К числу моральных принципов которого, можно отнести такие общие начала нравственности, как *гуманизм* - признание человека высшей ценностью; *альтруизм* - бескорыстное служение ближнему; *милосердие* - сострадательная и деятельная любовь, выражающаяся в готовности помочь каждому в чем-либо нуждающемуся; *коллективизм* - сознательное стремление содействовать общему благу; *отказ от индивидуализма* - противопоставления индивида обществу, всякой асоциальности, и эгоизма - предпочтения собственных интересов интересам всех других.

Полезно будет ориентировать данную концепцию на нравственные идеалы - понятия морального сознания, в которых предъявляемые к людям нравственные требования выражаются в виде образа нравственно совершенной личности, представления о человеке, воплотившем в себе наиболее высокие моральные качества. Наряду с существующими правовыми формами защиты прав, свобод и законных интересов индивида эти правовые институты станут дополнительными юридическими средствами в механизме защиты прав человека в Социалистической республике Вьетнам.

Литература

1.Во Вьетнаме началась борьба за нравственность. ИТАР-ТАСС. http://www.ntv.ru/novosti/26803/print/

2.Дао Мань Хунг. Защита прав человека и гражданина в социалистической Республике Вьетнам: проблемы теории. Дисс. … канд. юрид. наук. Казань, 2010. С.15.

3.Лой Вам Фам. Судебная система социалистической республики Вьетнам и основные направления ее совершенствования. Дисс. … канд. юрид. Наук. Казань, 1996. С.6.

4.Чыонг Куанг Винь. Система наказания по уголовному праву социалистической республики Вьетнам и ее совершенствование. Автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Казань, 2010. С.3-4.

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАКОННОСТИ В СФЕРЕ РЫБОЛОВСТВА И ОХОТЫ

Максимов А.М.
Кубанский государственный университет
Краснодар, Россия

Аннотация: Статья посвящена вопросам процесса правотворчества в условиях проведения правовой реформы в России сопряженной с интенсивным обновлением всех отраслей права, в том числе уголовного права. Построение в соответствии с новыми социально-экономическими и политическими отношениями системы норм права, обеспечивающих стабильность и правопорядок в обществе, требует от законодателя создания эффективных по форме и совершенных по содержанию законов. Эта тенденция не миновала и область правового регулирования безопасности животного мира.

Ключевые слова: Процесс правотворчества, законодательство, правового регулирования безопасности животного мира.

Abstract: The article is devoted to the issues of the process of law-making in the conditions of legal reform in Russia is associated with interest-intensive upgrading of all branches of law, including criminal law. Construction in accordance with the new socio-economic and political-political relations of the system of legal norms, ensuring the stability and the rule of law in society, requires the legislator to create an f-effective in form and committed to the content of the laws. This tenden-tion is not passed and the area of legal regulation of security of the belly of the contemporary world.

The keywords: The process of law-making, legislation, the legal regulation of the safety of the animal world.

Процесс правотворчества в условиях проведения правовой реформы в России сопряжен с интенсивным обновлением всех отраслей права, в том числе уголовного права. Построение в соответствии с новыми социально-экономическими и политическими отношениями системы норм права, обеспечивающих стабильность и правопорядок в обществе, требует от законодателя создания эффективных по форме и совершенных по содержанию законов[1]. К сожалению, действующее законодательство России не является системным. Не обеспечивается строгое соблюдение принципов построения системы права, что ведёт к нарушению «внутренней логики» отраслей законодательства. Постоянные изменения в законодательстве, и не только в уголовном, создание новых нормативных правовых актов, внесение изменений в существующие, отмена их - все это в значительной мере

дестабилизирует законодательство, нарушает его структуру и изменяет соотношение и взаимодействие нормативных правовых актов. Как отметил министр юстиции РФ, «количество действующих сегодня нормативных актов, которые содержатся в федеральном реестре, уже тяготеет к 300 тысячам. *Такой огромный пакет нормативных актов, часто не очень стыкующихся друг с другом, не идет на пользу правоприменительной практике.* Противоречивость законодательства, его сложность, его объем являются одной из, если не прямых, то, по крайней мере, косвенных причин так называемого правового нигилизма, когда правоприменители боятся применять закон, подчас просто не знают, как к нему подступиться» [2].

Эта тенденция не миновала и область правового регулирования безопасности животного мира. Так, Федеральный закон «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» от 26 ноября 2004 г. №166-ФЗ *за 7 лет действия изменялся 5 раз*. В настоящее время после изменений 18 июля 2011 года идет интенсивная подготовка изменения этого закона в части регулирования платного любительского рыболовства. Кроме того, возникают проблемы четкого определения границ рыбопромысловых участков. Следовательно, в скорой перспективе можно ожидать внесения новых изменений в этот закон. Тем не менее, в настоящее время он является основополагающим в сфере рыболовства, поэтому проанализируем его важнейшие положения.

Прежде всего, следует отметить статью 3 Федерального закона, закрепляющую *систему* нормативно-правовых актов о водных биоресурсах. Она включает в себя следующие правовые документы:

1) *законодательные акты*, т. е. настоящий Федеральный закон, другие федеральные законы и законы субъектов Российской Федерации;

2) указы *Президента Российской Федерации*, регулирующие отношения в области рыболовства, а также сохранения водных биоресурсов;

3) постановления *Правительства Российской Федерации*, регулирующие отношения в области рыболовства и сохранения водных биоресурсов, в пределах полномочий, определенных настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами, а также нормативными указами Президента Российской Федерации;

4) нормативные правовые акты, регулирующие отношения в области рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов, которые принимаются *федеральными органами исполнительной власти* в случаях и в пределах, которые предусмотрены федеральными законами, указами Президента Российской Федерации и постановлениями Правительства Российской Федерации;

5) нормативные правовые акты, регулирующие отношения в области рыболовства и сохранения водных биоресурсов, которые принимаются в пределах своих полномочий *органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации*, на основании и во исполнение настоящего Феде-

рального закона, других федеральных законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, а также законов субъектов Российской Федерации;

6) нормативные правовые акты, регулирующие отношения в области рыболовства и сохранения водных биоресурсов, издаваемые в пределах своих полномочий *органами местного самоуправления*, на основании и во исполнение настоящего Федерального закона, других федеральных законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, а также законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации.

Этим же законом установлено, что источником норм права в области рыболовства и сохранения водных биоресурсов являются *международные договоры Российской Федерации* (статья 4) [3].

После этого, начиная с 2005 года и по настоящее время, принята масса нормативно-правовых документов, направленных на охрану отечественной фауны. Следует еще раз отметить, что в соответствии с Федеральным законом № 333 – ФЗ от 06. 12. 2007 г. была изменена прежняя редакция ст. 256 УК РФ «Незаконная добыча водных животных и растений», которая стала звучать как «Незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов».

6 апреля 2007 года был принят Федеральный закон №65-ФЗ от 1 мая 2007 года «О внесении изменений в Федеральный закон «О техническом регулировании» [4]. В статье 11 «Цели стандартизации» отмечено, что одной из целей стандартизации, наряду с иными, является *«повышение уровня экологической безопасности, безопасности жизни и здоровья животных и растений»*

Последние довольно значимые коррективы в рассматриваемый нормативный акт были внесены Федеральным законом от 18 июля 2011 года № 242-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам осуществления государственного контроля (надзора) и муниципального контроля». Законодатель включил новую главу под наименованием «Федеральный государственный контроль (надзор) в области рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов» **(5-1).**

Таким образом, в области рыболовства и охраны водных биологических ресурсов, несмотря на отдельные неудачные решения (например, в области любительского и спортивного рыболовства), в конечном итоге была создана довольно развитая правовая система. К сожалению, в этот период проблемам правового регулирования охоты, обеспечения безопасности сухопутного животного мира внимания уделялось недостаточно. Причем самый главный недостаток состоял в том, что до 2009 года не было принято специального закона, посвященного правовому регулированию в области охоты и сохранения охотничьих ресурсов. Отсутствовал специальный

орган, наделенный функциями организации охотничьего хозяйства, наподобие «Федерального агентства по рыболовству». Принятие ведомственных разовых правовых документов, естественно, не могло решить проблемы стабильности правового регулирования отношений в области обеспечения животного мира. Для реализации государственной доктрины (стратегии) борьбы с экологической преступностью, в которой важнейшим звеном будет обеспечение безопасности животного мира (водного и сухопутного), необходим другой уровень правового регулирования - законодательный. Эту роль выполнил Федеральный закон Российской Федерации от 24 июля 2009 года №209-ФЗ «Об охоте и сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [5], разработка и принятие которого явилось важным этапом развития правового регулирования в области охоты и охраны охотничьих ресурсов в стране. Таким образом, законодателем был восполнен серьезный пробел в системе правового регулирования обеспечения безопасности животного мира на территории Российской Федерации.

Значимость данного закона заключается, прежде всего, в том, что в нем закреплены *основные принципы правового регулирования* в области охоты и сохранения охотничьих ресурсов. Так, в статье 2 отмечено, что *правовое регулирование* в области охоты и сохранения охотничьих ресурсов основывается на следующих *принципах*:

1) обеспечение устойчивого существования и устойчивого использования охотничьих ресурсов, сохранение их биологического разнообразия;

2) установление дифференцированного правового режима охотничьих ресурсов с учётом их биологических особенностей, экономического значения, доступности для использования и других факторов;

3) участие граждан, а равно их общественных объединений в подготовке управленческих решений, касающихся охотничьих ресурсов и среды их обитания, которое должно осуществляться в порядке и формах, установленных законодательством Российской Федерации);

4) учёт интересов населения, для которого охота является основой существования, в том числе коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации;

5) использование охотничьих ресурсов с применением орудий охоты и способов охоты, соответствующих требованиям гуманности и предотвращения жестокого обращения с животными;

6) гласность предоставления в пользование охотничьих ресурсов;

7) определение объёма добычи охотничьих ресурсов с учётом экологических, социальных и экономических факторов;

8) платность пользования охотничьими ресурсами.

Федеральный закон РФ «Об охоте и сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» определяет пределы правового поля данного направле-

ния деятельности государства и общества. В статье 3 закона сказано: «Правовое регулирование в области охоты и сохранения охотничьих ресурсов осуществляется настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами, иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, а также принимаемыми в соответствии с ними законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации».

18 июля 2011года Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам осуществления государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» были внесены изменения и в закон об охоте и сохранении охотничьих ресурсов. Изменения коснулись, в основном, также *порядка осуществления надзорных и контрольных функций*. Применительно к данному нормативно-правовому акту законодатель поступил иначе. Соответствующая глава 8 этого закона была названа следующим образом: «Федеральный государственный охотничий надзор и производственный охотничий контроль». Статье 40 придано наименование – «Федеральный государственный охотничий надзор».

Как представляется, столь частые и не всегда продуманные изменения таких важных Федеральных законов можно, в определенной степени, оправдать за счет осложнения криминальной ситуации, которая обусловливает необходимость внесения существенных корректив в законы. Однако следует иметь в виду и те негативные последствия, которые влечет за собой нестабильность законодательного регулирования соответствующей сферы деятельности. Ситуацию осложняет и то, что законодатель вносит в нормативно-правовые акты изменения, к сожалению, не всегда продуманные и не зачастую не дополняющие, а взаимоисключающие конкретные положения. Эти последствия выступают не только в виде серьезных трудностей при применении соответствующих норм, но и порождают определенный правовой нигилизм, неуважение к законодательным органам.

Литература

1.Панько К. К. Основы законодательной техники в уголовном праве России (теория и законодательная практика): Автореф. дисс… докт. юрид. наук. Саратов, 2006. С. 5.

2.Шкель Т. Принудительные работы. Интервью министра юстиции РФ А. Коновалова //Российская газета. 9 сентября 2009 г.

3.Федеральный закон о рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов от 26 ноября 2004 года (в ред. Федеральных законов от 31.12.2005 № 199-ФЗ, от 03.06.2006 № 73-ФЗ, от 18.12.2006 № 232-ФЗ) //Российская газета. 2010. 12 марта.

4.Федеральный закон Российской Федерации №65-ФЗ от 1 мая 2007 года «О внесении изменений в Федеральный закон «О техническом регулировании»// Российская газета. 2007. 11 мая.

5.Федеральный закон Российской Федерации от 24 июля 2009 года №209-ФЗ «Об охоте и сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»//Российская газета. 2009. 1 августа

К ВОПРОСУ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ ПРИ НЕПРАВОМЕРНОМ ЗАВЛАДЕНИИ АВТОТРАНСПОРТНЫМИ СРЕДСТВАМИ

Мандрыкин А.С.
Соискатель Краснодарского университета МВД России
Краснодар, Россия

Аннотация: автором предлагается рассмотреть один из вариантов обеспечения безопасности личности, когда возникает такая необходимость при неправомерных завладениях автотранспортных средств.

Ключевые слова: безопасность личности; угон транспорта; неправомерное завладение.

Abstract: the author is invited to consider one of the options to ensure the security of the individual, when so required by the unlawful zavladeniâh vehicles.

Keywords: security of the person; the hijacking of a transport; to misappropriate.

Коренные реформы в экономической, социально-политической и иных сферах жизни России привели к необходимости качественных изменений правовой системы. Прежде всего, это касается проблемы правового обеспечения борьбы с преступностью. В рамках этой проблемы современная теория и практика должна быть направлена на создание хорошо отлаженного механизма пресечения и предупреждения преступлений. Значительное место в этом механизме занимает уголовное законодательство.

Научный интерес к вопросам ответственности за неправомерное завладение автотранспортными средствами и эффективности действия уголовно-правовых норм, регламентирующих ответственность за это деяние, обусловлен значением автотранспорта в нашей жизни и, соответственно, мер по обеспечению его использования в условиях стремительного количественного роста и значительной интенсификации движения транспортных средств.

В кризисных условиях жизни нашего общества значительно возросла общественная опасность преступности, выражающейся в неправомерном завладении автотранспортными средствами. В ходе социологического опроса городского населения России, проведенного Институтом социально-политических исследований РАН, 85% респондентов заявили, что не чувствуют себя защищенными от преступников[1]. И по данным ГИЦ ГАИ МВД РФ, с 1999 по 2009 год более полутора миллиона владельцев лишилась своих автомобилей и только чуть более 1/3 этих преступлений была рас-

крыта. Наибольшего количества неправомерные завладения автотранспортными средствами достигли в 2009 году и составили более 180 тысяч случаев, при этом раскрываемость данных деяний не превышала 30%. Эти преступления наносят гражданам огромный материальный и моральный ущерб.

Темпы роста неправомерных завладений автотранспортными средствами удалось несколько снизить за счет новых технических, криминалистических методов и уголовно-процессуальных мер, но возможности правоохранительных органов по борьбе с исследуемыми посягательствами достаточно ограничены, в первую очередь, из-за недостатка сил и средств. Несмотря на предпринимаемые ими усилия по борьбе с этой преступностью, ее динамика остается неблагоприятной, поэтому повышение эффективности уголовно-правовой борьбы с неправомерными завладениями автомобилями или иными транспортными средствами является острой проблемой для правоохранительных органов. Это обязывает правовую теорию искать пути совершенствования уголовно-правовых мер борьбы с этой преступностью.

Вопросам уголовно-правовой борьбы с неправомерными завладениями автотранспортными средствами теория и ранее уделяла внимание. Можно отметить работы следующих авторов: А.В. Арендаренко, Н.А. Бусырева, Т.М. Грековой, В.И. Егорова, А.Г. Заблоцкой, В.С. Козлова, Б.А. Куринова, В.А. Лихолая, Э.К. Набиева, В.П. Пантелеева, Б.В. Петухова, В.М. Хомича и др. Однако в указанных трудах основное место отводилось вопросам квалификации преступлений, дифференциации уголовной ответственности и отчасти индивидуализации наказания, остальные вопросы, относящиеся к значительному комплексу уголовно-правовых мер борьбы с преступностью, в литературе фактически не затрагивались. Речь идет, прежде всего, об уголовно-правовых мерах предупреждения и пресечения неправомерного завладения автотранспортными средствами и о других уголовно-правовых мерах, обеспечивающих реализацию ответственности правонарушителей. Необходимость проведения углубленного исследования по проблемам уголовной ответственности за неправомерное завладение автотранспортными средствами диктуется изменениями криминологической ситуации в России (появлением новых видов преступлений, связанных с автотранспортными средствами) в обстановке реформы уголовного законодательства.

Так, фундаментальные и прикладные криминологические исследования имеют особое значение для развития уголовного и уголовно-исполнительного права. И такая постановка вопроса обретает все большую остроту в свете правовой реформы. Разработка новых концептуальных подходов борьбы с преступностью, криминализация и декриминализация деяний, совершенствование уголовно-правовых норм и институтов, повышение эффективности уголовного наказания не могут решаться вне связи с криминологическими исследованиями.

Криминологическая характеристика - непременное условие разработки предложений по совершенствованию соответствующих уголовно-правовых норм и практики применения уголовно-правовых мер борьбы с преступлениями. Последовательность анализа криминологических особенностей неправомерных завладений автотранспортными средствами и связанных с ними преступлений должна отражать процесс становления преступления как социально значимого явления. С помощью криминологической характеристики можно определить характер и степень общественной опасности неправомерных завладений автотранспортными средствами, сравнить их со сходными деяниями, выяснить какие преступления приняты в современном обществе и все ли эти формы предусмотрены законом при дифференциации уголовной ответственности и наказания, определить перечень уголовно-правовых мер борьбы с ними и планировать применение каждой из них.

Прогноз в целом неблагоприятного развития криминальной ситуации в России в значительной степени оправдался. На протяжении последних пяти лет ее определяли тенденции дальнейшего накопления отрицательного потенциала и вытекающие из этого изменения качественных характеристик преступности. Криминальная среда активно консолидировалась, приобретала все более высокий профессионализм и организованность, многоцелевую и крупномасштабную ориентацию, захватывала в сферу своего влияния новые слои и категории населения. Возросла техническая оснащенность и вооруженность преступников, в первую очередь благодаря соответствующему целевому вливанию теневых капиталов. Быть преступлению или нет - зависит от морали, сознания и воли человека, поэтому социальные, психические и иные особенности личности существенно влияют на содержание применяемых к нему профилактических мер, а если предупредить преступление не удалось, то и мер реализации уголовной ответственности.

В криминологии необходим комплексный, системный взгляд на личность человека, социальная и правовая специфика которого связывается с фактом совершения преступления (с учетом действия целого комплекса причин и условий). Это понятие включает в себя совокупность социально значимых духовных, морально-волевых, психофизических, интеллектуальных свойств, качеств человека, совершившего преступление вследствие взаимодействия его взглядов, ориентации с криминогенными факторами внешней среды, включая конкретную криминальную ситуацию.

Криминологическое изучение личности преступника посредством анализа ее структуры дает ключ к пониманию процессов мотивации и механизма преступного поведения, возможностям сделать прогностические выводы о будущем поведении личности и даже о тенденциях развития изучаемой преступности, что является условием целенаправленности, конкретности и эффективности всех видов предупреждения преступлений[2].

Характеристику личности похитителя и угонщика автотранспортных средств образует совокупность ее признаков и свойств, которые так или иначе связаны с данным преступным поведением. Проведенное исследование позволило установить ряд особенностей указанной характеристики, знание которых позволяет с достаточно высокой степенью вероятности определять возможный круг лиц, склонных к совершению такого рода преступных деяний, разрабатывать действенные меры уголовно-правового воздействия на них, выявлять наиболее значимые внешние обстоятельства, обусловливающие неправомерные завладения автотранспортными средствами, намечать основные направления деятельности по их предупреждению, быстрому и полному раскрытию.

Из числа осужденных за грабежи и разбойные нападения на водителей автотранспортных средств свыше 80% лиц были ранее судимы; из лиц осужденных за кражи автомобилей или иных транспортных средств число ранее судимых составляет 20,2%; а из осужденных за угоны - 42%. Одну судимость имеют 57,4% указанных лиц, две судимости -27,7%, три и более -14,9%. Из совершенных ранее этими лицами преступлений можно особо выделить хулиганство (20,2%). Можно предположить, что разработка эффективных мер борьбы с хулиганством поможет предупредить совершение грабежей и разбойных нападений на водителей автотранспортных средств.

Данные, полученные в результате изучения интенсивности рецидива среди лиц, осужденных за неправомерные завладения автотранспортными средствами без цели хищения, показывает, что в течение года после освобождения из мест лишения свободы угон автотранспортных средств совершает каждый второй из них, в течение месяца каждый пятый. Среди лиц, осужденных за кражу автомобилей или иных транспортных средств более половины составляют лица, которые совершают указанные преступления в течение года после освобождения из мест лишения свободы, причем каждый пятый в течение одного месяца, каждый четвертый - в срок до трех месяцев. После освобождения из мест лишения свободы более 65% лиц, осужденных за грабежи и разбойные нападения на водителей автотранспортных средств, в течение года вновь совершают аналогичные преступления, а каждый четвертый из них - в течение 6 месяцев. Приведенные данные наглядно свидетельствуют о достаточно высокой активности преступной деятельности лиц, указанной категории. На основе этих данных можно говорить о серьезных недостатках в деятельности исправительно-трудовых учреждений, о слабой работе территориальных органов внутренних дел и общественности с лицами, освободившимися из мест лишения свободы. Кроме того, эти показатели определяют тот период времени, в течение которого лицам, освободившимся из мест лишения свободы, следует уделять особое внимание. Примерно 20% лиц, совершивших кражи автотранспортных средств, 16% угонщиков, 34% грабителей и 40% осужденных за разбойные нападения на водителей транспортных средств состояли

на учете в органах внутренних дел по поводу совершения ими различных правонарушений. Из числа лиц, осужденных за неправомерные завладения автотранспортными средствами, неоднократно подвергался административной ответственности каждый седьмой, а мерам общественного воздействия - каждый шестой.

Приведенные данные говорят о недостаточной эффективности мер административного и общественного воздействия и необходимости жесткого социального контроля за рецидивистами и применения к ним соответствующих средств уголовно-правовой борьбы, например, отражения этого квалифицирующего признака в ст. 166 УК РФ.

Литература:

1.Кудрявцев В.Н. Конфликт и насильственное преступление. -М., 1991. С.3.

2.Криминология и организация предупреждения преступлений. Учебное пособие для слушателей Академии МВД России.- М., 2001. С. 81, 86, 96.

ВОПРОСЫ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СВЕТЕ СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ДО 2020 ГОДА

Мартынова Т.В.
к.ю.н., доцент,
Краснодарский филиал Владимирского юридического
института Федеральной службы исполнения наказаний России
Краснодар, Россия

Аннотация: Статья посвящена одному из основных направлений стратегии национальной политики Российской Федерации - обеспечению национальной безопасности государства. Анализу внутригосударственного законодательства регулирующего ответственность за экстремистскую деятельность.

Ключевые слова: национальная безопасность, этнонациональная политика, межнациональная безопасность, межнациональные конфликты, экстремистская деятельность.

Abstract: This article is dedicated to one of the main strategies of the national policy of the Russian Federation - the national security state. Analysis of national law governing liability for extremist activities.

Keywords: national security, ethnic policy, ethnic security, international conflicts, extremist activities.

Актуальность темы связана с тем, что межнациональная безопасность является одним из важнейших факторов существования и прогрессивного развития личности, общества и государства, общегосударственной и международной безопасности. Этим объясняется значительное усиление

интереса к проблемам межнациональной безопасности среди политических, государственных и общественных деятелей, ученых и специалистов различной профессиональной ориентации.

Федеративный договор 1992 г., а затем Конституция Российской Федерации 1993 г. стали фундаментом новой федеративной и этнонациональной политики, что получило развитие в Указе Президента РФ от 12.05.2009 года № 537 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года»[3].

Согласно предложенной Президентом РФ стратегии национальной политики основными направлениями обеспечения национальной безопасности Российской Федерации являются стратегические национальные приоритеты, которыми определяются задачи важнейших социальных, политических и экономических преобразований для создания безопасных условий реализации конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, осуществления устойчивого развития страны, сохранения территориальной целостности и суверенитета государства.

В анализируемом документе дано понятие стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года как официально признанной системы стратегических приоритетов, целей и мер в области внутренней и внешней политики, определяющих состояние национальной безопасности и уровень устойчивого развития государства на долгосрочную перспективу.

Важно, что в понятийный аппарат исследуемого Указа введены понятия, которые должны пониматься единообразно всеми органами государственной власти во избежание правовых коллизий. Так, национальная безопасность – это состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства. Также получили свое официальное понимание такие проблемы, как "национальные интересы Российской Федерации", "угроза национальной безопасности", "стратегические национальные приоритеты", "система обеспечения национальной безопасности", "силы обеспечения национальной безопасности", "средства обеспечения национальной безопасности".

Российская Федерация в последнее десятилетие укрепила новые центры экономического роста и политического влияния, что привело к качественно новой геополитической ситуации в стране. Как отмечается в Указе Президента РФ от 12.05.2009 года № 537 «…формируется тенденция к поиску решения имеющихся проблем и урегулированию кризисных ситуаций на региональной основе без участия нерегиональных сил. Усилится глобальное информационное противоборство, возрастут угрозы стабильности индустриальных и развивающихся стран мира, их социально-

экономическому развитию и демократическим институтам. Получат развитие националистические настроения, ксенофобия, сепаратизм и насильственный экстремизм, в том числе под лозунгами религиозного радикализма»[3].

Необходимо отметить, что в разработанной стратегии национальной безопасности предложен комплекс мер для предотвращения угроз национальной безопасности, исходящий из ситуации межнациональных конфликтов в регионах России, в частности, обеспечение социальной стабильности, этническое и конфессиональное согласие. В целях обеспечения государственной и общественной безопасности в России должна совершенствоваться структура и деятельность федеральных органов исполнительной власти, получить реализацию Национальный план противодействия коррупции [2].

Следует отметить, что в России в настоящее время развивается система выявления и противодействия глобальным вызовам и кризисам современности, включая международный и национальный терроризм, политический и религиозный экстремизм, национализм и этнический сепаратизм. Средствами государственной политики создаются механизмы предупреждения и нейтрализации социальных и межнациональных конфликтов. Для достижения цели межнациональной стабильности формируется долгосрочная концепция комплексного развития и совершенствования правоохранительных органов и спецслужб.

Угрозу межнациональному спокойствию и мирному существованию народов, населяющих Российскую Федерацию, представляют, конечно, не одиночные приверженцы той или иной национальной идеи, а группы, организованные самыми различными способами: это могут быть и незаконные вооруженные формирования, само существование которых выходит за рамки закона, но могут быть и легально зарегистрированные общественные, религиозные объединения и иные организации, ведущие неявную политику противодействия официальному правовому и политическому курсу России.

В этой связи необходимо указать на необходимость приведения нормативной базы Российской Федерации, регулирующей ответственность за подобные действия, в состояние, отвечающее требованиям времени. На наш взгляд, нуждаются в корректировке нормы федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»[1]. Россия, являясь демократическим государством, очень либерально подходит к возможности воздействия на те структуры, которые угрожают ее безопасности**.**

Ч.1 ст. 10 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» гласит, что в случае осуществления общественным или религиозным объединением экстремистской деятельности, повлекшей за собой нарушение прав и свобод человека и гражданина, причинение вреда личности, здоровью граждан, окружающей среде, общественному порядку,

общественной безопасности, собственности, законным экономическим интересам физических и (или) юридических лиц, обществу и государству или создающей реальную угрозу причинения такого вреда, **соответствующие должностное лицо или орган** с момента их обращения в суд по основаниям, предусмотренным статьей 9 Федерального закона, с заявлением о ликвидации общественного или религиозного объединения либо запрете его деятельности **вправе** своим решением **приостановить деятельность общественного или религиозного объединения** до рассмотрения судом указанного заявления.

Подобная формулировка в свете событий последних лет, такие как взрывы в московском метро, постоянная тревожна обстановка в Дагестане, локальные всполохи в Чечне является, как минимум, неосторожной. Представляется, что это не право, а **обязанность** соответствующего должностного лица или органа приостановить деятельность общественного или религиозного объединения до рассмотрения судом указанного заявления.

Соответственно, внесение изменений в действующую нормативную базу является необходимой составляющей реализации политики межнациональной безопасности как элемента общероссийской стратегии национальной безопасности.

Литература:

1.Федеральный закон РФ от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. ФЗ № 3-ФЗ от 07.02.2011) «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3031; Собрание законодательства РФ. 2008. № 18. Ст. 1939.

2.Указ Президента РФ от 13.04.2010 № 460 «О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010 - 2011 годы»// Собрание законодательства РФ. 2010. № 16. Ст. 1875.

3.Указ Президента РФ от 12.05.2009 года № 537 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года»//Собрание законодательства РФ. 2009. № 20. Ст. 2444.

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ НАПРАВЛЕНИЙ РАЗВИТИЯ БИОПОЛИТИКИ КАК ФОРМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Машлыкина О.В.
аспирант Северо-Кавказской академии государственной службы
Краснодар, Россия

Аннотация: Современные направления развития биополитики позволяют говорить о возможности обеспечения безопасности личности как с позиций теоретических, так и практических применений.

Ключевые слова: биополитика; обеспечение безопасности личности; правовое регулирование; направления развития биополитики.

Abstract: Modern directions of development of biopolitics to talk about possibility of providing of safety of personality both from positions theoretical and practical applications.

Keywords: biopolitics; providing of safety of personality; adjusting; directions of development of biopolitics.

Биологические факторы эволюции действуют на протяжении миллиарда лет, и не учитывать эти факторы при анализе политического поведения людей, значит изначально строить неполную политическую картину мира. Проявления же политического эгоизма негативно сказываются на разнообразии культурного и исторического фона функционирования политической системы, ее влияния на окружающую среду и биологические факторы роста.

Привнесение политико-правового начала в осмысление биологической составляющей жизни человечества позволяет на практике гуманизировать политический дискурс. Проблематика биополитики периодически попадает в фокус общественной повестки дня, достаточно вспомнить массовые студенческие выступления начала 70-х годов XX века в США против клонирования. Дефицит биополитической рациональности не позволяет также добиться полноты понимания путей сохранения биосферы в процессе развития цивилизации.

Кроме того, культурное дифференцирование, разнообразие языков и религий отражает красоту и истинное богатство человечества наряду с бесконечной биологической вариативностью природы. Поэтому защита окружающей среды должна рассматриваться как неотъемлемая часть культуры, в том числе и культуры политических взаимодействий.

Долгое время упомянутая проблематика относилась к сфере интереса биологических наук, однако сама жизнь заставила пересмотреть столь узкое видение биополитики, поскольку появились новые сферы знаний, такие как биозаконодательство, биомедицина, этика биологических исследований, биоискусство, биолингвистика, биоэкономика, биоистория, биодипломатия и многие другие. К примеру, решение экологических проблем невозможно без лучшего понимания всеми акторами экологического законодательства, путей развития экологической стратегии, как на федеральном, так и на региональном, а также на муниципальном уровнях. В практику большинства стран мира входят общественные обсуждения экологических проблем и этики экологического поведения. Модернизация, кроме множества экономических, организационных, технологических, а также иных задач, подразумевает инновационные вклады в защиту окружающей среды.

Проблема обеспечения разумного баланса во взаимосвязях природы и человека в настоящее время переходит на качественно иной этап своего развития, от стадии её признания научной общественностью к стадии по-

знания. Научные разработки в области установления правильного соотношения между государственным регулированием и саморегулированием социально – экономических отношений становятся одним из ключевых факторов защиты национальных интересов[1]. Если законодатели не обращают внимания на связанные с биополитикой сферы, то неизбежно ухудшение качества жизни населения. Так, директор Московского НИИ неотложной детской хирургии и травматологии Леонид Рошаль утверждает: «Финансирование здравоохранения – проблема не только денег, но и ментальности. Из российского ВВП на здравоохранение отпускают всего 3,7 % – в два-три раза меньше, чем в странах, где здравоохранение работает хорошо. В США это 15 %, во Франции – 10-11 % ВВП. Если учесть разницу между покупательной способностью рубля и доллара или евро (а ведь всю технику, технологии, лекарственные средства мы закупаем за рубежом на твердую валюту), эта доля оказывается еще меньше. Когда в Высшей школе экономики один представитель немецкой больничной кассы учил нас, как жить, я спросил у него: «Что было бы с немецким здравоохранением, если бы его доля в ВВП составляла 3,7 %?» Он честно ответил: «Оно бы умерло». А мы не умерли. Живем, карабкаемся»[2]. В таких условиях общество стоит перед необходимостью более полной реализации потенциала Конституции РФ, чтобы обеспечить защиту человеческой жизни. Окружающая среда принадлежит всем, и пользование этим фундаментальным человеческим правом подразумевает обязанность влияния на политические решения, связанные с ним практические действия. В условиях глобализации защита окружающей среды, как и распространение оружия массового уничтожения, не могут быть решены односторонне и имеют международные аспекты. Когда генетический детерминизм вместе с рыночным фундаментализмом ограничивают право людей на защиту среды обитания, возрастает роль научного знания, позволяющего найти варианты решения сложных проблем, имеющих философскую составляющую.

Все вышеупомянутое обусловило актуальность темы исследования потому, что вопросы, связанные с биоаспектами власти, на регулярной основе появляются в философском дискурсе еще в классический период. Так, Иммануил Кант в «Критике чистого разума» выводил политическую свободу за пределы знания: «Одна лишь природа может называться чувственно воспринимаемым миром, а как система свободы – умопостигаемым, т.е. моральным миром (regnum gratiae)»[3]. В философии Г.Ф. Гегеля проблема свободы развернута принципиально иным образом. Гегель возрождает отвергнутую Кантом возможность познания объективной реальности[4].

Различие точек зрения великих философов в онтологическом отношении подчеркивает сложность восприятия в политико-правовом дискурсе биологической компоненты человеческого бытия. О генно-культурной коллизии отношений политического насилия и прав человека писали с разных позиций Ницше и Ломброзо, Фрейд и Гальтон, ориентировавшиеся

на теоретическую и эмпирическую базы естествознания. Для Карла Шмитта власть имманентно конфликтна и скрывает в себе отношения борьбы, подавления и угнетения, в том числе и в процессе использования биополитических инструментов принуждения.

Также не случайно Никлас Луман утверждает, что если не изменятся тренды развития цивилизации, одна часть населения будет включена в функционирование системы общества, а другая исключена из этого функционирования[5]. Соответственно, произойдет усиление биополитической стратификации не только локально, но и на глобальном уровне.

Вопросы безопасности существования людей фокусируются в большей мере на обеспечении человеческого достоинства, права на жизнь, безопасную среду обитания, благосостояние, а также на иные права и свободы. Современное видение национальной безопасности подразумевает, что государства больше не должны быть первичными объектами политики безопасности[6]. Вместе с тем власть не отказывается от использования насилия для управления обществом, переходя от «жестких» форм регулирования к «мягким». А. де Токвиль разглядел в «ласковой власти», власти-наставнике одну из наиболее коварных форм политического принуждения[7].

Проблематика ограничения власти и связанных с этим процессом биополитических детерминант прослеживается в работах одного из наиболее сложных для понимания и противоречивых политических философов Европы Мишеля Фуко[8]. Конструкты биополитики, разработанные Фуко, позволяют переосмыслить как роль в политическом поле самоуправляемого субъекта, так и фактического производства самоуправляемой жизни в рамках институтов современного общества. Фуко рассматривал формирование общества тотального контроля как эволюционное продолжение прежнего дисциплинарного общества. В обществе контроля механизмы власти - не в явном принуждении, а скорее в ассимилирующем влиянии на поведение индивидов через производство и потребления. Эта биополитическая парадигма основана на том, что Фуко идентифицирует как неявную, вездесущую, децентрализованную власть.

Ориентация правящей элиты западных стран на средства мягкого управления, манипулирования, своего рода soft-technology в общей системе современного управления миром в эпоху «тотального регулирования жизни»[9] приводит к тому, что «терпимости, – как пишет А.С.Панарин, – учат не тех, у кого всего много, а тех, у кого и без того мало, не тех, кто держит власть и собственность, не желая поступиться крохами того или другого, а тех, кто испытывает притеснения со стороны первых. Многозначительная асимметрия «либерального разума»!»[10] В этом отношении достаточно показательна позиция Ф. Фукуямы[11] и С. Колби, убежденных, что слепое верование рекомендациям экономистов, не учитывающих особенности природы человека, приводит страны к экономическому краху.

Другой известный исследователь биополитики Дж.Агамбен свою политико-исследовательскую задачу видит в том, чтобы через политологический дискурс «экспонировать *форму жизни*»[12], в рамках которой отстаивается важность дебатов о место людей на земле и механизмах сохранения природы.

Основополагающим исследованием в становлении отечественной политической науки является монография Тишенко П.Д. «Биовласть в эпоху биотехнологий»[13]. В данной работе тема «биовласти» (М.Фуко) рассматривается в контексте современной ситуации в области биомедицинских технологий, которые радикально проблематизируют традиционно сложившиеся границы начала и конца человеческого существования, демаркации нормы и патологии, различения своего (собственного) и чужого, морального и аморального, легального и криминального.

Специфические эффекты биовласти отслеживаются в зонах междисциплинарного конфликта биомедицинского и морального дискурса, группирующихся вокруг вопросов о «существовании», «сущности» и «числе» людей. Тищенко развил проблематику формирования децентрированных институтов био-власти, пролиферирующих в современных сообществах не только с помощью научных дискурсов «истины», но и публичных дискурсов «метафор».

Данные исследования являются части междисциплинарной парадигмы, важную роль, в формировании которой играют достижения в области экспериментальной психологии[14], эволюционной биологии[15], когнитивных наук[16].

Ведя речь об антропогенных последствиях биотехнологий, которые, согласно Дэвиду Хайду, можно представить в виде серий ответов на три ключевых вопроса о «существовании», «сущности» (идентичности) и «числе» людей[17], работающие в рамках биополитической парадигмы исследователи проблематизируют традиционно сложившиеся в политическом знании границы начала и конца человеческого существования. Практически при каждом исследовательском центре, занимающемся молекулярно-биологическими, в том числе и геномными исследованиями, созданы специализированные отделы «Public relations», в задачу которых входит обеспечение постоянного интереса общественности к проводимым исследованиям, их завуалированная, а порой и прямая реклама через средства массовой информации, проведение публичных дискуссий и конференций, «раскручивание» ученых - «звезд» и т.д. Причем занимаются этим не любители-дилетанты, но профессиональные социальные психологи, менеджеры, имиджмейкеры, специалисты по маркетингу и фондрайзингу. Без подобного рода научного «шоу-бизнеса» просто невозможно финансовое обеспечение современных фундаментальных исследований в молекулярной биологии (как, впрочем, и других, наиболее передовых направлениях биотехнологий)[18]. Исследователи озабочены тем, что новые технологии

разрабатываются без учета базовых положений биополитики[19], что может привести к непредсказуемым последствиям для развития цивилизации. Использование связанного с биополитикой понятия некроэкономика[20] приводит к актуализации проблематики биотерроризма[21].

Проблемы поиска разумного баланса в отношениях человека и природы – это новый вызов времени. Природа является естественной основой жизнедеятельности общества, а общество в свою очередь, «очеловечивает» природу в процессе материального производства. Взаимозависимость природы и общества порождает объективно обусловленные связи по рациональному использованию природных ресурсов, требующих познания объективных закономерностей их взаимодействия в ходе человеческой деятельности, в том числе и правового регулирования отношений, порожденных соответствующими событиями[22]. Тем не менее, несмотря на большой корпус существующих исследований, связанных с различными аспектами биополитики, эта сфера продолжает оставаться в значительной мере слабо исследованной, что обусловило существование исследовательской ниши, заполнению которой служит настоящее диссертационное исследование.

Литература:

1.Ханнанов Р.А. Саморегулирование социально – экономических отношений: теоретические основы и значение для инновационного развития России // Право и политика, 2010, № 7.

2.Цит. по: Денисенко Е. Мятежный доктор // Эксперт Северо-Запад, 2011, №22 (518).

3.Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Соч. Т. 3. -М., 1964.

4.Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Ч. 3: Философия духа // Гегель Г.В.Ф. Соч. Т. 3. -М., 1956.

5.Луман Н. Глобализация мирового сообщества: как следует системно понимать современное общество // Социология на пороге XXI века: новые направления исследований. - М., 1998. С. 96.

6.Alkire S. A Vital Core that Must Be Treated with the Same Gravitas as Traditional Security Threats // Security Dialogue, 2004, vol. 35, № 3. PP. 359-360; Bajpai K. The Idea of Human Security // International Studies, 2003, vol. 40, № 3. PP. 195-228; Bajpai K. An Expression of Threats Versus Capabilities Across Time and Space // Security Dialogue, 2004, vol. 35, № 3. PP. 360-361.

7.Токвиль А. де. Демократия в Америке. - М., 1992. С. 497.

8.Фуко М., Зачем изучать власть: проблема субъекта // Философская и социологическая мысль. - Киев, 1990. № 9. С. 97—100.

9.Адорно Т.В. Эстетическая теория. - М., 2001. С. 29.

10.Панарин А.С. Народ без элиты. - М., 2006. С. 235.

11.Фукуяма Ф., Колби С. Экономисты и финансовый крах // Журнал «Россия и современный мир». 2011. №2.

12.Агамбен Дж. Грядущее сообщество / Пер. с ит. Дм. Новикова, Е.Г.Молочковской. - М., 2008.

13.Тишенко П.Д. Био-власть в эпоху биотехнологий. - М., 2001.

14.Kahneman D., Tversky A. Choice, Values, and Frames // American Psychologist.1984, № 39. PP. 341-350; Haidt J. The Happiness Hypothesis: Finding Modern Truth in Ancient Wisdom. -New York: Basic Books, 2006.

15.de Waal F. Primates and Philosophers: How Morality Evolved. -Princeton: Princeton University Press. 2006.

16.Damasio A.R. Descartes' Error: Emotion, Reason, and the Human Brain. -New York: Avon Books. 1994; Pinker S. The Blank Slate: The Modern Denial of Human Nature. -New York: Viking. 2002.

17.Heyd D. Genethics. Moral issues in the creation of people. Berkley - Los Angeles – London: University of California Press, 1992. P. 2.

18.Тищенко П.Д. Биоэтика*:* автономия воли и власть *(*от Канта к Фуко*)* // Ежегодник. Культура. Традиции. Образование. 1993. Т.2.

19.Белокрылова Е.А. Особенности формирования государственной политики Российской Федерации в сфере правового обеспечения экологической безопасности при разработке и применении нанотехнологий // Право и политика, 2010, № 8.

20.Montag W. Necro-economics: Adam Smith and death in the life of the universal // Radical Philosophy, 2005, № 134. PP. 7-17.

21.Siegrist D.M., Graham J.M. Countering Biological Terrorism in the US: An Understanding of Issues and Status. -Dobbs Ferry, NY: Oceana, 1999; Rasco B.A., Bledsoe G.E. Bioterrorism and Food Safety. -N.Y.:CRC Press, 2005.

22.Ханнанов Р.А. Природа, право, юридические события // Право и политика, 2009, № 5.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРИВАТИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ: ОДНА ИЗ СОСТАВЛЯЮЩИХ СОБЛЮДЕНИЯ ЗАКОННОСТИ

Медведева Э.А.
преподаватель
Кубанский социально-экономический институт
Краснодар, Россия

Аннотация: Массовая программа приватизации в разное время была проведена в России, Чехословакии, Армении, Грузии, Словении, Украине, Белоруссии, Польше. Все эти страны столкнулись с одними и теми же проблемами в ходе процессов приватизации. Законодатели некоторых государств, например, Украины оказались на шаг впереди, где для борьбы с данным видом правонарушений были приняты и закреплены в Уголовном Кодексе нормы, касающиеся незаконной приватизации.

Ключевые слова: приватизация, законность, имущество, общество.

Abstract: The mass program of privatization was at different times carried out in Russia, Czechoslovakia, Armenia, Georgia, Slovenia, Ukraine, Belarus, Poland. All these countries faced the same problems during privatization processes. Legislators of some states, for example, Ukraine appeared on a step ahead where for fight against this type of offenses the norms concerning illegal privatization were accepted and fixed in the Criminal Code.

Keywords: privatization, legality, property, society.

В УК РФ до сих пор отсутствуют нормы, которые регулировали бы ответственность за незаконную приватизацию государственного коммунального имущества, хотя приватизация и факторы ее нарушений имеют место.

В становлении российского приватизационного законодательства можно выделить несколько этапов.

Первый этап - законодательство периода массовой (т.н. «ваучерной») приватизации (1992-1994 гг.). Предваряют этот этап законодательные акты по приватизации, принятые Верховным Советом РСФСР еще летом 1991 года. Однако практическая реализация положений этих законов началась лишь в 1992 году.[1 с.35]

Основной массив документов этого периода составили закон «О кооперации», «Основы законодательства об аренде» и постановления «Об акционерных обществах», Указы Президента Российской Федерации, в том числе от 29 декабря 1991 г. № 341 «Об ускорении приватизации государственных и муниципальных предприятий»; от 29 января 1992 г. № 66 «Об ускорении приватизации государственных и муниципальных предприятий»; от 1 июля 1992 г. № 721 «Об организационных мерах по преобразованию государственных предприятий, добровольных объединений государственных предприятий в акционерные общества»; от 14 августа 1992 г. № 914 «О введении в действие системы приватизационных чеков в Российской Федерации»; от 24 декабря 1993 г. «О Государственной программе приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации».

Второй этап - законодательство периода денежной приватизации (1994 1999 гг.).[2 с.58] Базовым документом для начала денежной приватизации стал Указ Президента Российской Федерации от 22 июля 1994 г. «Об основных положениях Государственной программы приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации после 1 июля 1994 года». Однако важнейшим нормативным правовым актом этого периода является Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 123-ФЗ «О приватизации государственного имущества и об основах приватизации муниципального имущества в Российской Федерации».

Третий этап - совершенствование правовых основ распоряжения государственной собственностью (1999-2003 гг.).

В этот период был принят закон «О приватизации государственного имущества и об основах приватизации муниципального имущества в Российской Федерации», который под приватизацией понимает «возмездное отчуждение находящегося в собственности Российской Федерации, субъектов Российской Федерации или муниципальных образований имущества (объектов приватизации) в собственность физических и юридических лиц». [1 с.

45] Этот закон в статье 17 определяет следующие способы приватизации: продажа государственного или муниципального имущества на аукционе, на коммерческом конкурсе с инвестиционными или социальными требованиями, продажа акций работникам предприятий, выкуп арендованного имущества, преобразование унитарных предприятий в открытые акционерные общества, внесение государственного или муниципального имущества в качестве вкладов в уставные капиталы хозяйственных обществ.

Определение приватизации, установленное в законе, описывает экономическую суть этого явления - перераспределение государственной и муниципальной собственности. Юридически же приватизация, проведённая любым из указанных способом, должна оформляться в виде договора купли-продажи государственного или муниципального имущества. Договор приватизации подлежит обязательной государственной регистрации и считается заключённым только с момента такой регистрации. Договор приватизации должен быть заключён в письменной форме. Закон лишь дополняет перечень обязательных условий договора купли-продажи государственного и муниципального имущества, указанных в части второй Гражданского кодекса Российской Федерации. [2 с.58]

Правовые нормы вышеуказанных законов направлены на недопущение совершения сделок приватизации обманными способами, нарушающими права не только контрагента договора купли-продажи, но и всех граждан Российской Федерации, имеющих право на участие в приватизации государственного и муниципального имущества.

Таким образом, мы видим, что на данных этапах были приняты и получили практическое применение основополагающие нормативные акты, регулирующие процесс приватизации.

Но тем не менее, наряду со становлением новой государственности, начало процессов приватизации в России, характеризуется так же и ростом преступности и утратой государственного контроля за криминогенной ситуацией в этой сфере.

На всех этапах приватизации значительным минусом со стороны законодателя - это несовершенство нормативной базы приватизации государственного коммунального имущества, что в итоге привело к известным нам результатам. Недостатки в правоприменительной практике сыграли далеко не последнюю и довольно существенную роль в криминализации данных процессов. Так как, хотя законы, регулирующие приватизационные процессы, и были приняты, они имели значительные пробелы.

Так как во многих подзаконных и ведомственных нормативных актах отсутствует четкая регламентация действий должностных лиц, в частности, властной и хозяйственной структур, а также не определена ответственность за их действия, противоречащие требованиям законодательства, то это приводит к нигилистическому отношению государственных слу-

жащих и должностных лиц к выполнению законодательных актов, и использованию ими своего служебного положения в корыстных целях.

Еще одним отрицательным моментом является отсутствие фактического контроля со стороны правоохранительных органов, отсутствие централизованной координации оперативно-следственных действий. Таким образом, создавшаяся криминогенная обстановка явилась благодатной почвой для злоупотреблений в приватизации, прежде все разворовывания государственного и коллективного имущества, взяточничества, нарушений правил валютных операций.

В процессе приватизации были выявлены факты искусственного занижения стоимости имущества предприятий, которые приватизируются, участие в конкурсах и аукционах через подставных лиц, незаконные валютные операции, мошенничество с финансовыми ресурсами, задолженность по расчетам за приобретенное приватизационное имущество, растрата средств, поступивших от приватизации.

На сегодняшний день невозможно оценить прямые убытки государства от поспешной и незаконной приватизации, вред от проникновения криминального капитала, который активно участвовал в процессах перераспределения собственности. Ситуация, которая сложилась в сфере приватизации, характеризуется невыполнением запланированных объемов, несовершенством нормативной базы, ослаблением контроля государства над стратегически важными хозяйственными и промышленными комплексами, неразрешенностью вопроса относительно информационного обеспечения участников приватизационного процесса, проведения качественной и правдивой оценки государственного имущества и тому подобное. Все это способствует росту преступности в сфере приватизации.

То есть, проникая в сферу приватизации, преступность существенно тормозит развитие производства, отвлекает инвестиционные, валютные ресурсы, стимулирует инфляционные процессы, лишает государственный бюджет значительной части доходов, препятствует исполнению программ социальной помощи населению, обостряет все существующие экономические проблемы.

Приватизация государственных предприятий большинства отраслей не приносит желаемой пользы ни бюджету государства, ни отдельным отраслям экономики страны, ни народу, ни отдельным гражданам, а наоборот, способствует криминализации процесса изменения форм собственности и активности преступных группировок в этой сфере, которая приобрела откровенную открытость и угрожающий характер.

Преступления в сфере приватизации, продолжают оставаться очень распространенными, и как следствие, требуют принятия дополнительных мер по их предупреждению. И это обусловлено тем, что экономическая преступность возросла, не только количественно, но и приобретает новое качество. Здесь следует подчеркнуть, что преступность в сфере приватиза-

ции носит латентный характер. Причиной этого являются крайне высокие темпы преобразований собственности.

Массовая раздача государственной собственности превратилась в расхищение имущества и денежных средств, почему сам процесс получил в народе несколько иное название – «прихватизация».[1 с.38]

На сегодняшний день Россия вступила в новый этап приватизации, в отличие от ее начального этапа более упорядоченной, более открытой и прозрачной. Однако стартовавший новый ее этап не должен повторить ряд худших феноменов 1990-х годов, когда компании с хорошими связями могли приобретать госимущество за гроши по сравнению с рыночной стоимостью, что негативно отразилось на отношении общества к итогам первой волны приватизации, считая ее несправедливой и нелегитимной. Массовая раздача государственной собственности превратилась в расхищение имущества и денежных средств. Несовершенство действующего законодательства и отсутствие уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за незаконную приватизацию имущества государственных предприятий, привело к «стихийной приватизации». Передел собственности в результате приватизации, наличие нарушений, как в механизме ее регулирования, так и недостаточная эффективность работы приватизируемых предприятий вызвали общественное недовольство.

Видимо поэтому, современный этап приватизации должен стать инструментом достижения целей перехода к инновационному социально ориентированному развитию экономики. Общественное недовольство может легко возникнуть вновь. Такое отношение социума дали основания для дискуссий среди экономистов и политиков о пересмотре результатов приватизации.[2 с.3]

По мнению ректора Академии народного хозяйства при Президенте РФ Владимира Мау, задачей нынешней приватизации является, прежде всего, привлечение эффективного собственника, стратегического инвестора. Активы должны продаваться дороже, и в первую очередь, не для того, чтобы заткнуть дыру в бюджете, а поступления средств от приватизации должны являться важным, но не главным условием пополнения бюджета, что позволит привлечь качественных инвесторов.[3]

Подводя итог, заметим, главной отличительной чертой современного этапа приватизации, действующего на основании новой законодательной базы должны стать конкретные цели: обеспечение качественной подготовки предприятий и пакетов акций, продажа по адекватным ценам, проведение открытых аукционов, совершенствование законодательной базы и создание правил работы, привлекательных для инвесторов.[1с.35]

Поэтапное сокращение участия государства в управлении собственностью в конкурентных отраслях экономики должно достигаться путем применения прозрачных и эффективных приватизационных процедур, ос-

нованных на принципах рыночной оценки, равного доступа к имуществу и открытости деятельности органов государственной власти.

Литература

1.ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» от 21 декабря 2001г. №178-ФЗ

2.Счетная Палата РФ. Государственный научно-исследовательский институт системного анализа Счетной палаты Российской Федерации. Анализ процессов приватизации государственной собственности в РФ за период 1993-2003 годы (экспертно-аналитическое мероприятие)

3.Следователь, №8(112)-2007

4.Сосна С. А. Государственная собственность: есть ли предел приватизации //Государство и право. – 2004, № 12

5.http://ria.ru/history_spravki/20110530/381713462.html История приватизации в России. Справка

6."Российская газета" - www.rg.ru 17.06.2011г.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОГОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Пехтерева З.А.
Кубанский государственный университет,
Краснодар, Россия

Аннотация: Статья посвящена основным вопросам деятельности правоохранительных органов. Автором рассмотрены методы общественного воздействия, меры специального административного пресечения, анализ практики применения огнестрельного оружия.

Ключевые слова: Правоохранительные органы, методы общественного воздействия, уголовно-правовой институт, применение огнестрельного оружия,

Abstract: T he article is devoted to the main issues of activity of law enforcement bodies. The author considers the methods of social impact, measures of special administrative restraint, the analysis of practice of application of firearms.

Keywords: Law-enforcement bodies, methods of social impact, the code of criminal-legal Institute, the use of firearms.

Закладывая правовую основу перемен во всех сферах общественной жизни, Конституция России 1993 года формирует политико-правовой фундамент дисциплины в нашем обществе. Ориентиром в их развитии стал человек, его положение и место в обществе, условия и образ жизни, его потребности и интересы. В соответствии с этим обретает качественно новый облик российское законодательство. Искусно реализуя свои правовые и

фактические возможности, субъект власти создает условия для перевода стимулов в мотивы поведения подвластных.

В современных условиях развития общества, методы общественного воздействия становятся более значимым средством в борьбе с антиобщественными проявлениями, в связи с этим возникла необходимость в исследовании способов правового воздействия на сознание и волю людей через деятельность правоохранительных органов.

Рассматриваемые нами меры специального пресечения сильно разнятся как по характеру их применения, так и по способу и целям воздействия.

В.Л. Зеленько рассматриваемую нами подгруппу мер определяет как личностную [1]. А.П. Клюшниченко эту подгруппу мер пресечения определяет как меры специальные, подразумевая порядок их применения в исключительных случаях, если другими способами прекратить противоправное деяние нельзя [2]. Этим же названием – «специальные меры административного пресечения» - определяет их А.Г. Коренев, который вкладывает в них смысл, связанный с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия в ситуации, когда иными мерами прекратить общественно опасное поведение невозможно [3].

Мерам специального административного пресечения присущи те же признаки, которые характеризуют административное пресечение в целом.

На основании проведенной дифференциации, А.В. Менгес формирует определение данного вида административного принуждения «Специальные меры административного пресечения – это закрепленные в нормах административного права, конкретизирующие в данном случае уголовно-правовые институты необходимой обороны, задержание лица, совершившего преступление, и крайней необходимости, средства физического воздействия на правонарушителя, применяемые должностными лицами государственных органов исполнительной власти, наделенных специальной компетенцией в сфере правоохранительной деятельности, для прекращения противоправного, как правило, преступного поведения, предотвращения его вредных последствий, обеспечения возможностей привлечения правонарушителей к ответственности» [4].

Исходя из приведенных различных определений, следует отметить, что, основанием применения данных мер является в большинстве случаев необходимость пресечение сопротивления должностным лицам или посягательства на их личную безопасность в форме неспровоцированного задержанием нападения.

Если меры общего административного пресечения применяются различными должностными лицами государственных органов исполнительной власти, то применение специальных мер экстремального пресечения являются прерогативой определенного круга лиц. К нему относятся сотрудники органов внутренних дел, государственного наркоконтроля, Фе-

деральной службы безопасности РФ, Федеральной службы охраны РФ, Федеральной пограничной службы, судебные приставы, фельдъегеря, инспекторы рыбоохраны и др. упомянутые в этом перечне органы исполнительной власти принято относить к правоохранительным. Отличительным признаком этих органов является то, что их должностные лица в законодательном порядке наделены полицейскими полномочиями, выражающиеся в возложении на них обязанности пресекать правонарушения и предоставлении соответствующих прав по задержанию, производству досмотра (осмотра), изъятия; осуществлению дознания либо производства по делам об административных правонарушениях; применению мер непосредственного принуждения

В соответствии с Основными принципами применения силы и огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка Закон запретил вооружение полиции «специальными средствами», которые наносят чрезмерно тяжелые ранения или служат источником неоправданного риска.

В настоящее время перечень специальных средств утвержден Законом №3-ФЗ «О полиции» принятого 7 февраля 2011. Установление перечня специальных средств, состоящих на вооружении полиции, а также правил их применения возложено на Правительство Российской Федерации.

Однако наряду с дозволенными применения специальных средств, место и запреты на него в случаях пресечения незаконных собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций неагрессивного характера, которые не нарушают работу транспорта, связи и работу иных организаций. В данном случае, если поступит приказ о применении специальных средств, и он будет противозаконным, сотрудники полиции, обеспечивающие охрану общественного порядка, вправе его не исполнять поскольку Закон гласит: «при получении приказа или указаний явно противоречащие закону, сотрудник полиции обязан руководствоваться законом» [5].

В соответствующей с действующей Конституцией Российской Федерации (ст. 31) граждане имеют право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги, шествия и пикетирование. Необходимо помнить, что в современных условиях резкого ухудшения социального климата в стране на фоне повсеместного игнорирования существующих правовых норм, надлежащий государственный контроль за проведением массовых мероприятий приобретает особое значение.

Перечень специальных средств, состоящих на вооружении полиции, а также привила их применения, устанавливаются Правительством Российской Федерации, что, по нашему мнению недопустимо и противоречит принципам приоритета прав и свобод человека и гражданина, законности и, в частности, положениям ч.3 ст.55 Конституции РФ («Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом….»). В этой связи, перечень специальных средств, состоящих на вооружении

полиции, и, тем более, правила их применения должны устанавливаться только Федеральным законом. В целях изложенного довода мы предлагаем принять специальный закон «О специальных средствах, состоящих на вооружении полиции и правилах их применения». Принятие специального закона обусловлено широким перечнем специальных средств, состоящих на вооружении полиции, а также необходимостью детальной регламентации порядка применения каждого специального средства.

Термин «специальные средства» впервые получил свое название в законодательных актах бывшего СССР, однако в Законе «О милиции» РФ такого определения не приводилось. Тем не менее, внимательный анализ Закона все же позволяет определить, что в понятие «специальные средства» включены состоящие на вооружении милиции технические устройства, предметы, вещества, а также служебные собаки, назначением которых является воздействие на материальные объекты и на человека в случаях и в порядке, предусмотрены законом.

Отличительной особенностью российского Законом №3-ФЗ «О полиции» является тот факт, что им определен порядок и правила применения спецсредств, исходя из каждого вида, будь то резиновая палка или слезоточивый газ [6].

Применение огнестрельного оружия, иных специальных мер экстремального назначения – одна из составляющих многогранного, сложного правового института, в котором нормы конституционного, уголовного, уголовно- процессуального, административного и других отраслей права взаимодействуют между собой на началах взаимодополняемости.

В настоящее время в связи с ростом преступности ситуация резко изменилась. Соответственно увеличилось число граждан, погибших в результате огнестрельного оружия. Однако порой иного варианта, чем принятие сотрудниками полиции в считанные секунды решения о применении оружия в условиях, когда существует немалая вероятность ошибки в оценке обстоятельств внешне противоправного поведения, нет, но государство идет на этот риск, предоставляя сотрудникам органов исполнительной власти право на оперативное, осуществляемое на месте пресечения общественно опасного поведения даже путем причинения смерти. В противном случае эффективная борьба с преступностью была бы невозможна.

Анализ практики применения огнестрельного оружия свидетельствует о слабом знании работниками правоохранительных органов тактических приемов применения огнестрельного оружия. Тактически неграмотные действия особенно проявляются в сложной оперативной обстановке при задержании вооруженного преступника, когда необходимо обеспечить личную безопасность не только сотрудника, но и граждан, оказавшихся в непосредственной близости от места задержания.

Приведенные нами сведения поясняют необходимость в качественном обучении сотрудников правоохранительных органов правилам ис-

пользования специальных мер административного пресечения и огнестрельного оружия.

Отсутствие надлежащей тактической и психологической подготовки в применении оружия зачастую стоит сотрудникам полиции жизни. Поэтому надо постоянно совершенствовать методику проведения физической подготовке, постоянно искать и прививать новые неординарные способы обучения сотрудников при проведении специальной подготовки. Также сотрудники правоохранительных органов обязаны знать психологические основы поведения человека, совершающего насильственные действия, уметь корректировать свое психологическое состояние в ходе конфликта, сопровождающегося физическим противоборством.

Литература

1.Зеленько В.Л. Вопросы теории и практики применения милицией мер административного пресечения правонарушений: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. Киев, 1975.

2.Клюшниченко В.Л. Меры административного принуждения, применяемые милицией. Вопросы -Киев, 1974 –С. 8-11, и др.

3.Коренев А.П. Административная деятельность органов внутренних дел. Учебник Ч.Общая –М., 2004.

4.Мингес А.В. Специальные меры административного пресечения: применение оружия, физической силы и специальных средств представителями исполнительной власти государства. –Волгоград.,1999 – С. 15-19.

5.Жалкиев.В. Обучение сотрудников органов внутренних дел квалифицированному применению специальных средств// Защита и безопасность.- 2008.-№3 С.22.

6.Закон №3-ФЗ «О полиции» принятого 7 февраля 2011г.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИВАТИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА УКРАИНЕ: ИХ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ПРАВОВАЯ СУЩНОСТЬ

Рамазанова Е.П.
директор объединения «Луганскшахты»
Луганск, Украина

Аннотация: Рассматриваются вопросы приватизации Украины, принципиально отличающейся от процесса приватизации в странах развитой рыночной экономики. Автором затронуты аспекты первичной приватизации, отчуждение имущества, которое находится в государственной собственности, и имущества, принадлежащего Автономной республике Крым, в пользу физических и юридических лиц с целью повышения социально-экономической эффективности производства привлечения средств на структурную перестройку экономики Украины.

Ключевые слова: Украина, приватизация, отчуждение имущества, государственный и негосударственный сектор.

Abstract: Considers issues of privatization of Ukraine, is fundamentally different from the process of privatization in the countries of the advanced market economy. The author touched upon aspects of primary privatization, the alienation of the property that is in state ownership, and the property belonging to the The Autonomous Republic of Crimea, in favor of physical and legal persons with a view to improving the socio-economic efficiency of production, raising funds in the restructuring of the economy of Ukraine.

Keywords: Ukraine, privatization, alienation of property, the state and non-state sector.

В 1991г. Украина как самостоятельное государство встала на демократический путь, путь реформ. А всякое демократическое государство основывается на преобладании частной собственности, переход к которой от государственной возлагает на себя правительство, выполняющее всю программу приватизации. Причем с завершением приватизационной программы только после первичной приватизации начинается формирование системы прав собственности и открываются возможности, чтобы реализовать экономически эту систему.

Приватизация, проходящая в Украине, принципиально отличается от процесса в странах развитой рыночной экономики. Во-первых, там уже давно существуют рыночные отношения и создана соответствующая инфраструктура. Во-вторых, на Западе приватизация носит локальный характер, а в Украине она охватывает практически все народное хозяйство. В-третьих, там главной целью приватизации является дальнейшее развитие

частной инициативы, предприимчивости и получение дополнительных финансовых поступлений в бюджет, с целью покрытия его дефицита. В Украине приватизация, также имеющая целью развитие частной собственности, не завершается, но получает мощный старт потому, что предпринимательство осуществляется в условиях почти полного отсутствия у населения свободных денежных средств и высоких темпов инфляции [1].

Приватизация государственного имущества - это отчуждение имущества, которое находится в государственной собственности, и имущества, принадлежащего Автономной республике Крым, в пользу физических и юридических лиц с целью повышения социально-экономической эффективности производства привлечения средств на структурную перестройку экономики Украины (ст. 1 Закона Украины «О приватизации государственного имущества» от 04.03.1992г.) [2].

Приватизация собственности, имеющая место в Украине, должна была осуществляться в соответствии с конкретно поставленными целями, но ранее действовавшее законодательство, в силу его несовершенства, создавало правовую основу, как для легальной, так и для нелегальной приватизации. Несовершенство действующего законодательства и отсутствие правовых норм, регулирующих разгосударствление и приватизацию имущества государственных предприятий в Украине привело к стихийной приватизации.[3] По своей сути она носила характер разворовывания общественной собственности. Однако подобный путь создания новых форм хозяйствования трудно назвать незаконным, поскольку законных схем разгосударствления не существовало. Наиболее частыми были две схемы разгосударствления государственной собственности. Первая - это когда имущество государственного предприятия передавалось с его баланса на баланс вновь создаваемого некоего акционерного общества и там растворялось в качестве составной части. Вторая - когда имущество меняло форму собственности путем проведения нехитрой операции аренды и с выкупом. Оба пути данной приватизации не предусматривали никаких коммерческих конкурсов или аукционов, информация о данной приватизации не носила публичный и массовый характер.

Первая разновидность приватизации базировалась на основах законодательства СССР об аренде 1989г., предоставлявших арендаторам право выкупа арендованного имущества. Определенное количество трудовых коллективов успело реализовать это право и стать собственником имущества предприятий до 1992г.

Что касается нелегальной (скрытой) приватизации, то ее основой является право государственных предприятий (предоставленное им рядом нормативных актов СССР и Украины) на участие в хозяйственных обществах и других негосударственных субъектах хозяйственной деятельности. Реализуя это право, государственные предприятия, выступая в качестве учредителей, передавали часть государственного имущества в уставные

фонды создаваемых хозяйственных обществ и негосударственных предприятий, тем самым, осуществляя отчуждение имущества из государственной в коллективную собственность, т.е. приватизацию. Верховный Совет Украины постановлением от 19.09.1991г. «О порядке введения в действие Закона Украины «О хозяйственных обществах» лишил с 1 октября 1991г. государственные предприятия, организации, учреждения этого права, а Кабинет министров Украины Декретом от 31.12.1992г. «Об упорядочении деятельности субъектов предпринимательской деятельности, созданных с участием государственных предприятий» обязал органы приватизации и органы управления заменить в составе учредителей уже созданных хозяйствующих субъектов государственные предприятия[4]. Принятие Верховным Советом Украины Законов о «большой» приватизации и «О приватизации небольших государственных предприятий (малой приватизации)» знаменовало собой начало процесса «контролируемой» приватизации.

Приватизационное законодательство Украины достаточно объемно. Правовые, экономические и организационные основы проведения приватизации в Украине регулируются рядом законов Украины (в частности - "О собственности" от 7 февраля 1991 г. № 697-ХП, "О хозяйственных обществах" от 19 сентября 1991 г. № 1576-ХП, "О приватизации государственного имущества" от 4 марта 1992 г. № 2163-ХП, "О приватизации небольших государственных предприятий (малой приватизации)" от 6 марта 1992 г. № 2171-ХП), а также государственными программами приватизации. Большое количество вопросов в сфере приватизации регулируется указами Президента Украины - такими, как "О неотложных мерах по ускорению приватизации имущества в Украине" от 29 декабря 1999 г. № 1626/99 и "Об организационных мерах по подготовке объектов права государственной собственности к приватизации" от 19 марта 2002 г. № 267. Методические основы приватизации определяются нормативными актами, которые утверждаются постановлениями Кабинета Министров Украины (в частности - "Об утверждении Порядка преобразования в процессе приватизации государственных, арендных предприятий и предприятий со смешанной формой собственности в открытые акционерные общества" от 11 сентября 1996 г. № 1099, "Об утверждении Методики оценки имущества" от 10 декабря 2003 г. № 1891, "Об утверждении Методики оценки стоимости объектов аренды, Порядка выкупа арендатором оборотных материальных средств и Порядка предоставления в кредит арендатору денежных средств и ценных бумаг" от 10 августа 1995 г. № 629, "Об утверждении Положения о порядке корпоратизации предприятий" от 5 июля 1993 г. № 508 и "Об утверждении Порядка согласования с Кабинетом Министров Украины условий приватизации объектов государственной собственности" от 29 ноября 2001 г. № 1035), а также приказами ФГИУ.

Так же в соответствии с Государственной программой приватизации закреплена следующая классификация объектов приватизации на категории объектов, подлежащих продаже тем или иным способом [5].

Оценивая результаты приватизации на Украине за весь период ее осуществления, следует отметить, что этот процесс был наиболее динамичным и результативным общественным процессом последнего десятилетия и стал основой экономических реформ в стране. По данным Госкомстата Украины, по состоянию на 1 июля 2001 г. форму собственности изменило 74 465 объектов. Первичная стоимость основных средств и нематериальных активов приватизированных предприятий и организаций составляет 33% величины этого показателя по всем предприятиям и организациям Украины. Подавляющая часть приватизированных объектов относится к группе А (малая приватизация) - 80,4%. Средние, крупные и стратегические предприятия составили 15,1%, объекты незавершенного строительства - 3,7%.

В промышленности на 1 июля 2001 г. разгосударствленными предприятиями произведено продукции на 42,6 млрд. гривен, или 56% общего объема производства. При этом в отдельных отраслях этот показатель значительно выше. В таких отраслях, как производство кокса и продуктов нефтепереработки, машиностроение, целлюлозно-бумажная и полиграфическая промышленность, легкая промышленность, пищевая и переработка сельскохозяйственных продуктов, этот показатель составляет 64 - 70%.

На реформированных предприятиях в первом полугодии 2001 г. занято 2,9 млн. чел., что составляло 1/4 общего количества наемных работников на предприятиях, учреждениях и организациях (кроме отнесенных к малым). При этом на негосударственных предприятиях промышленности и материально-технического снабжения занято более половины работающих и около половины в строительстве и бытовом обслуживании.

Оценка деятельности приватизированных предприятий неоднозначна. Наиболее эффективно работали предприятия медицинской, легкой, пищевой, стекольной, деревообрабатывающей и фарфоровой промышленности. Приватизированными предприятиями химического и нефтяного машиностроения, машиностроения для легкой и пищевой промышленности произведено свыше 90% общего объема продукции.

В 2000 г. скорость обращения средств у типичных промышленных негосударственных предприятий была в 1,8 раза выше, чем у предприятий государственной и коммунальной формы собственности. Соответственно чистая прибыль, полученная приватизированными предприятиями, достигла 1,8 млрд. гривен, что составило 79,6% общей суммы прибыли, полученной предприятиями Украины.

Таким образом, 2000г. можно считать начальной точкой отсчета повышения эффективности функционирования разгосударствленного сектора экономики, что в значительной мере и обусловило экономический рост в

стране. Процессы реформирования собственности на Украине осуществляются более быстрыми темпами по сравнению с другими составляющими экономических рыночных преобразований (создание стабильного рыночного налогового законодательства, обеспечивающего условия для эффективного функционирования отечественных товаропроизводителей; развитие институтов фондового рынка; деполитизация экономических решений и т.п.). Поэтому без решения этих важных проблем средствами одной только приватизации невозможно достичь существенных структурных изменений в экономике государства и повышении эффективности ее функционирования.

На основании вышеизложенных фактов законной и незаконной приватизации следует отметить, что самому понятию «приватизация» на Украине необходимо вернуть экономическую сущность. Наполнение бюджета средствами от продажи акций не может быть основной задачей приватизации. Главной ее целью должно стать повышение экономической эффективности приватизированных предприятий вследствие прихода инвестора. Деньги в бюджет должны поступать не от продажи акций, а от уплаты налогов нормально работающими предприятиями.

Проведение экономической реформы с неизбежностью требует решения ряда задач: преобразования существующей административно-командной системы, демонополизации народного хозяйства, постепенного преобразования большей части государственной собственности в частную. К сожалению, названные задачи не всегда решались и решаются наиболее эффективными способами. Так, приватизация нередко проводится поспешно, часто сопровождаясь нарушениями законности, которые проявились наиболее остро именно в этой сфере, вызвав многие экономические и социальные последствия: перетекание огромных богатств к узкому кругу избранных, утрату контрольных пакетов акций предприятий некоторых основополагающих отраслей промышленности [6].

Следует отметить так же и то, что после обретения Украиной независимости происходило реформирование законодательства по приватизации не только в гражданско-правовой сфере, но так же и в сфере уголовного законодательства.

Что касается Уголовного кодекса Украины, то его преобразование завершилось в 2001 году. Действующий Уголовный кодекс Украины был принят 5 апреля 2001 года на седьмой сессии Верховной Рады Украины третьего созыва и вступил в силу с 1 сентября 2005года [7].

Мы знаем, что УК является мощным средством влияния на поведение людей, наиболее острым и опасным оружием, которое может быть применено государством к лицам, нарушающим предписания закона. Уголовный кодекс - это правовая основа противодействия преступности, поскольку он является единственным нормативно-правовым актом, составляющим законодательство Украины об уголовной ответственности. Но

уголовно-правовые средства влияния на правонарушителей являются, "средствами крайней необходимости", прибегать к которым государство может только в случае, когда все другие имеющиеся в распоряжении государства и общества средства, в т.ч. меры принуждения, исчерпаны.

Новый проект УК прошел долгий путь обозначения и доработок и был принят только в 2001 году. Новый кодекс сохранил свое название - как и прежде, называется Уголовным (на украинском языке - Кримінальним), хотя ранее были внесены на рассмотрение такие варианты названия - Кодекс законов Украины об уголовной ответственности (но при доработке проекта профильными комитетами отклонено), Карный, Уголовный [8].

Как в Общую, так и Особенную части Уголовного кодекса Украины были внесены ряд изменений, и, что особенно важно, существенные изменения внесены в части, касающейся ответственности за преступления в сфере хозяйственной деятельности. Во-первых, к таковым отнесены некоторые из преступлений, которые хозяйственными сейчас не считаются. Речь, в частности, идет о контрабанде, незаконном открытии или использовании за границей Украины валютных счетов, признаваемым действующим УК преступлением против государства. Во-вторых, хозяйственные преступления дополняются за счет криминализации таких деяний, как уклонение от возврата дохода в иностранной валюте, незаконный перевод в наличные безналичных денег, нарушение антимонопольного законодательства, незаконная приватизация имущества государственных предприятий. Статьи, касающиеся приватизации, нашли свое отражение в разделе 7 Преступления в сфере хозяйственной деятельности.

Статья 233-незаконная приватизация государственного коммунального имущества.

Статья 234- незаконные действия с приватизационными бумагами.

Статья 235 - несоблюдение лицом обязательных условий по приватизации государственного, коммунального имущества или предприятий и их дальнейшему использованию.

Отобразив данные составы в Уголовном кодексе Украины законодатель поставил себе цель, направленную на уменьшение незаконности, стихийности в действиях должностных лиц, руководителей предприятий в сфере приватизации, прекращение «разбазаривания» национальных богатств и создание действительно независимого государства.

Таким образом, следует так же отметить, что украинский законодатель оказался на шаг впереди, приняв и закрепив в УК Украины нормы касающиеся незаконной приватизации. Но мы не можем сказать то же самое о российском законодателе. В УК РФ до сих пор отсутствуют нормы, которые регулировали бы ответственность за незаконную приватизацию государственного коммунального имущества, хотя приватизация и факторы ее нарушений имеют место и в России.

Так же проанализировав и рассмотрев ход приватизации в Украине мы можем отметить, что приватизационные процессы прошли в своем развитии ряд этапов, каждый из которых имеет свои положительные и отрицательные черты, что в целом значительно повлияло на неустоявшуюся экономику молодого вновь образовавшегося государства.

Сами объекты приватизации разделены на группы А, В, Г, Д, Е, Ж, А так же осуществление приватизации предусматривает такие основные этапы:

-предприватизационная подготовка объектов приватизации;

-подготовка объектов приватизации к продаже;

-продажа объектов приватизации в соответствии с планом приватизации или планом размещения акций ОАО, созданных путем корпоратизации.

В соответствии с законодательством Украины функции по управлению приватизационными процессами относятся к компетенции ФГИУ.. Согласно ч.1 ст. 7 Закона Украины «О приватизации государственного имущества» единую систему государственных органов приватизации в Украине составляют ФГИУ, его региональные отделения и представительства в районах и городах, органы приватизации в Автономной Республике Крым. То есть, мы хотим отметить, что если начало приватизации в Украине характеризовалось довольно динамичным продвижением вперед, прежде всего в создании нормативно-законодательной базы, то позднее для этого процесса сложились крайне неблагоприятные политические, экономические, социальные условия, в конечном счете, приведшие к невыполнению планов, поставленных программами приватизации.

Литература

1.Селиванова И. Правовые основы приватизации в Украине.// Бизнесинформ, С.56-61.

2.http: //meta-ukraine.com/ Закон "О приватизации государственного имущества ". 04.03.1992г.

3.Богачев В.И., Дидоренко Э.А.. Экономико-правовые вопросы рыночных отношений. Луганск: Книжный свет, 1998.-С. 172

4.Государственный информационный бюллетень о приватизации, 1995г.-№6

5.Закон Украины про Государственную программу приватизации на 2000-2002 г.

6.Коммерческое право. Ч. II. Под ред. В.Ф. Попондопуло, В.Ф. Яковлевой. – СПб., С.-Петербургский университет, 1998. С. 5.

7.Уголовный кодекс Украины с постатетейными материалами. «Одиссей», 2005.-384с

8.www.ypgazeta.com Подшивка > № 23 (129)

9.О временном положении о Фонде государственного имущества Украины: Постановление Верховного Совета Украины от 7.071992г.№2558-12//Ведомости Верховного совета Украины.-1992г.-№39.- ст.5

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГРАЖДАН В ПРОЦЕССЕ РЕАЛИЗАЦИИ ИХ ПРАВ НА ДОСТУП К НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Рябошапка О.Н.
аспирант Краснодарского университета МВД России
Краснодар, Россия

Аннотация: Автором акцентируется внимание на вопросы эффективности правотворческой деятельности граждан в процессе ими реализации своих прав и свобод, а также на доступ к нормативно-правовой информации в сфере безопасности личности.

Ключевые слова: правотворческая деятельность граждан; электронное правительство; доступ к нормативно-правовой информации; безопасность личности.

Abstract: Author is accent attention on questions of efficiency of правотворческой activity of citizens in a process by them realization of the rights and freedoms, and also on access to normatively-legal information in the field of safety of personality.

Keywords: правотворческая activity of citizens; electronic government; access to normatively-legal information; safety of personality.

В современных условиях в России необходимо принять национальную концепцию информационной безопасности и долгосрочную программы законотворческой деятельности в сфере доступа к информации в электронной среде. Без данных программных документов неизбежно появление многочисленных «белых пятен» в законодательстве, обусловленных быстрым развитием информационных технологий и их широким использованием в различных сферах деятельности.

Многие теоретические проблемы реализации прав в свете юридической базы механизмов защиты прав, гарантий прав, международных нормативно-правовых актов, являющихся основами правозащитной системы России, которые освещены в работах Басика В.П., Бачило И.Л., Бондарь Н.С., Глущенко П.П., Закупень Т.В., Ковлера А.И.[1].

Важным элементом современной институциональной теории является концепт «зависимости от маршрута». Стержневая идея концепции зависимости от исторического пути заключается в том, что в определенных условиях выбор между альтернативными вариантами действия может оказать настолько глубокое влияние на будущий ход событий, что издержки, связанные с отказом от единожды выбранного сценария развития в пользу

альтернативного варианта, могут оказаться запретительно высокими. Прошлое влияет на настоящее и будущее через институты, созданные в результате предшествующего поведения и выбора, а также через опыт, формирующий наши сегодняшние предпочтения и цели[2]. Информационные технологии и социотехнические системы затрагивают потоки частной информации и ставят на повестку дня юридической науки принципиально новые проблемы.

В наши дни информационная технология предлагает беспрецедентную возможность обеспечить универсальный доступ к системам данных, аналитическим инструментам и научным результатам оценок деятельности исполнительной и законодательной, а также судебной власти. При этом не стоит забывать, что в истории человечества информация всегда была источником власти. Соответственно, расширяя правовые рамки доступа к информационным ресурсам необходимо учитывать неизбежное сопротивление части правящей элиты, чьи интересы при этом ограничиваются. Так, по данным Росстата, численность российских чиновников сейчас составляет около 1 млн. человек и далеко не все они ориентированы на расширение доступа граждан к информации о своей деятельности. Такой дискурс означает не только важность нормативного регулирования права на доступ к нормативно-правовой информации, но и необходимость усиления санкций в случае создания необоснованных препятствий доступа к сведениям или же нарушения предусмотренных законом сроков ответов на запросы.

Меритократия информационного общества, позволяющая продвинуться в жизни тем, кто обладает талантом систематизировать большие объемы информации и превращать их в полновесные структуры знания, характерна на сегодняшний день для западных стран, чем для России. Соответственно остаются невостребованными правовые новации, ориентированные на обеспечение доступа граждан к информационным ресурсам государства.

Это ограничение будет проявляться, в частности, в создании препятствий гражданам и юридическим лицам путем фиксации таких ограничений в правовых актах. Подобная правовая ориентация на наш взгляд может быть охарактеризована как прямое следствие дефектов системы госрегулирования.

В первую очередь необходимо вести речь о нарушении базовых принципов социальной справедливости в вопросах доступа граждан к общественно значимой информации. Общепринято различать правовые, основанные на законодательстве, и нравственные (этические), исходящие из морали, стороны понятия «социальная справедливость»[3]. В данном случае необходимо учитывать, что хотя государство выделяет средства на обеспечение информационной безопасности, но эта сторона распределения ресурсов общества касается только бюрократии, в то время как граждане вынуждены сами рисковать информационной безопасностью при осущест-

влении доступа к общественно-значимой информации. В свое время Дж. Ролз писал, что «неравенство допустимо… в том случае, если разумно ожидать, что оно будет выгодно для всех…»[4]. Применительно к рассматриваемой правовой проблематике представляется необходимым разработать концепцию информационной безопасности России, в которой бы нашли отражение не только вопросы, связанные с защищенностью государства, но и граждан. Логическим продолжением указанной концепции должна стать долгосрочная программа законотворческой деятельности, в которой бы были представлены комплексные меры регулирования информационной сферы в электронной среде, ставшей важной частью функционирования современного общества.

Сегодня же скорее необходимо вести речь о непрофессионализме всех участников информационного обмена. Умышленное, несанкционированное уничтожение или отчуждение информации становится правовой и политического проблемой формирования «информационного общества». Если оставить в стороне вопрос о взломе и краже других данных, предпосылкой для безопасного доступа граждан официальным данным, в том, что правительственных должно быть соответствующее требованиям информационного общества правосознание.

Отсутствие же кодифицированных норм доступа к информационным ресурсам в электронной среде нередко приводит к многочисленным конфликтам, зачастую имеющим правовую составляющую. Согласно С. Робинсу, «конфликт может быть определен как ситуация, которая возникает, когда целенаправленное поведение одной группы в организации блокирует целенаправленное поведение другой». Л. Крисберг определяет конфликты как «сложное явление, включающее множество спорных вопросов и сторон, и каждая сторона вовлечена одновременно также во множество конфликтов»[5].

На сегодняшний день, необходимо признать, что в российском правосознании преобладает оценочная составляющая. Люди знают связанное с их правами на доступ к общественно значимой информации законодательство фрагментарно, в лучшем случае только в той части, которая им необходима для решения собственных задач. В сознании русского человека право занимает подчиненное положение по сравнению с духовными ценностями, такими как научная истина, нравственное совершенство, религиозная святыня[6]. Соответственно, в программе нормотворческой деятельности необходимо существование раздела посвященного повышению уровня информационного правосознания. Из-за нестыковки законодательства в области Интернета и практических тенденций возникает много рисков для правительства и бизнеса, заявил 22 апреля 2011 года на Международной конференции по защите интеллектуальной собственности в Интернете помощник президента РФ А. Дворкович. Так, по словам помощника Президента РФ, такое положение дел не только в России, а во всем мире.

Дворкович А. считает, что регулирование, которое создавалось в прошлом веке уже отстает от развития технологий и развития бизнеса. «России необходимо разработать новые глобальные правила деятельности в Интернете», - заявил помощник президента. Также он сказал, что Интернет должен быть свободной площадкой, но элементарные законы там должны быть[7].

На наш взгляд, необходимо вести речь не об «элементарных законах», а о создании стройной правовой системы гармонизированной с международным законодательством. Почти в каждой стране правительство остается единственным владельцем самого крупного хранилища персонифицированной информации о гражданах. В нем хранятся данные по широкому спектру тем, имеющие огромное значение не только государственного и муниципального управления, но и для реализации на практике юридических прав и законных интересов отдельных граждан. И доступ граждан к правительственным данным может иметь различные последствия: экономические - чтобы помочь гражданам улучшить свою работу или увеличить доходы; лично-социальные - помочь гражданам улучшить территорию проживания или повысить эффективность функционирования территориального сообщества.

Таким образом, имеющиеся в распоряжении государства базы данных можно рассматривать как важный компонент экономического и социального развития общества. Тем не менее, в правовом отношении доступ к информационным ресурсам, несмотря на принимаемые меры законодательного регулирования, остается проблемной сферой. А различные барьеры, связанные с ограничением доступа к информации государственных и муниципальных учреждений, в правовой науке часто рассматриваются как патология, что означает на практике существование нормативной системы, в рамках которой стало правилом чрезмерное или бессмысленное требование документов и создание ненужных правил и процедур доступа к информации[8]. Хотя некоторые ученые указывают на полезные преимущества административного регулирования доступа к государственной и муниципальной информации[9], многие другие пытались выявить и понять причины существования, так называемого патологического правила ориентации на закрытие информации.

В последние десятилетия основной мотивация ограничения доступа к общественно значимой информации стали ссылки на возможность ее использования террористическими акторами. На наш взгляд, такая правовая установка при всей ее актуальности, не способствует общественному развитию, поскольку у террористов и так достаточно информационных источников.

К сожалению, права и свободы человека и гражданина все еще не стали в Российской Федерации реальной ценностью. Например, если судить о характере поступивших Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации в 2005-2009 гг.[10] жалоб граждан на решения или

действия (бездействие) органов власти и должностных лиц, то можно резюмировать следующее. В стране продолжается нарушение экономических, социальных, гражданских, политических и других прав, в числе которых и право на доступ к общественно значимым сведениям.

Литература:

1.См., напр.: Басик В.П. Политические права граждан России и иностранцев в Российской Федерации // Вестн. Моск. ун-та. Серия. 11. Право. 2004. № 3; Бачило И.Л. О праве на информацию в РФ. - М., 1997; Глущенко П.П. Социально-правовая защита конституционных прав и свобод граждан (Теория и практика). Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова – СПб., 1998; Бондарь Н.С. Конституция, конституционный контроль и социальные противоречия современного общества // Журнал российского права. 2003. №11; Закупень Т.В., Соболь С.Ю. Информация и ее правовое регулирование // Журнал российского права. 2004. № 1; Ковлер А. И. Европейское право прав человека и Конституция России //Журнал российского права. 2004. №1; Ковлер А.И. Антропология права. – М., 1997.

2.Goodin R.E. The theory of institutional design. -Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 10.

3.Правовое государство: проблемы формирования и развития. Материалы научного семинара. Вып. 4 (42). -М.: Научный эксперт. 2011.

4.Ролз Дж. Справедливость как честность // Логос 2006. № 1 (52). С. 35.

5.Крисберг Л. Миро-созидание, миро-сохранение и разрешение конфликтов // Социс. 1990. № 11. С. 27–28.

6.Цит. по: «Проблемы российского самосознания: эволюционное становление и революционные ломки». Всероссийская конф. (2008. Москва–Пенза). 3-я Всероссийская конференция «Проблемы российского самосознания». 22–24 мая 2008 г. / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Редкол.: М.Н. Громов и др. -М.:ИФ РАН. 2009. С. 85.

7.Дворкович: из-за нестыковки законодательства и практики в области Интернета возникает много рисков для правительства и бизнеса // ИТАР-ТАСС, 2011, 22 апреля.

8.Bozeman B. All Organizations are Public. -San Francisco, CA: Jossey-Bass, 1987; Bozeman, B. A theory of government red tape // Journal of Public Administration Research and Theory, 1993, № 3. PP. 273-303.

9.Boyne G.A., Walker R.M. Strategy content and public service Organizations // Journal of Public Administration Research and Theory, 2004, № 60. PP. 173-182.

10.Подробнее см.: Доклады Уполномоченного по правам человека с 2005 по 2009 гг. // http:// www.ombudsmanrf.

К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНЫХ АСПЕКТАХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Сафронов Д.А.
аспирант Краснодарского университета МВД России
Краснодар, Россия

Аннотация: Предлагается рассмотреть вопросы современной уголовной политики относительно экономических преступлений с позиций неуплаты налоговых платежей и проявления таким образом обеспечения экономической безопасности личности.

Ключевые слова: экономическая безопасность личности; налогообложение; субъекты-налогоплатильщики.

Abstract: it is Suggested to consider the questions of modern criminal politics of relatively economic crimes from positions of non-payment of tax payments and display thus of providing of economic security of personality.

Keywords: economic security of personality; taxation.

В соответствии со ст. 57 Конституции РФ каждый обязан платить законно установленные налоги и сборы. Исполнение этой важнейшей конституционной обязанности во многом обеспечивается силой государственного принуждения, которое осуществляется специально уполномоченными на то органами власти (налоговыми органами) посредством применения различных правовых средств. Налоговая система РФ функционирует в соответствии с положениями Налогового кодекса РФ и принятыми в его развитие другими нормативными актами, которые определяют систему налогов, взимаемые в федеральный бюджет, региональные, местные налоги и сборы, а также порядок и условия их уплаты.

Современная налоговая система Российской Федерации представляет собой совокупность предусмотренных Налоговым кодексом РФ налогов (сборов), принципов, форм и методов их установления, наименования и отмены, уплаты и применения мер по обеспечению их уплаты, а также форм и методов налогового контроля и ответственности за нарушение налогового законодательства. Однако не все так хорошо в практической деятельности субъектов, участников экономических отношений.

Из-за разрушительного сочетания «правового нигилизма», как называет это Д.А. Медведев, россияне не могут быть уверенными, что правоохранительные органы защитят их от ущерба, а в случае нанесения такового - что судебная система позволит им добиться правосудия или компенсации. Это касается чиновников и журналистов, и олигархов, и мелких предпри-

нимателей. Так, по данным статистики за 2000-2009гг. число предпринимателей, привлеченных к уголовной ответственности за преступления экономической направленности, составило 14,87% от общего числа зарегистрированных в стране субъектов экономической деятельности. Со времен раскулачивания 30-х годов прошлого века ни одна социальная группа не подвергалась столь обширным уголовным репрессиям. По данным опросов 17% бизнесменов по причине своей правовой незащищенности намерены покинуть страну, а число тех, кто не исключает такую вероятность, составляет почти половину предпринимателей. Велико число «заказных» уголовных дел, не имеющих реальных потерпевших и нацеленных на отъем собственности у предпринимателей. И только в 2010 году сотрудниками МВД РФ были инициированы уголовные дела более чем по 90 тысячам «преступлений» экономической направленности, и в значительной доле этих дел отсутствуют потерпевшие[1].

Поэтому отсутствие в России правовой защиты является главнейшим фактором, отделяющим ее от более благополучных государств, в число которых она стремится войти. Над новой стратегией развития, в которой важное место станет занимать стимулирование экономической и социальной активности граждан, власть не работает, а существующие правовые практики имеют политическую составляющую, что еще больше способствует развитию в обществе аномии. Так, профессор Российской экономической школы К. Сонин пишет: «Для российской судебной системы, которая только-только начала складываться в 1990-е гг., процесс Ходорковского задал образец, при котором вмешательство политиков - естественная часть судебного процесса. После двух десятилетий тяжелого пути к нормальности - к возвращению независимой и конкурентной судебной системы - мы оказались в той же точке, где были в 1991 году: суд снова стал частью политически зависимым.

Последствия для политической системы оказались не менее драматическими. Превратив политический спор с Ходорковским в войну на уничтожение, его противники сами оказались заложниками. Осенью 2007 года страх перед необходимостью уйти от власти (разве в демократической стране президенты и премьеры боятся уходить?) заставил Президента РФ Путина В.В. окончательно разрушить систему выборов в российский парламент. Большая часть государственного строительства последних лет связана только с одной задачей — сохранением политического *status quo* (в него входит пребывание Путина в роли политического руководителя России, а также пребывание Ходорковского в тюрьме). По тем же причинам соображения личной преданности становятся год от года все более важными. Надо ли говорить, что система, заточенная только на сохранение status quo, оказывается максимально неэффективной, когда речь идет о какой-то модернизации? На восстановление нормальной системы государст-

венного управления потребуется как минимум один-два избирательных цикла — целое десятилетие»[2].

Налоговая преступность это общественно опасное социально-правовое явление экономической сферы общества, включающее в себя совокупность деяний, признаваемых преступлениями, объектом которых являются охраняемые уголовным законом отношения по поводу взимания налогов и иных обязательных платежей, а также осуществления контроля за своевременностью и полнотой их уплаты. И непосредственным объектом налогового преступления выступают общественные отношения по поводу формирования бюджетов разных уровней и государственных внебюджетных фондов.

В итоге, как показывает практика, на повышение экономических интересов в первую очередь повлияют следующие факторы:

1. Повышение исполнительской дисциплины в отношении соблюдения условий договоров, заключенных налогоплатильщиками с государством.

2. Создание и актуализация реестра субъектов-налогоплатильщиков

3. Разработка справедливой методики определения участия субъектов-налогоплатильщиков.

Литература:

1.Цит. по: Безвольные предложения. Представители самой крупной фракции Госдумы высказались против проекта амнистии // Российская газета, 2011, 1 июня.

2.Сонин К. Правила игры: Последствия страха // Ведомости, 2010, № 215 (2733), 15.11.

К ВОПРОСУ КРИМИНОГЕННОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ МОЛОДЕЖНЫМИ ГРУППАМИ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Уткин В.Н.
соискатель Краснодарского университета МВД России
Краснодар, Россия

Аннотация: Предлагается рассмотрение криминогенных детерминаций, которые формируют причины и условия тех преступных проявлений, которые совершаются молодежными группами с экстремистскими формами воздействия.

Ключевые слова: Криминогенность; детерминации; молодежные группы; экстремизм.

Abstract consideration of criminogenic determinations, that form reasons and terms of those criminal displays that is accomplished by youth groups with the extremist forms of influence, is Offered.

Keywords: criminogenic; determinations; youth groups; extremism.

Современная социально-правовая и политическая ситуация в России и в Краснодарском крае показывает, что молодежный экстремизм - это весьма актуальная проблема на сегодняшний день, так как большое количество молодых людей и несовершеннолетних совершают правонарушения экстремистской направленности из-за националистических убеждений. В связи с этим существуют два обстоятельства, обуславливающие необходимость криминологического, уголовно-правового и социально-политического исследования в данной сфере: во-первых, стихийное, неуправляемое общение молодых людей в группах опасно перерождением объединений в асоциальные, направленные в своей деятельности против личности и общества; во-вторых, в настоящее время в России и в Краснодарском крае, в частности, наблюдается скачкообразный рост молодежного экстремизма. Молодежный экстремизм тем и опасен, что уродует мировоззрение у молодых людей, пропагандирует в обществе национальную нетерпимость и, в конечном счете, насильственные методы решения проблем.

Экстремизм и молодежь это две сложные противоречивые и, в то же время, как показывает современная обстановка, взаимосвязанные категории. Действующее законодательство об экстремизме формировалось в эпоху реформ и становления нового российского общества. Вопросы противодействия экстремизму, экстремистской деятельности отражаются в ряде нормативных правовых актах: в ратифицированной Россией Шанхайской конвенции «О борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом», ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», УК РФ, Кодексе об административных правонарушениях РФ и др.

В настоящее время в связи с политическими, социально-экономическими преобразованиями, происходящими как в России так и за рубежом, в условиях мирового кризиса, который затронул и нашу страну, возрастает угроза нарастания экстремистских проявлений в молодежной среде. Проблема молодежного экстремизма зачастую неоднозначно оценивается обществом и государством. С одной стороны, неформальные объединения молодежи и подростков воспринимается как разновидность девиации, некая субкультура протестного поведения определенной возрастной группы людей. С другой - многие юристы, социологи и политологи справедливо отмечают, что такие контркультурные неформальные течения имеют все признаки неорганизованного политического движения, в котором превалирующее значение имеет именно экстремистская идеология, основанная на национализме и расизме.

Молодежь является наиболее динамичной, но недостаточно опытной и нестабильной социально-демографической группой, от которой зависит будущее страны, следовательно, эта группа не только наиболее подвержена влиянию различных дестабилизирующих факторов, но и требует особого внимания и заботы государства по целенаправленному формированию ее социального, психического, духовно-нравственного здоровья, воспита-

нию гражданственности и патриотизма. Хотелось бы согласится с мнением В.Ковалева, что «молодежный экстремизм в современной России становится одной из острых социальных проблем, способной привести к серьезным политическим последствиям. Молодежный экстремизм обладает рядом особенностей, отличающих его от экстремизма взрослых».[1]

В современных условиях глобализированного информационного общества молодежный экстремизм является питательной средой наиболее тяжких криминальных проявлений – терроризма, наркомании, массовых беспорядков, средством внешнего давления на государство. При этом молодежь в силу возрастной психологии наиболее подвержена манипулированию и склонна к принятию протестных идей и настроений. Энергия и стремления молодых людей часто становятся предметом политических спекуляций и поэтому молодежь наиболее привлекательна для вербовки во всевозможные группы и организации экстремистского толка.

Молодежный экстремизм в той или иной форме существует во всех государствах и на всех исторических этапах. В тех случаях, когда государство способно контролировать и перенаправлять энергию молодежного экстрима в необходимом для себя направлении, оно получает дополнительный источник своего развития, в противоположном – эта энергия становится деструктивной, порождающей многочисленные криминальные действия. Необходимо отметить, что в чистом виде ни одна из форм экстремизма не существует. Всегда происходит переплетение, смешивание политического, националистического, религиозного и другого экстремизма. Там, где в действие вовлекаются массы населения, где затрагиваются интересы многих людей, где нарушается общественный порядок, создается угроза жизни и здоровью людей, всегда происходит переплетение политики с национализмом, с религией и т.д. Поэтому выделение основных форм экстремизма основывается на выделении доминирующих целей, установок среди участников той или иной экстремистской организации, движения.

На современном этапе особенно молодежи сложно адаптироваться в политической и общественной жизни страны, находящейся на стыке становления новой политической системы и не до конца сломленной старой системы, старых устоев. Не секрет, что практически все межэтнические конфликты последних лет начинались с происшествий в молодежной среде. Особенно часто таким детонатором являлись драки молодых людей в общественных местах. Сам первоначальный инцидент не имел никакого отношения к этнической принадлежности его участников. Но, по логике развития этнического конфликта, если хотя бы одна сторона конфликта рассматривала его как национальный, он таким и становился: сначала только в общественном мнении, а затем и в действительности. Лозунг «наших бьют» включал в конфликт старшие возрастные группы каждой национальности, и дальше его участники, как правило, забывали, с чего все начиналось. Но для того, чтобы человек откликнулся на этот лозунг,

нужна определенная степень внутренней готовности. Она может быть большей и особенно – от психологического самочувствия людей, в первую очередь – молодежи.

Сегодня межнациональные отношения в Краснодарском крае можно охарактеризовать как сравнительно спокойные. Но вместе с тем существуют и «болевые точки», с возможной актуализацией в ближайшем будущем. Несмотря на то, что межнациональные отношения в Краснодарском крае продолжают оставаться стабильными, любая конфликтная ситуация между представителями различных национальных групп с участием молодых людей может быть использована в политических целях. Экстремизм в молодежной среде особенно наглядно проявляется в так называемых преступлениях на почве ненависти. Эти преступления, которые заранее планируются против людей другой национальности, расы или религии. В этом случае преступники выбирают жертву осознанно, именно по критерию отличия – «он не такой, как мы»[2]. Особенно часто насилие применяется в отношении иностранцев, которые внешне выделяются среди местного населения. К чести Кубани необходимо отметить, что подобных преступлений у нас нет, в отличии от других регионов страны. Однако это не должно успокаивать, поскольку каждое такое преступление противоречит основным принципам нашей жизни, установленным Конституцией России, и наносит ущерб репутации Краснодарского края. Социальная природа и психология молодежи, а именно потребность в общении, самоутверждении, завоевании внимания и признания, отчасти объясняют ее стремление к объединению в группы. В качестве сильного объединяющего молодежь фактора выступает ее не занятость, обусловленная социальным неравенством, невозможностью получить качественное образование, отсутствием достаточного количества бесплатных спортивных комплексов или недоступностью досуговых заведений.

В настоящее время экстремистские движения пытаются всеми силами подорвать стабильность социальной, политической и культурной ситуации страны. Их деятельность вносит противоречия в межнациональную общность, которые приводят к тяжким последствиям, затрагивающим интересы не только отдельных лиц, общин, национальностей, но и государства. Вследствие чего деятельность экстремистских организаций представляет реальную угрозу конституционному строю и территориальной целостности государства. Молодежь объединяясь в группы, пытается отстоять свои права не обращая внимания на способы получения денежных средств, вымещает свою злость на людях другой национальности, вероисповедания. Таким образом, анализ оперативной обстановки на территории Краснодарского Края свидетельствует о том, что в условиях кризисных проявлений в социально - экономической сфере остается скрытая угроза экстремистской деятельности, численности радикальных группировок, основанных на национальной идеологии, расовой и религиозной нетерпимости.

Литература:

1.Ковалев В.С. Политический экстремизм и механизм противодействия ему в современной России: Автореф. дисс. канд. полит. наук. -М., 2008.

2.Сергун, Е.П. Экстремизм в Российской Федерации: уголовно-правовые и криминологические аспекты: учебное пособие. – Саратов, 2005.

ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ ПРИ ПРОТЕСТНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЯХ АВТОМОБИЛИСТОВ

Чапурко С.В.
аспирант Краснодарского университета МВД России
Краснодар, Россия

Аннотация: Автором предлагается сопоставление вопросов протестных выступлений автомобилистов и регулирования безопасности личности в процессе правоохранительной деятельности.

Ключевые слова: протестные выступления автомобилистов; безопасность личности; обеспечение безопасности; правоохранительная деятельность.

Abstract: The author offers comparison of questions of protest performances of motorists and regulation of safety of the personality in the course of law-enforcement activity.

Keywords: protest performances of motorists; safety of the personality; safety; law-enforcement activity.

В условиях перманентного накопления политической энтропии, дальнейшего разложения государственных институтов, эскалации произвола и роста правового нигилизма политические протесты автомобилистов отражают глубинные процессы, происходящие в российском обществе.

Так, в стране не осталось почти никаких институтов, способных реально поддержать общественное движение автомобилистов требующих одного – соблюдать установленные же государством законы связанные как с организацией дорожного движения, так и с соблюдением чиновниками этическим и моральных норм на дорогах.

Дискурсивная конфронтация власти с гражданами, наделенными равными правами, представляется нам малоперспективной, поскольку данный дискурс только способствует регенерации диссидентского движения, которое бездействовало в последние годы. В Конституции РФ есть принцип плюрализма, однако на практике он практически не реализуется в силу господства в стране одной партии.

Протестные выступления, в том числе и выступления автомобилистов неизбежно будут способствовать появлению кумулятивного эффекта,

необходимого для трансформации политической системы страны. Это политическое измерение механизмов воспроизводства статус-кво. Технология, как ее тонко описал Пьер Бурдье: «Существование механизмов, способных воспроизводить политический порядок независимо от сознательного вмешательства, позволяет опознать в качестве политического – среди разных типов поведения, направленного на приобретение или удержание власти, - только такие практики, которые незаметно исключают контроль над воспроизводством этих механизмов из сферы легитимной конкуренции». Политика, из которой исключены вопросы о том, воспроизводить ли эти механизмы поддержания статус-кво и кто контролирует их воспроизводство, предстает как легитимная политика с четкими границами допустимой в её рамках политической конкуренции. Именно такая политика, добавляет Бурдье, и является исключительным предметом политической науки, которая поэтому не может знать о той «изнанке» своего предмета, которая конституирует его [1, с.189]. Безразличное отношение бюрократии к законным требованиям граждан не может продолжаться бесконечно долго.

В последние годы становится очевидным, что разваливается социальный контракт между властью и населением, который основывался на способности режима обеспечить людям приемлемый минимум достатка и безопасности. Речь идет о нарастании в обществе протестной активности, частью которой являются выступления автомобилистов.

Утрата доверия к чиновникам стала приметой современной России. Поскольку реальных изменений не происходит, прежде всего, в сфере политической конкуренции, в рамках закона такая уличная деятельность протестного движения автомобилистов возможна, если оппоненты граждан в среде бюрократии не слышат и не хотят слышать законные требования. У элиты же отсутствуют ресурс организаторов социополитических взаимодействий, которые умеют объяснять людям сложности и проблемы государственной и муниципальной политики. Поэтому необходимо констатировать, что правящая элита сама провоцирует рост протестных настроение автомобилистов, на регулярной основе демонстрируя свое неуважение к праву. Перманентное игнорирование требований автомобилистов может повлечь за собой более серьезные неприятности для власти, чем проводимые пикеты и митинги, вплоть до политического кризиса.

В политике уже присутствуют застойные явления, отражением которых является нежелание элиты соблюдать требования законов, в то время как простые граждане добиваются этого, участвуя в протестных акциях. Элита не может дать ответа на ключевые темы, представленные в массовом сознании, а это сегодня — борьба с коррупцией и неравенством на дорогах. Отказ власти признавать неформальные организации автолюбителей в качестве полноценных политических акторов может привести к радикализации протестных действий. В ответ на протестные акции элита

ужесточает законодательство, а такие действия ограничивающие возможности политического самовыражения становятся еще одной детерминантой выступлений автомобилистов выдавливаемых властью из легитимированного поля политического действия.

Противостояние утрачивающей легитимность элите через политическое действие, хотя бы и в форме социальной критики, является шагом к формированию новой политической культуры, как индивида, так и групп в рамках местного сообщества. Это способствовало появлению новых форм сопротивления тем решениям власти, которые воспринимаются социумом как антиобщественные.

Сопротивление деструктивному политическому дискурсу сказывается на трансформации политической реальности. При этом повседневность не трансформировалась мгновенно, тем не менее, латентные процессы рано или поздно выйдут наружу и с высокой вероятностью это произойдет во время экономического кризиса. Относительно массовое политическое движение автомобилистов порождено гражданской инициативой. В современном российском обществе наблюдается изменение общественных настроений, вызванное дефицитом инструментов влияния на государственную политику.

Отторжение граждан от управления государством привело к тому, что большинство россиян сняли с себя ответственность за происходящее в стране. Чтобы принципиально исключить риски возрастания нестабильности, политическая элита должна принимать ответственные решения, обращаться с гражданами страны так, как подобает их достоинству, уважать их права и обеспечивать им экономические возможности, в том числе связанные с владением и безопасной эксплуатацией автотранспорта. Принятие мер по уменьшению нестабильности политической системы подразумевает необходимость проведения реформ связанных, в частности, с ситуацией на автодорогах.

Литература:

1.Bourdieu P. Outline of a Theory of Practice. -Cambridge: Cambridge University Press, 1977.

К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОБЛЕМ НАЦИОНАЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ В РОССИИ

Чапурко Я.Я.
аспирант Кубанского государственного аграрного университета
Краснодар, Россия

Аннотация: В статье автор показывает взаимосвязь политики, права и экономики в вопросах успешного развития национального экономического пространства России.

Ключевые слова: национальное экономическое пространство, право, политика, экономика.

Abstract: In the article an author shows intercommunication of politics, rights and economies in the questions of successful development of national economic space of Russia.

Keywords: national economic space, right, politics, economy.

Современный этап развития российской экономики характеризуется высокой динамичностью происходящих структурных изменений на фоне усиливающейся неоднородности экономического пространства, объединяющего в себе совокупность самостоятельных хозяйствующих и территориально локализованных образований с присущими ими индивидуальными особенностями и моделями управления функционированием и развитием регионального хозяйства.

Осмысление сущности происходящих изменений в контексте решаемых проблем предполагает необходимость системного подхода, в соответствии с которым разрабатываются модели и упорядочиваются критерии социально-экономического развития, выявляются обладающие свойствами регионального многообразия и образующие единое экономическое пространство элементы региональных систем, а также связывающие их отношения взаимозависимости и взаимоподчиненности.

Существующая практика регионального управления концентрирует ответственность за состояние и развитие территории на уровне субъекта Российской Федерации. В то же время характер распределения ресурсов и полномочий прямо противоположен распределению ответственности за состояние территории. В большинстве случаев распределительные механизмы сосредоточены в ведении федеральных органов власти, а также интегрированных финансово-промышленных образований.

Сегодня происходит углубление дифференциации национального экономического пространства постиндустриального общества под влиянием разновекторных факторов, среди которых – структурные сдвиги, обу-

словленные поступательной макроэкономической динамикой, технологическими, институциональными и социальными инновациями, изменениями демографической и экологической ситуации в отдельных территориальных образованиях, предполагает всесторонний учет неоднородности регионального развития в ходе принятия стратегических решений, направленных на обеспечение поступательного социально-экономического развития регионов и признание несостоятельности постулата о возможности преодоления дифференциации мезоэкономических показателей.

Так, согласно экспертным оценкам, если в 2000 году коэффициент вариации показателей производства ВРП на душу населения по субъектам Российской Федерации (исчисленный в текущих ценах) составлял 52%, то к 2010 году он возрос до 55,9%.

В целом за период с 1996 по 2010 годы коэффициент региональной вариации данного показателя вырос в 1,45 раза. Коэффициент вариации по душевому производству ВРП в постоянных ценах возрос с 52% в 2000 г. до 53,5% в 2010 г. (Рассчитано автором по данным Министерства регионального развития Российской Федерации с использованием методики, разработанной коллективом Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН).

Данное свидетельствует о том, что колебания душевого производства ВРП за данный период заметно усилились. В этой связи требуется переосмысление теоретических подходов к оценке эффективности функционирования региональных социально-экономических систем с учетом многообразия их типов, особенностей процессов «новой регионализации», а также экономической, социальной и институциональной неоднородности регионов на фоне общей тенденции глобализации. Потребность в разработке качественно новой парадигмы регионального развития возрастает в связи с необходимостью формирования и реализации эффективной системы территориального планирования и управления.

Предпринятые действия по выравниванию межрегиональных различий путем дотационной практики бюджетного финансирования, а также меры по сглаживанию последствий экономического кризиса в силу их низкой результативности подтверждают необходимость выработки долговременной государственной стратегии согласованного развития всех регионов с учетом их специфики и необходимости согласования их интересов, что является основой для развития процессов самоорганизации сложных систем.

Основной позицией для оценки национальных экономических процессов является качество жизни населения, которое признано международным сообществом одной из главных характеристик успешности развития общества.

Поиск новых путей экономического развития привел к осознанию того, что только качество жизни в наибольшей степени выражает цели ми-

рового сообщества. Интерес в России к проблеме качества жизни свидетельствует, что наше общество озабочено вопросами устойчивого социально-экономического развития и восстановления своей роли в мировом сообществе. Этот интерес обусловлен и процессом глобализации, который диктует необходимость создания достойных условий жизни людей.

Переход России к рыночным экономическим отношениям оказался связанным с развитием таких негативных тенденций, как увеличение доли населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, возрастание дифференциации доходов различных групп населения, ухудшение социальной защищенности большого числа категорий населения. Это, в конечном итоге, привело к ухудшению здоровья и снижению средней продолжительности жизни населения, повышению уровня смертности в стране.

Современная социально-экономическая ситуация требует определения оптимальных путей социального развития страны и ее регионов. Современная региональная политика становится ключевым фактором в успешном решении задачи повышения качества жизни населения на основе ускоренной модернизации экономики, активизации инвестиционной и инновационной деятельности.

Поэтому в условиях формирования постиндустриального общества и глобализации мировых экономических процессов, прежде всего, необходимо рассматривать более широкий круг факторов, охватывающих экономические, экологические и социальные стороны развития региона. В этой связи представляется актуальным развитие методологии статистического анализа и прогнозирования основных направлений повышения качества жизни населения, сравнение во временном и в пространственном аспекте, основных факторов, характеризующих качество жизни населения регионов и муниципальных образований, а также отдельных людей.

Это требует осуществления политических и экономических преобразований в России на условиях формирования качественно новой бюджетной системы, адекватной федеративному устройству государства, разработки принципиально иной модели межбюджетных отношений.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ КАК ИСТОЧНИКОВ НАСИЛЬСТВЕННЫХ КОНФЛИКТОВ И ВОПРОСОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Шадрин С.М.
адъюнкт Краснодарского университета МВД России
Краснодар, Россия

Аннотация: Автором поднимаются вопросы соотношения необходимости правового регулирования миграционных процессов и проблем обеспечения безопасности личности от насильственных форм воздействия.

Ключевые слова: миграционные процессы; насильственные конфликты; обеспечение безопасности личности; правовое регулирование.

Abstract: the questions of correlation of necessity of the legal adjusting of migratory processes and problems of providing of safety of personality rise Author from the violent forms of influence.

Keywords: migratory processes; violent conflicts; providing of safety of personality; legal adjusting.

Миграция представляет собой «процесс перемещения населения через границы страны или ее территориальных подразделений, связанный с постоянной или временной переменой места жительства либо с регулярным возвращением к нему»[1]. В соответствии со ст.27 Конституции РФ «Каждый, кто законно находится на территории Российской Федерации, имеет право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства». Одновременно ст. 26 Конституции РФ предусмотрено, что «Каждый вправе определять и указывать свою национальную принадлежность»[2], что позволяет миграцию делить по направлению потоков на внешнюю - выезд населения за границу (эмиграция) и въезд из-за границы (иммиграция) и внутреннюю, объединяющую различного вида миграционные перемещения внутри страны. Основными формами миграции являются: - миграция стационарная - переселение людей на новое место жительства на постоянной основе.

Такие мигранты получают постоянную прописку, жилье, устраиваются на работу и таким образом вливаются в ряды местных жителей. В случае совершения ими преступления статистика учитывает таких мигрантов уже в числе местных жителей; - миграция сезонная - один из видов временной миграции, связанный с перемещением людей в трудонедостаточные регионы для выполнения каких-либо важных для народного хозяйства страны сезонных работ, например сельскохозяйственных, старательских, на рыбозаводах в период массового лова рыбы, работ по сбору кед-

ровых орехов и т.п.; - миграция временная или эпизодическая - связана с временной переменой места жительства на период, зависящий от конкретных целей приезда. Некоторые демографы пишут о ней как, например, о миграции людей на юг в курортные зоны, но формы такой миграции значительно шире. Это - командировки, различного рода трудовые и профессиональные поездки, экскурсионные и туристические миграции, поездки с личными целями (лечения, отдыха, посещения родных, близких, друзей и многое другое); - миграция маятниковая - постоянные, регулярные (ежедневные или еженедельные) перемещения людей от места жительства к месту работы или учебы и обратно. Эту разновидность миграции называют также челночной. Наиболее ярким примером маятниковой миграции являются ежедневные поездки на работу в Москву жителей Московской области или дачников. В отличие от стационарной миграции последние 3 вида относятся к миграции временной, которую некоторые демографы вообще не включают в понятие миграции[3]. Вместе с тем временные миграции в последние годы приобретают все большее значение в социально-экономическом и социально-культурном отношении. Кроме того, именно эти виды миграции имеют особое криминологическое значение как преступность приезжих. Многие годы миграция выступала как преимущественно позитивное явление, способствующее развитию и расширению производства, культурному обмену и т.д.

В настоящее время стимулируемая в ряде регионов политикой дискриминации русских и других некоренных этносов миграция приобрела характер вынужденных переселений. При этом большое число мигрантов прибывают на новое место жительства, оставляя жилье и основную часть нажитого имущества, избегая официальной регистрации по месту прибытия. Все это негативно влияет на криминологическую ситуацию регионов, куда прибывает значительное количество вынужденных и неорганизованных мигрантов[4].

Среди политических детерминант межнациональных конфликтов в Южном федеральном округе особое место занимают миграционные процессы и связанные с ними взаимоотношения коренного и пришлого населения. Истоки этой проблемы имеют начало еще в XIX в., когда усиленно осуществлялась колонизация Северного Кавказа. Одной из акций имперской власти на Северном Кавказе, вызвавшей впоследствии межэтнические конфликты, было переселение коренного населения из мест исторического проживания на другие земли. Так, в конце 50 - начале 60-х гг. XIX в. было осуществлено переселение части горского населения в плоскостные районы и укрупнение населенных пунктов путем соединения мелких аулов в крупные. Плодородные земли по течению реки Терек были освобождены и заселены казаками. В первую очередь, переселению подверглись самые непокорные народы Северного Кавказа - чеченцы и ингуши. Неудовлетворенность новой властью привела к различным формам протеста коренных

народов Кавказа, одной из которых являлась эмиграция в Турцию. Переселение населения в Турцию было инициировано феодалами, не желавшими терять своих привилегий, и духовенством, призывавшим уйти со своих земель и тем самым продолжить войну против «неверных». Следует отметить, что переселение горцев в Турцию происходило с ведома царских властей, поскольку данное мероприятие позволяло избавиться от части беспокойных, потенциально опасных жителей Империи, а также способствовало освобождению земель, пригодных для возделывания[5].

В начале XX в. на Северном Кавказе преобладали русские и украинцы, на долю которых приходилось более 70% всех жителей региона. Русские абсолютно или относительно преобладали в Ставропольской и Черноморской губерниях, Терской области, а украинцы - в Кубанской области. Лишь в Дагестанской области было абсолютное преобладание коренного населения. Коренное население составляло подавляющую часть населения в горных районах Терской области. Несмотря на то, что переселенцы внесли значительный вклад в развитие Кавказа, память коренного населения - горцев (чеченцев, ингушей, черкесов и др.) всегда хранила и хранит сведения об их прошлом до покорения Кавказа Российской Империей. И эта память не могла не сказаться на характере взаимоотношений горцев с русскими. Так, во многом состояние преступности обусловливалось насильственным присоединением Кавказа к России, вторжением в жизнь кавказского населения, разрушением исторически сложившихся кавказских взаимоотношений. Колонизация Кавказа не достигла намеченных целей, русское (пришлое) и коренное население находились в состоянии фактической войны[6].

Переселенческая политика государства привела к тому, что коренное население было значительно ущемлено в своих правах, что, естественно, обусловило вражду между населением Северного Кавказа и русскими, особенно казаками. Это нередко находило выражение в многочисленных актах насилия[7]. 28 мая 1906г. произошло вооруженное столкновение между ингушами, проживавшими в ауле Яндырка Терской области и казаками - жителями различных станиц. Столкновение было спровоцировано убийством казаками ингуша, который приехал в одну из станиц для обсуждения возможностей найма на работу в станице жителей его аула. 29 мая 1906г. ингуши в ответ напали на казаков. В столкновении приняло участие около 2 тыс. ингушей и прибывших на помощь казаков и солдат. В результате погибли 5 казаков, 7 ингушей, а также 30 человек получили ранения. В направленном военному министру и министру внутренних дел запросе жители аула сообщали, что две трети земель у них изъяты в пользу казаков, а они обязаны платить ежегодно 30 тыс. рублей арендной платы казакам за свою бывшую землю. Оба министерства признали наличие «неприязненных отношений» между горцами и казаками, при этом вражда сопровождалась укорененными у ингушей традициями грабежей, краж и т.п. В

марте 1910г. вновь произошли столкновения между казаками и ингушами в ауле Яндырка[8].

Помимо противоречий во взаимоотношениях коренного населения Северного Кавказа с русским существовала вражда между различными коренными народами. В докладе думской комиссии по запросам 5 мая 1912г. были приведены сведения, из которых следовало, что за 5 лет в Хасав-Юртовском округе Терской области было совершено 44 особо жестоких уголовных преступлений, расцененных как «ничем не прикрытое, ничем не оправдываемое злобное издевательство над русскими людьми». Кроме того, в докладе отмечалось: «Комиссия, разумеется, далека от мысли переносить вину отдельных преступников на всю народность, но следует засвидетельствовать, что в силу длительных ненормальных условий, при которых формировалась общественная жизнь Кавказа, народные массы не могли усвоить и до сих пор этой простой истины: в них живо еще чувство ненависти к некоторым народностям. Так, ингушей и чеченцев ненавидят, например, кабардинцы, осетины и лезгины, а этим последним тою же монетой платят чеченцы. Причины этого лежат в глубине истории, и уничтожить это явление можно лишь с помощью длительных культурных мероприятий»[9]. В 1906г. ингуши совершили нападения на осетинские села Заманкул, Зильги, Ольгинское, Верхний Ачалук и др., в марте 1907г. - на хутора и поместья осетин-землевладельцев в Малой Кабарде. Вооруженное нападение ингушей Назрановского округа на с.Ольгинское 23 мая 1907г. удалось отбить только с помощью казачьей сотни[10]. Даже в январе 1917г. атаман Майкопского отдела Кубанской области в рапорте обращал внимание на то, что «черкесы, благодаря своим традициям, зачастую занимаются кражами, разбоями, грабежами, насилиями над личностью и имуществом. В последнее время, пользуясь нахождением большей части русскаго мужского населения на войне, горцами особенно часто совершаются эти преступления, даже днем они отнимают скот и лошадей у русскаго населения, преимущественно у одиноких стариков и жен призванных на войну. Недовольство русскаго населения на горцев за кражи и грабежи, чинимые ими, растет с каждым днем». Гатагова Л.С., рассматривая причины взаимного неприятия коренных народов и русских, указывала, что «в истории многовекового совместного общежития народов Кавказа (и славян, в том числе) наслоилось бессчетное количество реальных или мнимых обид, таившихся на дне коллективной этнической памяти. Так, чеченцы, дагестанцы, черкесы сохраняли болезненные воспоминания о Кавказской войне. Конфронтационному этническому сознанию способствовали и многочисленные внешние обстоятельства...».

Главным проявлением негативного отношения коренного населения к русским, особенно к казакам, была преступность. Ее состоянию и другим негативным моментам кавказской жизни был посвящен ряд заседаний Государственной Думы. Так, депутат Государственной Думы граф Бобрин-

ский в своем выступлении 5 февраля 1909г. на заседании Государственной думы, на котором рассматривался кавказский запрос, в подтверждение критической криминальной ситуации на Северном' Кавказе привел выдержку из прошения казачьего населения Терской области к генерал-адъютанту И.И. Воронцову-Дашкову, назначенному в 1905г. наместником Кавказа. Казаки говорили: «Какой вред мы терпим от безпокойной и злонамеренной части туземного плоскогорнаго и горскаго населения через грабежи, разбои и всякаго рода воровство, не прекращающиеся со времени покорения Кавказа, т.е. в течение более 40 лет... ». Депутат Лисичкин на этом же заседании следующим образом обрисовал положение в Терской области: «Грабежи и убийства, конечно, продолжались со времени кавказской войны, но особенно они усилились в то время, когда казаки были мобилизованы во время японской войны. Я должен обрисовать картину жизни казаков и другого русскаго населения Терской области. Благодаря этим грабежам и убийствам, казаки и прочее русское население до сих пор обрабатывают свои поля не иначе, как с оружием в руках, как было в то время, когда завоевывали Кавказ. Они выезжают на поля с восходом солнца и возвращаются с полей до захода солнца, ибо всякий рискнувший остаться в поле за это время делается жертвой разбойников-горцев. Проезд из одного селения в другое является немыслимым, потому что всякий рискнувший несомненно будет ограблен или убит. Дерзость разбойников дошла до того, что они нападали в больших, в многолюдных городах на магазины даже днем и разграбливали их»[11].

Проблема миграции существенно осложнила криминальную ситуацию в исследуемом регионе также в конце XX в. С начала 90-х гг. XX в. в Россию хлынули потоки мигрантов из стран ближнего зарубежья. По данным исследований Центра социальной демографии Института социально-политических исследований РАН, за период с 1992 по 2002г. в Россию прибыло более 9 млн. мигрантов[12]. В 2004г. в пунктах пропуска через Государственную границу иностранным гражданам и лицам без гражданства было выдано 21,9 млн. миграционных карт. Кроме того, для последнего десятилетия XX в. характерно перемещение населения внутри страны в более развитые регионы. Естественно, прибывшие составили конкуренцию коренным жителям, что негативно сказалось на социально-экономическом положении этих регионов. Наибольшую миграционную нагрузку вследствие благоприятных условий как географического, так и экономического характера при этом испытывает Южный федеральный округ и, в частности, Ростовская область, Краснодарский и Ставропольский края. Краснодарский край официально принимает около 12% от числа всех мигрантов, прибывающих в Россию из ближнего зарубежья. Кроме того, в Краснодарский край прибывает много отставных военнослужащих и пенсионеров из районов Крайнего Севера. На территорию Краснодарского края за последние 10 лет прибыло более 1 млн. человек. С 1988г. миграция является

единственным источником роста населения. В 2002г. в комиссиях миграционного контроля разного уровня в Краснодарском крае рассмотрено более 48 тыс. заявлений. Это внешняя миграция. Масштабы скрытой миграции в несколько раз превышают официальные данные. Согласно отчету краевого управления мониторинга миграционных процессов о регистрации граждан, прибывших на Кубань в 1996-2002гг., в крае, помимо прочих национальностей, осело более 25 тыс. армян, более 20 тыс.украинцев, чуть менее 5 тыс.татар[13].

За пять лет наибольшее количество людей осело в столице края - Краснодаре (свыше 40 тыс.), почти 35 тыс. - в Сочи, более 20,5 тыс. - в Новороссийске, в Крымском районе - около 15 тыс., Темрюкском районе - почти 13 тыс., Абинском районе - более 12 тыс. В этой связи в Краснодарском крае появились признаки этно-социального перекоса с возможными политическими последствиями, характеризующиеся нарастающей численной диспропорцией коренного населения края и мигрантов. Это создает условия для межнациональной напряженности среди населения края[14].

Особую тревогу вызывает незаконная миграция. Посты иммиграционного контроля в пунктах пропуска через Государственную границу Российской Федерации ежегодно выявляют от 10 до 16 тыс. мигрантов с неправильно оформленными документами на право работы. Миграция является своеобразной питательной средой для организованной преступности, что показывает позицию заинтересованности криминальными структурами в мигрантах.

Литература:

1.Курс демографии. -М., 1985. С. 161; Статистика населения с основами демографии. -М., 1990. С. 219-222 и др.

2.Конституция РФ, принятая референдумом 12 декабря 1993г.// Российская газета. 1993. 25 декабря.

3.Статистика миграции населения. –М., 1973; Переверенцев В. И. Методы изучения миграции населения. М., 1975.

4.Российская криминологическая энциклопедия. Под общ. ред. д.ю.н., проф. А.И.Долговой. –М., 2000. С.345.

5.Невский С.А. Борьба с преступностью на Северном Кавказе: историко-криминологическое исследование // Профилактическая деятельность государства как одно из средств сдерживания преступности в Российской Федерации. М., 2006. С 395-396.

6.Невский С.А. Проблемы личной и имущественной безопасности населения на Северном Кавказе во второй половине XIX - начале XX вв. // Безопасность личности и виктимологические проблемы предупреждения преступлений. М., 2006. С. 73.

7.Невский С.А., Волынская О.В., Карлеба В.А. Очерки истории правоохранительных органов и борьбы с преступностью в России. Краснодар, 2004. С. 138.

8.Невский С.А., Волынская О.В., Карлеба В.А Указ. соч. С. 139.

9.Цит. по: Невский С.А., Волынская О.В., Карлеба В.А. Указ. соч. С. 139-140.

10.Невский С.А., Волынская О.В., Карлеба В.А. Указ. соч. С. 140.

11.Цит. по: Невский С.А. Борьба с преступностью на Северном Кавказе: историко-криминологическое исследование // Профилактическая деятельность государства

как одно из средств сдерживания преступности в Российской Федерации. М., 2006. С. 397-398.

12.Кашуба Ю.А. О связи незаконной миграции с преступностью // Преступность в разных ее проявлениях и организованная преступность. М., 2004. С. 188.

13.Россия в цифрах. 2008. Крат. стат.сб. / Росстат. –М., 2009. С. 63-75.

14.Мельниченко А.Б., Никольская Л.И. Преступность мигрантов и вопросы правового регулирования миграционных процессов в Северо-Кавказском регионе // Новые криминальные реалии и реагирование на них. М., 2005

IV Раздел:
« Совершенствование уголовной политики в сфере обеспечения иных социально-значимых интересов»

СПЕЦИФИКА МЕДИЦИНСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И КЛАССИФИКАЦИЯ УПУЩЕНИЙ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ

Антоненко М.Н.
магистр Кубанского государственного университета
Краснодар, Россия

Аннотация: Статья рассматривает вопросы медицинских работников. Анализируются специальные меры профилактики и упущения медицинских работников в социальной среде общества. Оценка большинства медицинских действий и ответственность за причинение общественно опасных последствий.

Ключевые слова: Медицинские работники, преступность, вред жизни, противоправность нарушений.

Abstract: Article considers questions of medical workers. Special measures of prevention and omission of medical workers in the social environment of society are analyzed. Assessment of the majority of medical actions and responsibility for causing of socially dangerous consequences.

Keywords: Medical workers, crime, harm of life, protivopravnost of violations.

В настоящее время в специальной литературе уже нет споров о том, что медицинский работник, так же, как специалист любой другой отрасли несёт уголовную ответственность на общих основаниях, то есть за виновное причинение общественно опасных последствий в сфере своих профессиональных занятий.

Поэтому в современных условиях особую остроту имеет каждый случай привлечения к ответственности медицинского работника в связи с неоказанием или ненадлежащим оказанием им помощи больному. Юристы в этом вопросе зачастую перекладывают оценку действий врача на различные учреждения, как бы не замечают проблемы.

Медики, наоборот, оживленно обсуждают вопросы ответственности медицинских работников.

Запрещение причинения вреда жизни и здоровью человека распространяется на все отрасли человеческой деятельности. Но если наступление таких последствий в связи с деятельностью строителя, шофера или другого специалиста в большинстве случаев свидетельствует о нарушении правовых норм, то этого нельзя сказать о профессиональных занятиях медицинских работников.

Если для других профессий эти последствия противоестественны, то неблагоприятный исход лечения, смерть человека в процессе оказания ему медицинской помощи сами по себе не дают оснований для признания их противоправными.

О правомерности действий специалиста в сфере его профессиональных занятий позволяет судить, как известно, соответствие этих действий определенным правилам, существующим для данного рода деятельности. Но в отличие, например, от правил эксплуатации промышленных установок, правил производства строительных работ или правил вождения автомобиля, медицинская деятельность гораздо меньше поддается регламентации подробными и официально закрепленными правилами. И хотя их в медицине много (например, инструкция по переливанию крови, инструкция по госпитализации больных с инфарктом миокарда и т.д.), однако они далеко не охватывают и не могут охватывать всего разнообразия медицинских действий.

Нельзя оценивать правильность медицинских действий только по имеющимся инструкциям, положениям, приказам и иным официальным документам, издаваемым министерством, его управлениями и другими органами здравоохранения. Прежде всего, основным критерием оценки большинства медицинских действий могут быть только положения самой медицинской науки.

В отличие от других видов деятельности в сфере медицины область научного исследования и практики оказания лечебной помощи не имеют столь чётких границ. Поэтому, во-первых, применение для борьбы с малоизученными болезнями существующих средств и методов лечения почти всегда оказывается безрезультатным. Иначе говоря, не противореча выработанным наукой положениям, эти действия оказываются объективно неправильными. Во-вторых, даже лечение хорошо изученных заболеваний может иногда не дать ожидаемых результатов, то есть также может оказаться объективно неправильными.

Теория права различает три вида уголовной противоправности: прямая – это непосредственное запрещение уголовным законом соответствующего действия; смешанная – признание действия запрещенным уголовным законом, «в связи с тем и постольку, поскольку оно признано противоправным другими отраслями права»; и условная противоправность действий, которые в обычных условиях общественно полезны, и вред причиняют лишь в сравнительно редких случаях, в связи, с чем подробно регламентировать их нормами права не представляется возможным.

Противоправность нарушений медиками своих профессиональных обязанностей может быть как прямой, так и условной. Прямой является противоправность деяний, заключающихся в нарушении медицинских работников специально предусмотренной законом обязанности по оказанию помощи больным.

Значительно сложнее установление так называемой условной противоправности действий медицинских работников, связанных с недостаточным качеством медицинской помощи. Условно противоправными можно рассматривать лишь такие действия медицинских работников, которые не отвечают существующим в медицинской и лечебной практике правилам и методам лечения и находятся в причинно-следственной связи с наступившими для больного неблагоприятными последствиями, повлекшими за собой смерть или ухудшение состояния здоровья. Необходимо ещё и третье условие – неправильность медицинского действия. Необходимо доказать, что было нарушено соответствующее правило.

Хирург Д. и операционная медицинская сестра С. были привлечены к уголовной ответственности за оставление при операции в брюшной полости Б. марлевой салфетки, вызвавшей перитонит, а затем и смерть пациентки. Обвинение основывалось на бесспорно установленном факте нарушения врачом и медицинской сестрой принятого в клинике порядка подсчета инструментов и материалов, используемых для операции. Д. в ходе операции потребовал от С. снабжения его материалами сверх того комплекта, который был подготовлен для этой операции. С. выполнила распоряжение, в результате салфетка оказалась незамеченной.

Суд оправдал врача и медсестру, так как операция проходила в сложных условиях. Трудности, возникшие во время операции, нельзя было предвидеть, а потому он вынужден был использовать материал сверх приготовленного заранее комплекта. После операции у него также не было возможности обнаружить одну из салфеток, затянутую в глубь брюшной полости перистальтикой кишок и слившуюся по цвету с внутренними органами в результате обильного пропитывания кровью.

Таким образом, ответственность хирурга основывается не на самом факте оставления в теле больного инструментов или операционных материалов, а вытекает, согласно сформулированным положениям, из нарушения им конкретных и обязательных для него правил. Однако раньше таких правил (способов), предохраняющих от оставления хирургами инструментов в операционной полости, либо вообще не было, либо они не существовали, но не являлись общепризнанными и обязательными. В настоящее время подсчет материалов и инструментов до операции и после неё – общепризнанное правило. Поэтому, если имеется нарушение указанного правила, есть и противоправность действий хирурга, оставившего инородное тело в организме больного. Но если у хирурга не было возможности соблюдения названных правил, то не и его вины.

Почему же «неправильность медицинского действия» в совокупности с другими условиями придает ему общественно опасный характер?

Общественная полезность медицинской деятельности состоит как в той цели, которую она преследует, так и в научной обоснованности используемых для этого методов, средств и приёмов медицинского вмеша-

тельства. Это значит, что в основе определенного медицинского действия должно лежать познание соответствующих биологических закономерностей человеческого организма, позволяющее воздействовать на них в благоприятную сторону и заранее с той или иной степенью вероятности его результаты.

Поэтому применение научно необоснованных методов и средств, а также неприменение методов, соответствующих изученным закономерностям, не могут оправдать цели, ради которых действовал представитель медицинской профессии.

Таким образом, противоправным следует считать такое действие, совершенное медицинским работником в целях оказания лечебной помощи, которое не соответствует существующим в медицинской науке правилам и методам и находится в причинно-следственной связи с наступившими для пациента последствиями в виде смерти или ущерба его здоровью.

Правила науки – это уровень состояния медицины на определенном периоде её развития, в процессе которого вырабатываются новые правила и способы лечения, отвергаются старые положения и вносятся изменения в существующие методы и приёмы оказания лечебной помощи.

В то же время носителями медицинских знаний являются конкретные представители этой профессии, каждый из которых осуществляет практическое применение положений медицины в соответствии со своим опытом, приобретенными навыками и индивидуальными способностями.

Поэтому каждый медицинский работник должен обладать тем минимально-необходимым уровнем знаний, который определяется в соответствии с состоянием медицинской науки на том или ином этапе.

Оценка противоправности действий включает в себя и ещё один момент. Если уровень подлежащих применению медицинских знаний определяется самим действием, то характер и сфера их непосредственного применения определяется по отношению к субъекту этих действий.

Во-первых, сфера непосредственного применения минимально-необходимого уровня медицинских знаний, характер должного поведения медицинского работника определяются с учетом той профессиональной группы, к которой он относится.

Во-вторых, характер должного поведения медицинского работника определяется его профессиональной категорией: врач, медсестра, фельдшер. В пределах своей категории каждый из них обязан оказать непосредственную медицинскую помощь.

Поэтому для признания противоправным профессионального действия, причинившего общественно опасные последствия, совершенно не требуется, чтобы оно противоречило всем положениям медицины или их большинству. Вполне достаточно, если проверяемое действие не соответствует хотя бы одному из правил и методов, существующих в медицине, знание и главное, применение которых является для данного специалиста в

данном случае обязательным. При этом оценка профессионально-неправомерного действия медика не изменится от того, что последний очень хорошо знал, как нужно проводить то или иное лечебно-диагностическое мероприятие, но не воспользовался этими знаниями в силу своей невнимательности.

Таким образом, специфика медицинской деятельности заключается, в том, что область научного исследования и практики оказания лечебной помощи тесно переплетаются между собой, за невыполнение медиками профессиональных обязанностей установлена уголовная ответственность, при этом учитывается профессиональная группа и профессиональная категория, к которым они относятся, в отличие от других видов человеческой деятельности эта деятельность предполагает непосредственное воздействие на организм человека, так как медицина есть область науки и практическая деятельность, направленные на сохранение и укрепление здоровья людей, предупреждение и лечение болезней.

Литература

1.Оршанский, Л. Судебная ответственность врачей. Сборник статей. – М., Л.: Изд-во «Рабочий Суд», 1926. – С. 79-83.

2.Мохов А.А. Некачественное медицинское обслуживание как источник повышенной опасности для окружающих / А.А. Мохов // Современное право. – 2006. – № 10. – С. 2-6.

3.Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления / В.Н. Кудрявцев. – М.: Госюриздат, 1960. – С.117-125.

4.Бердичевский Ф.Ю. Уголовная ответственность медицинского персонала за нарушение профессиональных обязанностей / Ф.Ю. Бердичевский. – М.: 1970 – С.21

К ВОПРОСУ О КОРЫСТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШЕННЫХ С ПРИМЕНЕНИЕМ НАСИЛИЯ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ: В ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Буз С.И.
к.ю.н., доцент Краснодарского университета МВД России
Краснодар, Россия

Аннотация: Автором акцентируются вопросы соотносимости в истории и на современном этапе корыстно-насильственные преступления, посягающие на безопасность личности.

Ключевые слова: корыстно-насильственная преступность; безопасность личности; грабежи и разбои.

Abstract: Author is accent the questions in history and on the modern stage mercenarily-violent crimes trenching upon safety of personality.

Keywords: mercenarily-violent criminality; safety of personality; robberies and robberies.

Современное состояние криминогенной ситуации в России характеризуется сохранением негативных тенденций и процессов, связанных с преступностью. Это особенно проявляется в структуре корыстной преступности, совершаемой против личности с применением насилия. Так, среди всех преступлений, зарегистрированных в Российской Федерации за последние годы, удельный вес преступлений против собственности составляет около 60%.

Среди преступлений против собственности уже много лет самым распространенными являются кражи, а также грабежи и разбои чужого имущества, которые характеризуются повышенной степенью применения насилия. Общественная опасность данных преступлений заключается не только в их достаточно большой распространенности, но и в сопутствующем совершении тяжких преступлений, связанных с лишением жизни гражданина либо причинением тяжкого вреда здоровью.

Вопросы, связанные с противодействием преступности, и в частности кражам, всегда находятся в поле зрения органов внутренних дел, поскольку именно они от имени государства призваны обеспечивать сохранность имущества, независимо от форм собственности, от преступных посягательств. Вместе с тем актуальность борьбы с хищениями имущества вызывает необходимость в дополнительных исследованиях вопросов причин совершения краж и разработки мероприятий по их предупреждению. По мнению В.Д. Малкова, «эффективность этой борьбы во многом зависит от знания состояния и основных тенденций этих преступлений, понимания их причин, учета особенностей личности корыстного преступника».

В период существования Российской империи и в советский период корыстно-насильственные преступления доминировали в структуре преступности. Есть все основания полагать, что в обозримой перспективе положение не изменится.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что принимаемые меры по предупреждению, пресечению, расследованию и наказанию корыстно-насильственных преступлений пока не приносят удовлетворительного результата. Отсюда следует необходимость дополнительного изучения причин совершения указанных преступлений, состояния законодательного регулирования составов данных преступлений и ответственности за их совершение, а также соответствующей правоприменительной практики.

Исследуемые общественно опасные посягательства на собственность, как показывает практика, характеризуются высокой общественной опасностью - они отличаются значительной интенсивностью посягательств, что делает их достаточно результативными. Значительная часть этих деяний совершается преступными группами, их действия нередко носят многоэпизодный характер и в конечном итоге причиняют обществу значительный материальный ущерб. Поэтому расположение раздела о преступлениях в сфере экономики в Уголовном кодексе РФ – сразу после раз-

дела о преступлениях против личности – говорит об отношении законодателя к данной группе преступлений. Согласно современному представлению о системе социальных ценностей право собственности расценивается как важнейшее из социальных благ личности, следовательно, посягательства на это благо являются, в широком смысле, также посягательствами и на личность.

В следственной и судебной практике возникает немало спорных вопросов, связанных с применением квалифицирующих признаков корыстно - насильственных преступлений, что также требует своего научного осмысления.

Так, Договором 911 года предусматривалась защита собственности путем установления уголовно-правовой ответственности за хищение чужого имущества. В частности, за кражу наказание состояло в уплате штрафа в размере тройной стоимости украденной вещи. И в соответствии со ст. 7 Договора устанавливалась ответственность за насильственное присвоение чужой вещи (разбой и грабеж). Виновного и здесь ждало наказание в виде штрафа, равного тройной стоимости похищенной вещи. Так, в Договоре 944 года нормы имеют более совершенный вид - отрегулирован достаточно широкий круг вопросов взаимоотношений двух государств, причем акцент сделан на защиту собственности[1].

В следующем правовом акте – Русской Правде, содержащем нормы гражданского, уголовного и процессуального характера, термин «преступление» хотя и был известен в эпоху Русской Правды, но в самом сборнике не употреблялся, а под его понятием употреблялось слово «обида» – деяние, оцениваемое только по количеству вреда, нанесенного частному лицу против его имущественных или личных прав. Так, обиду составляло убийство, увечье, кража и т.д.

Русская Правда хотя и рассматривала посягательства на личность и имущество как обиду потерпевшего, это не означало, что понятию обиды был чужд социальный момент, поскольку критерии отнесения обиды к общественно опасному деянию, вид и размер наказания за нее устанавливались не произволом потерпевшего, а сложившимися обычаями.

С развитием государства эти обычаи получили значение обязательных норм, которые сейчас относят к сфере уголовного права. Частный момент в обиде просматривался в том, что преследование обидчика предоставлялось на усмотрение потерпевших и его близких родственников и должно было производиться большей частью ими самими, хотя и не всегда. Например, при розыске бежавшего раба или в случае кражи какой-либо вещи известное содействие оказывалось «вервью» – территориальной общиной. Община, к которой привел «след», должна была или отыскать преступника, или уплатить уголовный штраф потерпевшему.

Вместе с тем, в Русской Правде усматривается, что преступником может быть только лицо, обладающее свободной волей и сознанием. Зло-

деяния, совершаемые холопами, не считаются преступлениями и не влекут уголовных наказаний преступника. О возрасте субъекта в Русской Правде ничего не говорилось. Объектами преступления были личность и имущество. Объективная сторона преступления распадалась на две стадии: покушение на преступление и оконченное преступление. Субъектами преступления были все физические лица, включая холопов.

В целом же преступления против прав имущественных включали в себя и разбой (неотличимый еще от грабежа). Система штрафов в период Русской Правды показывает, что государство (князь, княжество) стремилось взять под более широкий контроль вопросы наказания за наиболее тяжкие преступления, о чем свидетельствуют нормы о денежных выплатах не только потерпевшему (частному лицу), но и в пользу власти, для которой данный вид наказания все более и более приобретал фискальный характер.

Судебник 1497 года законодательно закреплял распространение юрисдикции великого князя на всю территорию централизованного Российского государства и большинство его норм носит гражданско-процессуальный и уголовно - процессуальный характер. Однако есть и уголовно-правовые материальные нормы, хотя их сравнительно немного. Возможно, это связано с тем, что законодатель не хотел дублировать соответствующие положения Русской Правды и Псковской судной грамоты. Уголовно-правовые нормы в Судебнике разбросаны по всему его тексту. Положения Общей части уголовного права не выделяются. Однако в ряде норм наблюдается более высокая степень обобщения, чем в предшествующих правовых актах.

Таким образом, тяжкие преступления, совершаемые против личности с корытным мотивом, находили свое обобщенное законодательное определение – «лихое дело». Соответственно лица, их совершившие, именуются «лихими» людьми. Заметим также, что ответственность за совершение большинства преступлений предполагала дополнительное наказание в виде денежных выплат. Причем выплаты предназначались как в пользу государства, так и в пользу потерпевшей стороны, т.е. они состояли из штрафа (или конфискации имущества виновного) как дополнительного наказания и выплат в рамках гражданско-правовых отношений, которым, собственно, посвящено большинство норм Судебника.

Судебник 1550 года расширял круг регулируемых центральной властью вопросов, более четко формировалась социальная направленность наказания. Регламентация охватывала большую сферу уголовно-правовых имущественно - насильственных отношений. И в понятие субъекта преступления вводилось абсолютно новое понятие – «ведомо лихой человек». На основе этого практика выработала своеобразную форму судебного процесса – «облихование». Облихование порождало особый субъект – «лихого человека», его появление в деле придавало особую значимость данному

составу преступления. Если подозреваемого обвиняли в том, что он «ведомо лихой человек», то этого было достаточно для применения к нему пытки. К «лихим», т.е. особо опасным делам относились: разбой, грабеж, поджог, убийство, особые виды кражи (татьбы), заговор и мятеж. Однако не требовалось доказывать, что совершены определенные, конкретные преступления, достаточно было установить на основании опроса «лучших» людей, что обвиняемый был «ведомо лихим человеком». К «лучшим» людям относились боярские дети, дворяне, представители верхушки посада или крестьянской общины. Наказания за одни и те же преступления разнились – одни были для «лихих людей», другие – для «необлихованных»[2].

Данные преступления, как и потом в дореволюционной России, являлись основной специальностью профессиональных преступников. Деятели воровского мира, как отмечает В. Чалидзе, «в отличие от основной массы преступного слоя общества, лишь физически являются членами общества – внутренняя этика их мира требует их полной отдельности от общества, разрыва всех обычных социальных связей, как то связей семейных, обязательственных и т.п.», а также «лица, вполне пренебрегающие правом собственности, в известном смысле вообще отвергающие право собственности как социальный институт»[3].

Таким образом, считаем, есть необходимость и сегодня подойти к криминологической характеристике личности преступника с признаком исторического осмысления.

Литература:

1.Сергеевич В. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1910. С. 409.

2.Сергеевич В. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1910. С. 499.

3.Чалидзе В. Уголовная Россия. -М., 1990. С. 51.

О СПЕЦИАЛЬНО-КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ ЖЕНСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В ЮЖНОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Волобуева К.В.
адъюнкт Волгоградской академии МВД России

Аннотация: Статья рассматривает вопросы женской преступности. Анализируются специальные меры профилактики, меры специально-криминологического предупреждения женской преступности. Современные условия профилактической деятельности в России. Большое значение для специально-криминологического предупреждения женской преступности в ЮФО, эффективной профилактической работы несет координация и взаимодействие всех региональных и межрегиональных субъектов этой деятельности, находящихся на территории округа, независимо от ведомственной принадлежности, форм и методов их работы.

Ключевые слова: Женская преступность, профилактика, координация, взаимодействие правоохранительных органов.

Abstract: The article considers the questions of female crime. Analyses the special measures of prevention measures, specifically-of criminological prevention of female crime. Modern conditions of preventive activities in Russia. Of great importance for the specially-criminal science prevention of female crime in the southern Federal district, effective preventive work is coordination and cooperation of all regional and inter-regional subjects of this activity in the territory of the district, regardless of their departmental affiliation, forms and methods of their work.

The keywords: Female crime, prevention, coordination, interaction of law enforcement bodies

Для достижения положительных результатов в области предупреждения преступлений среди женщин, наряду с осуществлением общесоциальной профилактики, необходимо проводить специализированные и целенаправленные меры, ограничивающие и нейтрализующие проявление активности данного негативного феномена.

Являясь производным от общесоциальной профилактики специально-криминологическая деятельность использует антикриминогенный потенциал общественного развития в целом, способствуя ему, устраняя довольно значительные преграды на его пути.

Специально-криминологическое предупреждение преступности, в отличие от общесоциального, не распространяется на всю преступность в целом, а сосредоточено на конкретном ее виде. В нашем случае – на женской преступности в ЮФО.

Меры специально-криминологического предупреждения женской преступности должны учитывать характерные для регионов ЮФО реальные различия условий, традиций, установок поведения женщин с неодинаковым доходом, образованием, семейным положением, национально-культурными и расселенческими особенностями.

Одной из основных задач деятельности по предупреждению преступности среди женщин в ЮФО, а также реализации в целом стратегии предупреждения преступности должна стать организация объективного статистического учета.

Реализация задач, направленных на обеспечение «прозрачности» статистики, сыграет весьма важную роль в превенции женской преступности. При этом специфической чертой мероприятий, направленных на предупреждение криминальной активности населения, является то, что они своей целью имеют не столько воздействие на причины совершения преступлений, сколько направлены на устранение условий, влияющих на их мотивацию или способствующих их совершению.

Необходимо подчеркнуть, что в современных условиях профилактическая деятельность в России носит программный комплексный характер. В частности, в 82 субъектах Российской Федерации реализуются 242 региональные программы, направленные на профилактику преступлений и правонарушений, улучшение социального положения лиц, освободившихся из мест лишения свободы, их адаптацию и трудоустройство, противодействие алкоголизму и наркомании, детскому неблагополучию и т.п.

Большое значение для специально-криминологического предупреждения женской преступности в ЮФО, эффективной профилактической работы несет координация и взаимодействие всех региональных и межрегиональных субъектов этой деятельности, находящихся на территории округа, независимо от ведомственной принадлежности, форм и методов их работы.

В целях координации деятельности органов исполнительной власти при реализации мер в системе государственной профилактики правонарушений Постановлением Правительства Российской Федерации от 28 марта 2008 г. № 216 была образована Правительственная комиссия по профилактике правонарушений. В городах, сельских районах и муниципальных поселениях практически всех регионов России по состоянию на начало 2011 г. функционировало свыше 3,5 тыс. межведомственных комиссий по профилактике правонарушений.

Кроме того, в настоящее время создаются учреждения социального обслуживания, к которым относятся территориальные центры социальной помощи семье и детям, центры психолого-педагогической помощи населению, центры экстренной психологической помощи и др. По состоянию на 1 января 2011 года в ЮФО действует 41 учреждение для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации, 22 центра социальной помощи семье и детям, 4 отделения социальной помощи семье и детям в составе комплексных центров социального обслуживания, 30 служб реабилитации для женщин. Социальную поддержку и реабилитацию за 2010 год в них получили около 100 тысяч человек.

Основную нагрузку по проведению ранней профилактической работы, ее координации выполняют центры социальной помощи семье и детям. Специалистами центров социальной помощи семье и детям оказано около 500 тысяч социальных услуг, обслужено более 85 тыс. человек. В период с 2008 по 2010 год количество обслуженных человек возросло на 27%, оказанных услуг населению – на 30%. Анализ показывает, что в первом полугодии 2011 года специалистами учреждений оказано на 28% больше социально-психологических, на 22% социально-педагогических услуг, что свидетельствует о переориентации реабилитационного процесса на сохранение семьи, активизацию ее собственных ресурсов.

Основными получателями различных услуг государственных учреждений социального обслуживания семьи и детей являются женщины и дети. Ежегодно психолого-педагогическую, социально-правовую, социально-медицинскую, социально-экономическую помощь и поддержку центров социальной помощи семье и детям получают более 40 тыс. семей, в них около 60 тыс. несовершеннолетних. На учете в центрах социальной помощи семье и детям находится более 11 тыс. семей, в них около 20 тыс. детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, социально опасном положении; на социальном патронаже – около 3,5 тыс. семей, 6,3 тыс. детей.

В решении проблем женщин, оказавшихся в трудной жизненной ситуации и (или) подвергшихся насилию, большую роль играет оказание своевременной психологической помощи, которую оказывают службы «Телефон доверия». Они созданы и работают в 14 городах и районах ЮФО.

Ежегодно в службы экстренной психологической помощи по телефону поступает в среднем 25 тысяч звонков. Пострадавшим от жестокого обращения оказывается психологическая помощь, эмоциональная поддержка.

Особое внимание уделяются мероприятиям по обеспечению гендерного равенства в области занятости, а именно внедряются наиболее эффективные формы и методы стимулирования предпринимательской активности женщин. Наиболее действенной и востребованной мерой, направленной на смягчение социальных последствий безработицы, является профессиональное обучение безработных, в том числе женщин, по профессиям, пользующимся спросом на рынке труда и дающим возможность для самостоятельной занятости.

Так, за последние три года число безработных женщин, направленных на профессиональное обучение, составило свыше 62% от общего числа направленных на обучение безработных граждан. Проводится планомерная работа по открытию востребованных на рынке труда специальностей и программ дополнительной подготовки. В городах и районах округа службой занятости проведены специализированные ярмарки вакансий и учебных рабочих мест для женщин, а также мини-ярмарки, «Круглые столы» и семинары для работодателей. Совместно с органами исполнительной власти проводятся «Дни открытых дверей», «Дни карьеры», «Ярмарки специалистов». Традиционно организована и проведена специализированная выставка «Образование. Карьера. Общество», организованная в рамках форума «Создай себя сам».

Общеобразовательные учреждения округа принимают участие в эксперименте по введению профильного обучения, направленного на создание в общеобразовательных учреждениях условий для образования старшеклассников в соответствии с их интересами и намерениями в отношении продолжения образования и осуществления осознанного выбора учащими-

ся будущей профессии. Для девушек 9-11 классов в системе образования организовано обучение на уроках труда и физкультуры с учетом физиологических норм и социальных функций девушек этого возраста, а также проводится начальная профессиональная подготовка по специальностям швея-мотористка, повар-кондитер, секретарь-машинистка, делопроизводитель, парикмахер. В большинстве средних специальных учебных заведениях имеются психологические службы, работа которых направлена на психологическое просвещение, профилактику, диагностику, консультирование сотрудников, обучающихся и их родителей, психоразвивающую и коррекционную работу с незанятым населением.

В сфере укрепления здоровья и охрана труда организовывают контроль за проведением обязательных ежегодных медицинских осмотров женщин, занятых на работах с вредными (опасными) производственными факторами в муниципальных унитарных предприятиях и муниципальных учреждениях.

Специализированные учреждения оказывают помощь семьям, попавшим в трудную жизненную ситуацию путем предоставления необходимой социальной помощи, консультации психологов, социально-психологической помощи семьям.

Например, в Краснодарском центре социальной помощи семье и детям «Перекресток» с 2006 года действует «кризисное» отделение для женщин, подвергшихся семейному насилию, с круглосуточным пребыванием (на 16 мест). Женщины, ставшие жертвами психофизического насилия в семье, находящиеся в остром эмоциональном или психологическом кризисе, конфликтной ситуации, не допускающей проживания в семье, могут воспользоваться временным приютом, получить квалифицированную помощь специалистов. (98 человек, в т.ч. 53 человека в условиях стационара).

Статистика показывает, что основными проблемами обратившихся за помощью женщин, являются: жилищные проблемы, разного рода конфликтные ситуации (в семье, на службе и т.д.), угроза развода, развод, проблемы личностного характера, алкоголизм родных и близких.

Одной из эффективных форм профилактики семейного неблагополучия является работа родительских клубов, школ, групп взаимоподдержки, созданных на базе учреждений социального обслуживания семьи и детей. Проведение мероприятий семейной направленности позволяет привлечь к проблеме организации досуга и развития ребенка его родителей. При этом создается и поддерживается ситуация семейной общности, опыта совместного взаимодействия, формируются социально одобряемые семейные ценности и традиции.

Одним из примеров проведения мероприятий по профилактике семейной жестокости является деятельность Департамента социальной защиты населения Краснодарского края, которым осуществляется монито-

ринг количества неблагополучных семей с детьми, ведется учет фактов жестокого обращения с детьми, принятие мер к родителям, не выполняющим обязанности по воспитанию своих детей. По ст. 156 Уголовного Кодекса РФ (невыполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, сопряженное с жестоким обращением) в крае в 2010 году привлечено к уголовной ответственности 159 лиц, что на 56% больше, чем в 2009 году. За жестокое обращение с детьми на учетах в образовательных учреждениях края состоят 111 родителей, с которыми проводится социально-психологическими службами индивидуальная профилактическая работа. Организована работа родительского всеобуча по вопросам воспитания детей.

Говоря о необходимости введения новых форм профилактической работы с семьями и детьми, находящимися в социально опасном положении, для своевременного выявления и коррекции проблем на ранней стадии социального неблагополучия, мы солидарны с точкой зрения, что в этом вопросе следует обеспечить продвижение в нескольких направлениях:

1) разрешение семейно-бытовых конфликтов на профессиональном уровне;

2) повышение уровня культуры семьи и особенно внутрисемейного общения;

3) принятие мер к оздоровлению среды, которая окружает семью;

4) принятие предусмотренных законом мер к родителям, ведущим антиобщественный образ жизни и не обеспечивающим должного воспитания детей.

В этой связи считаем необходимым расширить профилактические функции органов опеки и попечительства в ЮФО. Важно добиться полноты выявления и учета лиц с психическими аномалиями, чье поведение и образ жизни чреваты возможностью совершения насильственных преступлений, а затем принимать по отношению к ним действенные меры профилактического характера.

Таким образом, проведенное исследование показало, что в настоящее время в ЮФО государственные и общественные организации активно подключаются к мероприятиям, направленным на профилактику и предупреждение женской преступности. И данная деятельность приносит свои плоды.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА АПАРТЕИД

Гигинейшвили М.Т.,
преподаватель кафедры международного права
Северо-Кавказского филиала Российской академии правосудия
Краснодар, Россия
Деметриус Андреас Флудас,
доцент колледжа Хьюз Холл Кембриджского университета,
доцент Афинского института международного и зарубежного права,
доцент Британской академии экспертов, адвокат Афинской
палаты адвокатов, Греция

Аннотация. В статье прослеживается процесс становления и развития регламентации ответственности за апартеид в международном уголовном праве. Первоначально рассматривавшийся как разновидность внутренней политики государства, в 1973 г. он был криминализован на конвенционном уровне, а в XXI в. окончательно закреплен в качестве преступления, заняв в Римском Статуте место в системе преступлений против человечности

Ключевые слова: преступления против человечности, апартеид, Римский статут, международная конвенция, международное уголовное право

Abstract. The article discusses the process of formation and development of the rules of liability for apartheid in international criminal law. Originally races-сматривавшийся as a kind of internal policy of the state, in 1973, he was криминализован at the Convention level, and in the XXI century. finally secured a crime, taking in the Rome Statute of the place in the system of crimes against humanity-STI

Keywords: crimes against humanity of apartheid, the Rome Statute, the international Convention, international criminal law

В XXI в. мировое сообщество окончательно закрепило апартеид в качестве преступления, определив ему в Римском Статуте место в системе преступлений против человечности [1]. Трудно представить, что еще полвека назад режим апартеида находился в стадии расцвета, и никакая реальная ответственность за него не была предусмотрена.

Безнаказанность за апартеид была вызвана двумя основными причинами.

Во-первых, «апартеид», как «политика институционализированного расистского доминирования и эксплуатации» [2] приводился в жизнь Националистической Партией Южной Африки во главе с П. У. Ботой с момента победы на выборах в 1948 г. [3] Сложно представить государство, «криминализировавшее собственный политический курс». Следовательно,

на уровне внутринациональной территориальной юрисдикции апартеид не пресекался, и тем более не считался преступлением. Напротив, существовал целый ряд законодательных актов, регламентировавших раздельное проживание, обучение, социальное обеспечение, недопущение кровосмешения и т. д. [4]

Во-вторых, у мирового сообщества долгое время были связаны руки. Препятствием к принятию каких-либо мер являлся основополагающий принцип международного права, провозглашенный Уставом ООН, – принцип невмешательства во внутренние дела государства [5]. В силу этого ЮАС долгое время игнорировал всяческие призывы Генеральной Ассамблеи, ссылаясь на свой государственный суверенитет [6].

Первыми вопрос о неправомерности расовой сегрегации (*на тот момент мировое сообщество не имело четкого определения апартеида и употребляло данное понятие, как синоним расовой сегрегации)* перед ООН поставили Индия и Пакистан [7] в 1950 г. В дальнейшем в течение многих лет мировое сообщество, к сожалению, не принимало нужных эффективных мер и пыталось пресечь режим апартеида в ЮАС путем издания многочисленных резолюций - актов мягкого права, имеющих лишь рекомендательный характер.

Серьезным поводом для созыва Совет Безопасности стал расстрел мирных демонстрантов в Шарпевиле 21 марта 1960 г [8]. По итогам его заседания была принята резолюция 134, в которой говорится, что «положение в ЮАС привело к международным трениям и, если оно будет продолжаться, может поставить под угрозу международный мир и безопасность» [9]. Расовая политика ЮАС признана причиной кровопролитных событий [10]. Несмотря на серьезные обвинения, ООН ограничилась лишь призывом «принять меры, направленные на достижение расового согласия… и отказаться от политики апартеида и расовой дискриминации» [11]. Резолюция не предусматривала никаких санкций в отношении ЮАС.

В 1962 г. Генеральной Ассамблеей ООН в резолюции №1761 было подчеркнуто, что политика апартеида является угрозой международному миру и безопасности [12]. В резолюциях 32/105/Е и 32/105/К имеется указание на «расистский режим, который продолжает политику апартеида и расовой дискриминации». [13] Из вышесказанного следует, что международное сообщество длительное время не рассматривало апартеид как преступное деяние. Поскольку наказание возможно только при наличии преступления и закона, о чем свидетельствует еще принцип римского права «*nullum crimen sine poena, nulla poena sine lege»,* то ни нормы международного, ни нормы национального права напрямую не предусматривали ответственность за апартеид.

Только в дальнейшем в 1966 г. Генеральная Ассамблея ООН в резолюции 2202 осудила «политику апартеида как преступление против человечества» [14]. Этот момент можно считать переломным в международной

борьбе против апартеида. Признание апартеида в качестве преступления против человечества давало широкий простор для деятельности ООН. Южная Африка более не вправе была прикрываться национальным суверенитетом.

Полное легальное определение преступления апартеида появилось в 1973 г., когда Генеральная Ассамблея ООН своей резолюцией 3068 приняла Международную конвенцию о пресечении преступления апартеида и наказания за него [15]. Данная Конвенция была разработана по инициативе Советского Союза, Гвинеи и Нигерии. Идея разработки Конвенции получила поддержку подавляющего большинства государств, в первую очередь социалистических и развивающихся [16].

Согласно ст. 2 Конвенции «термин "преступление апартеида", который включает сходную с ним политику и практику расовой сегрегации и дискриминации…, означает такие бесчеловечные акты, как лишения члена или членов расовой группы права на жизнь и свободу личности, умышленное создание для расовой группы или групп таких жизненных условий, которые рассчитаны на ее или их полное или частичное физическое уничтожение…, совершаемые с целью установления и поддержания господства одной расовой группы людей над какой–либо другой расовой группой людей и ее систематического угнетения».[17]

Вышеуказанная Конвенция предусмотрела универсальную юрисдикцию. Статья 5 гласит: «Лица, которым предъявлено обвинение в совершении актов, перечисленных в статье 2 настоящей Конвенции, могут предаваться компетентному суду любого государства — участника настоящей Конвенции, которое может приобретать юрисдикцию над личностью обвиняемых, или международному уголовному трибуналу, который может располагать юрисдикцией в отношении тех государств–участников, которые согласятся с его юрисдикцией».

Нет сомнения в том, что принятие Конвенции и криминализация апартеида в международном праве стали прорывом как в политике, международных отношениях, так и в юридической технике.

Ни без поддержки мирового сообщества окончательно режим апартеида в ЮАР пал в 1994 г., когда Нельсон Мандела был избран президентом [18].

Далее, в 1995 г. во время рассмотрения Комиссией международного права Проекта кодекса преступлений против мира и безопасности человечества высказывались точки зрения, с которыми мы не можем согласиться. Хотя изначально Проект содержал отдельную статью, посвященную апартеиду (статья 20), два правительства предлагали исключить апартеид из Проекта за ненадобностью, ведь он был ликвидирован в той единственной стране, где существовал [19]. Мы считаем: тот факт, что режим апартеида пал в ЮАР, не означает, что подобное не может повториться снова. По мнению двух других правительств, апартеид относится к разряду «систе-

матических и массовых» нарушений прав человека, предусмотренных проектом статьи 21 [20]. Но данный Проект так и остался в черновом варианте и не приобрел юридической силы. Зато в 2002 г. вступивший в силу Римский статут Международного уголовного суда закрепил апартеид как один из видов преступления против человечности. Согласно ст. 7 Римского статута «преступление апартеида означает бесчеловечные действия, совершаемые в контексте институционализированного режима систематического угнетения и господства одной расовой группы над другой расовой группой или группами и совершаемые с целью сохранения такого режима» [21]. Статья 77 Статута предусматривает закрытый перечень мер наказания. К ним относятся «лишение свободы на определенный срок, исчисляемый в количестве лет, которое не превышает максимального количества в 30 лет, или пожизненное лишение свободы в тех случаях, когда это оправдано исключительно тяжким характером преступления и индивидуальными обстоятельствами лица, признанного виновным в его совершении»[22].

Помимо лишения свободы, Суд может назначить «штраф и (или) конфискацию доходов, имущества и активов, полученных прямо или косвенно в результате преступления, без ущерба для прав bona fide третьих сторон» [23]. Более того, ратификация Статута налагает на государства обязательство имплементировать его номы в национальное законодательство.

Таким образом, можно подвести итог, что апартеид, изначально рассматривавшийся в качестве внутренней политики государства, долгое время оставался безнаказанным. В 1960-е годы за апартеид предусматривалась исключительно политическая ответственность государства. С 1973 г. после криминализации апартеида на конвенционном уровне можно говорить об установлении уголовной ответственности за данное преступное деяние. В настоящее время апартеид является признанным преступлением против человечности. Наказание за него предусмотрено как на международном уровне в Римском статуте Международного уголовного суда, так и на национальном уровне в законодательстве многих государств. К сожалению, УК РФ не содержит данный состав преступления, следовательно, отсутствует и санкция. Но мы надеемся, что законодатель пойдет по пути заимствования международной практики и в ближайшем будущем имплементирует данный состав в Особенную часть Уголовного кодекса РФ.

Литература:

1.Римский статут международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. // www.un.org/russian/law/icc/rome_statute(r).pdf 09 декабря 2011 г.

2.Draft. The Lagos Declaration for action against apartheid от 25 августа1977 г. // http://www.disa.ukzn.ac.za/index.php?option=com_displaydc&recordID=res19770825.026.021.000 09 декабря 2011 г.

3.Политические партии: Справочник / Под общ. ред. В. В. Загладина , Г. А. Киселева. М., 1981. С.253.

4.Терешкин Д. В. Политический режим апартеида в ЮАР (теоретический и историко-правовой анализ): Дис. … канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2007. С. 109 .

5.Устав Организации Объединенных Наций от 26 июня 1945 г. // Правила процедуры Генеральной Ассамблеи. Нью-Йорк, 1979. С. 1-47.

6.Ampiah Kweku. The dynamics of Japan's relations with Africa: South Africa, Tanzania and Nigeria. London, 1997. p. 147.

7.Резолюция ГА ООН от 14.12.1950 // http://www.un.org/ru/documents/ 09 декабря 2011 г.

8.Амброз Ривз. Шарпевильский расстрел - водораздел в истории Южной Африки // http://scepsis.ru/library/id_2803.html 09 декабря 2011 г.

9.Резолюция СБ ООН 134 от 01.04.1960 г. // http://www.un.org/russian/documen/scresol/1960/res134.pdf 09 декабря 2011 г.

10.Там же.

11.Там же.

12.GA Resolution 1761 от 6 ноября 1962. http://www.un.org/documents/resga.htm 09 ноября 2010 г.

13.GA Resolution A/Res/32/105E// от 14 декабря 1977 г. //http://www.un.org/documents/resga.htm 09 ноября 2010 г.; GA Resolution A/Res/32/105K от 14 декабря 1977 г. //http://www.un.org/documents/resga.htm 09 ноября 2010 г.

14.Резолюция ГА ООН 2202 от 16.12.1966 http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/787/96/IMG/NR078796.pdf?OpenElement 09 октября 2011 г.

15.M. Cherif Bassiouni. International Criminal Law: Multilateral and Bilateral enforcement mechanism. Leiden: Martinus Njihof publishers. 2008. p. 179.

16.Решетов Ю.А. Борьба с международными преступлениями против мира и безопасности. М., 1983. // http://polbu.ru/reshetov_struggle/ 09 ноября 2010 г.

17.Международная конвенция о пресечении преступления апартеида и наказания за него.

18.Информация с официального сайта ООН // http://www.un.org/en/events/mandeladay/apartheid.shtml 09 декабря 2011 г.

19.Тринадцатый доклад о Проекте кодекса преступлений против мира и безопасности человечества от 24.03.1995 //http://www.un.org/ru/documents/ 9 декабря 2011 г.

20.Там же.

21.Римский статут международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. // www.un.org/russian/law/icc/rome_statute(r).pdf 09 декабря 2011 г.

22.Римский статут международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. // www.un.org/russian/law/icc/rome_statute(r).pdf 18 декабря 2011 г.

23.Там же.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ НОВЕЛЛЫ В СФЕРЕ УСТАНОВЛЕНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УКЛОНЕНИЕ ОТ УБЫВАНИЯ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ И ИНЫХ МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА (ст.314 УК РФ)

Губко И.В.
преподаватель Северо-Кавказского филиала Российской академии правосудия, аспирант Кубанского государственного университета
Краснодар, Россия

Аннотация: автор рассматривает новые подходы к регламентации ответственности за уклонение от отбывания уголовного наказания и иных мер уголовно-правового характера и показывает недостатки этих законодательных решений

Ключевые слова: исправительное учреждение, ограничение свободы, больной наркоманией, отсрочка исполнения приговора, отсрочка отбывания наказания

Abstract: the author considers new approaches to a regulation of responsibility for evasion from serving of criminal punishment and other measures of criminal and legal character and shows shortcomings of these legislative decisions

The keywords: correctional facility, restriction of freedom, sick with drug addiction, delay of execution of a sentence, delay of serving of punishment

Законодатель в рамках масштабного изменения уголовного законодательства в 2001 - 2011 г.г. внес существенные изменения в содержание составов трех видов преступлений, предусмотренных статьей 314 УК РФ. В действующей редакции они связаны с неисполнением установленных судом соответствующих запретов или возложенных обязанностей:

а) часть 1 ст. 314 УК - злостное уклонение лица, осужденного к ограничению свободы, от отбывания наказания;

б) невозвращение в исправительное учреждение лица, осужденного к лишению свободы, которому разрешен выезд за пределы исправительного учреждения, по истечению срока выезда либо неявка в соответствующий орган уголовно-исполнительной системы лица, осужденного к лишению свободы, которому предоставлена отсрочка исполнения приговора или отбывания наказания, по истечению срока отсрочки;

в) уклонение лица, страдающего расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости, от применения к нему принудительных мер медицинского характера.

Каждое из этих преступлений по внешнему выражению, т. е. по содержанию объективной стороны, сходны, характеризуются невыполнени-

ем запретов или обязанностей, установленных судом для конкретного лица[1]. В то же время каждое из них обладает своими специфическими особенностями, различной юридической природой оснований возникновения запретов или обязанностей.

1. Объективная сторона состава «злостного уклонения лица, осужденного к ограничению свободы, от отбывания наказания» (ч. 1 ст. 314 УК РФ) может быть охарактеризована путем уяснения сути этого вида наказания, определенного в ст. 53 УК РФ. Следовательно, диспозиция нормы имеет отсылочный характер и ст. 53 УК определяет содержание объективной стороны состава преступления. В соответствии с буквальным толкованием содержания ч. 1 ст. 314 УК РФ, нарушение любого ограничения, назначенного судом в качестве дополнительного наказания, является основанием привлечения лица к уголовной ответственности. Изучение судебной практики показывает, что суды никогда не ограничиваются при назначении наказания одним запретом или обязанностью из числа предусмотренных ст. 53 УК РФ.

Криминализация злостного уклонения осужденного от отбывания дополнительного наказания в виде ограничения свободы в теории уголовного права воспринята неоднозначно. Вопросы возникают, прежде всего, в связи с содержанием этого вида наказания. Статья 53 УК РФ (в новой ее редакции) включена в уголовное законодательство Федеральным законом от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ[2]. Законодатель кардинально изменил прежнее содержания этого наказания[3]. Действующая редакция ст. 53 УК РФ определяет ограничение свободы как вид уголовного наказания, заключающийся в установлении судом для осужденного совокупности обязанностей и запретов. Они исполняются осужденным без изоляции от общества под надзором специализированного государственного органа[4]. Анализ ч. 1 ст. 314 УК и положений, содержащихся в ч.1 и ч. 2 ст. 53 УК, позволяет сделать вывод, что состав преступления формальный. Поэтому его объективную сторону характеризует деяние, которое может выступать в форме *действия* или *бездействия.*

Поведение виновного в *форме действия* имеет место тогда, когда он нарушает запреты, возложенные на него судом:

- не изменять место жительства или пребывания без согласия специализированного государственного органа;
- пребывание в определенном месте без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы;
- не выезжать за пределы территории соответствующего муниципального образования;
- не уходить из дома (квартиры, иного жилища) в определенное время суток;

- не посещать определенные места, расположенные в пределах территории соответствующего муниципального образования;

- не выезжать за пределы территории соответствующего муниципального образования;

- не посещать места проведения массовых и иных мероприятий и не участвовать в указанных мероприятиях;

- не изменять место работы и (или) учебы без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы.

Поведение виновного *в форме бездействия* имеет место тогда, когда он не выполняет обязанность, возложенную на него судом: - до четырех раз в месяц являться для регистрации в специализированный государственный орган, осуществляющий надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы.

Срок отбывания данного вида наказания в качестве дополнительного может составлять от 6-ти месяцев до 2-х лет.

В литературе высказано мнение, что перечень возможных запретов и обязанностей не является достаточным. Он может быть дополнен, например, ограничением общения с определёнными людьми. Дополнение ч. 1 ст. 53 УК РФ положением о возможности применении судом к осужденному иных запретов и возложении на него иных обязанностей, которые, по мнению суда, будут способствовать исправлению лица и восстановлению социальной справедливости, послужат большей индивидуализации наказания. А это, естественно, отразится положительно на достижении целей наказания.

Обязательным признаком объективной стороны состава является признак - *злостность уклонения.* Законодатель довольно часто употребляет этот термин при конструировании составов преступлений, однако конкретного определения не дает. В постановлении Пленума Верховного суда РСФСР от 19 марта 1969 г. отмечено, что признак злостности уклонения должен решаться судом в каждом конкретном случае «с учетом продолжительности и причин уклонения и всех других обстоятельств дела»[5]. О злостности уклонения могут свидетельствовать также повторность совершения аналогичного преступления, уклонение, несмотря на вынесенное лицу предупреждение, розыск лица, сокрытия им своего места нахождения и т. д.

В теоретических работах авторы признак «злостности» излагают в полном соответствии с редакцией, предложенной в данном постановлении[6].

Как нам представляется, подобная неопределенность признака, лежащего в основе привлечения лица к уголовной ответственности, не способствует реализации принципов законности и справедливости. Ограничение свободы как вид наказания направлен, прежде всего, на перевоспита-

ние преступника, создание возможности для осужденного использовать второй шанс. Этой цели, помимо прочего, служат социальные связи лица: семья, работа, учёба и др. Сохранение социально полезных связей будет способствовать исправлению осужденного. *Привлечение его к уголовной ответственности должно быть крайней мерой.* Поэтому признак злостности необходимо четко конкретизировать, связав его с административным принуждением. По нашему мнению, уклонение от отбывания ограничения свободы может быть признано злостным, если лицо дважды привлекалось к административной ответственности в течение ста восьмидесяти дней. Поэтому ст. 314 УК РФ целесообразно дополнить примечанием следующего характера: *уклонение от отбывания ограничения свободы признается злостным, если лицо дважды привлекалось к административной ответственности в течение ста восьмидесяти дней.*

2. Объективная сторона состава невозвращения в исправительное учреждение лица, осужденного к лишению свободы, которому разрешен выезд за пределы исправительного учреждения, по истечению срока выезда либо неявка в соответствующий орган уголовно-исполнительной системы лица, осужденного к лишению свободы, которому предоставлена отсрочка исполнения приговора или отбывания наказания, по истечению отсрочки. Состав преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 314 УК, включает два вида общественно опасного поведения, выраженного в форме бездействия, т. е. неисполнение обязанностей, возложенных на конкретное лицо. При этом необходимо иметь в виду, что юридическая природа обязанностей разная. Так, *первый вид обязанностей*, возложенных на конкретное лицо, порожден уголовно-исполнительным законодательством (ст. 97 и ст. 113 УИК РФ). *Второй вид обязанностей*, возложенных на конкретное лицо, порожден – уголовным и уголовно-процессуальным законодательством (ст. 82 УК РФ и ст. ст. 397, 398 УПК РФ). В соответствии с этим данную норму целесообразно разделить и сформулировать самостоятельные составы.

Первый вид поведения заключается в том, что лицу, осужденному к лишению свободы, разрешен выезд за пределы исправительного учреждения. Однако оно по истечению срока выезда не возвращается в исправительное учреждение[7]. Причем, в данном случае лицо, которому в качестве поощрения в соответствии с положениями ст. 97 и ст. 113 УИК РФ предоставлен выезд за пределы исправительного учреждения, *без наличия исключительных обстоятельств* не возвращается в установленный срок. В этом случае осужденный подлежит задержанию органом внутренних дел с санкции суда на срок не более 30 суток для решения вопроса о направлении его к месту отбывания наказания под конвоем или привлечении к уголовной ответственности. Следовательно, законодатель предусматривает возможность альтернативного решения, поэтому в уголовно-правовой норме данное положение должно найти отражение. В условиях либерали-

зации уголовно-правовой политики вряд ли за подобное поведение целесообразно устанавливать уголовную ответственность. Лицо следует направить к месту отбывания наказания под конвоем и принять меры взыскания, предусмотренные ст. 115 УИК РФ.

Второй вид поведения заключается в том, что лицо, осужденное к лишению свободы, которому предоставлена отсрочка исполнения приговора или отбывания наказания, не является в соответствующий орган уголовно-исполнительной системы по истечению срока отсрочки. Для обоснования привлечения лица к уголовной ответственности необходимо проанализировать ст. 82, ст. 82^1 УК РФ, а также п. п. 17 и 17^1 ст. 397 и ст. 398 УПК РФ. Редакция данной части диспозиции ст. 314 УК РФ также требует уточнения. В действующем законодательном понятии отсрочки отбывания наказания в виде лишения свободы лицо, к которому она применена, при выполнении правил отсрочки не может быть направлено в исправительное учреждение. В соответствии с п. 17 ст. 397 УПК РФ суд *может* (диспозитивная норма) отменить отсрочку отбывания наказания. И только *после отмены судом отсрочки* отбывания наказания в виде лишения свободы в связи с отказом осужденного от ребенка или уклонением от обязанностей по воспитанию ребенка после соответствующего предупреждения суд может направить осужденного в определенное в приговоре исправительное учреждение. И если лицо не явится в соответствующий орган уголовно-исполнительной системы, то оно привлекается к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 314 УК РФ. Наказание ему будет назначено по правилам совокупности преступлений (ст. 70 УК РФ). Гуманное решение законодателя об отсрочке исполнения наказания определенной категории лиц при наличии особо смягчающих обстоятельств на самом деле превращается для них в *существенное усиление ответственности.*

С учетом этого мы полагаем, если оставлять этот состав преступления в УК РФ, то необходимо согласовать нормы Общей части УК РФ и УПК РФ. Причем изложить этот состав в отдельной части ст. 314 УК РФ. В редакции ч. 2 ст. 314 УК РФ необходимо акцентировать внимание на то обстоятельство, что отсрочка судом отменена – *неявка в соответствующий орган уголовно-исполнительной системы лица, осужденного к лишению свободы с отсрочкой отбывания наказания, после отмены судом отсрочки отбывания наказания.*

3. В действующий УК РФ законодатель включил *новый вид отсрочки отбывания наказания*[8]. Статья 82^1 УК устанавливает, что осужденному к лишению свободы, признанному больным наркоманией, суд может отсрочить отбывание наказания в виде лишения свободы до окончания лечения и медико-социальной реабилитации, но не более чем на пять лет. Основанием применения отсрочки отбывания наказания является «основанная на материалах уголовного дела убежденность суда в возможности достижения целей наказания без реального его отбывания»[9]. При этом

закон предусматривает несколько обязательных условий, необходимых для применения отсрочки. *Во-первых*, преступление должно быть совершено впервые. *Во-вторых*, преступление, которое совершил осужденный, входит в установленный законом перечень, являющийся исчерпывающим. В законе перечислены преступления, ответственность за которые предусмотрена ч. 1 ст. 228, ч.1 ст. 231, ст. 233 УК РФ, т. е. преступления, отнесенные к категории небольшой тяжести. *В-третьих*, лицо осуждено к лишению свободы, а не к иному виду уголовного наказания. *В-четвертых,* осужденный изъявил желание добровольно пройти курс лечения от наркомании, а также медико-социальную реабилитацию.

Отсрочка отбывания наказания может быть применена судом при вынесении приговора в судебном заседании. При этом осужденный сразу ставится на учет в уголовно-исполнительной инспекции, которая осуществляет контроль за выполнением осужденным установленных законом правил отсрочки отбывания наказания. Суд может также применить отсрочку отбывания оставшейся части наказания лицу, находящемуся в исправительном учреждении (ч.3 ст. 82^1 УК). В таком случае администрация исправительного учреждения, получив решение суда, в соответствии с ч.2 ст. 178^1 УИК РФ, освобождает осужденного и направляет его по месту жительства. При этом обязывает в трехдневный срок явиться в уголовно-исполнительную инспекцию для постановки на учет, которая будет осуществлять контроль за прохождением курса лечения от наркомании, а также медико-социальной реабилитацией. Если осужденный в двухнедельный срок со дня его освобождения из исправительного учреждения не явился для постановки на учет в уголовно-исполнительную инспекцию, то последняя осуществляет розыскные мероприятия по установлению осужденного. Аналогичные действия должны быть осуществлены и в случае, если уже поставленный на учет осужденный скрывается от контроля. При установлении данного лица оно может быть задержано на 48 часов. Этот срок в соответствии ч. 9 ст. 178^1 УИК РФ может быть продлен до 30 суток.

Отсрочка отбывания наказания лицу, признанному больным наркоманией, может быть отменена в следующих случаях: оно отказалось от прохождения курса лечения от наркомании, а также медико-социальной реабилитации; оно уклоняется от лечения после предупреждения, объявленного органом, осуществляющим контроль за поведением осужденного. Уклонение от курса лечения может быть выражено в непосещении лечебного учреждения или медико-социальной реабилитации, либо лицо самовольно его покидает. К уклонению от лечения приравнивается употребление наркотиков, систематическое потребление спиртных напитков, одурманивающих веществ, невыполнение повторного предписания лечащего врача. В этих случаях суд по представлению этого органа отменяет отсрочку отбывания наказания и направляет осужденного для отбывания наказания в место, назначенное в соответствии с приговором суда (ч. 2 ст. 82^1

УК РФ). По логике, если лицо, признанное больным наркоманией, не является в исправительное учреждение, оно также подлежит уголовной ответственности по ч. 2 ст. 314 УК РФ. Наказание ему будет назначено по правилам совокупности преступлений (ст. 70 УК РФ).

Как нам представляется, целесообразность установления уголовной ответственности за уклонение от явки в исправительное учреждение после отмены отсрочки отбывания наказания сомнительна. При этом необходимо также иметь в виду, что речь идет о лицах, совершивших преступления небольшой и средней тяжести, причем, впервые. Ведь в конечном итоге получается, что гуманное решение законодателя оборачивается усилением уголовной ответственности для лица, которому отсрочено исполнение наказания. И нельзя не согласиться с мнением профессора Э. Жевлакова, что «явление это, несмотря на определенный опыт зарубежного законодателя, в настоящем виде имеет социально-политическое (в плане демонстрации политики гуманизации уголовного законодательства), а не практическое значение»[10].

3. Объективная сторона состава уклонение лица, страдающего расстройством сексуального предпочтения (педофилией) – ч. 3 ст. 314 УК РФ, не исключающим вменяемости, заключается в невыполнении решения суда о применении к нему принудительных мер медицинского характера. Эта обязанность предусмотрена п. «д» ч. 1 ст. 97 УК РФ. Данная норма гласит, что принудительные меры медицинского характера могут быть назначены судом лицам, совершившим в возрасте старше восемнадцати лет преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего четырнадцатилетнего возраста, и страдающим расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости. Порядок применения этих мер уголовно-правового характера регламентирован п. 2^1 ст. 102 УК РФ. Принудительные меры медицинского характера применяются к данной категории лиц в период условно-досрочного освобождения или в период отбывания более мягкого вида наказания, а также после отбытия наказания.

Литература:

1.См.: Тепляшин П. В. Преступления против правосудия. Красноярск, 2004.

2.См.: Сборник законодательств Российской Федерации. 2009. № 52 (ч.1). Ст. 6453.

3.См.: Верина Г. Ограничение свободы как вид наказания в свете законодательных новелл //Уголовное право. 2010. № 5. С. 8-10; Шишкин С. И. Ограничение свободы как вид уголовного наказания: особенности, противоречия, перспективы. //Вестник Российской правовой академии. М.. 2010. № 1 С. 62-63.

4.См.: Егорова Н. А. «Ограничение свободы как вид наказания: проблемы и перспективы» //Всероссийская научно-практическая конференция «Современные проблемы противодействия преступности» (22-24 июня 2010 г., ВА МВД России).

5.См.: Постановление Пленума Верховного суда РСФСР от 19 марта 1969 г. №46 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 122 УК

РСФСР»// Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации). М., 1999. С. 134.

6.См.: Полный курс уголовного права. Том 2. СПб., 2008. С. 663; Курс уголовного права. Том 3. Особенная часть. М., 2002. С. 383.

7.См.: *Тепляшин П. В.* Уголовная ответственность за уклонение от отбывания лишения свободы: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. Омск, 2002

8.См.: Федеральный закон от 7 декабря 2011г. № 420- ФЗ.

9.См.: *Жевлаков Э.* Отсрочка отбывания наказания больным наркоманией //Уголовное право. № 3. 2012. С. 23.

10.См.: *Жевлаков Э.* Указ. работа, С. 28.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ХИЩЕНИЯ ПРЕДМЕТОВ, ИМЕЮЩИХ ОСОБУЮ ЦЕННОСТЬ

Дербок З.Г.
соискатель Кубанского государственного университета
Краснодар, Россия

Аннотация: В статье осуществлен анализ положений международно-правовых актов, формирующих фундамент для решения вопросов криминализации деяний, посягающих на культурные ценности (в том числе их хищений), в национальном уголовном законодательстве.

Ключевые слова: криминализация, международно-правовые основания криминализации, культурные ценности, международные Конвенции, хищение предметов, имеющих особую ценность.

Abstract: In article the analysis of positions of the international legal certificates forming the base to the decision of questions of criminalization of acts, encroaching on cultural values (including their plunders), in the national criminal legislation is carried out.

Keywords: criminalization, the international legal bases of criminalization, cultural values, the international Conventions, plunder of the subjects having special value.

Незаконные действия с культурными ценностями относятся к группе преступлений международного характера, или так называемых конвенционных преступлений[1]. Как отмечается в специальной литературе, такие преступления «чаще всего посягают на внутригосударственный, национальный правопорядок. Одновременно они затрагивают интересы других стран или международного сообщества»[2]. Посягательства на культурные ценности вполне справедливо отнесены к названной группе, поскольку эти предметы являются в нравственном смысле всеобщим достоянием человечества независимо от государственных границ, национальной принадлежности создателей и лиц, их воспринимающих, а также от местоположения музеев, хранилищ и гражданства владельцев.

Так, ст. 2 Конвенции о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности, от 14 ноября 1970 года содержит положение о том, что государства—участники Конвенции признают, что незаконные ввоз, вывоз и передача права собственности на культурные ценности являются одной из главных причин обеднения культурного наследия стран происхождения этих ценностей и что международное сотрудничество является одним из наиболее действенных средств обеспечения охраны принадлежащих им культурных ценностей от всех связанных с этим опасностей[3].

В международном уголовном праве указанные деяния отнесены к группе преступлений против здоровья населения и общественной нравственности[4].

Соответственно, в процессе криминализации посягательств, связанных с культурными ценностями, законодатели государств должны опираться на определенные международно-правовые акты, принятые для регулирования вопросов наказуемости этих деяний. В них и заложены международно-правовые основы криминализации посягательств на культурные ценности.

К числу таких актов относятся, в частности, Гаагская конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта от 14 мая 1954 года[5]; Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности, от 14 ноября 1970 года; Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия от 16 ноября 1972 года[6]; Европейская конвенция о правонарушениях, связанных с культурной собственностью, от 23 июня 1985 года[7].

Так, в Гаагской конвенции 1954 года содержится понятие культурных ценностей. Согласно ст.1 ими признаются (независимо от происхождения и владельца): а) ценности, движимые или недвижимые, которые имеют большое значение для культурного наследия каждого народа, такие как памятники архитектуры, искусства или истории, религиозные или светские, археологические месторасположения, архитектурные ансамбли, которые в качестве таковых представляют исторический или художественный интерес, произведения искусства, рукописи, книги, другие предметы художественного, исторического или археологического значения, а также научные коллективы или важные коллекции книг, архивных материалов или репродукций ценностей, указанных выше; б) здания, главным и действительным назначением которых является сохранение или экспонирование движимых культурных ценностей, указанных в пункте «а», такие как музеи, крупные библиотеки, хранилища архивов, а также укрытия, предназначенные для сохранения в случае вооруженного конфликта движимых культурных ценностей, указанных в пункте «а»; в) центры, в которых имеется значительное количество культурных ценностей, ука-

занных в пунктах «а» и «б» (так называемые «центры сосредоточения культурных ценностей»).

В соответствии со ст. 4 Конвенции подлежат запрету, предупреждению и, если необходимо, пресечению любые акты кражи, грабежа или незаконного присвоения культурных ценностей в какой бы то ни было форме, а также любые акты вандализма в отношении указанных ценностей. Запрещена реквизиция движимых культурных ценностей, расположенных на территории другого государства – участника Конвенции.

Следует заметить, что соответствующие положения Конвенции рассчитаны, в первую очередь, на обеспечение охраны ценностей в случае вооруженного конфликта. Но вместе с тем они являются ориентиром для осуществления криминализации соответствующих деяний в национальном уголовном законодательстве государств и в мирное время.

Второй из названных документов - Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности, 1970 года, во-первых, детализировала перечень предметов, признаваемых культурными ценностями. Это осуществлено в ст.1, где определено, что *культурными ценностями* считаются ценности религиозного или светского характера, которые рассматриваются каждым государством как представляющие значение для археологии, доисторического периода, истории, литературы, искусства и науки и которые относятся к следующим категориям: a) редкие коллекции и образцы флоры и фауны, минералогии, анатомии и предметы, представляющие интерес для палеонтологии; b) ценности, касающиеся истории, включая историю науки и техники, историю войн и обществ, а также связанные с жизнью национальных деятелей, мыслителей, ученых и артистов и с крупными национальными событиями; c) археологические находки (включая обычные и тайные) и археологические открытия; d) составные части расчлененных художественных и исторических памятников и археологических мест; e) старинные предметы более чем 100-летней давности, такие как надписи, чеканные монеты и печати; f) этнологические материалы; g) художественные ценности, такие как: полотна, картины и рисунки целиком ручной работы на любой основе и из любых материалов (за исключением чертежей и промышленных изделий, украшенных от руки); оригинальные произведения скульптурного искусства из любых маттриалов; оригинальные гравюры, эстампы и литографии; оригинальные художественные подборки и монтажи из любых материалов; h) редкие рукописи и инкунабулы, старинные книги, документы и издания, представляющие особый интерес (исторический, художественный, научный, литературный и т. д.), отдельно или в коллекциях; i) почтовые марки, налоговые и аналогичные им марки, отдельно или в коллекциях; архивы, включая фоно-, фото- и киноархивы; k) мебель более чем 100-летней давности и старинные музыкальные инструменты.

Вопросы криминализации решаются статьей 3, согласно которой незаконными действиями считаются ввоз, вывоз и передача права собственности на культурные ценности, совершенные в нарушение правил, принятых государствами-участниками в соответствии с Конвенцией. В ст. 7 содержится запрет на ввоз культурных ценностей, похищенных из музея или религиозного и светского исторического памятника, или подобного учреждения другого государства - участника Конвенции. Статья 8 закрепляет обязанность государств - участников подвергать уголовному или административному наказанию всех лиц, ответственных за нарушение установленных запрещений, в том числе предусмотренных ст.7.

Интересующие нас положения содержатся и в Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 года. Они, главным образом, касаются предмета посягательств на культурные ценности. В ней сформулировано понятие не только культурного, но и природного наследия.

Статья первая Конвенции определяет, что под *культурным наследием* понимаются: *памятники* (произведения архитектуры, монументальной скульптуры и живописи, элементы или структуры археологического характера, надписи, пещеры и группы элементов, которые имеют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки); *ансамбли* (группы изолированных или объединенных строений, архитектура, единство или связь с пейзажем которых представляют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки); *достопримечательные места* (произведения человека или совместные творения человека и природы, а также зоны, включая археологические достопримечательные места, представляющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, эстетики, этнологии или антропологии).

Понятие *природного наследия* содержит ст.2, включая в него природные памятники, созданные физическими и биологическими образованиями или группами таких образований, имеющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения эстетики или науки; геологические и физиографические образования и строго ограниченные зоны, представляющие ареал подвергающихся угрозе видов животных и растений, имеющих выдающуюся универсальную ценность с точки зрения науки или сохранения; природные достопримечательные места или строго ограниченные природные зоны, имеющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения науки, сохранения или природной красоты.

Представляют интерес в ракурсе нашего рассмотрения и некоторые положения Европейской конвенция о правонарушениях, связанных с культурной собственностью, 1985 года. В ст.1 представлено понятие правонарушения, связанного с культурной собственностью: оно означает деяния, рассматриваемые в соответствии с уголовным правом, при условии, что в

случае, если административный орган уполномочен рассматривать такое правонарушение, заинтересованное лицо должно иметь возможность представить данное дело на рассмотрение суда.

В приложении II к Конвенции закреплен перечень культурной собственности:

1. а) археологические находки, полученные в результате археологических исследований и раскопок (включая обычные и незаконные), проводимых на земле и под водой; б) элементы художественных и исторических памятников или археологических объектов, которые были расчленены; в) картины, живопись и рисунки на любой основе и с использованием любых материалов, имеющие важное значение для художественной, исторической, археологической, научной и других областей культуры; г) оригинальные произведения ваяния и скульптуры из любого материала, имеющие важное значение важное значение для художественной, исторической, археологической, научной и других областей культуры, а также отдельные части таких произведений; д) оригинальные гравюры, эстампы, литографии и фотографии, имеющие важное значение для художественной, исторической, археологической, научной и других областей культуры; е) орудия труда, глиняные изделия, надписи, монеты, печати, драгоценности, оружие и останки захоронений, включая мумии, более чем столетней давности; ж) предметы мебели, гобелены, ковры и одежда более чем столетней давности; з) музыкальные инструменты более чем столетней давности; и) редкие манускрипты и инкунабулы, единичные или в коллекциях;

2. а) оригинальные художественные коллекции и монтажи из любого материала, имеющие важное значение для художественной, исторической, археологической, научной и других областей культуры; б) произведения прикладного искусства из таких материалов, как стекло, керамика, металл, дерево и т.п., имеющие важное значение для художественной, исторической, археологической, научной и других областей культуры; в) старинные книги, документы и публикации, представляющие особый интерес (исторический, художественный, научный и т.п.), единичные или в коллекциях; г) архивы, включающие запись текстов, карты и другие картографические материалы, фотографии, кинопленки, звуковые записи и машиночитаемые записи, имеющие важное значение для художественной, исторической, археологической, научной и других областей культуры; д) вещи, имеющие отношение к истории, включая историю науки и техники, а также военную историю и историю общества; е) вещи, связанные с жизнью национальных руководителей, мыслителей, ученых и художников; ж) предметы, связанные с важными национальными событиями; з) редкие коллекции и образцы фауны; и) редкие коллекции и образцы флоры; к) памятники архитектуры, искусства и истории и ряд др.

Заметим, что это самый обширный и детальный перечень из содержащихся в международно-правовых актах соответствующей направленности.

В Конвенции представлена и система правонарушений против культурной собственности (ст.1 и 2 Приложения III): кражи культурной собственности; присвоение культурной собственности путем применения насилия или угрозы; деяния, состоящие в незаконном приобретении культурной собственности другим лицом, независимо от того, квалифицируются ли такие деяния национальным законодательством как незаконное присвоение, мошенничество, злоупотребление доверием и иным образом достижение договоренности, за которой следуют явные действия, между двумя или более лицами с целью совершения кражи или присвоения культурной собственности.

Таким образом, как следует из представленного перечня, основными «представителями» правонарушений против культурной собственности являются именно хищения таковых, совершаемые в самых разнообразных формах – кража, присвоение, насильственное завладение (чему в УК РФ соответствует насильственный грабеж или разбой), мошенничество, в том числе путем злоупотребления доверием.

Анализ соответствующих положений международно-правовых Конвенций, направленных на охрану культурных ценностей, свидетельствует о том, что они формируют фундамент для развития национального уголовного законодательства в соответствующей его части, определяя ориентиры для решения вопросов криминализации деяний, посягающих на названные предметы. Он также приводит к заключению, что осуществление в УК РФ криминализации хищения предметов, имеющих особую историческую, научную, художественную или культурную ценность, в качестве особого вида хищения (ст.164 УК РФ) вполне отвечает требованиям международного уголовного права.

Литература:

1.Употребляя термин «культурные ценности», встречающийся, как правило, в международно-правовых актах, мы имеем в виду более широкий круг предметов - предметы, имеющие особую историческую, научную, художественную или культурную ценность, что соответствует понятийному аппарату УК РФ.

2.Панов В.П. Международное уголовное право: Учебное пособие. М., 1997. С.68.

3.См.: Сборник действующих нормативных правовых актов и наиболее значимых работ по проблемам сохранения культурных ценностей по состоянию на 1 августа 1999 г. М., 2000.

4.См.: Кибальник А.Г. Современное международное уголовное право. СПб., 2003. С.175.

5.См.: Свод нормативных актов ЮНЕСКО. М., 1991. С.258.

6.См.: Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. М., 1991. Вып. XLV. С.482.

7.См.: Защита прав человека и борьба с преступностью: Документы Совета Европы. М., 1998. С.148

УНИЧТОЖЕНИЕ ИЛИ ПОВРЕЖДЕНИЕ ИМУЩЕСТВА КАК СПОСОБ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Джангуразов М.А.
адъюнкт Краснодарского университета МВД России
Краснодар, Россия

Аннотация: В статье автор оценивает такую уголовно-правовую роль уничтожения или повреждения имущества, как способ совершения преступления. Им представлена система посягательств, для которых названные деяния предусмотрены в таком качестве.

Ключевые слова: уничтожение имущества, повреждение имущества, угроза уничтожением или повреждением имущества, способ совершения преступления, квалификация преступлений

Abstract. In the article the author assesses the criminal-legal role of the destruction or damage of property as a way of committing the crime. They presented the attacks, for which the offences provided for in this capacity.

Key words: destruction of property, damage of property, threat to destroy or damage of the property, the method of committing the crime, qualification of crimes

Одна из ролей, которую уничтожение или повреждение имущества играют при конструировании тех или иных составов преступлений, – это *способ*. Под способом в уголовно-правовой теории признается «совокупность приемов, которые использует преступник для совершения преступления»[1]. Способ непосредственно связан с деянием и при этом, как справедливо отмечает Л.Л. Кругликов, сам «проявляется через действие, имеет вид преступного поведения» [2]. Если обратиться к рассматриваемому нами способу, то процитированное положение относится к нему абсолютно. Уничтожение и повреждение имущества являются активными действиями, носящими общественно опасный (преступный) характер, для ряда составов преступлений выступают именно в качестве деяния, образующего объективную сторону состава преступления.

Итак, для каких же преступлений названные деяния указаны в законе в качестве способа их совершения. Системный анализ положений Особенной части УК РФ свидетельствует, что таких посягательств немало, и расположены они в самых различных разделах и главах Кодекса. Причем закон указывает в качестве способа как непосредственное уничтожение или повреждение имущества, так и угрозу совершения таких действий. При этом угроза предусмотрена в подавляющем числе составов.

Угроза уничтожением или повреждением имущества (как, впрочем, и любая иная угроза) представляет собой применение психического насилия

к потерпевшему. В теории уголовного права насилие определяется как «внешнее, со стороны других лиц умышленное и противозаконное физическое или психическое воздействие на человека (или группу лиц), осуществляемое помимо или против его воли и способное причинить ему органическую, физиологическую или психическую травму, и ограничить свободу его волеизъявления или действий» [3].

Угроза уничтожением или повреждением имущества является проявлением такой разновидности подавляющего воздействия на волю человека, как психическое насилие, под которым понимается «противозаконное, умышленное информационное или неинформационное воздействие со стороны других лиц на нормальное функционирование психики личности, если это воздействие осуществляется против или помимо воли этой личности и способно причинить ей психическую или физиологическую травму, подавить или ограничить свободу волеизъявления или действий» [4].

Следует отметить, что угроза рассматриваемого содержания действительно способна достаточно сильно влиять на человека, подавляя или ограничивая свободу его воли. При оценке угрозы необходимо учитывать, способна ли она была в данной обстановке при наличии конкретных обстоятельств оказать на потерпевшего воздействие, желаемое для виновного.

При оценке угрозы следует учитывать, что она должна отвечать известным требованиям - быть действительной и реальной [5]. В противном случае она не может выступать в роли признака соответствующего состава преступления. Действительность означает, что угроза на самом деле имела место. Поскольку такое психическое воздействие носит информационный характер, следовательно, соответствующая информация должны быть доведена до сведения адресата, причем любым способом. Реальность угрозы означает, что она обладает способностью вызвать у адресата опасения ее осуществимости на самом деле. Она настолько при данных конкретных условиях устрашает потерпевшего, что он во многих ситуациях готов направить свои волевые усилия на удовлетворение требований виновного. Установление реальности угрозы предполагает анализ целого ряда факторов – времени, места, способа, обстановки, личности виновного и потерпевшего и т.д.[6]

Рассмотрим ситуации, когда уничтожение или повреждение либо угроза совершения этих действий выступают способом совершения преступления.

Первая группа таких посягательств относится к разряду преступлений против личности. Диспозиция ч.1 ст.126 («Похищение человека»), расположенной в гл.17 («Преступления против свободы, чести и достоинства личности») УК РФ, является простой, называет преступное посягательство, не раскрывая его признаков. Соответственно, для их уяснения необходимо осуществить толкование нормы. Президиум Верховного Суда

РФ в постановлении по делу А. определил: «По смыслу закона под похищением человека следует понимать противоправные умышленные действия, связанные с тайным или открытым завладением (захватом) живого человека, перемещением его с постоянного или временного местонахождения в другое место и последующим удержанием в неволе» [7]. О способах завладения (захвата) в постановлении ничего не сказано. Оно и понятно: закон в ч.1 ст.126 УК РФ никакие конкретные способы не называет. Отсюда – вывод: они могут быть любыми, на что указывается и в специальной литературе[8] Следовательно, завладеть человеком при его похищении, подчинить его волю, преодолеть сопротивление можно, в том числе, и угрозой уничтожением или повреждением имущества либо реальным осуществлением таких действий. Но в последнем случае они будут требовать самостоятельной уголовно-правовой оценки (при наличии признаков состава преступления, предусмотренного ст.167 УК РФ).

Представляется, что угроза уничтожением или повреждением имущества может иметь место и при незаконном лишении свободы (ст.127 УК РФ).

Следующее посягательство, для которого угроза уничтожить или повредить имущество выступает способом совершения преступления, - это деяние, предусмотренное ст.133 («Понуждение к действиям сексуального характера») УК РФ. Статья расположена в гл.18 «Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности». Определенные способы предусмотрены в качестве конструктивных признаков названного посягательства. Среди них угроза уничтожением или повреждением имущества.

Об угрозе как способе воздействия на потерпевшего речь идет и в ст.150 («Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления»), расположенной в гл.20 «Преступления против семьи и несовершеннолетних» УК РФ. При этом законодатель не конкретизирует содержания угрозы. Следовательно, можно предположить, что это может быть, в том числе, обещание уничтожить или повредить имущество [9], принадлежащее как самому несовершеннолетнему, так и его близким, либо им совместно.

Вызывает у нас критику подход законодателя к формулированию диспозиции ч.1 ст.151 УК РФ. Преступления, предусмотренные названной статьей и ст.150 УК РФ, несомненно, являются «родственными» посягательствами. Соответственно, в диспозиции ч.1 ст.151 УК РФ тоже следовало перечислить способы воздействия на потерпевшего. Вовлечение несовершеннолетнего в антиобщественные действия также может сопровождаться оказанием на него самого разнообразного воздействия – от предложения до высказывания угроз различного содержания, в том числе уничтожением или повреждением имущества. Однако даже такое построение диспозиции все равно указанное воздействие предполагает.

Следующее посягательство, для которого означенная угроза определена законом в качестве способа совершения, - это вымогательство (ст.163 УК РФ). Ответственность за него предусмотрена в гл.21 «Преступления против собственности» раздела VIII «Преступления в сфере экономики» УК РФ. Он прямо указан в диспозиции части первой названной статьи: «Вымогательство, то есть требование передачи чужого имущества, права на имущество или совершения других действий имущественного характера под угрозой .., уничтожения или повреждения чужого имущества…». Такая угроза может быть обращена как к самому потерпевшему, так и к его близким.

В составе вымогательства угроза названного содержания представляется вполне уместной. Вместе с тем результаты изучения нами дел о вымогательстве свидетельствуют, что при совершении данного преступления угроза уничтожением или повреждением имущества встречается гораздо реже, нежели угроза применить насилие. По всей видимости, это объясняется тем, что последняя все-таки является более действенной.

В системе преступлений в сфере экономической деятельности (гл.22 УК РФ) тоже встречаются посягательства, способом совершения которых является уничтожение или повреждение имущества. В частности, это преступление, предусмотренное ст.179 («Принуждение к совершению сделки или отказу от ее совершения») УК РФ. В ч.1 названной статьи в качестве одного из альтернативных способов совершения преступного деяния указана угроза уничтожения или повреждения чужого имущества. Данное посягательство весьма схоже с вымогательством, в связи с чем возникает проблема их разграничения. Эта их «родственность» проявляется и в определении круга способов, которыми они могут быть совершены.

Из преступлений против общественной безопасности (раздел IX, гл.24 УК РФ) интерес для нас представляет такое посягательство, как массовые беспорядки. В соответствии с ч.1 ст.212 УК РФ массовые беспорядки должны сопровождаться насилием, погромами, поджогами, уничтожением имущества, применением огнестрельного оружия, взрывчатых веществ или взрывных устройств, а также оказанием вооруженного сопротивления представителю власти. Описывая внешние (объективные) признаки рассматриваемого преступления, законодатель указал, во-первых, на деяние (в ч.1 – это организация массовых беспорядков; в ч.2 – участие в них; в ч.3 – призывы к массовым беспорядкам или участию в них). Во-вторых, закон в качестве конститутивных признаков состава массовых беспорядков называет средства и орудия совершения массовых беспорядков, а также способы их осуществления. Представлены они в законе альтернативно: для установления факта наличия состава посягательства достаточно использовать один из способов либо одно из средств. В качестве средств предусмотрены огнестрельное оружие, взрывчатые вещества и

взрывные устройства. Способы – применение насилия, учинение погромов, поджогов, уничтожение имущества.

Итак, массовые беспорядки совершаются посредством использования определенных приемов, которые сами по себе представляют активные противоправные действия. В их числе уничтожение имущества. Законом не предусмотрено повреждение имущества. Вместе с тем в норме назван погром, предполагающий, на наш взгляд, совершение и такого деяния.

В специальной литературе под погромом предлагается понимать совокупность действий: во-первых, уничтожение или повреждение имущества, во-вторых, похищение имущества, в-третьих, применение насилия [10]. Мы почти полностью солидарны с таким представлением о погроме. Это действительно совокупность противоправных действий названного содержания. Поэтому в том же источнике делается вывод, что «выделение погромов как еще одного самостоятельного признака теряет смысл и ничего не добавляет к пониманию сущности массовых беспорядков» [11].

Мы полагаем, что в данной ситуации есть два пути оптимизации понятия массовых беспорядков. Первый – убрать погром из числа способов совершения массовых беспорядков, чтобы исключить дублирование признаков преступления. Второй – сохранить данный признак, но тогда исключить применение насилия, поджоги, уничтожение имущества. Вместе с тем мы частично не поддерживаем представленную позицию. На наш взгляд, хищение имущества выходит за смысловые рамки погрома. Поэтому его совершение надлежит оценивать самостоятельно по совокупности с преступлением, предусмотренным ст.212 УК РФ.

Уничтожение и повреждение имущества или угроза таковым могут выступать способом совершения преступления, предусмотренного ст.240 («Вовлечение в занятие проституцией»), расположенной в гл.25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности» УК РФ. Диспозиция ч.1 названной статьи определяет: «Вовлечение в занятие проституцией или принуждение к продолжению занятия проституцией». Вовлечение в любую антиобщественную деятельность предполагает как побуждение желания к ее осуществлению, так и принуждение к этому.

Сообразно нашему представлению в специальной литературе этот термин трактуется «как оказание на человека тем или иным образом воздействия, направленного на принятие им решения, удовлетворяющего лицо, оказывающее влияние» [12].

Для того чтобы заставить, принудить человека к занятию проституцией, должны использоваться способы агрессивного содержания. Поскольку конкретный их круг законом не определен, можно констатировать, что это любой способ, посредством использования которого можно заставить человека заниматься проституцией или продолжить это занятие. Среди таких способов и угроза уничтожением или повреждением имущества либо реальное совершение таких действий.

Еще одно посягательство, способом совершения которого согласно закону может выступать угроза уничтожением или повреждением имущества, - это принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу (ч.2 ст.309 УК РФ). Это преступление против правосудия (гл.31, раздел X «Преступления против государственной власти» УК РФ). В этой норме названный способ указан наряду с такими, как шантаж, угроза убийством, причинением вреда здоровью. Обращена угроза может быть как к самому принуждаемому лицу – свидетелю, потерпевшему, эксперту, специалисту или переводчику, так и к его близким.

Рассматривая вопрос об уничтожении или повреждении имущества либо угрозе их осуществлением как способе совершения преступления, необходимо обратить внимание на некоторые нюансы квалификации. Так, если закон предусматривает способ в виде угрозы уничтожением или повреждением имущества, то ее реализация выходит за рамки состава соответствующего преступления и требует дополнительной квалификации по соответствующей статье УК РФ (например, по ст.167). Так, виновный, совершая вымогательство, требовал от потерпевшего передачи крупной суммы денег, угрожая при этом уничтожить взрывом его дорогостоящий автомобиль. Требование не было исполнено в срок, угроза приведена в исполнение. Содеянное надлежит квалифицировать по соответствующим частям ст.163 и 167 УК РФ.

В ситуациях, когда способом совершения преступления является реальное уничтожение или повреждение имущества, по общему правилу дополнительной квалификации по ст.167 УК РФ не требуется, если санкция соответствующей статьи позволяет охватить те или иные его разновидности. Например, санкции ст.212 УК РФ позволяют охватить ее нормами уничтожение или повреждение имущества в любых разновидностях, описанных в ст.167 УК РФ.

Вместе с тем не все авторы согласны с этим подходом. Так, В.В. Малиновский применительно к массовым беспорядкам полагает, что тот вред, который причиняется в результате их осуществления, подлежит самостоятельной уголовно-правовой оценке. Он отмечает: «Обусловлено это тем, что ст.212 УК РФ устанавливает ответственность не за совершение преступлений в ходе массовых беспорядков, а за самостоятельное общественно опасное деяние – организацию массовых беспорядков, сопровождающихся, отягченных иными преступлениями, которые от того, что они сопутствуют массовым беспорядкам, не лишаются самостоятельной юридической природы» [13].

Такой подход вряд ли можно признать обоснованным. Он противоречит законам логики и опирающимся на них правилам квалификации преступлений. Если исходить из такой постановки вопроса, то практически все квалифицированные (и не только квалифицированные) виды деяний,

отягченных иными посягательствами (применением насилия, угрозами, наступлением определенных последствий и пр.), следует оценивать по совокупности преступлений. Но ведь потому-то и санкции за них строже, нежели за посягательства, не сопровождаемые соответствующими действиями. Полагаем, что достаточно жесткие санкции за массовые беспорядки как раз и обусловлены тем, что действия толпы сопровождаются названными в законе обстоятельствами. Поэтому полагаем, что уничтожение имущества и повреждение его при погромах охватывается составом массовых беспорядков и не требует дополнительной квалификации по ст.167 УК РФ [14].

Литература:

1.Полный курс уголовного права. Том I: Преступление и наказание / Под ред. А.И. Коробеева. СПб., 2008. С.368.

2.Кругликов Л.Л. Субъективные признаки способа совершения преступления // Уголовно-правовая защита конституционных прав человека (к 15-летию Конституции России): Сборник материалов международной научно-практической конференции. СПб., 2009. С.75.

3.Сердюк Л.В. Криминологическое и уголовно-правовое исследование насилия: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Саратов, 2003. С. 15.

4.Там же. С. 21.

5.Коростылев О.И. Уголовно-правовая характеристика угрозы: дис. … канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004. С.23-33; Крашенинников А.А. Угроза в уголовном праве России: автореф. дис. … канд. юрид наук. Казань, 2002.

6.Словарь по уголовному праву / Под ред. А.В. Наумова. М., 1997. С.625.

7.Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации по делу А. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2000. №1. С.10.

8.Красиков А.Н. Уголовно-правовая охрана прав и свобод человека в России. Саратов, 1996. С.121.

9.Иванов В.Ф. Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетнего путем понуждения в преступную или иную антиобщественную деятельность // Личность преступника и уголовная ответственность: Правовые и криминологические аспекты: Межвузовский научный сборник. Саратов, 1987; Красиков А.Н. Указ. соч. С.119.

10.Полный курс уголовного права. Том IV: Преступления против общественной безопасности / Под ред. А.И. Коробеева. СПб., 2008. С.149.

11.Там же. С.150.

12.Прохорова М.Л. Наркотизм: уголовно-правовое и криминологическое исследование. СПб., 2002. С.233.

13.Малиновский В.В. Организационная деятельность в уголовном праве (виды и характеристика). М., 2009. С.122.

14.Такой же позиции придерживаются и иные авторы. См., напр.: Полный курс уголовного права. Том IV: Преступления против общественной безопасности / Под ред. А.И. Коробеева. С.153-154 (авторы соответствующей главы – В.С. Комиссаров и А.И. Коробеев).

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ БОРЬБЫ С ТОРГОВЛЕЙ ЛЮДЬМИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В РОССИИ

Жинкин А.А.
к.ю.н., доцент кафедры уголовного права и криминологии
Кубанского государственного университета
Краснодар, Россия

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы регламентации уголовной ответственности за торговлю людьми, использование рабского труда, работорговлю, а также за связанные с ними (аналогичные им) явления и институты в законодательстве ряда зарубежных государств.

Ключевые слова: преступление, наказание, личная свободы, торговля людьми, рабство, работорговля, уголовный кодекс.

Abstract. regulation of a criminal liability for human trafic, slave labor use, and also connected with them (similar to them) the phenomena and instituty in the legislation of some foreign states are considered.

Keywords: Crime, punishment, personal freedom, human trafic, slavery, a slave-trade, the criminal code.

К сожалению, реальностью последних десятилетий стало возрождение явлений, казалось бы навсегда ушедших в темноту Средневековья. Речь идет о торговле людьми, использовании рабского труда, сходных с ними институтов.

По разным оценкам, ежегодно в мире оборот преступных объединений, занимающихся торговлей людьми, составляет от 3,5 до 19 миллиардов долларов; жертвами торговли людьми в тех или иных формах становятся 4 миллиона человек. Жертвы торговли людьми, как правило, подвергаются различным формам эксплуатации, прежде всего сексуальной эксплуатации, а также рабскому и принудительному труду. Статистические данные свидетельствуют, что ежегодно в России и странах бывшего СССР жертвами торговли людьми становятся от 20 до 700 тысяч человек. Таким образом, торговля людьми и использование рабского труда в конце 90-х годов прошлого века и в начале 21 века по характеру и степени распространенности становятся в один ряд с торговлей наркотиками и оружием.

Российский уголовный закон 8 декабря 2003 года был дополнен статьями 127^1 и 127^2, установившим уголовную ответственность за торговлю людьми и использование рабского труда. Вместе с тем, необходим комплексный подход к решению проблем противодействия торговле людьми, и в этом отношении весьма полезным будет заимствование передового опыта зарубежных стран.

Подходы к конструированию конкретных составов преступлений, законодательное описание их признаков, а равно дифференциация уголовной ответственности в уголовных кодексах зарубежных стран существенно отличаются.

В Уголовном кодексе Украины, принятом 5 апреля 2001 года, содержится статья 149 «Торговля людьми и иная незаконная сделка по передаче человека». В соответствии с частью 1 данной статьи признается преступным «продажа, иная оплачиваемая передача человека, а равно осуществление в отношении его любой иной незаконной сделки, связанной с законным или незаконным перемещением с его согласия или без его согласия через Государственную границу Украины для дальнейшей продажи либо иной передачи другому лицу (лицам) с целью сексуальной эксплуатации, использование в форме бизнеса, вовлечения в преступную деятельность, вовлечения в долговую кабалу, усыновления (удочерения) в коммерческих целях, использования в вооруженных конфликтах, эксплуатации его труда» [1]. Интересным представляется наименование статьи 149 УК Украины «Торговля людьми и иная незаконная сделка по передаче человека». Украинский законодатель разделяет торговые операции, предметом которых выступает человек, то есть в первую очередь куплю-продажу человека и иные сделки в отношении человека, в том числе и безвозмездные (дарение и т.д.). Статья 127.1 УК РФ имеет наименование «Торговля людьми», где торговля рассматривается как купля-продажа или иная сделка в отношении человека, а также ряд иных операций – вербовка, передача, получение, перевозка и укрывательство. Не совсем ясен смысл выражения «незаконная сделка в отношении человека». Сама по себе сделка в отношении человека является незаконной, имеет противоправную сущность. В любой сделке контрагент, лицо, является стороной сделки, а не ее предметом, следовательно, говорить о существовании законных сделок в отношении человека неверно. Более расширительно, нежели в УК РФ, рассматривается в УК Украины цель торговли людьми или иной сделки. В отличие от статьи 127.1 УК РФ, статья 149 УК Украины в качестве целей совершения рассматриваемого преступления закрепляет, кроме прочего, использование в форме бизнеса, вовлечения в преступную деятельность, вовлечения в долговую кабалу, усыновления (удочерения) в коммерческих целях, использования в вооруженных конфликтах. Вместе с тем необходимо отметить, что украинский законодатель рассматривает в качестве цели преступления только вовлечение в долговую кабалу, в то время как российский УК предусматривает такую цель торговли людьми, как обращение в подневольное состояние, которое, как мы помним, включает в себя, наряду с долговой кабалой, также крепостное состояние, институты и обычаи, предусматривающие передачу женщин, детей и подростков в целях эксплуатации, в порядке наследования, а также принудительную выдачу замуж. Данное обстоятельство является несомненным плюсом УК РФ. Далее, как нам пред-

ставляется, ст. 149 УК Украины вполне обоснованно говорит не о использовании рабского труда, как цели торговли людьми, а об эксплуатации труда вообще.

Уголовный кодекс Республики Беларусь, введенный в действие с 01.01.2001 года, в главе 22 «Преступления против личной свободы, чести и достоинства» содержит статью 181 «Торговля людьми». В соответствии с первоначальной редакцией ч. 1 данной статьи являлись уголовно наказуемыми действия, направленные на совершение купли-продажи или иных сделок в отношении зависимого лица в форме его передачи и завладения им. В данном случае мы можем говорить о том, что УК Беларуси закреплял «специального потерпевшего» от преступления, а именно лица, находящегося в зависимости от виновного. Представляется, что это являлось не вполне оправданным. Включение в предмет доказывания по уголовному делу такого объективного признака, как зависимость потерпевшего от виновного, создает только дополнительные сложности органам предварительного следствия и суда в процессе расследования уголовного дела и судебного разбирательства.

Вообще, необходимо отметить, что в Республике Беларусь борьба с торговлей людьми ведется весьма активно. В 2005 году был введен в действие Декрет Президента республики Беларусь «О некоторых мерах по противодействию торговле людьми». Данный нормативный акт предусматривает целый комплекс мер, направленных на устранение условий, способствующих торговле людьми и предупреждение совершения рассматриваемых преступлений. Так, в частности, установлен довольно жесткий контроль со стороны государства за деятельностью фирм, оказывающих услуги по трудоустройству за границей. Такая деятельность является лицензируемой (даже в случае однократного оказания данной услуги), перед получением лицензии соответствующее юридическое лицо подвергается предварительной проверке органами внутренних дел. Юридические лица и индивидуальные предприниматели, направившие граждан на работу или учебу за границу (за исключением направления своих работников в служебные заграничные командировки), представляют информацию о них в Министерство внутренних дел республики в течение пяти рабочих дней со дня их отъезда и в такой же срок - со дня их возвращения. Юридические лица и индивидуальные предприниматели, осуществляющие туристическую деятельность, обязаны представлять в Министерство внутренних дел республики Беларусь информацию о гражданах, которые осуществляли тур в составе организованной группы и не возвратились в Республику Беларусь по его окончании, в течение пяти рабочих дней со дня возвращения этой группы. Лицензируется в республике также деятельность брачных и модельных агентств.

Весьма интересно, что указанным декретом были внесены изменения в УК республики Беларусь. Теперь основной состав торговли людьми вы-

глядит следующим образом: «Купля-продажа человека или совершение иных сделок в отношении его, а равно совершенные в целях эксплуатации вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение человека (торговля людьми)». При этом установлена достаточно суровая санкция – наказание в виде лишения свободы на срок от 5 до 7 лет с конфискацией имущества.

Кроме того, в Беларуси принята и действует Государственная программа комплексных мер по противодействию торговле людьми и распространению проституции, издан Указ Президента Республики № 352 «О предотвращении последствий торговли людьми», направленные на создание дополнительных правовых и организационных гарантий обеспечения защиты жертв торговли людьми и борьбы с этим явлением. Комитетом государственной безопасности республики совместно с МВД разработана методика расследования уголовных дел в сфере торговли людьми. Представляется, что описанный опыт Республики Беларусь может быть использован и в нашей стране.

В части 1 ст. 159 УК Кыргызской Республики «Торговля детьми» закреплена уголовная ответственность только за совершение сделок в отношении несовершеннолетнего путем купли-продажи, а равно в иных формах его передачи и завладения им.[2]

В частях 1 и 2 статьи 172 УК Грузии «Торговля несовершеннолетними» также установлена уголовная ответственность за куплю-продажу несовершеннолетнего или совершение иных незаконных сделок в отношении него, в том числе и с целью усыновления. [3] Аналогичные по сути положения содержатся в части 1 статьи 173 УК Азербайджана, согласно которой наказуема купля-продажа несовершеннолетнего или совершение иных незаконных сделок в отношении несовершеннолетнего в форме его передачи и завладения им.[4]

Правительство республики в последние годы стало уделять большое внимание проблеме борьбы с торговлей людьми. Приняты и действуют Закон Азербайджанской республики «О борьбе с торговлей людьми», а также соответствующий Указ президента. [5]

В соответствии со ст. 147 УК Литвы установлена уголовная ответственность за торговлю людьми. При этом в стране разработаны и введены в действие программы, направленные на борьбу с торговлей людьми. Последняя такая программа по предотвращению и сдерживанию торговли людьми была принята на период 2005 – 2008 гг. В ней установлен правовой статус жертв работорговли, предусмотрены меры по улучшению социальной защищенности жертв и оказание им более действенной помощи.

В УК Польши в соответствии со статьей 253 подлежит ответственности «тот, кто занимается торговлей людьми даже с их согласия» и «кто вопреки предписаниям закона с целью получения имущественной выгоды занимается организацией усыновления».

Согласно части 1 статьи 192 УК Республики Болгария наказывается «родитель или иной родственник, получившие выкуп за разрешение своей дочери или родственнице, не достигших 16-летнего возраста, вступить в супружеские отношения».[6]

Согласно статье 226 УК Японии привлекается к ответственности тот, кто продает, или покупает другое лицо для отправки за пределы Японского государства, или отправляет за пределы Японского государства захваченное, уведенное или купленное лицо.

Параграф 180b УК ФРГ «Торговля людьми» предусматривает уголовное наказание для того, «кто воздействует на другое лицо ради имущественной выгоды, чтобы, зная о его стесненном положении, вынудить его заниматься или продолжать заниматься проституцией» [7] Такому же наказанию подлежит «тот, кто в интересах своей имущественной выгоды воздействует на другое лицо, чтобы, зная о его беспомощности, связанной с пребыванием в чужом государстве, склоняет его к сексуальным действиям, которые оно должно

совершить с третьим лицом или перед ним, и позволяет совершать их третьему лицу по отношению к себе».[8] Наказанию также подлежит «тот, кто воздействует на другое лицо, зная о его беспомощности, связанной с его пребыванием в чужом государстве, или на лицо, не достигшее 21 года, чтобы вынудить его к занятию или продолжению занятия проституцией, или способствует его занятию проституцией и продолжению занятия ею».[9] Параграф 181 УК ФРГ «Тяжкий случай торговли людьми» относит к таковым принуждение к началу или продолжению занятия проституцией путем применения насилия, угроз причинения тяжкого вреда или обмана потерпевшего. Кроме того, по данной статье несет уголовную ответственность тот, кто вербует другое лицо путем обмана или против воли этого лица, применяя насилие, угрожая причинить тяжкий вред, или с помощью обмана похищает его, чтобы, зная о его беспомощном положении, связанном с нахождением в чужой стране, вынудить к сексуальным действиям, которые оно должно совершить с третьим лицом или перед ним, или позволять совершить их третьему лицу по отношению к себе. Также по данной статье несет ответственность лицо, которое в виде промысла вербует иных лиц для занятия проституцией или его продолжению. Таким образом, содержание торговли людьми немецкий законодатель сводит исключительно к действиям, направленным на сексуальную эксплуатацию потерпевшего, склонению к занятию проституцией.

УК ФРГ в § 236 «Торговля детьми» закрепляет сложную конструкцию, определяющую состав торговли детьми: «кто, грубо пренебрегая обязанностями опеки и воспитания своего ребенка, не достигшего четырнадцатилетнего возраста, на длительное время отдает другому лицу и при этом продает его за вознаграждение или намеревается получить материальную выгоду для себя или третьего лица». Так же наказывается и тот,

кто в случаях, упомянутых выше, длительное время содержит у себя ребенка и получает за это вознаграждение.

В данном случае в состав торговли детьми немецкий законодатель включает незаконное способствование усыновлению другого лица, не достигшего восемнадцатилетнего возраста, или занятие посреднической деятельностью с той целью, чтобы третье лицо длительное время удерживало у себя лицо моложе восемнадцати лет, при этом действуя за вознаграждение или с намерением извлечь для себя или третьего лица материальную выгоду.

В главе 1 раздела 5 УК Аргентины содержится статья 140, в соответствии с которой подлежит ответственности «тот, кто превратил (в невольника – прим. А.Ж.) другого человека или довел его до аналогичного состояния, а также тот, кто принял человека в таком состоянии с тем, чтобы оставить в нем». [10]

В главе 8 УК Австралии «Преступления против человечества» содержится раздел 270 «Рабство, сексуальное подневольное услужение и вербовка обманным путем». В статье 270.1 УК Австралии рабство определяется как «такое состояние человека, по отношению к которому применяется какое-либо или все правомочия собственности, включая случаи, когда такое состояние является результатом наличия долга или следствием контракта, заключенного с этим человеком». В соответствии со статьей 270.2 рабство признается незаконным.

В статье 270.3 УК Австралии перечислены преступные деяния, связанные с рабством:

1.обладание рабом или осуществление по отношению к рабу любого иного правомочия собственности;

2.участие в работорговле;

3.вступление в любую коммерческую сделку, связанную с рабом;

4.осуществление контроля, руководства, финансового обеспечения по отношению к любому акту работорговли или к любой коммерческой сделке, связанной с рабом.

Согласно статье 270.3 УК Австралии указанные деяния могут быть совершены как умышленно, так и по неосторожности. Так, наказание предусмотрено для следующих преступлений, совершенных по неосторожности:

1.вступление в любую коммерческую сделку, связанную с рабом;

2.осуществление контроля, руководства или финансовое обеспечение по отношению к любой коммерческой сделке, связанной с рабом;

3.осуществление контроля, руководства или финансовое обеспечение по отношению к акту работорговли.

В соответствии с пунктом 3 рассматриваемой статьи работорговля включает захват, транспортировку или распоряжение человеком с умыс-

лом обратить этого человека в рабское состояние, а также покупка или продажа раба.

Статья 168 УК Республики Сан-Марино «Торговля живым товаром и работорговля» предусматривает уголовную ответственность для всякого лица, которое занимается торговлей живым товаром и работорговлей, устанавливая наказание в виде тюремного заключения шестой степени (от 10 до 20 лет) и лишение прав четвертой степени.[11]

Статья 240 УК Китая 1979 года предусматривает ответственность за «похищение, обман с целью продажи женщины, ребенка». При этом под похищенными и обманутыми с целью продажи женщиной, ребенком УК Китая понимает «женщину, ребенка, в отношении которых совершено одно из следующих деяний: похищение обманным путем, захват, приобретение, продажа, прием или отправка, передача с целью продажи». Квалифицирующими признаками данного преступления закон признает совершение его группой лиц, в отношении более 3 потерпевших, с применением насилия, в отношении малыша или младенца, с целью продажи за границу, а также с причинением смерти или вреда здоровью.[12]

В Бельгии 13 апреля 1995 года принят Закон о пресечении торговли людьми и детской порнографии, в соответствии с которым в УК Бельгии были внесены соответствующие изменения (ст. 380 бис).

В Венгрии состав торговли людьми также был включен в 1998 году в Уголовный кодекс, а ст. 95 Уголовно-процессуального кодекса Венгрии гарантирует предоставление защиты жертве торговли людьми.

В 2003 году в Италии был принят закон о мерах по противодействию торговле людьми. Закон дает определение торговли людьми, разработанное на основе положения Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющего Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г. В УК Италии включены ст. 600, устанавливающая уголовную ответственность за использование рабского труда, и ст. 601 – торговля людьми. За совершение данных преступлений предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок от 8 до 20 лет. В 2000 году в республике Кипр был принят Закон о борьбе с торговлей людьми и сексуальной эксплуатацией детей. В нем предусмотрены нормы, касающиеся профилактики и борьбы с торговлей людьми, помощи жертвам данного вида преступлений.

В 2001 году в Румынии был принят Закон о противодействии и предотвращении торговли людьми, а в 2004 году был утвержден Национальный план действий по предотвращению и борьбе с торговлей людьми. По статистическим данным только за пять месяцев 2005 года в Румынии было установлено 1327 фактов торговли людьми.[13]

Законодательство иностранных государств предусматривает следующие виды наказаний за торговлю людьми и использование рабского труда:

а) пожизненное лишение свободы;

б) лишение свободы на определенный срок;

в) лишение прав;

г) конфискация имущества;

д) штраф.

Санкции в виде лишения свободы на определенный срок, как правило, являются относительно определенными. Исключение составляет УК Австралии, предусмотревший абсолютно определенную санкцию за обращение в рабство – 25 лет (в случае совершения преступления умышленно) и 17 лет (в случае совершения преступления по неосторожности). УК Японии и УК Польши устанавливают только нижние пределы санкции за торговлю людьми – 2 года (УК Японии) и 3 года (УК Польши).

Санкции соответствующих статей, как правило, наряду с лишением свободы, включают имущественные виды наказаний: штраф (УК Франции, Беларуси, Голландии, ФРГ) и конфискацию имущества (УК Беларуси, Франции – для юридических лиц).

Нельзя также не отметить положительный опыт США в деле профилактики рассматриваемых преступлений и помощи потерпевшим. Так, в Соединенных Штатах созданы и функционируют Центры «Сейф Хорайзен» (безопасные горизонты). Одна из их основных задач – помощь жертвам различных преступлений, в том числе торговли людьми.

В США одной из первостепенных задач уголовной юстиции является борьба с трэффиком (торговлей преимущественно женщинами и детьми в целях сексуальной и иной эксплуатации). Еще в 1910 г. в США был принят закон и ныне применяемый для уголовного преследования лиц, обвиняемых в трэффике. Данный нормативный акт известен как Mann Act (White Slave Act) – Закон о белом рабстве. Закон входит в Свод Законов США и включен в главу 117 раздела 18. 11 сентября 2000 года Сенат США принимает Trafficking Victims Protection Act of 2000 (Закон о защите жертв торговли людьми). Вывоз женщин за рубеж с целью вовлечения их в проституцию отнесен данным законом к разряду федеральных преступлений. Закон обеспечивает помощь жертвам, желающим предъявить иск к своим поработителям, предоставляет защиту и приют и санкционирует внесение изменений в иммиграционное законодательство, допускающих освобождение от немедленной депортации и присвоение статуса беженцев с последующим предоставлением постоянного вида на жительство после трех лет пребывания на территории страны. Тем самым становится возможным судебное разбирательство дел, связанных с контрабандой людей.

В США в 2001 году поддерживалось более 110 программ по борьбе с торговлей людьми в нескольких десятках стран мира. Эти программы

включали помощь в разработке соответствующих законов и нормативных актов, помощь потерпевшим, подготовку кадров и т.д. Думается, что заимствование американского опыта борьбы с торговлей людьми и рабским трудом также окажет положительное влияние в борьбе с рассматриваемыми преступлениями.

Литература:

1. Уголовный кодекс Украины/Науч. ред. и предисл. В.Я. Тация, В.В. Сташиса. Пер. с укр. В.Ю. Гиленченко. СПб., 2001. С. 132-133.

2.Уголовный кодекс Кыргызской Республики. СПб., 2002. С. 169-170.

3.Уголовный кодекс Грузии/Науч. Ред. З.К. Бигвава. Пер. с груз. И. Мериджанашвили. СПб., 2002. С. 209-210.

4.Уголовный кодекс Азербайджанской Республики/Науч. ред. И.М. Рагимова. Пер. с азерб. Б.Э. Аббасова. СПб., 2001. С. 189.

5.Особенности предотвращения и расследования преступлений, связанных с торговлей людьми: учебное пособие/Под общ. ред. И.Ч. Шушкевича. М., 2008. С. 17-18.

6Уголовный кодекс Республики Болгария/Науч. ред. А.И. Лукашова. Пер. с болг. Д.В. Милушева, А.И. Лукашева. СПб., 2001. С. 139.

7.Согласно параграфу 40 УК ФРГ денежный штраф соответствует определенному числу дневных ставок чистого дохода, который могло бы иметь лицо. Число таких ставок – от 5 до 360. Размер дневной ставки устанавливается судом и дифференцируется от 2 до 10 000 немецких марок.

8.Уголовный кодекс Федеративной республики Германия/Науч. ред. Д.А. Шестакова. Пер. с нем. Н.С. Рачковой. СПб., 2003. С. 338.

9.Там же. С. 339.

10.Уголовный кодекс Аргентины/Науч. ред. и вступит. статья Ю.В. Голика. Пер. с исп. Л.Г. Ройзенгурта. СПб., 2003. С. 118.

11.Уголовный кодекс Республики Сан-Марино/Науч. ред. С.В. Максимова. Пер. с итал. В.Г. Максимова. СПб., 2002. С. 128.

12.Ахметчнин Х.М., Ахметчнин Н.Х., Петухов А.А. Современное уголовное законодательство КНР. М., 2000. С.128.

13.Особенности предотвращения и расследования преступлений, связанных с торговлей людьми: учебное пособие/Под общ. ред. И.Ч. Шушкевича. М., 2008. С. 50.

ПОНЯТИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ НОРМ ПРАВА: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ

Жинкина Е.Ю.
к.ю.н., доцент кафедры общетеоретических и государственно-правовых дисциплин Кубанского социально-экономического института
Краснодар, Россия

Аннотация: в статье представлен анализ эффективности норма права, законодательства и правового регулирования, а так же рассматриваются вопросы повышения результативности правовых предписаний.

Ключевые слова: эффективность норм права, эффективность законодательства, результативность норм права, правовое регулирование.

Abstract. in article the analysis of efficiency norm of the right, the legislation and legal regulation and as questions of increase of productivity of legal instructions are considered is presented.

Keywords: efficiency of norms of the right, efficiency of the legislation, productivity of norms of the right, legal regulation.

В литературе проблема эффективности норм права именуется «проблемой высшей степени трудности». Это объясняется двумя основными причинами: во-первых, многоаспектностью самой проблемы, в частности, многочисленностью и различным характером правовых объектов исследования, а следовательно и многообразием подходов к решению поставленной задачи; во-вторых, трудностями, связанными с использованием для решения задачи эффективности законодательства новейших приемов и методов научного исследования, требующих, как правило, значительных усилий не отдельных ученых, а целых коллективов, специально нацеленных на решение определенной задачи. К тому же, как отмечается в литературе, проблема эффективности законодательства будет стоять перед юридической наукой до тех пор, пока будет существовать законодательство [1]

В литературе указывается, что на первых порах, когда правовая наука только еще начинала обсуждение проблемы эффективности права, данное понятие обычно полностью или частично отождествлялось с оптимальностью, правильностью, обоснованностью самих норм права. Такую позицию занимали, например, Д.А. Керимов и М.П. Лебедев. Но и позднее, когда понятие «эффективность правовых норм» стало неуклонно связываться с результативностью их действия, многие советские правоведы продолжали формулировать рассматриваемое понятие через потенциальную способность правового решения оказывать влияние на общественные отношения в определенном направлении (Пашков А.С., Чечот Д.М.), содействовать достижению желаемой цели (Шаргородский М.Д.), обеспечивать достижение социально полезной и объективно обоснованной цели (Козлов В.А.), обеспечивать нормальный ход правосудия (Чечот Д.М.) и т.д. [2]

Ф.Н. Фаткуллин, рассматривая проблему эволюции подходов к понятию эффективности норм права, пишет, что на первых порах, когда только начиналось обсуждение эффективности правовых общностей, под этим понятием нередко понимались правильность, обоснованность юридических норм, их целесообразность и результативность, степень реализованности необходимой правовой возможности.[3]

Позднее под эффективностью правовых норм стали понимать их «действенность, результативность, то есть способность оказывать влияние на общественные отношения в определенном, полезном для общества направлении».[4] Например, О.Э. Лейст под эффективностью права подразумевает его осуществимость, которая предопределяется общеизвестностью, понятностью и непротиворечивостью правовых норм, их системностью

(хотя бы беспробельными связями материально-правовых и процессуальных норм), соразмерностью социальных целей норм и юридических средств достижения этих целей, обеспеченностью права действенной системой органов правосудия и других правоохранительных органов.[5]

Немало авторов понимают эффективность норм права как достижение целей права, соответствие между целями законодателя и реально наступившими результатами.[6] Данный подход получил в литературе наименование функционально-целевого.[7] Сторонники данного подхода понимают под эффективностью норм права отношение между фактически достигнутым результатом и той целью, ради которой были приняты соответствующие правовые предписания.[8] М.Х. Хутыз и П.Н. Сергейко отмечают, что «правовые нормы эффективны тогда, когда практика их реализации дает положительные результаты, способствует достижению поставленных целей».[9]

Данный подход к понятию эффективности норм права, который можно было бы назвать традиционным, вместе с тем подвергался и критике. Так, Ф.Н. Фаткуллин указывал, что «цель и результат объективно суть явления, не охватываемые непосредственно самим содержанием права. Юридические нормы могут содержать указание на свою социальную цель, но и в таком случае последняя, как идеально намеченное состояние реального объекта, находится вне их собственного содержания. Цель всегда направляет, результат достигается. Они оба никогда не становятся внутренним свойством самих правовых норм. И уже по этой причине эффективность не может рассматриваться одновременно в качестве и свойства правовых норм, и отношения их цели и результата. Ни одно внутреннее свойство правовых норм (в том числе эффективность) не может трактоваться как их отношение к другим, внешним явлениям, а только выражается в «таком отношении». Определенные соотношения цели, результата, издержек – это не суть эффективности норм права, а возможный путь ее изменения. Верно, по-видимому, то, что понятием эффективности правовых норм фиксируется их определенное внутреннее свойство, а именно их способность оказать реальное благотворное воздействие на объект в заданном направлении при данных конкретных социальных условиях».[10]

Разновидностью функционально-целевой концепции в литературе считается причинно-функционально-целевая, отличающаяся от первой обращением к анализу совершенства правовой нормы и включением в оценку ее эффективности таких элементов, как социально-полезный характер результата действия правовой нормы, учет затрат материальных средств, человеческой энергии и времени при решении поставленных задач, оптимальный вариант достижения поставленной цели и т.д.[11] Один из сторонников данного подхода В.А. Козлов, например, понимает эффективность права как максимально положительную результативность действия правовых норм при наименьших социальных издержках. Он пишет, что

«эффективность правового регулирования нельзя рассматривать как простую результативность, она необходимо должна включать классовую полезность этих результатов».[12]

Авторы монографии «Эффективность действия правовых норм» не разделяют точку зрения, что эффективность правовой нормы определяется соотношением между заключенной в ней целью и полученным результатом. Они указывают, что нет никаких оснований исключать из анализа эффективности правовых норм те реальные средства, действия тех конкретно-исторических субъектов, которые только и приводят к достижению того или иного результата. «Чистое» действие нормативного акта ничему в действительности не соответствует. Даже если рассматривать действие закона в отношении индивидов, а не социальных групп, то и тогда очевидно, что результат такого действия зависит не только от права, но и от множества характеристик рассматриваемого субъекта. Определять эффективность по отношению между результатом и целью проблематично не только потому, что у отдельной нормы редко имеется особая цель, но еще и потому, что полный результат действия этой нормы на момент исследования никогда не известен.[13]

Имеются определенные критические замечания по поводу понимания эффективности как соотношения цели и результата и в отраслевых юридических науках. Так, В.В. Лунеев отмечает, что применение подобного подхода к такой сложной деятельности, как борьба с преступностью, может иметь ряд подходов и разночтений. В одном случае под эффективной борьбой с преступностью понимается обоснованность и целесообразность норм права и правоохранительной деятельности, в другом – максимальное достижение цели при минимальных затратах человеческой энергии, времени и материальных средств, в третьем – отношение фактически достигнутого результата в борьбе с преступностью к той цели, для достижения которой были приняты те или иные меры и т.п. Кроме того, имеются различные подходы относительно того, что выбрать за исходную цель: устранение причин преступности, искоренение преступности, снижение ее уровня, повышение раскрываемости преступлений, защиту прав граждан и т.д.[14]

Соглашаясь с тем, что эффективность правовых норм действительно определяется соотношением цели и результата, хотелось бы заметить, что, к сожалению, далеко не все нормативные акты содержат указания на цели своего издания (в отношении конкретной нормы это вообще немыслимо). Цели конкретных норм могут быть выделены логическим путем, да и это относится не ко всем разновидностям юридических норм. В этом плане требует уточнения утверждение Н.М. Коркунова о том, что всякая норма… есть правило, обусловленное определенной целью, другими словами – правило должного.[15] Более того, зачастую сам законодатель не может четко сформулировать цели принимаемого акта, средства достижения этих це-

лей, вынужден их впоследствии корректировать. Иногда законодатель сознательно скрывает цели принятия того или иного акта, если они противоречат интересам большинства населения. Наконец, в истории известны случаи, когда законы принимались исключительно в пропагандистских целях, а правотворческий орган не рассчитывал на получение какого бы то ни было реального результата. При такой исходной ситуации исследование эффективности многих нормативных актов, включающих значительное число норм, становится весьма проблематичным.

Достижение определенной цели не может являться «заслугой» одной определенной нормы права. Помимо того, что цель может достигаться за счет действия неправовых факторов, следует учитывать, что единой целью, как правило, объединяются и группы норм. В этой связи уместно вспомнить высказывание Л.С. Явича о том, что правовое регулирование общественных отношений не может быть осуществлено только при помощи одной, отдельно взятой юридической нормы.[16] В то же время определенные нормы могут иметь не одну, а несколько целей. Все это в определенной степени ставит под сомнение точность традиционного определения эффективности правовых норм.

В.В. Лапаева предлагает определять понятие эффективности норм права исходя из категории социального интереса. Она указывает на то, что было бы неверно продолжать трактовать эффективность закона как соотношение между результатом действия нормы и предписанными ей неправовыми (экономическими, политическими, идеологическими и т.д.) целями. В русле современного понимания сущности закона в условиях формирующейся правовой государственности эффективность законодательства следует измерять его вкладом в укрепление правовых начал государственной и общественной жизни, в формирование и развитие элементов свободы в общественных отношениях, в реализацию прав и свобод человека и гражданина. То же самое можно сформулировать и в привычных терминах соотношения цели и результата, поскольку эффективность – это всегда мера целенаправленного воздействия. Только речь пойдет не о внешних по отношению к праву экономических, политических, идеологических и иных целях, а об имманентной ему правовой цели, заключающейся в согласовании социальных интересов на базе правообразующего интереса и в обеспечении, таким образом, максимально возможной всеобщей меры свободы для развития соответствующей сферы общественной жизни».[17] Подобные взгляды высказывались в литературе и ранее. В частности, Н.М. Коркунов отмечал, что юридические нормы есть нормы разграничения интересов.[18] В.П. Казимирчук связывал эффективность права с отражением экономических, политических и духовных потребностей и интересов классов и общества в целом, направленностью на охрану прав и свобод личности.[19]

Е.М. Савельева, исследуя эффективность законодательной деятельности, указывает, что ее желательно оценивать в первую очередь по обеспечению соответствия законодательного регулирования общественным интересам и потребностям. [20]

Соглашаясь с тем, что в современных условиях цели и задачи подверглись существенному изменению, необходимо отметить, что достаточно сложно определить, насколько сбалансированно согласованы социальные интересы, насколько прочно обеспечена «максимально возможная мера свободы», а значит – насколько эффективна система действующих норм права. Кроме того, если при исследовании эффективности норм права исследовать установки соответствующих индивидов (адресатов), то по указанному признаку в литературе уже выделены следующие группы норм:

1.нормы, непосредственно связанные с удовлетворением потребностей индивида;

2.нормы, безразличные к потребностям индивида;

3.нормы, препятствующие удовлетворению некоторых (антисоциальных) потребностей индивида.[21]

Естественно, что это еще больше осложняет оценку эффективности как сбалансированности интересов, потребностей людей.

В качестве критерия сбалансированности социальных интересов можно было бы использовать снижение числа актов принуждения, связанных с реализацией соответствующей нормы. Добровольное соблюдение и исполнение нормы служит свидетельством ее восприятия общественным сознанием и общественной практикой. В то же время необходимо иметь в виду, что реализация различных норм изначально предполагает различный уровень принудительности, а некоторые разновидности норм (управомочивающие, нормы-дефиниции) вообще реализуются без применения принудительной силы государства.

Представляется, что различие между пониманием эффективности норм права как соотношения цели и результата и ее трактовкой как отражения интересов субъектов права, баланса этих интересов не столь уж принципиально. Следует согласиться с Г.В. Мальцевым в том, что «цель, если она действительно необходима, невозможно отделить от интереса. Иначе говоря, она есть осознанный интерес и должна его объективно отражать. …Цели человека складываются на основе объективно возникающих его интересов, реализуемых посредством деятельности в целесообразных формах».[22]

Осознание индивидом объективного интереса есть познание объективной необходимости, акт свободы. Поэтому категория цели как результата осознания объективного интереса характеризует свободно-волевую деятельность человека. Свобода воли неизменно предполагает наличие разумно поставленной и соответствующей объективному интересу цели.[23]

Таким образом, цели формулируются законодателем именно для удовлетворения тех или иных социальных интересов. Поэтому рассмотрение эффективности норм права как меры отражения социальных интересов есть фактически рассмотренное под другим углом зрения определение эффективности норм как соотношения целей и результатов.

В литературе отмечается, что, когда говорят об эффективности законодательства, речь идет об эффективности его действия. В то же время предложено различать «эффективность нормы и эффективность ее воздействия».[24] При этом под эффективностью нормы предлагается понимать вычлененный результат ее действия, а под эффективностью воздействия – совокупный результат, включающий также и эффективность действия правового механизма. В действительности же, однако, действие нормы никогда не бывает в таком «чистом», «вычлененном» виде. Действие нормы всегда сопровождается включением в той или иной мере правового механизма действия законодательства. Поэтому справедливо подчеркивается условность такого деления, так как и в первом, и во втором случае речь идет именно о действии нормы, об эффективности действия, ибо бездействующая норма не может дать никакого эффекта.[25]

Другим аспектом проблемы понятия эффективности правовых норм является соотношение эффективности права и эффективности законодательства.

В современной литературе эффективности законодательства посвящено достаточно много работ. Однако, как представляется, эффективность права и эффективность законодательства следует разграничить.

Как известно, закон (как и другой нормативный акт) является формой выражения норм права, формальным источником права. Законодательство в узком смысле понимается как совокупность законов, в широком – как совокупность действующих в государстве нормативных актов. Поэтому традиционно соотношение права и закона рассматривается как соотношения содержания и формы. В таком случае термин «эффективность законодательства» может пониматься лишь как эффективность законодательной формы выражения норм права, речь может идти лишь о большем или меньшем эффекте норм права в результате их закрепления именно в нормативных актах, а не иных источниках. Сам же по себе нормативный акт представляет собой слишком разноплановый правовой феномен, чтобы говорить о его единой эффективности. К некоторым частям нормативного акта оценка эффективности просто неприменима, например, к дате принятия, преамбуле, не имеющей нормативного значения, и т.д. Нормативный акт может включать оперативные поручения государственным органам, должностным лицам, то есть ненормативные, индивидуальные предписания. Такие предписания, направленные определенному кругу лиц по поводу конкретной ситуации, будут вызывать эффект, принципиально иной по

сфере распространения. Поэтому говорить об эффективности нормативного акта в целом представляется некорректным.

Эффективность норм права следует также отличать от эффективности правовых средств. Проблемы правовых средств стали предметом научного внимания как в теории государства и права, [26] так и в отраслевых юридических науках. [27] Понятие «эффективность правовых средств» является более широким по отношению к понятию «эффективность норм права». Воздействие правовых средств на общественные отношения весьма многогранно и осуществляется на всем протяжении процесса правового регулирования.

На первой стадии правового регулирования правовые средства выполняют функцию создания правовой нормы и ее общего воздействия. Эту функцию выполняют такие правовые средства, как нормы права. От вида нормы права, закрепляющей запрещение, дозволение, обязывание, зависит характер поведения субъектов права. Если рассматривать правовые средства в информационно-психологическом аспекте, то к их числу на этом этапе можно отнести правовые стимулы (льготы, поощрения), а также правовые ограничения (приостановления, взыскания).[28]

На следующей стадии правового регулирования происходит возникновение, изменение, прекращение правоотношений, а также индивидуализация поведения конкретных субъектов. К числу правовых средств, обеспечивающих такое исполнение, относятся прежде всего юридические факты. Индивидуализация поведения конкретных субъектов на данном этапе осуществляется посредством возникновения субъективных прав и юридических обязанностей. На заключительной стадии правового регулирования в роли правовых средств выступают акты реализации права. С формальной точки зрения в данном случае, как правило, имеется в виду юридический документ, то есть письменный текст, где волеизъявление субъектов права нашло подтверждение. С фактической стороны это их реальное поведение.[29]

Еще одним аспектом проблемы понятия эффективности правовых норм можно считать соотношение эффективности норм права и их результативности. Следует согласиться с мнением, что понимание эффективности законодательства как его результативности сразу же ставит перед исследователем другой важный вопрос: а каким именно может быть результат действия законодательства? На этот счет мнения в литературе разделились. Одни авторы полагают, что результативность законодательства (нормы права, их совокупностей, закона, института или даже отрасли права) в смысле его эффективности может быть как положительной, так и отрицательной (антиэффективность) [30], тогда как другие считают, что под эффективностью законодательства следует понимать только положительный результат его действия, так как не следует считать эффективной систему, причиняющую вред обществу.[31] Необходимо иметь в виду, что ре-

зультат описывается и в самих нормах в самых различных формах: как достижение цели (удовлетворение интереса), как полезное (вредное) или нейтральное последствие, наконец, как последствие, желательное для индивида или для общества. Что касается цели, то она нередко описывается как функция (обязанность) действующего субъекта. [32]

Можно согласиться с М.Д. Шаргородским, что эффективность есть абстрактное понятие, означающее только способность применяемого средства содействовать достижению желательной цели, оценка же относится не к эффективности, а к цели, достижению которой служит анализируемое средство. [33]

Кроме термина «эффективность» в отечественной литературе используются и другие обозначения высокого качества действия закона и высокого уровня его реализации. Например, Т.В. Худойкина говорит о «регулятивной престижности» законодательства, а также его юстициабельности, то есть защищенности действия закона мерами государственного принуждения. [34]

Эффективность норм права также следует отличать от эффективности правового регулирования, хотя иногда в литературе исследованию подвергается именно эффективность механизма правового регулирования. [35] Уже неоднократно отмечалось, что правовое регулирование есть многоуровневая система. В ней имеют место как общие правила поведения во всех областях жизни общества, так и отдельные специальные правила, обусловленные характером этих отношений и механизмом их реализации. [36] При исследовании механизма правового регулирования исследованию подвергаются не только правовые нормы, но и иные правовые средства, входящие в данный механизм. [37]

С одной стороны, воздействие права, его норм на общественную жизнь не ограничивается регулированием. Поэтому в литературе правовое регулирование рассматривается лишь как часть правового воздействия. [38] Право как система норм выполняет не только регулятивную функцию. Следует согласиться с С.А. Комаровым, что «воздействие включает как регулирование с помощью определенной правовой нормы, так и другие правовые средства и формы влияния на поведение людей. Следовательно, не нужно сводить правовые средства и формы влияния права на общественные отношения только к правовому регулированию». [39] А.В. Малько справедливо отмечает, что регулирование – лишь одна из форм воздействия права на социальные связи и выделяет также информационно-психологический (мотивационный, импульсивный), воспитательный (педагогический, ценностно-ориентационный) и социальный аспекты правового воздействия на общественную жизнь. [40] Сходной позиции придерживается и М.И. Байтин, который отмечает, что воздействие права шире по объему, чем правовое регулирование и включает в себя как правовое регулирование, то есть воздействие права на отношения между людьми

специально нормативными, специфически юридическими средствами (правовые нормы, источники права, правоспособность, дееспособность, правоотношения, юридическая ответственность и т.п.), так и общесоциальное, духовное, культурное, воспитательное и т.п. воздействие, свойственное и другим надстроечным явлениям – морали, культуре и т.д. В.Н. Кудрявцев пишет, что «механизм действия права может рассматриваться в социальном, юридическом, психологическом, организационном и иных аспектах. В этой связи говорят даже о социальном, психологическом и т.д. механизмах действия права. В действительности все это различные части или аспекты единого, целостного механизма». [41] А.И. Бобылев указывает, что «механизм правового воздействия» - это правовая категория более широкая, чем «механизм правового регулирования», включающая еще и такие правовые средства, как правовое сознание, правовая культура, правотворческий процесс». [42] Таким образом, правовое регулирование представляет собой основную, важнейшую часть правового воздействия на общественные отношения. [43] Впрочем, имеется в науке и точка зрения, по которой правовое регулирование сводится к различным формам юридического воздействия государства на поведение субъектов общественных отношений. [44]

Итак, воздействие нормы на соответствующие отношения не ограничивается регулированием. Можно утверждать, что норма оказывает и предварительное информационное, идеологическое воздействие. В этом плане В.Н. Кудрявцев указывал, что «правовая норма во многих случаях способна влиять на мотивацию поведения». [45]

С другой – термин «эффективность правового регулирования» предполагает эффект не только юридических норм, но и актов реализации права, например, правоприменительных, то есть эффективность правового регулирования подразделяется на эффективность нормативного правового регулирования и эффективность индивидуального правового регулирования. Поэтому эффективность норм права и эффективность правового регулирования – хотя и близкие, взаимосвязанные, но не тождественные понятия.

Итак, осмысление понятия эффективности норм права, выработка четкого определения, отграничение понятия эффективности норм права от близких, но не тождественных ему понятий является важным шагом в разработке новой научной концепции эффективности, в практическом разрешении вопросов повышения результативности правовых предписаний.

Литература:

1.Эффективность гражданского законодательства (актуальные вопросы). / Под ред. В.П. Грибанова. М., 1984. С. 6-7.

2.Эффективность правовых норм. / Кудрявцев В.Н., Никитинский В.И., Самощенко И.С., Глазырин В.В. М., 1980. С.23-24.

3.Фаткуллин Ф.Н. Проблемы теории государства и права. Казань, 1987. С.318.

4.Пашков А.С., Чечот Д.М. Эффективность правового регулирования и методы ее выявления.// Советское государство и право. 1965. №8. С.3.

5.Лейст О.Э. Сущность права. М., 2002. С.93.

6.См. напр.: Эффективность правовых норм. / Кудрявцев В.Н., Никитинский В.И., Самощенко И.С., Глазырин В.В. М., 1980. С.22; Проблемы эффективности работы управленческих органов. / Под ред. Ю.А. Тихомирова. М., 1973. С. 44 и др.

7.Федосова В.А. Эффективность действия норм советского государственного права. Воронеж, 1984. С.19-20.

8.См. напр: Иконицкая И.А. Проблемы эффективности в земельном праве. М., 1979. С. 36; Эффективность правовых норм. М., 1980. С.22.

9.Хутыз М.Х., Сергейко П.Н. Энциклопедия права. М., 1995. С.36.

10.Фаткуллин Ф.Н. Проблемы теории государства и права. Казань, 1987. С.318-319.

11.В.А. Федосова к представителям данного подхода относит М.П. Лебедева, А.С. Пашкова, Д.М. Чечота, Л.С. Явича, Г.А. Злобина, В.А. Козлова и др. (Федосова В.А. Эффективность действия норм советского государственного права. Воронеж, 1984. С.20.).

12.Козлов В.А. К вопросу о понятии эффективности права. // Вестник ЛГУ. 1972. №5. С. 109, 111.

13.Эффективность действия правовых норм. Л., 1977. С.31, 34, 35.

14.Лунеев В.В. Эффективность борьбы с преступностью и ее отдельными видами в современной России.// Государство и право. 2003. №7. С. 106.

15.Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 2003. С.71.

16.ЯвичЛ.С. Проблемы правового регулирования советских общественных отношений. М., 1961. С. 13.

17.Проблемы общей теории права и государства. / Под ред. В.С. Нерсесянца. М., 2002. С.503-504.

18.Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 2003. С.60-62.

19.Казимирчук В.П. Социальный механизм действия права. // Советское государство и право. 1970. №10. С.37.

20.Савельева Е.М. Проблемы совершенствования законодательной деятельности в России на федеральном уровне. // Государство и право. 2001. №9. С.5.

21.Эффективность действия правовых норм. Л., 1977. С. 60.

22.Мальцев Г.В. Социалистическое право и свобода личности. М., 1968. С. 113.

23.Мальцев Г.В. Социалистическое право и свобода личности. М., 1968. С. 113.

24.Илларионова Т.И. О категории эффективности гражданско-правовых норм. В кн.: Гражданское право, эффективность и качество. Свердловск, 1977, С.76.

25.Эффективность гражданского законодательства. / Под ред. В.П. Грибанова. М., 1984. С.9.

26.См. напр: Алексеев С.С. Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация. // Советское государство и право. 1987. №6; Малько А.В. Правовые средства как общетеоретическая проблема. // Правоведение. 1999. №2.

27.Маврин С.П. Правовые средства управления трудом на предприятии. Л., 1989; Пугинский Б.И. Правовые средства обеспечения эффективности производства. М., 1980; Минц Б.И. Понятие и роль правовых средств в хозяйственных отношениях. // Правоведение. 1983. №2.

28.Дивеева Н.И. Общеправовые средства в механизме правового регулирования трудовых отношений. // Правоведение. 2002. №3. С. 58.

29.Дивеева Н.И. Общеправовые средства в механизме правового регулирования трудовых отношений. // Правоведение. 2002. №3. С. 58-59.

30.Эффективность правовых норм. / Кудрявцев В.Н., Никитинский В.И., Самощенко И.С., Глазырин В.В. М., 1980. С.55-56.

31.Петрухин И.Л., Батуров Г.П., Моршакова Т.Г. Теоретические основы эффективности правосудия. М., 1979. С.169.

32.Кудрявцев В.Н. Право и поведение. М., 1978. С.36.

33.Шаргородский М.Д. Наказание, его цели и эффективность. Л., 1973. С. 57-58.

34.Худойкина Т.В. Стабильность закона или законодательства? (теоретические и практические аспекты). // Журнал Российского права. 2000. №9. С.20, 21.

35.Морозова Л.А. Теория государства и права. М., 2002. С.319-320; Теория государства и права. Курс лекций. / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 1997. С.632-633.

36.Системность законодательства как фактор повышения его качества. // Государство и право. 2002. №8. С.7.

37.Дивеева Н.И. Общеправовые средства в механизме правового регулирования трудовых отношений. // Правоведение. 2002. №3. С. 62.

38.См.напр: Теория государства и права. Курс лекций. / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 1997. С.622-623.

39.Общая теория государства и права. Академический курс. / Под ред. М.Н. Марченко. М., 1998. С.435.

40.Теория государства и права. Курс лекций. / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 1997. С. 623.

41.Кудрявцев В.Н. Право и поведение. М., 1978. С.68.

42.Бобылев А.И. Механизм правового воздействия на общественные отношения. // Государство и право. 1999. №5. С. 105.

43.Байтин М.И. Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов, 2001. С. 139.

44.Явич Л.С. Проблемы правового регулирования советских общественных отношений. М., 1961. С.26.

45.Кудрявцев В.Н. Право и поведение. М., 1978. С. 30.

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ ОБ УГОЛОВНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОСНОВАХ НОВОГО ПОЛЬСКОГО УК 1997 Г. И ПРАКТИКЕ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ

Заянчковская Элизабета
Польша, Легница

Аннотация: Социальные ожидания в отношении политики государства в области ограничения преступности, границ пенализации и функционирования судебного назначения наказания именно в Польше отличаются особой актуальностью.

Ключевые слова: политика, государство, назначение наказания.

Abstract. Social expectations concerning state policy in the field of restriction of crime, borders of a penalizatsiya and functioning of judicial purpose of punishment in Poland differ a special urgency.

Keywords: policy, state, purpose of punishment.

С точки зрения общепринятого подхода, предупреждение преступности или, скромнее говоря, ее ограничение в целях формирования в обществе уважения к праву, очевидно, зависит не только от уверенности в неизбежности справедливого наказания, но и от уровня социального согласия с обязывающим правом. Мне кажется, что в этом плане представляют интерес результаты исследований Отдела социологии права Вроцлавского университета, проведенных в 1994-1996 гг. Нами была предпринята попытка установить общие ожидания в отношении создаваемого в то время в Польше уголовного права. Какое право ожидают поляки в условиях создания новой действительности? Ответы на этот вопрос оказались, разумеется, разнородными, в зависимости от того, отвечали ли на него сторонники вводимых политико-экономических изменений, т.е. респонденты из привилегированных групп, или те, кто, понеся от этого потери, находится на грани нищеты или под угрозой безработицы. Например, 70% из первой группы на вопрос о границах уголовно-правового регулирования экономической деятельности высказались за такое регулирование, которое представляло бы широкое поле свободы договоров между экономическими партнерами; 80% из второй группы респондентов — за широкую и, в частности, детальную уголовно-правовую регламентацию хозяйственного оборота.

Общими для обеих групп респондентов оказались при этом ожидания большей аполитичности и субъективизации права — в том наиболее привычном и одновременно универсальном для правовой культуры значении, что право не должно быть прерогативой государства или политических элит, но общей ценностью граждан, которые в рамках справедливого права могли бы результативно реализовывать свои цели2. В общей структуре такого рода представлений опрошенные ожидали, что санкции, в том числе размеры законодательно определенных наказаний и практика их судебного назначения, должны иметь в виду главным образом и прежде всего охрану общества от преступности, а также надлежаще обеспечивать интересы жертв преступлений. Тем самым ресоциализация самого осужденного как цель формирования и назначения наказания отходит на дальний план. Думаю, что, говоря о социальных ожиданиях в отношении уголовной политики, нельзя обойти постулаты, сформулированные юридическим сообществом в ходе кодификационной работы. Речь идет о позициях лиц, профессионально занимающихся либо теорией, либо практикой в сфере уголовного права. Работам по системной перестройке польского уголовного права сопутствовали общие и в то время единые ожидания этого сообщества. Они заключались в том, чтобы из создаваемого в измененных социально-политических условиях правового ограничения преступности были вытравлены элементы мифа. Иначе говоря, чтобы оно было рациональным. Ожидания рациональности, прежде всего, связывались с потребностью решительного отказа от чрезмерно репрессивной системы уголовного

права, которая была построена и санкционировала в Польше в период действия социалистического уголовного законодательства.

Принятые в новом УК решения о законодательных угрозах наказанием отдельных преступлений и принципах его назначения или шире — о законодательной возможности вынесения приговоров судом также иных (помимо таких наказаний, как, в частности, лишение свободы) уголовно-правовых средств доказывают, что создатели нового УК, полностью осознавая все социальные последствия оперирования слишком суровыми наказаниями, счастливым образом избежали чрезмерной репрессивности наказания. Провозглашенный в концепции реформы уголовного права отход от чрезмерно репрессивной модели борьбы с преступностью нашел свое, в некотором роде сверхпрограммное, отражение в предписании ст. 58 §1 УК. Данный параграф определяет наказание в виде лишения свободы как ultima ratio, как окончательность, которая избирается только тогда, когда иное наказание или уголовно-правовое средство не могут достичь целей наказания. Такое понимание четко решает в пользу неизоляционных наказаний и уголовно-правовых средств по сравнению с лишением свободы без применения института условного осуждения.

При таком понимании в то же время сразу возникли сомнения в том, что в равной степени в новом УК удалось избежать слишком мягких решений. В оживленных дискуссиях, продолжающихся в Польше уже после принятия Кодекса, стали обращать внимание на то, что чрезмерный ригоризм наказания (подобно неоправданному либерализму) появляется в обоих случаях как результат ненадлежащей оценки состояния преступности или ошибочной оценки содержания неправомерности деяний, охватываемых уголовно-правовым запретом. В этих дискуссиях подчеркивается среди прочего, что необоснованным является снижение прежде всего нижних границ угрозы наказания в виде лишения свободы за ряд преступлений. К их числу относят: разбой с применением оружия или опасного орудия (ст. 280 §2), изнасилование с особой жестокостью или совершенное группой (ст. 197 §3), получение функционером материальной выгоды, значительной ценности (ст. 228 §5), участие в банде (ст. 258 §1), организация или руководство преступным объединением или группой (ст. 258 §3), физическое или психическое издевательство над малолетним (ст. 207 §1). По мнению критиков, если сравнивать ранее существовавшую угрозу с только что принятой, неизбежно возникает вопрос — почему именно эти преступления должны караться мягче в новом УК (притом, что их количество не только не снижается, но, напротив, явно растет)? Кроме того, по этой причине в обществе усиливается ощущение угрожаемости именно со стороны перечисленных преступлений. На основе этого делается вывод, что снижение границ угрозы наказания как раз за указанные преступления приобретает социально-отрицательное значение. Принятое в данной сфере снижение наказаний представляет для судьи, общественного мнения, а также для

преступного мира явный, хотя и трудный для социального одобрения, информационный сигнал о снижении репрессии в наименее соответствующих и наиболее чувствительных областях нашей совместной жизни.

В широком общественном мнении новый УК именно из-за своего либерализированного содержания пробуждает различные сомнения, а иногда и неожиданные возражения. Его предписания, касающиеся уголовно-правовых санкций или шире — принципов назначения наказания, нередко воспринимаются как решения, несоответствующие и неадекватные современному состоянию преступности в Польше и, в любом случае, возрастающему чувству социальной незащищенности. Иногда ставится под сомнение и превентивное значение принятой в Кодексе стратегии ограничения преступности. В опубликованных по этой проблеме работах обращается внимание на значительный рост преступности в Польше в 1984-1994 гг. с указанием на то, что 1990 г. характеризуется внезапным скачком преступности и с тех пор (до 1994 г.) она удерживалась на этом уровне, будучи относительно стабильной. Указанный внезапный рост преступности в 1990 г. на 61% в сравнении с 1989 г. произошел за счет увеличения числа убийств — 31,1%; краж — на 78,9%; краж со взломом — на 97,25%. Подчеркивается также рост коэффициента преступности на 100 тыс. населения. В 1984-89 гг. он составил 1388, в 1990-94 гг. — 2289. Рост преступности и возникшее в результате этого чувство социальной незащищенности чаще всего приводят к тому, что административно-политические субъекты, в первую очередь Министр юстиции и круги, с ним связанные, выступают с каждым разом все решительнее со скоропалительными инициативами обновления нового Кодекса в направлении его ужесточения5. Предлагаемые политиками решения приводят обычно к самым примитивным образцам реагирования по схеме “рост преступности — ужесточение закона — назначение более сурового наказания”. Эти идеи получают резонанс в обществе, которое, как правило, не имеет достаточных знаний о причинах преступности, но под воздействием страха перед нею и чувства незащищенности склонно реагировать, скорее демонстрируя ригористические позиции в отношении явления растущей преступности, чем спокойно анализируя как саму преступность, так и ее причины. Обозначая здесь возможные и, на первый взгляд, обоснованные сомнения, вместе с тем полагаю, что следовало бы сохранить определенную осторожность в обобщении критических оценок института наказания в новом УК. Постулат определенной осторожности в оценках уголовно-политических идей нового УК имеет сильное основание в не подвергаемом сомнению положении о том, что хорошая кодификация, рассчитанная на многие годы, требует от законодателя именно по этой причине в определении состояния преступности, помимо учета исходного момента, также прогностического мышления. Главная трудность заключается в том, что создание нового права в Польше происходит в переходной фазе, а не в условиях надлежащего функциони-

рования полностью сформировавшегося нового социального устройства. В данной фазе процесс создания основ правового государства всего лишь инициирован в буквальном смысле in status nascendi. В результате в переходный период особенно сильно обозначаются также побочные, т.е. не планируемые, но негативные последствия трансформации государства. Они проявляются среди прочего также в виде усиления миграционных потоков, пауперизации значительной части общества, особенно острой на фоне быстрого и обычно незаконного обогащения узких избранных социальных групп, роста инфляции и безработицы.

При заметной лабильности социально-экономической ситуации и кризисе многих социальных институтов, а также при общем дефиците моральных ценностей неизбежно (как их последствие) появляются заметный, хотя и преходящий рост преступности и связанное с этим усиление социального чувства незащищенности. Ответом рационального законодателя на преходящие тенденции роста преступности не может быть произвольное увеличение степени суровости наказания. Достаточно реагирующий субъект правотворчества, учитывая разнообразные условия преступности, будет принимать во внимание как актуальное ее состояние, так и обоснованные прогнозы ее изменения. Очевидная в процессе создания права потребность в прогностическом мышлении приводит к тому, что законодатель, не трактуя преходящего возрастания преступности как относительно постоянный элемент ситуации, вместо автоматического ужесточения наказания, эффективно расширяя границы свободы судейского решения, вводит довольно широко определенные пределы законодательной угрозы наказанием. Предполагается, что суд, оценивая в данное время и в данном месте также состояние преступности и социальное чувство незащищенности, может с учетом целей наказания надлежащим образом выбрать в каждом индивидуальном случае соответствующий вид и размеры наказания.

С этой точки зрения снижение законодателем также нижних пределов наказания, в том числе за преступления, которые по уголовной статистике представляют собой постоянно возрастающие величины, вовсе не должно приводить к не опирающейся на положения рациональной уголовной политики чрезмерной либерализации карательной практики, поскольку новый УК сохраняет одновременно достаточно высокие размеры верхних пределов наказания. Имеет смысл добавить, что рациональность карательной практики в этом случае может быть нарушена не законодателем, но судами, которые, как видно из эмпирических исследований в Польше, обычно назначают наказание в виде лишения свободы в размерах, приближенных к нижней границе законодательно установленной санкции. В виде некоторого предположения с помощью данного утверждения можно подчеркнуть значение судебной практики в совместном осуществлении уголовной политики, рациональность которой зависит не только от совер-

шенства Кодекса, но — в равной мере — и от квалификации судьи, применяющего его предписания.

Литература

1.Ст. 280 §2 — нижняя граница составляет 3 года лишения свободы; ст. 197 §3 — 2 года лишения свободы; ст. 228 §5 — 2 года лишения свободы; ст. 258 §1 — до 3 лет лишения свободы; ст. 58 §3 — 6 месяцев лишения свободы; ст. 207 §1 — 3 месяца лишения свободы. Сроки указаны с учетом изменений, внесенных законом от 10 сентября 1999 г. и даются по изданию Kodeks Karny. Kodeks postк powania Karnego. Kodeks Karny Wykonawczy. Gdacsk, 1999 (по состоянию на 15 сентября 1999 г.). Перевод УК Республики Польши на русский язык.

2. Интервью Министра юстиции и Генерального прокурора Л. Качиньского в “Gazecie Wyborczej” z 16 czerwca 2000 roku, а также в еженедельнике “Wprost” nr 26 (917) z 25 czerwca 2000 r. (см. полемику с позиций Министра — Z. Holda, J. Widacki: Prywatka Lecha Kaczvinskiego // Gazeta Wyborcza z 28 czerwca 2000 r. и ответ советника министра на обвинения — Z. Ziobro: Kto sik boi srogiej kary? // Gazeta Wyborcza z 26 lipca 2000 r.)

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ МИРА В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Клегер Сандра
Венский Университет, Австрийская Республика

Аннотация: Российский законодатель последовательно вводит в нормы уголовного права предписания международных актов, устанавливающих преступность тех или иных действий. Одним из таких действий давно перешедших границы государств является международный терроризм.

Ключевые слова: преступления, международный терроризм, преступления против мира.

Abstract. The Russian legislator consistently enters into norms of criminal law of the instruction of the international acts establishing crime of these or those actions. One of such actions long ago overstepped the limits states is the international terrorism.

Keywords: crimes, the international terrorism, crimes against the world.

Анализ нормативной базы показал, что не все составы преступлений, перечисленные в Проекте Международного кодекса вошли в раздел УК РФ о "международных преступлениях. И, наоборот, не все деяния против мира, преступность которых установлена в уголовном законе России содержаться в ст.15-26 Проекта (публичные призывы к развязыванию агрессивной войны; нападение на лиц и учреждения, которые пользуются международной зашитой).

Рассматривая преступления против мира, остановлюсь на тех, которые, на мой взгляд, имеют дальнейшую перспективу пополнить XII раздел отечественного уголовного закона.

Международное уголовное право, несмотря на немалое количество документов, не определяет сам термин "терроризм". Вместо него речь обычно идёт о преступлениях, являющихся проявлениями международного терроризма. К таким актам документы международного права относят самые разные преступления.

Многие преступления, названные террористическими в Европейской конвенции по борьбе с терроризмом от 27 января 1977 г., такие как правонарушения, относящиеся к применению Гаагской конвенции по борьбе с преступным захватом летательных аппаратов от 16 декабря 1970г. правонарушения, содержащие захват заложников или незаконное лишение свободы правонарушения, содержащие использование бомб, гранат, ракет, автоматического огнестрельного оружия, насколько подобное использование представляет опасность для людей, - вошли в гл.24 УК РФ "Преступления против общественной безопасности". Это ст.ст.205 УК РФ - "Терроризм",206 УК РФ - "Захват заложника",211 УК РФ - "Угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава", 227 УК РФ -"Пиратство".

Не отрицая того, что действия криминализированные вышеуказанными статьями УК РФ являются действиями против общественной безопасности как правоохраняемого интереса, нельзя не признать того, что они, будучи совершенными с целью оказания влияния на развитие отношений между государствами или религиозными системами, посягают на мировой правопорядок и нормальный ход международных отношений. Ярким примером, обосновывающим такой подход, служат события, последовавшие после 11 сентября 2001 г.

Международная обстановка выдвинула новые требования понимания терроризма.

Прогрессивны положения, давшие толчок для нового осмысления проблемы международного терроризма заложены в Преамбуле Декларации о мерах по ликвидации международного терроризма от 9 декабря 1994г. Проявлениями терроризма определены деяния, которые "угрожают жизни ни в чём не повинных людей или приводят к их гибели, имеют пагубные последствия для международных отношений и могут поставить под угрозу безопасность государств". Прогрессивность определения для международного права заключается в том, что объектом посягательства здесь кроме прочего выбрано мирное развитие международных отношений государств.

На дипломатической конференции 1998 г. в Риме, принявшей Статут Международного уголовного суда остро дебатировался вопрос об определении международного терроризма как преступления против мира и безопасности человечества. Особенно резкой критике со стороны представите-

лей Алжира, Индии, Турции и Шри-Ланки подверглась формулировка, согласно которой уголовно-правовой запрет ограничивается "государственным" терроризмом, тогда как международный терроризм им не исчерпывается. Этот тезис можно поддержать анализируя лишь открытые сведения Службы внешней разведки России, передаваемые в средства массовой информации по обстановке в Чеченской республике.

В связи с этим необходимо отметить и то, что террорист может действовать не обязательно для достижения своих личных целей. Чаще присутствует ситуация, когда акт терроризма совершается в интересах представителей третьих сторон (государств, религиозных организаций, транснациональных корпораций). Например, военная компания в Чечне наглядно показала, что за чеченскими и иностранными террористами стоят агрессивные планы представителей арабского мира (Саудовской Аравии, Каира, Бахрейна) по отторжению Чечни от территории России и образованию Великого исламского государства, куда также вошла бы будущая Великая Албания с землями бывшей Югославии и Греции.

Располагая такими фактами, представители государств, признают международный терроризм именно как преступление против международного мира и человечности.

Какие же данные могут указать на преступления международных террористов как на преступления против мира?

Во-первых, преступления международных террористов имеют место при отсутствии фактических военных действий между государствами, как это закреплено в Определении агрессии.

Во-вторых, преступления международных террористов посягают на интересы соблюдения всеобщего мира. Вспомним хотя бы факт ведения американскими войсками военных действий в Афганистане в 2002г. по мотивам поиска террориста №1 и его сообщников, которые проводились в ответ на преступления террористов 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне.

В-третьих, преступления международного терроризма посягают на правила мирного разрешения межгосударственных споров. Например, акции палестинских камикадзе, проводимые в израильских городах.

Таким образом, можно сказать, что данные преступления посягают на непосредственный объект преступлений против мира: охраняемые международным правом интересы соблюдения всеобщего мира и правила мирного урегулирования межгосударственных споров.

Принятие Закона РФ "О борьбе с терроризмом" 25 июля 1998 г. ещё раз подтвердило направленность мысли российского законодателя в определении международной террористической деятельности в сторону её закрепления в нормах права как международного уголовного преступления. Статья 3 данного Закона указывает на то, что под международной террористической деятельностью понимается такая, которая осуществляется тер-

рористом или террористической организацией на территории более чем одного государства; наносящая ущерб интересам более чем одного государства; эта деятельность проводится гражданами одного государства в отношении граждан другого государства или на территории другого государства, а также в случаях, когда как террорист, так и жертва террора являются гражданами одного и того же государства или разных государств, но преступление совершено за пределами территорий этих государств. Субъектами этих преступлений-действий являются как агенты иностранного государства, так и граждане одной страны.

Полагаю, что возможная криминализация международного терроризма как преступления, посягающего на интересы всеобщего мира может быть осуществлена в гл.34 УК РФ в следующем виде:

Статья. Международная террористическая деятельность. Международная террористическая деятельность - действия, предусмотренные статьями 205, 205-1, 206, 211 и 227 настоящего Кодекса, направленные против интересов мира другого государства и его населения, - наказывается ...

Примечание. В данной статье под интересами мира государств признаются интересы соблюдения всеобщего мира и правил мирного урегулирования межгосударственных споров в соответствии с международным правом.

Ещё одним преступлением, которое может привести к нарушению мирных отношений между народами, согласно определению, содержащемуся в ст.1 Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г. является преступление расизма.

Одна группа или группы людей провозглашаются со ссылкой на какие-то "доказательства" расового, этнического или религиозного характера превосходящими другие группы, в результате чего вся внутренняя и внешняя политика государства превращается в систему осуществления этих расистских теорий. Это неизбежно наносит ущерб дружественным отношениям и сотрудничеству между народами, международному миру и безопасности.

Парижская декларация ЮНЕСКО о расе и расовых предрассудках от 27 ноября 1978 г. подтвердила опасность проявлений расизма (таких как дискриминационное поведение, закрепление на внутригосударственном законодательном уровне практики расового неравенства) для международного мира.

Современным примером проявлений расизма можно назвать политику латвийского государства в отношении русскоязычного населения, которое составляет 34% жителей Латвии или 900 тысяч из 2 млн.750 тыс. человек проживающих. По данным экспертов ПАСЕ на апрель 1998г. в законодательстве Латвии существовало 68 дискриминационных норм, в области

социально-экономических и политических прав в отношении русскоязычного населения.

Закон о гражданстве Латвии направлен на "выдавливание" и, так называемую, "деколонизацию" неграждан (около 500 тыс. человек), которые лишены не только прав на участие в политической жизни и местном самоуправлении; свободный выбор места жительства; обучение на родном языке; на получение медицинской помощи и пенсий, -но также лишены важнейшего права каждого человека - права на самооборону от посягательств на жизнь, здоровье и честь.

Реагируя на грубые и массовые нарушения прав человека, органы ООН и Совета Европы проводят политическую работу по противодействию таким проявлениям внутренней политики государств. ООН одновременно заявляет, что рассмотрение его органами таких фактов не должно перерастать в непосредственное воздействие на законодательную процедуру государств, иначе это может пойти в разрез с принципами Устава, в частности с принципом невмешательства во внутренние дела государства.

Рассматривая человека, его права и свободы в качестве высшей ценности, Конституция РФ обязывает государство на их всемерную защиту. Являясь участником международного сотрудничества и субъектом международного права, Российская Федерация признаёт и гарантирует права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права.

Наш законодатель имплементируя положения международных документов в области прав человека и их защиты, ввёл соответствующие нормативы также и в УК РФ 1996 г. Глава 19 Кодекса объединяет уголовно-правовые нормы о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина. Одновременно, некоторые посягательства на эти права и свободы запрещены и охраняются другими главами УК (например, право человека на здоровую окружающую среду охраняется нормами гл.26 УК о нарушениях экологической безопасности общества).

Не умаляя международного характера преступлений расизма, отечественная уголовная доктрина исходит из того, что эти действия посягают на внутреннее конституционное устройство отношений между гражданами, гражданами и должностными лицами и, поэтому, отражает преступность проявлений расизма в гл.19 УК "Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина" (в ст.136 -"Нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина"); в главе 29 УК "Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства" (в ст.282 -"Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства", в ст.282-1 -"Организация экстремистского сообщества") и др. главах УК РФ.

Несмотря на то, что Межпарламентская ассамблея Содружества Независимых Государств включила ст.111 "Расовая дискриминация" в главу

о преступлениях против мира и безопасности человечества Модельного уголовного кодекса, закрепление преступления расизма в главе 34 УК РФ привело бы к нарушению важнейшего принципа международного уголовного права ne bis in idem -и повлекло бы наступление нескольких юридических последствий в связи с квалификацией по двум и более нормам УК РФ одного деяния.

Принятие международной конвенции о предупреждении, пресечении и наказании за международное преступление расизма, как это было сделано в отношении геноцида и апартеида явилось бы значительным вкладом в развитие нормативной базы, направленной на противодействие расизму как преступлению против мира.

Литература

1.Конституция Российской Федерации. М.,Инфра-М 2007 г.

2.Устав Организации Объединенных Наций, принятый на Конференции в Сан-Франциско 26 июня 1945 г. / Яндекс.ру.

3.Устав Международного военного трибунала (Нюрнбергского) от 8 августа 1945 г./ Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М., 1955.Вып.11.

К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕКТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПОСЯГАЮЩИХ НА ЛИЧНОСТЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ВЛАСТИ И ЛИЦ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (ст.ст. 317, 318, 319 и 320 УК РФ)

Кузьмин А.В.
помощник Тушинского межрайонного прокурора г. Москвы,
юрист 1-го класса, соискатель кафедры уголовного права
и процесса Пятигорского государственного гуманитарно-технологического университета

Аннотация. В статье автор, подвергая критическому анализу представленные в специальной литературе позиции по вопросу о содержании объекта преступлений, предусмотренных ст.317-320 УК РФ, формирует собственное мнение по данной проблеме.

Ключевые слова: преступления против порядка управления, представитель власти, объект преступления, государственная власть

Abstract. The author of the article, exposing the critical analysis presented in the special literature position on the content of the object of the crimes, provided for by item 317-320 of the criminal code of the Russian Federation, forms its own opinion on this issue.

Keywords: crimes against a management order, the representative of tel authorities, the object of the crime, the state power

Преступления против порядка управления предусмотрены нормами раздела X «Преступления против государственной власти» УК РФ. Следовательно, сам законодатель определяет, что в качестве родового объекта в данном случае выступает государственная власть. Государственная власть - это политическая эпичная суверенная власть, управление обществом, осуществляемое государством в лице его специальных органов, именуемых государственным аппаратом [1].

На взгляд А.И. Рарога, родовым объектом преступлений, входящих в раздел X УК РФ, следует признавать общественные отношения, обеспечивающие защиту основ конституционного строя и государства, нормальное функционирование государственных органов, относящихся к различным ветвям государственной власти, а также интересы государственной службы и службы в органах местного самоуправления, то есть совокупность (систему) общественных отношений, обеспечивающих легитимность и нормальное функционирование государственной власти в Российской Федерации [2]. С такой точкой зрения солидарна и Н.К. Рудый: «Родовым объектом преступлений против порядка управления следует считать общественные отношения, обеспечивающие защиту основ конституционного строя и государства, нормальное функционирование государственных органов, представляющих различные ветви государственной власти, а также интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, т.е. совокупность (систему) общественных отношений, обеспечивающих легитимность и нормальное функционирование государственной власти в Российской Федерации»[3].

Между тем, уже при определении видового объекта рассматриваемой группы преступлений возникают определенные трудности и дискуссии. Так, Г.Ф. Поленов отмечает, что вопрос об «объекте преступлений против порядка управления приобретает принципиальное значение, поскольку он непосредственно связан с установлением сущности, специфики этой категории преступлений, с их отграничением от иных групп преступлений»[4]. Автор полагает, что видовым объектом данной группы преступлений «следует считать порядок управления, заключающийся в нормальном функционировании любых органов (государственных, общественных, кооперативных) управления, реализующих задачи коммунистического строительства» [5].

На наш взгляд, недостатком такого понимания видового объекта преступлений является употребление оценочного понятия «нормальное функционирование». Как видится, видовым объектом преступлений против порядка управления является совокупность качественно однородных общественных отношений, складывающихся между гражданами и субъектами управления в лице представителей компетентных органов при осуществлении ими государственного либо муниципального управления. По мнению А.И. Рарога, видовыми (групповыми) объектами указанных преступлений являют-

ся системы общественных отношений, о которых идет речь в каждой из четырех глав, составляющих данный раздел УК[6]..

Между тем, большинство ученых-юристов считают, что видовым объектом здесь следует признавать законную управленческую деятельность органов государственной власти и местного самоуправления, то есть порядок управления. К сожалению, в законодательстве РФ отсутствует его легальная дефиниция[7]. Думается, что порядок управления - это нормальная, отвечающая интересам личности, общества, государства, основанная на законах и подзаконных актах управленческая деятельность государственного аппарата и органов местного самоуправления, направленная на его стабильное и эффективное функционирование.

Обращает на себя внимание точка зрения А.Ю. Кизилова, который утверждает, что «видовой объект преступлений против порядка управления можно определить как отношения социального подчинения, обеспечивающие нормальную деятельность органов государственной власти и местного самоуправления в процессе организации общественной жизни»[8]. Такое понимание объекта позволяет выделить три основных момента: 1) данные преступления совершаются в сфере публичного (внеслужебного) управления, (что позволяет отграничивать их от должностных преступлений – Авт.); 2) при этом нарушаются запреты, установленные с целью обеспечения нормального функционирования государственной, муниципальной власти либо осуществления правоохранительной деятельности, обязательные для исполнения всеми субъектами права; 3) нарушение этих запретов влечет за собой нарушение установленного порядка управления в государстве и его субъектах.

Нам импонирует мнение Н.К. Рудый, которая считает, что «под порядком управления следует понимать регламентированную Конституцией Российской Федерации, иными нормативными правовыми актами управленческую деятельность органов государственной власти и местного самоуправления, общественных объединений, учреждений, направленную на соблюдение и совершенствование правопорядка в стране»[9].

Между тем, в литературе справедливо обращается внимание на специфику видового объекта преступлений, связанных с посягательством на представителя власти. Так, в частности, Ю.В. Баглай отмечает, что «видовым объектом преступлений, совершаемых в отношении сотрудников правоохранительных органов, являются отношения управления, возникающие в процессе управляющего воздействия государственных органов управления (в лице их представителей) на членов общества по поводу осуществления последними функции социального общения, и имеющие своей целью поддержание состояния стабильности, упорядоченности и защищенности социальных отношений»[10].

На наш взгляд, видовым объектом преступлений, предусмотренных в ст.317-320 УК РФ, выступает безопасная деятельность представителя го-

сударственной или муниципальной власти, а также сотрудников правоохранительных органов по осуществлению возложенных на них функций. В то же время для остальных преступлений, размещенных законодателем в гл. 32 УК РФ, таковым выступает именно установленный порядок управления (ст. 321-330 УК РФ). И, действительно, специальная криминализация названных деяний связана именно с тем, что они осуществляются в связи с выполнением потерпевшим своего государственного или служебного долга. В результате этого нарушается безопасность не только отдельной личности, но и всего государства, ведь государственный суверенитет складывается, в том числе, и из деятельности независимых, неуязвимых субъектов, действующих в условиях личной безопасности, которым делегированы полномочия законодательной, исполнительной власти и правоохранительной деятельности. В этой связи объединение в гл. 32 УК РФ таких разноплановых преступлений, как посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа (ст.317 УК РФ) и, например, самоуправства (ст.330 УК РФ), считаем необоснованным.

Помимо этого, в отечественной уголовно-правовой доктрине развернулась дискуссия относительно определения непосредственного объекта преступлений, совершаемых в отношении сотрудников правоохранительных органов, осуществляющих деятельность по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности. В основе первой точки зрения, которую отстаивал Г.Ф. Поленов [11], находится концепция двуобъектности преступлений: основным определяющим объектом для преступлений, посягающих на субъекта управления, является нормальная деятельность, авторитет милиции и работников милиции, народных дружин и народных дружинников. Интересы личности работника милиции или народного дружинника при совершении этого преступления выступают в качестве второго объекта. По мнению сторонников второй позиции, указанные преступления имеют своим объектом жизнь, здоровье и достоинство лиц определенной категории. В основе третьей точки зрения, которую активно поддерживал П.П. Осипов [12], содержится мнение о признании в рассматриваемых преступлениях в качестве непосредственного объекта нормальной деятельности органов власти, а также их авторитета.

Считаем, что предпочтительнее выглядит первая из представленных точек зрения. И, действительно, в качестве основного объекта преступлений, направленных против сотрудников правоохранительных органов, выступают общественные отношения, складывающиеся в процессе осуществления ими своих обязанностей по службе, а в качестве дополнительного – их жизнь, здоровье, честь, достоинство, телесная и психическая неприкосновенность, личная безопасность[13]..

Справедливости ради, следует сказать о том, что начало этой полемики было связано с появлением специального состава посягательства на жизнь работника милиции или народного дружинника в главе девятой

УК РСФСР 1960 г. (ст.191[1(2)]). В юридической литературе велись многочисленные дискуссии по поводу правомерности отнесения данного преступления, являющегося особо тяжким, посягающим на самый значимый объект - человеческую жизнь, к преступлениям против порядка управления, так как неоднозначную оценку среди ученых получили именно основной и дополнительный непосредственные объекты.

Так, большинство ученых считали такое решение вполне обоснованным. Например, Н.И. Трофимов отмечал, что признание по ранее действовавшему законодательству посягательства на жизнь работника милиции или народного дружинника в связи с их деятельностью по охране общественного порядка преступлением против личности затушевывало направленность указанного деяния против порядка управления, его действительную правовую природу[14]. Другие авторы, например П.П. Осипов, утверждали обратное и полагали, что включение посягательства на жизнь работника милиции или народного дружинника «... в систему преступлений против порядка управления вряд ли можно признать обоснованным, так как жизнь этих лиц как таковая представляется более значимой, чем нарушение социального управления в сфере охраны общественного порядка»[15].

В современной юридической литературе дискуссии по поводу приоритетности того или иного из непосредственных объектов посягательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа уже не так остры, хотя многие авторы справедливо отмечают, что конструкция составов преступлений, когда жизнь человека при умышленном посягательстве на нее является не основным, а дополнительным объектом охраны, не является безупречной, «ибо жизнь всегда более важное благо, чем деятельность лица».

Общественная опасность данного преступления, как считает Ю.И. Бытко, определяется тем, что посягательство осуществляется на два блага - основы управления в сфере охраны общественного порядка (основной непосредственный объект) и жизнь человека (дополнительный объект). В свою очередь, А.В. Кладков определяет непосредственный объект этого преступления как законную деятельность сотрудника правоохранительного органа, военнослужащего по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, а дополнительным объектом считает жизнь указанных лиц, а также их близких [16]. На взгляд З.А. Незнамовой, основной непосредственный объект данного преступления - нормальная деятельность по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, а дополнительный - жизнь сотрудников правоохранительных органов, военнослужащих и их близких[17].

Таким образом, под непосредственным объектом преступлений, посягающих на представителя власти либо сотрудника правоохранительного

органа, следует понимать общественные отношения в сфере обеспечения безопасности службы в государственных, муниципальных органах власти и управления, правоохранительных органах, Вооруженных силах и других войсках и воинских формированиях России (основной непосредственный объект). Неприкосновенность жизни, здоровья, личная безопасность представителя власти, сотрудника правоохранительного органа, военнослужащего или их близких выступают в качестве дополнительного непосредственного объекта.

Литература:

1.Юридическая энциклопедия. М., 2008. С. 183.

2.Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: Учебник / Под ред. Б.В. Здравомыслова. М., 2000. С. 469.

3.Рудый Н. К. Преступления против порядка управления**,** посягающие на служебную деятельность и личность представителей власти**:** сравнительный анализ законодательства России и стран СНГ: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2009. С. 14.

4.Поленов Г.Ф. Ответственность за преступления против порядка управления. М., 1966. С. 5.

5.Там же.

6.Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: Учебник / Под ред. Б.В. Здравомыслова. М., 2000. С. 469.

7.Витман Е.В. К вопросу о видовом объекте преступлений против порядка управления // Альманах «Вопросы юриспруденции»: приложение к «Российскому юридическому журналу». 2005. № 2. С. 47.

8.Кизилов А.Ю. Уголовно-правовая охрана управленческой деятельности представителей власти. Ульяновск, 2002. С.53.

9.Рудый Н. К. Указ. соч. С. 9.

10.Баглай Ю.В. Уголовно-правовая охрана сотрудников правоохранительных органов, осуществляющих деятельность по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности (по данным Приволжского округа):автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2010. С.23.

11.Поленов Г.Ф. Ответственность за преступления против порядка управления. М., 1966.

12.Осипов П.П. Теоретические основы построения и применения уголовно-правовых санкций (аксиологические аспекты). Л., 1976.

13.Баглай Ю.В. Указ. соч. С. 24.

14.Трофимов Н.И. Квалификация отдельных видов тяжких преступлений: Учебное пособие. Иркутск, 1974. С 124.

15.Осипов П.П. Указ. соч. С. 38.

16.Кладков А. Квалификация преступлений совершенных в соучастии // Законность.1999. № 8. С. 17.

17.Уголовное право. Особенная часть: Учебник для вузов / Под ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамовой, Г.П. Новоселова. М., 2001.

НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СОСТАВА УГОЛОВНО-НАКАЗУЕМОГО ХУЛИГАНСТВА

Любичева Э.Н.
Краснодарский университет МВД России
Краснодар, Россия

Аннотация: Рассматриваются уголовно-правовые вопросы квалификации хулиганства. Весьма сложной задачей для правоприменителя является определение при квалификации уголовно наказуемого хулиганства конкретного потерпевшего, размера и вида причиненного виновным вреда. Невозможно причинить общественному порядку, являющемуся основным объектом преступления, предусмотренным ст. 213 УК РФ физические или нравственные страдания.

Ключевые слова: Хулиганство, объект преступления, уголовная ответственность, наказание.

Abstract: Are considered criminal-legal issues of the skills of hooliganism. A very complicated task for the law enforcer is an op-definition of the qualification of the criminal hooliganism a specific victim, the amount and type caused by guilty of harm. It is impossible to cause public order, which is the main object of the pre-speech, stipulated by art. 213 of the criminal code of the Russian Federation physical or mental suffering.

The keywords: Hooliganism, object of crime, criminal answer-responsibility, the punishment.

1. В существующем виде диспозиция ч.1 ст.213 УК построена таким образом, что объектом охраны, в первую очередь, являются общественные отношения в области правил поведения граждан, включая социальные нормы, а лишь потом безопасность конкретного человека. Однако такой акцент уголовно-правовой нормы не вполне соотносится с логикой государственной правовой политики, поскольку Конституция РФ объявляет права человека высшей ценностью, охраняемой государством. Не вполне по нашему мнению данный акцент соотносится и с логикой уголовно-правовой политики.

2. Известно, что весьма сложной задачей для правоприменителя является определение при квалификации уголовно наказуемого хулиганства конкретного потерпевшего, размера и вида причиненного виновным вреда. В частности, присутствует неопределенность: был ли в результате применения оружия или предметов, применяемых в качестве оружия при хулиганстве, причинен вред, и какой: моральный, материальный или физический? [1]

По мнению Д.В. Мурзина, уголовно-правовые составы ч.1 ст.213 УК РФ являются формальными и не предусматривают физического или матери-

ального вреда (моральный вред в ст.151 Гражданского кодекса Российской Федерации законодатель определяет как физические или нравственные страдания). [2]

Мы также считаем, что невозможно причинить общественному порядку, являющемуся основным объектом преступления, предусмотренным ст. 213 УК РФ физические или нравственные страдания.

Проведенные Н.Я. Фомичевым исследования подтверждают наше мнение. Так, он указывает, что в 21% хулиганств, хулиганские действия, связаны с нанесением потерпевшему побоев; в 32% случаев хулиганства повлекли причинение потерпевшим легкого вреда здоровью; в 37% хулиганств потерпевшим причинен вреда здоровью средней тяжести, и в 10% случаев хулиганы (хулиганы) причинили потерпевшему тяжкий вред здоровью или смерть.[3]

Таким образом, основное общественное отношение, которому причиняется вред при совершении хулиганских действий - *безопасность личности*, как составляющей части общества, поскольку под угрозу ставятся жизнь, здоровье, условия нормальной жизнедеятельности людей, и лишь потом общественный порядок. Именно поэтому хулиганство всегда публично.[4]

3. Понятие и содержание публичности учеными трактуется поразному. Публичность некоторые авторы понимают как наличие при совершении преступления на месте преступления посторонних лиц;[5] другие считают, что хулиганству присуща публичная направленность самих действий и заведомая публичность их преступных последствий.[6]

Таким образом, наличие признака публичности часто связывается с решением вопроса о месте совершения преступления.

По нашему мнению, публичный характер хулиганства вовсе не означает, что хулиганские действия совершаются лишь в общественных местах. Более того, место совершения хулиганских действий не должно являться обязательным признаком его состава.

Решающее значение для квалификации хулиганства по объективным признакам состава преступления имеет не место, а люди, общество, которому хулиган бросает вызов своим поведением. Причем хулиганские действия в зависимости от их характера могут быть совершены как публично, т.е. в присутствии граждан (хотя бы одного), так и в их отсутствии.[7]

Этого же мнения придерживается Н.Я. Фомичев, ссылаясь на то обстоятельство, что хулиганские действия совершаются в «некой сфере общения людей».[8]

В.Ф.Кириченко, напротив, категорически утверждает, что неуважение к обществу предполагает публичное его проявление. «Там, где нет людей, где никто не видит преступных действий, могут быть признаки других преступлений, но не хулиганства».[9]

А.Н. Игнатов, анализируя его позицию, пришел к выводу, что «такая точка зрения сужает понятие хулиганства, вносит формальное ограничение

в это понятие. В действительности закон в определении хулиганства не содержит указания на признак публичности или на определенное место совершения этого преступления (общественные места)»[10].

Считаем, что признак публичности, является обязательным условием проявления неуважения к обществу, к личности. Ведь сложно выразить отрицательное, пренебрежительное отношение к обществу, если общество этого не замечает, тогда асоциальное поведение хулигана объективно не будет выражать его отношения к нормам поведения в обществе при отсутствии в месте совершения преступления людей.

Следственно-судебная практика содержит примеры совершения хулиганства в стихийно возникших публичных местах, однако и в это время там находились люди. Так, в совхозном саду недалеко от поселка во время сбора сельчанами урожая, между подвыпившими гражданами А., Ц., Г. и Х., произошла ссора, переросшая во взаимную драку. Действия Г. и Ц. были квалифицированы как уголовно-наказуемое хулиганство, в связи с тем, что они были инициаторами ссоры, и стали наносить телесные повреждения другим лицам, нарушая порядок в общественном месте.[11]

Не всегда публичность хулиганских действий принимается правоприменителем во внимание, особенно в том случае если потерпевший и хулиган были знакомы ранее. Так, гражданин П., пришел в хлебопекарню в городе Краснодаре, где в это время работал только его знакомый Ч. У Ч., в руках был хозяйственный нож, необходимый ему для работы. Во время разговора между ними возникла ссора, которая переросла в драку.

В результате взаимной драки П. и Ч. получили телесные повреждения, которые вреда здоровью не причинили, причем Ч. применил, имеющийся у него нож.

На шум пришли рабочие и разняли их. Принимая во внимание, что между Ч. и П. возникли неприязненные отношения в ходе разговора, а также то обстоятельство, что драка произошла не в присутствии посторонних лиц, умысла у П. на нарушение общественного порядка не было, данное деяние было переквалифицировано со ст.213 УК РФ на ст.116 УК РФ [12]. Правоприменитель согласился, что, несмотря на общественное место, где происходило преступление и присутствие там граждан, П. неуважение к обществу не выражал, а, следовательно, не нарушал и общественный порядок.

Таким образом, несмотря на тот факт, что хулиганство направлено на демонстрацию пренебрежения к обществу, законодатель ставит правовую защиту безопасности человека, рассматривая последнего как основу любых общественных отношений, тем самым, защищая каждого от насильственных действий, либо угрозы таковых.

Литература

1.Уголовное право РСФСР. Часть Общая. М., 1924. С.129-130.; Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления. М., Госюриздат. 1957., С.124; Гаухман Л.Д. Объект преступления. Лекция. М., Академия МВД России, 1992. С. 5-19.

2.Мурзин Д.В. Гражданский кодекс РФ с постатейным приложением материалов судебной практики. Издательство Норма, М., 2005. С.258.

3.Фомичев Н.Я. Уголовно-правовые и криминологические проблемы хулиганства. Дисс. … канд. юрид. наук. Ставрополь. 2000., С. 29.

4.Крачиков Ю.А. Хулиганство, его сущность, причины и профилактика. Автореф. дисс. канд. юрид. наук. Саратов, 1966. С.7.

5.Крачиков Ю.А., Труфанов В.В. Борьба с хулиганством. Воронеж. 1966. С.15.

6.Пионтковский А.А., Меньшалина В.Ю., Чхинвадзе В.М., Кузнецова А.В.

7.Курс советского уголовного права. Часть особенная. - М., 1959.т.2. С.313.

8.Векленко С.В. Уголовная ответственность за нарушение общественного порядка из хулиганских побуждений. Дисс. … канд. юрид. наук. – М., 1996. С.80.

9.Фомичев Н.Я. Уголовно-правовые и криминологические проблемы хулиганства. Дисс. … канд. юрид. наук. Ставрополь. 2000. С.32.

10.Кузнецов В.Ф. Хулиганство и борьба с ним. - М.: Госюриздат, 1962. С.27.

11.Курс советского уголовного права в шести томах. Часть особенная. Т.6. -М.: Изд-во «Наука», 1971. С.320.

12.Уголовное дело № 301521 от 2000 года. Архив Прикубанского районного суда г. Краснодара. Уголовное дело № 12752 от 1998 года. Прикубанский РОВД г. Краснодара.

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЕ ЛИЧНОСТИ ОТ ПРЕСТУПНЫХ И ИНЫХ ФОРМ ДЕЯНИЯ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ЖИЛИЩНЫХ ПРАВ

Малийкович О.
магистрант Кубанского государственного аграрного университета
Краснодар, Россия

Аннотация: автором акцентируется внимание на правовой защите личности в вопросах реализации жилищных прав от преступных посягательств.

Ключевые слова: правовая защита личности; реализация жилищных прав; соинвесторы; дольщики.

Abstract: the author focuses on the legal protection of individuals in relation to the realization of housing rights from criminal encroachments.

Keywords: legal protection of the individual; realization of housing rights; soinvestory; interest holders.

Представляется возможным начинать данную статью высказыванием Воланда о Москвичах в произведении А.М. Булгакова «Мастер и Маргарита» - «Люди как люди, квартирный вопрос только испортил их…».

В наше время «квартирный вопрос» способен испортить не только людей, но и политико-правовую ситуацию в стране.

В настоящее время проблема обманутых соинвесторов долевого строительства жилья стала уже политической из-за огромного и, к сожале-

нию, все возрастающего количества обманутых граждан, вложивших свои средства в строительство квартир в новостройках.

В настоящей статье предлагается рассмотреть все аспекты указанной проблемы, как чисто юридические, так и ее общественный резонанс, связанный с массовыми акциями протеста, голодовками, митингами, пикетами, демонстрациями и т.д.

Уровень доступности жилья в России на сегодняшний день крайне низкий. Это связано с недостаточным финансированием строительства государством, что и послужило толчком для развития строительства на долевых началах. Тем более странно видеть слишком спокойную реакцию властей всех уровней на сложившуюся критическую ситуацию на рынке долевого участия в строительстве.

Проблема обманутых дольщиков и замороженных строек имеет огромный «взрывной» потенциал. Ведь многие вкладывали в долевое участие не только накопленные деньги, но и средства, полученные от продажи своего прежнего жилья. Поэтому проблема обманутых соинвесторов жилья рассматривается в рамках правового анализа методов и способов борьбы граждан-дольщиков за свои права, с точки зрения юриста-практика, имеющего опыт помощи пострадавшим дольщикам при использовании как правовых механизмов, так и любых незапрещенных методов давления и воздействия пострадавших граждан на властные структуры и недобросовестных застройщиков. При этом упор делается на правовую составляющую борьбы «обманутых дольщиков» за свои права. Ведь зачастую, имея неплохие, закрепленные в законодательстве механизмы разрешения проблем, их не используют либо используют неправильно. А иногда и во вред тому же дольщику.

Однако опыт работы по защите прав дольщиков со всей ясностью дает понять, что дольщику, для эффективного решения сложившейся конфликтной ситуации в свою пользу, необходимо использовать комплекс мер по борьбе за свою будущую собственность: правовых, общественно-политических, экономических и т.д.

Главной причиной, на наш взгляд, всех сложившихся проблем в долевом участии является отсутствие четкого законодательного регулирования и жесткого государственного контроля в долевом строительстве, а также отсутствие возможностей противодействия незаконным захватам.

Слабая защищенность участников долевого строительства побудила законодателей принять Федеральный закон от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» Появление данного Закона было вызвано необходимостью приостановить деятельность по созданию «строительных пирамид». Однако, как показала практика, Федеральный закон № 214-ФЗ не смог решить эту проблему. Более того, некоторые про-

блемы, как раз явились следствием «схемотехники» застройщиков, пытающихся обойти данный Закон.

Так, в ФЗ №214-ФЗ было закреплено, что между застройщиком и участниками долевого строительства должен заключаться договор участия в долевом строительстве. По мнению авторов законопроекта, для гражданина, заключающего договор долевого участия, риски его денежных вложений становятся минимальными, а для застройщика процесс получения средств от физических лиц становится более сложным и экономически менее выгодным. Вследствие этого застройщики не заключали договор участия в долевом строительстве и использовали обходные схемы. Такие обходные схемы не давали участникам долевого строительства гарантии защиты их прав и не облагались НДС в отличие от договоров участия в долевом строительстве. Например, до принятия закона застройщики были коммерческими организациями - Обществами с ограниченной ответственностью, после принятия многие из них поспешили сменить организационно-правовую форму и стали некоммерческими организациями - Жилищно - строительными кооперативами. Как следствие, договора с ЖСК в регистрационной палате не регистрировались, сроки строительства не соблюдались.

Вторая, но не менее важная причина, это отсутствие контроля застройщика, со стороны муниципальный, региональных, государственных властей. Часто застройщик не спешит получать разрешительную документацию на строительство, согласовать с архитектурой города проект многоквартирного дома. При этом начинает привлекать денежные средства граждан на строительство. В такой ситуации строящийся жилой дом является самовольной постройкой и согласно ст. 222 ГК РФ - подлежит сносу. Лицо, осуществившее самовольную постройку, не приобретает на нее право собственности. Оно не вправе распоряжаться постройкой - продавать, дарить, сдавать в аренду, совершать другие сделки, а, следовательно, при обращении в суд, такая сделка может быть признана недействительной. При этом получить деньги от застройщика обратно, часто бывает очень сложно.

Данные ситуации возникают при отсутствии надлежащего контроля со стороны муниципальных властей, на которые возложена обязанность по контролю за строящимися домами. Подробно процедура контроля за строительством указана в Градостроительном кодексе РФ.

Часто муниципальные власти, правоохранительные органы, советуют гражданам при решении вопроса о вложении своих денег в строительство проверять добросовестность организации-застройщика. Однако остается непонятным, как это можно сделать на практике, не говоря о том, что проверка требует солидной юридической и экономической подготовки, следовательно, в большинстве случаев невозможна для рядового гражданина.

Очевидно, что не гражданин должен проявлять чудеса смекалки при выборе застройщика (который, может быть, построит дом и не исчезнет с деньгами), а органы государственной власти обязаны заранее отсеивать, не допуская на рынок, застройщиков, которые не удовлетворяют критериям добросовестности.

Замораживание строительства - первый признак возможных проблем для дольщиков. В идеале строительство не должно прекращаться, т.к. оно осуществляется за счет собранных у дольщиков же средств и привлеченных кредитов. Следовательно, все необходимые инвестиции уже имеются у застройщика. Если «деньги кончились», то либо застройщик сделал неверные расчеты, либо использовал денежные средства нецелевым образом. К сожалению, второй вариант встречается в подавляющем большинстве случаев. Возможны и более сложные ситуации, когда застройщик скрывается с деньгами, тогда на лицо состав 159 УК РФ (мошенничество).

НЕКОТОРЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЦЕЛЕВОЕ РАСХОДОВАНИЕ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ И СРЕДСТВ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ВНЕБЮДЖЕТНЫХ ФОНДОВ

Мариненко В.Ю.
аспирант кафедры уголовного права
Краснодарского университета МВД России
Краснодар, Россия

Аннотация. В статье определяются направления совершенствования законодательной регламентации ответственности за преступления, предусмотренные ст.ст. 285^1 и 285^2 УК РФ. Автор, полагая, что санкции за эти деяния чересчур либеральны, обосновывает необходимость их ужесточения.

Ключевые слова: нецелевое расходование бюджетных средств, нецелевое расходование средств государственных внебюджетных фондов, уголовное наказание, санкция, штраф, принудительные работы, лишение свободы.

Abstract. The article identifies ways of improving the norms of legislative regulation of the responsibility for the crimes provided for in articles. 2851 and 2852 of the criminal code of the Russian Federation. The author, assuming that the penalties for these acts too does-беральны, justifies the need for tightening.

Key words: non-targeted spending of budget funds, mismanagement of funds of state extra-budgetary funds, criminal Naka-reference, sanction, penalty, forced labor, deprivation of liberty.

Анализ научных работ, посвященных вопросам ответственности за нецелевое расходование бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов, правоприменительной деятельности и результатов экспертных оценок свидетельствует о том, что основные проблемы применения ст.ст. 285^1 и 285^2 УК РФ связываются с недостаточной «технологичностью» этих уголовно-правовых норм.

Как показало исследование вопросов квалификации названных преступлений, с введением уголовной ответственности за эти деяния назрела необходимость определения критериев, опираясь на которые, правоприменитель мог бы отграничивать целевое использование соответствующих средств от нецелевого.

В правоприменительной практике ошибочную оценку в виде нецелевого расходования бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов получают не противоречащие бюджетному законодательству перемещения финансовых средств в течение финансового года с одного кода экономической группы, подгруппы на другой код экономической или функциональной классификации. Такие перемещения, как правило, вызваны недостатками в планировании бюджетных расходов, и им придается законный характер.

Чтобы разграничивать подобного рода действия, С. Устинов предлагает изменить диспозицию ч. 1 ст. 285^1 УК РФ[1]. По его мнению, после слов «средств на цели» необходимо указать «не связанные с осуществлением государственных задач и функций, а также выполнением при выделении средств общественно необходимых работ и...».

По нашему мнению, такое изменение закона вряд ли целесообразно.

Во-первых, уголовно-правовая норма не должна быть похожа на комментарий. Теорией уголовного права уже давно признано существование бланкетных норм, которые побуждают правоприменителя обращаться к законодательным источникам других отраслей права.

Во-вторых, при наличии определенных обстоятельств перераспределение бюджетных средств с одного кода на другой может быть признано как целевым, так и нецелевым расходованием бюджетных средств [2].

Таким образом, в целях недопущения ошибок при отграничении нецелевого расходования бюджетных средств от целевого более целесообразным представляется не изменение уголовного закона, а научное обобщение судебной практики, результаты которого должны доводиться до правоприменителя [3].

Рассматривая вопросы ответственности за преступления в сфере нецелевого расходования бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов, мы столкнулись с проблемой соотношения наказаний, предусмотренных уголовным законом [4].

В соответствии с ч. 1 ст. 43 УК РФ наказание есть мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда к лицу, признанному виновным в совершении преступления, и заключающаяся в предусмотренных Уголовным кодексом лишении или ограничении прав и свобод этого лица. Наказание, как определено в уголовном законе, применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений.

Восстановление социальной справедливости заключается в возмещении утраченных или поврежденных в результате преступления благ либо в заглаживании материального или иного вреда, в том числе в моральном удовлетворении разных лиц от того, что виновный понес заслуженное им и справедливое наказание. По мнению Н.Ф. Кузнецовой, цель наказания в виде восстановления социальной справедливости предполагает: а) оптимально возможное возмещение, заглаживание посредством наказания причиненного преступлением вреда личности, обществу, государству; б) соразмерность строгости наказания опасности преступления, личности виновного, смягчающим и отягчающим обстоятельствам; в) запрет двойного наказания; г) недопущение в качестве цели наказания причинения физических страданий или унижения человеческого достоинства [5].

Но в какой мере справедливо предусмотренное уголовным законом наказание за рассматриваемые нами преступления и соответствуют ли они характеру и степени их общественной опасности? Насколько оно отвечают цели восстановления социальной справедливости? Для ответа на эти вопросы необходимо тщательно проанализировать санкции ст. 285^1 и ст. 285^2 УК РФ.

Деяния, предусмотренные частями первыми названных статей УК РФ, отнесены законом к числу преступлений небольшой тяжести, а их квалифицированные виды, предусмотренные частями вторыми тех же статей, - к преступлениям средней тяжести.

Согласно закону за нецелевое расходование бюджетных средств, а также средств государственных внебюджетных фондов должностным лицом на цели, не соответствующие условиям, определенным законодательством Российской Федерации, регулирующим их деятельность, и бюджетам указанных фондов, совершенное в крупном размере, установлены следующие наказания:

- штраф в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет;

- принудительные работы на срок до двух лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового;

- арест на срок до шести месяцев;

- лишение свободы на срок до двух лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

За квалифицированный вид рассматриваемых преступлений, предусмотренный частями 2 названных статей, предусмотрены такие наказания, как:

- штраф в размере от двухсот тысяч до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до трех лет;

- принудительные работы на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового;

- лишение свободы на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

Следовательно, в санкциях ч. 1 ст. 285^1 и ч. 1 ст. 285^2 УК РФ в качестве основных наказаний за совершение исследуемых преступлений предусмотрены штраф, арест, принудительные работы (как альтернатива лишению свободы), лишение свободы на определенный срок, а в качестве дополнительного наказания - лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Таким образом, из 12 наказаний, перечисленных в ст. 44 УК РФ, лицам, виновным в совершении указанных преступлений, теоретически могут быть назначены пять, а реально пока только три. Причем штраф, арест, принудительные работы, лишение свободы на определенный срок - в качестве основных наказаний, а лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью - в качестве дополнительного. При этом по смыслу редакции санкций статей 285^1 и 285^2 УК РФ лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в качестве дополнительного наказания может присоединяться только к принудительным работам и лишению свободы на определенный срок.

Возникает вопрос, достаточно ли применительно к исследуемым преступным деяниям пяти названных выше видов наказаний для достижения целей, перечисленных в ч. 2 ст. 43 УК.

В настоящее время отсутствует полная статистическая картина применения наказаний за совершение преступлений в сфере нецелевого расходования бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов. В связи с этим нами исследовалась практика применения наказаний за совершение данных видов преступлений. Заметим, что совершение нецелевого расходования бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов группой лиц по предварительному сговору доминирует при совершении данных преступлений.

Анализ показывает, что уровень применения за совершение квалифицированного расходования бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов наказания в виде лишения свободы в течение рассматриваемого периода (с 2006 по 2011 гг.) имеет постоянную тенденцию к росту. При этом особо активно применяется условное осуждение. Штраф как санкция за совершение рассматриваемых нами преступлений оставался почти не востребованным судами.

Из обобщения судебной практики по применению наказаний за нецелевое расходование бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов видно, что самым востребованным оказалось наказание в виде лишение свободы, назначаемое условно. Анализ уголовных дел по данной категории показал, что уровень реального применения лишения свободы в 2007-2011 гг. постоянно сокращался. Несмотря на то, что статистические данные по применению наказания за исследуемый нами период - последние шесть лет - были объединены, можно усмотреть курс судов на снижение применения данного вида наказания.

Наблюдается тенденция к явно чрезмерному и все возрастающему применению условного лишения свободы за совершение данных преступлений. В то же время упомянутая тенденция, бесспорно, связана и с отсутствием возможности использования судами такого альтернативного лишению свободы (особенно условному) наказания, предусмотренного ч. 1 ст. 285^1 и ст. 285^2 УК РФ, как арест. Такое положение явно противоречит реальным потребностям судебной практики и существенно ограничивает вытекающее из уголовного закона право лиц, совершивших преступные деяния, быть осужденными к этому виду наказания, а не к альтернативному ему более суровому наказанию - лишению свободы. В итоге наиболее востребованным судами, применяющими наказание за совершение преступлений в сфере нецелевого расходования бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов, оказалось реальное лишение свободы на срок до одного года, а также лишение сво-

боды сроком на два года, назначаемое условно. Еще в меньшей степени назначается реальное лишение свободы сроком до двух лет.

Возможно, ситуация изменится с введением в действие с 1 января 2013 года статьи 53^1 УК РФ, регламентирующей такой вид наказания, как принудительные работы. Они предусмотрены законом в качестве альтернативы лишению свободы и, несомненно, их применение скорректирует картину наказуемости рассматриваемых нами преступлений.

Поскольку в настоящее время в реальной действительности преобладает совершение преступлений в сфере нецелевого расходования бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов, предусмотренных ч. 1 названных статей, следовательно, в целях более успешной борьбы с ними поднимается вопрос о необходимости увеличения наказания в виде лишения свободы как по ч. 1, так и по ч. 2 соответствующих статей УК РФ.

На обоснованность такого нашего решения указывают и результаты исследования вопросов конкуренции соответствующих уголовно-правовых норм. Ранее мы определились, что общей нормой по признакам объективной стороны преступления является ст. 285 УК РФ (злоупотребление должностными полномочиями); а ч. 2 ст. 176 УК РФ (незаконное получение целевого кредита, а равно его использование не по прямому назначению), ст. 285^1 и ст. 285^2 УК РФ (нецелевое расходование бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов) являются специальными по отношению к ней. Учитывая тот факт, что общая норма является обобщающей категорией, а специальная норма обладает всеми признаками общей нормы и конкретизирует один или несколько из названных в ней признаков, санкции специальных норм, как правило, выше, чем санкции общей нормы.

Сравнительный анализ наказаний показывает следующее. Во-первых, каждая из уголовно-правовых норм предусматривает альтернативно в санкции основные виды наказания в виде штрафа, принудительных работ и лишения свободы. Размеры штрафа применительно к деяниям, предусмотренным в ч.2 ст.176, ч.1 ст. 285^1 и ст. 285^2 УК РФ, составляют от ста тысяч до трехсот тысяч рублей или измеряются размером заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет. В санкции ч.1 ст.285 УК РФ предусмотрен штраф в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев. Во-вторых, штраф как вид наказания выступает во всех санкциях в качестве основного вида наказания и нигде не предусмотрен в роли дополнительного. В-третьих, лишение права занимать оп-

ределенную должность или заниматься определенной деятельностью предусматривается в качестве основного наказания в санкции ч. 1 ст. 285 УК РФ, а в роли дополнительного (применительно к принудительным работам и лишению свободы) - в ч. 1 ст. 285^1 и ст. 285^2 УК РФ. В-четвертых, в санкциях этих же норм установлено такое основное наказание, как арест: в первом случае на срок от четырех до шести месяцев, во втором – до шести месяцев (согласно ч.1 ст.54 УК РФ нижний предел составляет один месяц). Для деяния, предусмотренного ч.2 ст.176 УК РФ, санкция содержит в качестве основного вида наказания ограничение свободы на срок от одного до трех лет. В-пятых, во всех санкциях представлены принудительные работы, сроки которых идентичны срокам наказания, альтернативой которого они выступают, то есть лишения свободы. В-шестых, для преступления, предусмотренного ч.2 ст.176 УК РФ, установлено в качестве основного наказания ограничение свободы на срок от одного года до трех лет.

Обращает на себя внимание существенный «разброс» сроков наказания в виде лишения свободы за примерно одинаковые по уровню общественной опасности деяния.

Так, посягательство, предусмотренное ч. 1 ст. 285 УК РФ, отнесено законодателем к преступлениям средней тяжести, устанавливая лишение свободы на срок до четырех лет; деяние, указанное в ч.2 ст.176 УК РФ, причисляется к той же категории, но верхний предел его выше – 5 лет; посягательства, установленные ч.1 ст. 285^1 и ст. 285^2 УК РФ, являют собой преступления небольшой тяжести (лишение свободы на срок до двух лет).

Квалифицированные виды преступлений, предусмотренных ч.2 ст. 285^1 и ст. 285^2 УК РФ, мы можем условно «приравнять» к особо квалифицированным составам злоупотребления должностными полномочиями. Представляется, что особо крупный размер использованных не по назначению бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов сопоставим с тяжкими последствиями в ст.285 УК РФ.

Установив такую параллель, осуществим сопоставление санкций. В ч.3 ст.285 УК РФ определены такие наказания, как лишение свободы на срок до десяти лет (основное наказание) с лишением права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет (дополнительное наказание). Деяние, таким образом, отнесено к категории тяжких преступлений. За преступления, предусмотренные ч. 2 ст. 285^1 и ст. 285^2 УК РФ, предусмотрен гораздо более широкий спектр наказаний. Это, во-первых, штраф в размере от двухсот до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или

иного дохода осужденного за период от одного года до трех лет; во-вторых, принудительные работы на срок до пяти лет с лишением права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового; в-третьих, лишение свободы на срок до пяти лет с лишением права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового. Таким образом, соответствующие посягательства отнесены к преступлениям средней тяжести.

Анализ санкций позволяет сделать вывод о том, что, судя по всему, у законодателя отсутствует четкое представление о соотношении уровней опасности перечисленных преступлений. Преступления, предусмотренные ч.2 ст.176 и ч.1 ст.285 УК РФ, отнесены к категории средней тяжести. Деяния, описанные в ч.1 ст. 285^1 и ст. 285^2 УК РФ, - к преступлениям небольшой тяжести. В то же время размер штрафа, установленный в санкциях ч.2 ст.176; ч.1 ст. 285^1 и ст. 285^2 УК РФ, даже по нижнему пределу превышает тот, что определен в ч. 1 ст.285 УК РФ. Санкции квалифицированных видов соответствующих преступлений, которые сопоставлялись нами, вообще вызывают недоумение.

Полагаем, что подход законодателя не соответствует реалиям действительности, не отражает подлинного уровня общественной опасности названных посягательств и игнорирует их тесное соотношение. Наши выводы подтвердили и результаты опроса сотрудников правоприменительных органов.

На наш взгляд, общественная опасность всех трех посягательств характеризуется весьма сходным уровнем. Но вместе с тем следует признать, что квалифицированные виды злоупотребления должностными полномочиями могут превосходить иные посягательства по названному критерию. Однако санкции деяний, предусмотренных ст. 285^1 и ст. 285^2 УК, необходимо ужесточить, приблизить к уровню наказуемости преступления, предусмотренного ст.285 УК.

Исходя из всего сказанного, предлагаем в санкции ч. 1 ст. 285^1 и ч.1 ст. 285^2 УК РФ срок лишения свободы увеличить до пяти лет, а в части второй названных статей - до семи лет. Таким образом, деяния, предусмотренные первыми частями, переходят в категорию средней тяжести, а преступления, указанные в частях вторых, преобразуются в тяжкие. Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в качестве дополнительного наказания, на наш взгляд, необходимо предусмотреть безальтернативно. Такие санкции будут более или менее адекватно отражать общественную опасность этих посяга-

тельств. Действующий же подход к их наказуемости не может способствовать предупреждению совершения соответствующих деяний, поскольку, установив столь мягкие санкции, государство в лице законодательных органов и их решений, по сути, объявило о незначительной опасности рассматриваемых преступлений, в то время как на самом деле их совершение способно повлечь крайне негативные для социума последствия.

Литература:

1.Устинов С. Что понимать под нецелевым расходованием бюджетных средств? // Законность. 2004. № 7. С. 30 - 31.

2.Пшеничникова И.В. Нецелевое расходование бюджетных средств // Арбитражная практика. 2003. № 6.

3.Саркисянц В. Г. К вопросу о совершенствовании уголовно-правовых норм, направленных на борьбу с нецелевым расходованием бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов // Российский следователь. 2007. №7.

4.Зубкова В.И. Уголовное наказание и его социальная роль: теория и практика. М., 2002. С. 361.

5.Курс уголовного права. Общая часть. Том 2: Учение о наказании: Учебник для вузов / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. М., 2002. С. 22.

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ

Ольшанский А.В.
Кубанский социально-экономический институт
Краснодар, Россия

Аннотация: Рассмотрены изменения в УК РФ, введенные Федеральным законом от 27.12.2009 № 377-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты российской федерации в связи с введением в действие положений уголовного кодекса российской федерации и уголовно-исполнительного кодекса российской федерации о наказании в виде ограничения свободы», существенно изменившие положения ст.53 УК РФ «Ограничение свободы». Проведен анализ влияния изменений в ст. 53 УК РФ на совершение рецидивных преступлений. Рассмотрены шаги по дальнейшему усовершенствованию законодательства в сфере уголовного наказания без лишения свободы.

Ключевые слова: ограничение свободы, служба пробации, ювенальная юстиция, социальная адаптация.

Abstract. Changes in the criminal code of Russian Federation, enacted Federal law No. 377-FZ dated 27.12.2009, «About modification of separate acts of the Russian Federation in connection with introduction in action of provisions of the criminal code of the Russian Federation and the criminal and executive

code of the Russian Federation about punishment in the form of freedom restriction», essentially changed provisions of Cl. 53 of the Criminal Code of Russian Federation «Freedom restriction» are considered. The analysis of influence of changes in Cl. 53 of the Criminal Code of Russian Federation on commission of recurrent crimes is carried out. Steps on further improvement of the legislation in the sphere of criminal punishment without imprisonment are considered.

Keywords: freedom restriction, probation service, juvenile justice, social adaptation.

Россия находится в первых рядах в мире по числу лиц, содержащихся в местах лишения свободы на 100 тысяч населения. Многими международными и российскими исследователями неоднократно отмечалось отсутствие прямой зависимости между уровнем преступности и численностью заключенных в пенитенциарных заведениях страны. Давно и серьезно звучат мнения о том, что применение такой меры наказания как лишение свободы потеряло свою актуальность и эффективность. Применение данного наказания обусловлено скорее политическими и культурными факторами, нежели прагматическими соображениями или учетом эффективности работы какого-либо силового ведомства (например, системы исполнения наказаний). Кризис концепции жесткого наказания в Европе произошел в 19 веке, а в постсоветской России он по существу еще не начинался. [1]

Анализируя общие тенденции уголовной политики за последние пол века, можно сделать вывод о том, что на протяжении последних десятилетий развитые страны, например государства Европы, отказывались от тех принципов, которые в России в данный момент постепенно начинают устанавливаться. Отставание российских социальных институтов от европейских всегда было очевидно, как очевидно и то, что уголовная политика в России традиционно консервативна.

С января 2010 г. в уголовном законодательстве России произошли изменения, которые сместили в пользу видов наказания без лишения осужденного свободы. Были существенно изменены положения статьи 53 УК РФ «Ограничение свободы. Законодатель изменил общую характеристику данного вида наказания. Новая редакция значительно смягчила положения статьи, установив следующее: Ограничение свободы заключается в установлении судом осужденному следующих ограничений: не уходить из дома (квартиры, иного жилища) в определенное время суток, не посещать определенные места, расположенные в пределах территории соответствующего муниципального образования, не выезжать за пределы территории соответствующего муниципального образования, не посещать места проведения массовых и иных мероприятий и не участвовать в указанных мероприятиях, не изменять место жительства или пребывания, место работы и (или) учебы без согласия специализированного государственного ор-

гана, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы. При этом суд возлагает на осужденного обязанность являться в специализированный государственный орган, осуществляющий надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы, от одного до четырех раз в месяц для регистрации. Установление судом осужденному ограничений на изменение места жительства или пребывания без согласия указанного специализированного государственного органа, а также на выезд за пределы территории соответствующего муниципального образования является обязательным.

Также законодатель расширил субъектный состав, подпадающий под действие данной статьи, так как отменил ограничение, не позволяющее применять нормы данной статьи к несовершеннолетним.

Данные изменения в уголовной политике России позволят обеспечить лицам, впервые совершившим преступления небольшой и средней тяжести сохранение их общественной нравственности, психического, а порой и физического здоровья. Избегая помещения таких осужденных в специальные учреждения, их уберегают от попадания в среду преступников, осужденных за более тяжкие преступления, что не дает перенять негативный опыт и стиль жизни осужденных, не стремящихся к исправлению. Особенно важным является то, что законодатель расширил субъектный состав, подпадающий под действие данной статьи, так как отменил ограничение, не позволяющее применять нормы данной статьи к несовершеннолетним. Несовершеннолетние гораздо легче поддаются воздействию и убеждению со стороны взрослых и сверстников, их очень легко вовлечь в преступный образ жизни, очень красиво расписав тюремную романтику и жизнь «по понятиям».

Глобальные изменения наказания в виде ограничения свободы, позволившие человеку преступившему закон и осужденному за совершенное преступление, оставаться неизолированным от общества, своей семьи, друзей, работы таит в себе огромный потенциал перевоспитания осужденных без нанесения им психических травм от смены привычной среды обитания, привычного образа жизни, что с одной стороны, может положительно сказаться на морально-психическом состоянии как самого осужденного, и его близкого окружения, так и всего общества, достигшего такой ступени развития, когда оно может без озлобленности, недоверия, осторожности принять человека, однажды оступившегося, не угнетая его и не загоняя в рамки изгоя.

Положительные изменения в уголовной политике России в сфере ограничения свободы, без дальнейших шагов по развитию данного направления таят в себе значительную угрозу. Данная система перевоспитания может дать серьёзные сбои с непоправимыми последствиями и неоправданными жертвами. Не получив заслуженного наказания, на свободе могут оказаться преступники-рецидивисты, не собирающиеся отказываться от

своего криминального существования, продолжающие безнаказанно совершать преступления. Данный вид наказания может оказаться для них лишь средством избежать ответственности за совершенные преступления. Система контроля за осужденными к ограничению свободы должна быть досконально проработана, исключены любые пробелы в законодательстве, позволяющие осужденным к ограничению свободы не исполнять установленные судом ограничения. «На различных уровнях должны создаваться соответствующие механизмы для содействия установлению связей между службами, которым поручено применение не связанных с тюремным заключением мер, другими органами системы уголовного правосудия, учреждениями социального развития и обеспечения – как правительственными, так и неправительственными – в таких областях, как здравоохранение, жилищное строительство, образование и занятость, а также средства массовой информации».[2]

Создание в России федеральной службы пробации (структуры, которая работает с нынешними и бывшими заключенными) сегодня активно обсуждается в обществе. Эксперты разрабатывают особенности работы специальной службы.

Предполагается, что работа будет состоять из трех направлений: досудебная пробация (работа с правонарушителями с момента задержания), пробация в местах лишения свободы (трудоустройство, оказание медицинской помощи) и третье, пробация после освобождения из мест лишения свободы. К сожалению, проведя какой-то период времени в заключение, человек десоциализируется. После освобождения он просто не знает, куда ему обратиться за помощью и поддержкой. Создаваемая федеральная служба пробации должна взять на себя решение наиболее важных проблем социализации заключенных.

Кроме законодательного обеспечение процессов по социальной адаптации, необходима конкретная помощь со стороны органов исполнительной власти субъектов и общественных организаций заключенным. В ряде регионов (Башкортостан, Кировская область) приняты законы «О социальной адаптации бывших заключенных» и созданы реабилитационные центры. Этот положительный опыт должен территориально расширяться и развиваться. Объединение усилий государства и гражданского общества, одно из главных условий в создании системы социальной адаптации заключенных. Однако в стратегии уголовной политики в России пробация по-прежнему рассматривается в качестве работ, которые концентрируются только вокруг суда, колонии и выхода из нее.

Многолетний западный опыт, дает четко понять, что функции пробации не ограничиваются только оказанием помощи задержанным и надзором за освобожденными. Они распространяются на все стадии уголовного процесса – процесс отбора, начиная с ареста подозреваемого и кончая вынесением приговора и его исполнением. Почти во всех европейских

странах организация, подготовка, исполнение альтернативных санкций, включая мониторинг и надзор, стали основными задачами службы пробации. При этом активно используется общественный потенциал. Особый интерес в связи с этим вызывает практика Франции, где уголовно-процессуальная система по традиции достаточно близка в плане юридической техники системе российской. Служба пробации здесь важный партнер в различных общественных (местных) советах по безопасности и обязана сотрудничать с полицией, системой образования, центральными и местными властями, торговцами, работниками по социальному образованию и т.д. для обеспечения исполнения «договоров о безопасности», которые включены в местные и ведомственные планы обеспечения общественной безопасности. [3]

В пробационной работе должна преобладать ранняя профилактика. Система пробации должна охватывать весь спектр криминально-опасных ситуаций - от небольшого конфликта человека с законом до работы с рецидивной преступностью. При этом нужно отметить, что необходимость интенсивной гуманитарной работы, связанной именно с профилактикой преступлений, была признана, в первую очередь, в отношении несовершеннолетних правонарушителей. Исторически специалисты по ювенальной юстиции являются наиболее активными сторонниками развития системы пробации. В том числе и в России. Имея огромный опыт работы с людьми в начале их криминальной «карьеры», ювенальные специалисты хорошо понимают роль социально-психологического фактора в улучшении криминальной ситуации в стране в целом. На примере деятельности ювенальной юстиции очень четко прослеживается огромное значение такой криминальной проблемы как рост социального отчуждения у граждан (вторичной депривации).

Именно у несовершеннолетних чаще всего встречается криминально опасное «отчуждение» - протестный уход от социальной среды в результате самого факта столкновения человека с правоохранительными органами и судом.

Если говорит о совершеннолетних преступниках, то такая мера пресечения как содержание под стражей в России используется часто и повсеместно, а она с очевидностью противоречит принципу социально-реабилитирующего вмешательства в самом начале криминальной карьеры преступника (особенно это важно, когда социальные последствия совершенного преступления не велики). Именно с этим связана повышенная криминализация населения.

Сделаны первые шаги в сторону снижения карательного воздействия на досудебной стадии. Например, с принятием постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 октября 2009г. №22 «О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста» значительно усложнилась процедура избрания такой меры пресе-

чения для подозреваемого или обвиняемого как заключения под стражу. Причина, которая побудила принять подобное постановление - неоправданно большое количество лиц, содержащихся под стражей в России. По статистике примерно в 90% случаев суд удовлетворяет ходатайство следователя об избрании данной меры пресечения.

При обсуждении схемы организации пробации на стадии предварительного расследования в России, как правило, недостаточно внимания уделяется ключевой и во многом решающей стадии уголовного процесса – стадии предварительного расследования. Как показывает российская практика, зачастую судьба привлекаемого к уголовной ответственности человека определяется уже на стадии предварительного расследования. Это связано с тем, что изначально занимаемая позиция органов предварительного расследования относительно обвиняемого (подозреваемого): а) подчинена логике предстоящего судебного разбирательства, которое носит состязательный характер, б) определяется внутриведомственной установкой не прекращать уголовное дело (например, по нереабилитирующим основаниям) и стараться довести его до суда. Отсюда крайне выраженный обвинительный уклон и карательный характер всего предварительного расследования. Одно из подтверждений тому - крайне низкий процент оправдательных приговоров. В итоге, следователь, не всегда работает, например, с такой информацией как, социально-психологические характеристики обвиняемого (подозреваемого), его взаимоотношения с жертвой и т.п., на основе которой строится вся пробационная работа. [4]

Если говорить о социальной реабилитации и интеграции человека в общество, на что направлены индивидуальные программы реабилитации, то форма ведения следователем предварительного расследования преступлений в этом отношении сильно усугубляют ситуацию. Как уже упоминалось выше, если имеются основания, перечисленные в УПК РФ – то всегда избирается мера пресечения в виде заключения под стражу, встреча с потерпевшим зачастую затруднена и т.д. В результате уже на первых этапах судопроизводства у человека формируется крайне враждебное отношений к правоохранительной системе в целом и нежелание вступать с представителями власти в какой-либо диалог.

В целом нужно отметить, что сегодня идея учреждения в России специальной пробации в целях содействия социальной адаптации правонарушителей, а также идея внедрения восстановительных технологий в систему уголовной юстиции – одна из широко обсуждаемых как среди ученых, так и правоприменителей.

В целом, нужно отметить, что дальнейшая работа по совершенствованию уголовной политики, по внедрению и совершенствованию механизмов наказания осужденных без лишения их свободы, имеет значительные перспективы снизить преступность, в том числе рецидивную. Это позволит укрепить общественные устои, осуждающие асоциальное, преступное

поведение, позволит избежать соприкосновения, и соответственно приобщения к криминальному поведению лиц, впервые оступившихся, совершивших преступления, не представляющие особой опасности для общества. Работа по защите общественной нравственности должна проводится на самых ранних стадиях, когда отдельный индивид только имеет намерение преступить нормы общественной морали и нравственности.

Литература

1.Головко Л.В. Прощение долга при прекращении уголовных дел по нереабилитирующим основаниям // Законодательство. 2000. № 5. С. 20.

2.Резолюция 45/110 Генеральной Ассамблеи «Минимальные стандартные правила ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила)»

3.Головко Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве «Юридический центр Пресс", 2002 г.

4.Шатанкова Е.Н. Условное осуждение и пробация за рубежом (сравнительно-правовой анализ). Автореф. дисс. … канд. юрид. наук.Москва 2008г.

5.«Социальная реабилитация осужденных и освободившихся в странах Западной Европы», Международная тюремная реформа (PRI), РОО «Центр содействия реформе уголовного правосудия». М. 2009

УРОВЕНЬ КОРРУПЦИИ В БЕЛЬГИИ И МЕРЫ БОРЬБЫ С НЕЙ

Орели Дюборг
Высшая школа Брюсселя,
Брюссель, Бельгия

Аннотация: В Бельгии, как и в других развитых странах мира одним из активных субъектов, выявляющих коррупцию во всех структурах власти, являются независимые средства массовой информации. Некоторые эксперты в качестве важнейшей стратегии борьбы с коррупцией называют обеспечение свободы средств массовой информации и возможности получения ими информации. Реализация этой задачи связывается с принятием законов о свободе передачи информации, позволяющих осуществлять журналистские расследования, законов, запрещающих всякую цензуру и обеспечивающих финансовую независимость средств массовой информации от правительства.

Ключевые слова: коррупция, борьба, должностные лица, конвенции.

Abstract. In Belgium, as well as in other developed countries of the world one of the active subjects revealing corruption in all structures of the power, independent mass media are. Some experts as the most important strategy of fight against corruption call ensuring freedom of mass media and possibility of receiving by them information. Realization of this task contacts adoption of laws on freedom of the information transfer, allowing to carry out jour-

nalistic investigations, the laws forbidding any censorship and providing financial independence of mass media from the government.

Keywords: corruption, fight, officials, conventions.

Бельгия довольно чувствительна к коррупции. Примерно с середины 90-х годов коррупция государственных служащих стала одной из основных тем публичных обсуждений в Бельгии, как в средствах массовой информации, так и на политической сцене. В эти годы увеличилось количество дел о коррупции бельгийских государственных агентов и о финансировании политическими партиями путем выплаты комиссий плодов этой коррупции. В 1990-е годы в Бельгии вновь всплыли проблемы, связанные с бывшими бельгийскими колониями. Отношения с Заиром (бывшим Бельгийским Конго) в начале 90-х годов вновь обострились из-за спора о рефинансировании долга Заира Бельгии и обвинений в коррупции ряда должностных лиц, оказывавших давление на правительство Заира. Бельгия была втянута в тяжелый конфликт, вызвавший в 1990–1994 бедствия в Руанде (бывшей бельгийской колонии Руанда-Урунди).

Дело 1993-1998 гг. «Agusta/Dassault» о миллионных взятках, которые бельгийские политики получали от итальянской авиастроительной компании Agusta за военные заказы, с участием Ги Спитаэлса (Guy Spitaels), Ги Гоэм (Guy Coeme) и Вили Клаэс (Willy Claes). Обвинения в коррупции вылились в громкий скандал с обыском по инициативе правоохранительных органов Бельгии и при поддержке депутатского корпуса страны. По бельгийскому законодательству, только Палата депутатов могла санкционировать уголовное расследование против шефа Североатлантического альянса. Парламент же Бельгии был распущен 10 апреля ввиду объявленных в стране внеочередных парламентских выборов. Это дело закончилось самоубийством генерала бельгийской армии, а также отставкой генерального секретаря НАТО Вилли Клаэса и четырех министров бельгийского правительства.

В 2004 г. шло разбирательство дела Ришара Фурно (Richard Fournaux) 2004 г. о пассивной коррупции в деле о концессии на казино г. Динанта. Еще одно дело – Ришара Карлие (Richard Carlier), обвиненного по делу о пассивной коррупции вокруг Межрайонной службы социальных учреждений г. Эйно (1994-2004 гг.). В сентябре 2003 г. Прокуратора Брюсселя направила в бельгийский исправительный суд дело бывшего брюссельского депутата от партии Национальный фронт Филиппа Розенберга, обвиняемого в подделке документов, коррупции, отмывании денег и связях с русской преступной группировкой.

Тем не менее, по данным ежегодного исследования, проведенного организацией Transparency International, за последние годы Бельгия достигла успехов в борьбе с коррупцией и в 2004 г. заняла 17-е место среди 145 стран, а по данным доклада 2005 г. – 19-е место из 159 стран. Согласно

докладу, более двух третей из 159 стран, включенных в Индекс восприятия коррупции 2005, набрали меньше 5 баллов из 10 возможных, что указывает на высокий уровень коррупции в большинстве стран, включенных в индекс.

Индекс восприятия коррупции ранжирует страны по оценкам степени распространенности коррупции среди государственных служащих и политиков. Это комплексный индекс, основанный на данных экспертных опросов и исследований в отношении коррупции, проводимых различными представительными организациями. Индекс отражает мнения предпринимателей и аналитиков из различных стран мира; в том числе экспертов, проживающих в стране, в отношении которой проводилось исследование. Несмотря на успехи, достигнутые на многих фронтах, включая скорое введение в силу Конвенции ООН по противодействию коррупции, семьдесят стран – практически половина от всех, включенных в Индекс – набрали менее чем по 3 балла, что указывает на всю серьезность проблемы коррупции. Недавняя ратификация Конвенции ООН по противодействию коррупции создала всемирную правовую основу устойчивого прогресса в противостоянии взяточничеству. Конвенция, вступающая в силу в декабре 2005 г., ускорит возвращение украденных средств, подтолкнет банковские центры к принятию мер против отмывания денег, позволит национальным государствам преследовать в судебном порядке иностранные компании и граждан, совершивших коррупционные преступления на их территории, и запретит подкуп должностных лиц иностранных государств.

Последствия антикоррупционной политики очевидны: такие факторы риска, как непрозрачность государственных органов, чрезмерное влияние отдельных олигархических групп и нарушения в финансировании политических партий существуют как в богатых, так и в бедных странах, и ни одна из богатых стран не гарантирована от бича коррупции. Исландия, Финляндия и Новая Зеландия имеют лучшие показатели. Замыкают же список - Чад, Бангладеш и Туркмения. Хороший прогресс в борьбе с коррупцией совершила Франция. Россия с 90 места в прошлом году скатилась на 126 место. США – страна с наиболее могущественной экономикой – по уровню коррупции занимает 17 место, отставая от многих стран ЕС, но опережая Японию.

Подробные данные по Индексу восприятия коррупции см. в Приложении № 2 к настоящему Обзору. По мнению специалистов Transparency International, для искоренения коррупции всем странам необходимо принимать следующие меры:

- способствовать тесной координации действий правительств, частного сектора и гражданского общества, направленных на повышение эффективности и устойчивости усилий в противостоянии коррупции и совершенствованию государственного управления;

- ратифицировать, применять, и отслеживать соблюдение существующих антикоррупционных конвенций во всех странах в целях соблюдения единых международных норм. Это относится к Конвенции ООН по противодействию коррупции, Конвенции ОЭСР по борьбе с подкупом должностных лиц иностранных государств, и региональных конвенций Африканского союза и Организации американских государств.

Все антикоррупционные программы делают ставку на принятие кодексов поведения (этики) для государственных (муниципальных) служащих. В 1996 г. ООН разработала проект «Международного кодекса поведения государственных чиновников». Группа государств против коррупции (GRECO) в своей программе указывает, что желательно принимать не абстрактные, а детально проработанные кодексы поведения служащих с тем, чтобы последние могли четко представлять свое поведение в том или ином случае, а при сомнении обратиться к компетентным органам по этике. «Глобальная программа против коррупции», принятая ООН, рекомендует перечислять в кодексе поведения служащего конкретные санкции за нарушение установленных в нем правил и механизмы контроля за их соблюдением.

По данным опубликованного 10 октября 2005 г. Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) доклада, за последние годы Бельгия предприняла значительные усилия в области борьбы с коррупцией в международных торговых сделках. В 2003 г. Бельгия занимала 12-е место среди стран экспортеров в мире и 10-е место – среди стран ОЭСР. Бельгийские компании и их зарубежные филиалы представлены на рынках, где иногда еще требуются выплаты незаконных комиссионных. Если в 90-е годы коррупция государственных чиновников была в центре озабоченности как торговых посредников, так и политиков, то эта тенденция, похоже, ослабела.

В том, что касается разоблачения фактов коррупции, доклад ОЭСР отмечает, что таких разоблачений со стороны бельгийских предприятиях очень мало и что законодательная и регламентирующая база страны не поощряет разоблачения порочной практики внутри компаний. В этой связи необходимо не только заинтересовать персонал и администрацию предприятий в том, чтобы они «сигнализировали» о фактах коррупции, но и лучше защитить таких «подателей жалоб». ОЭСР также приветствует создание в Бельгии федеральной прокуратуры, призванной сделать более эффективной пенальное преследование нарушений, и рекомендует формально разъяснить преступную политику в области активной коррупции иностранных государственных служащих. ОЭСР также рекомендует Бельгии принять соответствующие меры к облегчению и упрощению применения опыта и компетенции Бельгии в фактах коррупции, имевших место за рубежом. ОЭСР отмечает также такой положительный факт, что законодательство Бельгии направлено на облегчение конфискации объекта или

продукта преступления, связанного с коррупцией, однако критикует тот факт, что право Бельгии разрешает при определенных условиях применение налоговых льгот и преимуществ всякого рода[9] применительно к зарубежным государственным служащим. При этом ОЭСР рекомендует правительству Бельгии принять меры к полному запрещению взяточничества в этой области. Кроме того Бельгия ратифицировала Конвенцию Совета Европы от 8 ноября 1990 г. об отмывании, выявлении и конфискации продуктов преступления.

После ознакомления с докладом ОЭСР Министр юстиции Бельгии Лоретт Онкелинкс (Laurette Onkelinx) заявила, что Бельгия представит устный доклад на рабочей группе ОЭСР, посвященный уже принятым и запланированным мерам правительства в ответ на рекомендации ОЭСР. Кроме того, в течение двух лет Бельгия представит более подробный письменный отчет на эту тему. С этой целью будет создана мультидисциплинарная рабочая группа для рассмотрения законодательных, нормативных и практических мер, которые необходимо принять Бельгии в области борьбы с коррупцией.

Литература

1.Доклад Transparency International, 18.10.2005.

2.Programme of action against corruption. Сайт в Интернете www.greco. coe. int/docs/pace3a.htm

3.Global Programme against Corruption. Программа разработана Центром по предупреждению международной коррупции и Центральным институтом ООН по исследованию межрегиональной преступности и правосудия.

4.Конвенция по борьбе с подкупом должностных лиц иностранных государств при совершении международных деловых операций подписана 17 декабря 1997 г. 28 странами-членами ОЭСР и пятью странами, не входящими в эту организацию. Проект закона о ее ратификации Бельгией одобрен Сенатом 20 апреля 1999 г. и Палатой представителей – 29 апреля 1999 года. Закон о ратификации прошел королевскую апробацию 9 июня 1999 года.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ ИНВАЛИДОВ

Панкратова О.В.
Кубанский социально- экономический институт
Краснодар, Россия

Аннотация: Статья посвящена анализу правовых проблем обеспечения прав инвалидов на полноценную жизнь. Актуальность исследования обусловлена неэффективностью имеющихся механизмов реализации и защиты прав инвалидов.

Ключевые слова: люди с ограниченными возможностями здоровья, конвенция о правах инвалидов, реализация прав инвалидов на полноценную жизнь.

Abstract. The article is devoted to the analysis of legal problems of ensuring the rights of persons with disabilities on to full-fledged life. The relevance of the research is due to the inefficiency of the existing mechanisms of implementation and protection of the rights of persons with disabilities.

Key words: people with disabilities, Convention on the rights of persons with disabilities, the rights of persons with disabilities to full-fledged life.

На современном этапе развития общества решения проблем инвалидности и инвалидов является одним из приоритетных направлений социальной политики и в значительной мере определяет уровень социального благополучия, как всего населения, так и его социально уязвимых слоев

В России сегодня свыше 13 миллионов людей с ограниченными возможностями, и их число имеет тенденцию к дальнейшему росту. Одни из них инвалиды с рождения, другие стали инвалидами вследствие заболевания, травмы, но все они являются членами общества и имеют такие же права и обязанности, как и другие граждане [1].

Для того чтобы проанализировать процесс социальной реабилитации инвалидов, вообще лиц с ограниченными возможностями, необходимо выяснить, каково содержание понятия «инвалидность» и что представляет собой процесс социальной реабилитации, какую цель он преследует, какие составные части или элементы в него ходят. Термин «инвалид» восходит к латинскому корню (valid — «действенный, полноценный, могущий») и в буквальном переводе может означать «непригодный», «неполноценный»[2. с. 4-7]. После Второй мировой войны в русле общего движения по формулированию и защите прав чело века в целом и отдельных категорий населения в частности происходит формирование понятия «инвалид», относящегося ко всем лицам, имеющим физические, психические или интеллектуальные ограничения жизнедеятельности. Фиксируя генеральные принципы демократического жизнеустройства гражданского общества в международных документах, Организация Объединенных Наций в 1975 г. приняла Декларацию о правах инвалидов, где сказано, что “»инвалид» означает любое лицо, которое не может самостоятельно обеспечить полностью или частично потребности нормальной личной и/или социальной жизни в силу недостатка, будь то врожденного или приобретенного, его или ее физических или умственных возможностей”[3]. В Рекомендациях 1185 к реабилитационным программам 44-й сессии Парламентской Ассамблеи Совета Европы от 5 мая 1992 г. инвалидность определяется как «ограничения в возможностях» обусловленные физическими, психологическими, сенсорными, социальными, культурными, законодательными и иными барьерами, которые не позволяют человеку, имеющему инвалидность, быть интегрированным в общество и принимать участие в жизни семьи или общества на таких же основаниях, как и другие члены общест-

ва». Общество обязано адаптировать существующие в нем стандарты к особым нуждам людей, имеющих инвалидность, для того чтобы они могли жить независимой жизнью [4].

В 1971 г. Генеральной Ассамблеей ООН была принята Декларация о правах умственно отсталых лиц, где утверждалась необходимость в максимальной степени осуществлять обеспечение прав таких инвалидов; декларировались права на надлежащее медицинское обслуживание и лечение, а также право на образование, обучение, восстановление трудоспособности и покровительство, которое позволяет умственно отсталому лицу развивать свои способности и возможности [5].

В 1989 г. Организацией Объединенных Наций был принят текст Конвенции о правах ребенка, которая обладает силой закона. В ней закреплено также право детей с отклонениями в развитии вести полноценную и достойную жизнь в условиях, которые обеспечивают его достоинство, способствуют его уверенности в себе и облегчают его активное участие в жизни общества (ст. 23); право неполно ценного ребенка на особую заботу и помощь, которая должна предоставляться по возможности бесплатно с учетом финансовых ресурсов родителей или других лиц, обеспечивающих заботу о ребенке, с целью обеспечения неполно ценному ребенку эффективного доступа к услугам в области образования, профессиональной подготовки, медицинского обслуживания, восстановления здоровья, подготовки к трудовой деятельности и доступа к средствам отдыха таким образом, что приводит к наиболее полному по возможности вовлечению ребенка в социальную жизнь и достижению развития его личности, включая культурное и духовное развитие ребенка[6].

Положения о защите прав инвалидов содержатся так же в таких документах, как Декларация социального прогресса и развития, Принципы защиты психически больных лиц и улучшения психической помощи и т. п.

Интегративным документом, охватывающим все стороны жизнедеятельности инвалидов, являются Стандартные правила обеспечения равных возможностей для инвалидов, утвержденные ООН в 1994 г.[7]. Идеология Правил основана на принципе обеспечения равных возможностей, предполагающем, что инвалиды являются членами общества и имеют право оставаться жить в своих общинах. Они должны получать поддержку, в которой нуждаются в рамках обычных систем здравоохранения, образования, занятости и социальных услуг. Специально оговаривается необходимость содействовать разработке местными общинами программ и мероприятий для инвалидов. Одной из форм такой деятельности является подготовка учебных пособий или составление перечней подобных мероприятий, а также разработка учебных программ для персонала на местах. Стандартные правила определяют, что государства несут ответственность за создание и укрепление национальных координационных комитетов или аналогичных органов для использования их в качестве национальных ко-

ординационных центров по вопросам, касающимся инвалидов [8. с.131-143].

В Российской Федерации были изданы указы Президента РФ, направленные на государственную поддержку инвалидов, в том числе Указы Президента РФ «О мерах по формированию доступной для инвалидов среды жизнедеятельности» (1992 г.), «О дополнительных мерах государственной поддержки инвалидов» (1992 г.), «О мерах по профессиональной реабилитации инвалидов и обеспечению занятости инвалидов», постановление Правительства Российской Феде рации № 1151 от 25 ноября 1995 г., которым утвержден федеральный перечень гарантированных государством социальных услуг, предоставляемых гражданам пожилого возраста и инвалидам государственными и муниципальными учреждениями социального обслуживания[9].

Важным правовым документом в данной сфере является Федеральный Закон от 24 ноября 1995г. №181 – ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации». Этот закон является первым кодифицированным актом в этой области. Он вобрал в себя все прогрессивные нормы социальных законов зарубежных стран и международных документов.

В соответствии со ст. 2 Закона под социальной защитой инвалидов понимается система гарантированных государством экономических, социальных и правовых мер, обеспечивающих инвалидам равные с другими гражданами возможности в реализации конституционных прав. Глава IV Закона о социальной защите инвалидов посвящена обеспечению жизнедеятельности инвалидов. Этой главой регулируются такие жизненно важные вопросы, как обеспечение образования и занятости инвалидов, медицинская помощь инвалидам, в том числе и лекарственное обеспечение, обеспечение инвалидов жилой площадью, транспортное обслуживание инвалидов, доступ инвалидов к информации и объектам социальной инфраструктуры.

Закон о социальной защите инвалидов ввел единое понятие инвалидности, как для взрослых, так и для детей. Таким образом, социальное обеспечение представляет собой совокупность государственных мер по оказанию социальной помощи и социальному обслуживанию, а также распределению денежных средств для удовлетворения потребностей физических лиц, лишенных возможности самостоятельно обеспечивать себя средствами в объеме прожиточного минимума по независящим от них причинам.

Социальная защита этой категории населения должна быть нацелена на гумманизацию всех сфер жизни этих людей. Недопустимо, чтобы кто-либо, из них ощущая себя лишним человеком, обременяющим близких, общество. Каждый должен как можно дольше сохранять желание и возможность жить в семье, активно участвовать в экономическом, полити-

ческом, культурном развитии общества, пользоваться всеми его благами и по возможности их приумножать [9 с. 32].

В ежегодном послании Президента РФ к Федеральному Собранию РФ Д.А. Медведев отметил, следующее: «В России практически отсутствует инфраструктура для жизни инвалидов и людей с тяжелыми заболеваниями. Излишне добавлять, насколько остро эта проблема стоит для детей. Даже поездка в школу для ребенка-инвалида часто превращается в пытку. Найти автобус, приспособленный для перевозки детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата, - целая проблема. Подъем на колясках в жилых домах, в учреждениях - чаще всего просто невозможен. Хотя, надо признаться, новые дома (то, что я вижу) строятся уже с учетом новых стандартов. Но такое происходит скорее наперекор обстоятельствам, а не благодаря системным мерам, предпринятым государством и обществом»[10. с. 4].

Создание доступной для инвалидов среды жизнедеятельности является составной частью государственной политики, практические результаты которой обеспечат инвалидам равные с другими гражданами права и возможности. При этом предусматривается, что инвалид сможет получить относительную независимость в быту, в городе (другом населенном пункте), в условиях обучения и трудовой деятельности. В связи с этим необходимо создание условий для инвалида в жилой градостроительной, образовательной, спортивной и производственной среде.

В настоящее время мировым сообществом уделяется пристальное внимание проблемам инвалидов. Так, например, главой Международного паралимпийского комитета – сэром Филипом Крэйвеном проинспектированы спортивные объекты в Сочи, где будет проходить олимпиада 2014г. Он лично убедился, что все объекты будущих игр будут удобными и доступными для спортсменов, передвигающихся в инвалидных креслах. При подготовке олимпиады в Сочи 2012г. повсеместно устанавливаются не только пандусы, но и подъемники, особая тактильная плитка для слабовидящих. С помощью специального амбулифта люди с инвалидностью могут попасть на Большую ледовую арену. Такие возможности предусмотрены на каждом стадионе, поэтому в Олимпийском парке проблем с доступностью не будет, уверены организаторы. Здесь все проектировалось с учетом самых строгих международных требований[11].

Однако, к числу негативных явлений для становления системы реабилитации следует отнести отсутствие четкого разграничения полномочий органов государственной власти РФ, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления в области реабилитации инвалидов.

Серьезные недостатком в реабилитации инвалидов, является неразвитая правовая база на региональном уровне. Она является все еще слабой, а ее дальнейшее развитие сдерживается в силу отсутствия должного фи-

нансирования мероприятий по реабилитации инвалидов в том или ином регионе[12. с 76-78].

Таким образом, исходя из сказанного, актуальным представляется разработать Федеральный Закон «О реабилитации инвалидов».

В рамках законопроекта следует:

- легализовать основные понятия, раскрывающие сущность и содержание реабилитации;
- законодательно закрепить основные принципы в области реабилитации инвалидов;
- разграничить полномочия федеральных и региональных органов государственной власти в области реабилитации;
- законодательно закрепить права инвалидов на реабилитацию и предусмотреть гарантии этих прав;
- урегулировать порядок инвестирования денежных и иных средств в сферу реабилитации в целях ее стимулирования;
- предусмотреть создание многопрофильной комплексной системы медико-социальной реабилитации;
- предусмотреть систему мер по реализации медицинской, профессиональной и социальной реабилитации;
- урегулировать информационное, научное, кадровое и финансовое обеспечение реабилитации инвалидов.

Литература:

1.Российская газета//- Федеральный выпуск№531 от 1 марта 2012 г.

2.Российская энциклопедия социальной работы: В 2 т. М., 1997.

3.Резолюция 3447 (XXX) Генеральной Ассамблеи ООН декларация о правах инвалидов 9 декабря 1975 г.//электронный рес. constitution.garant.ru›act/right/megdunar (дата обращения 18.05.2012г.)

4.Рекомендации 1185 к реабилитационным программам 44-й сессии Парламентской Ассамблеи Совета Европы от 5 мая 1992г.// электронный рес. constitution.garant.ru›act/right/megdunar(дата обращения 18.05.2012г.)

5.Декларация о правах умственно отсталых лиц 1971 г., принятая Генеральной Ассамблеей ООН//электронный рес. constitution.garant.ru›act/right/megdunar (дата обращения 18.05.2012г.)

6.Стандартные правила обеспечения равных возможностей для инвалидов, утвержденные ООН в 1994 г.// электронный рес. constitution.garant.ru›act/right/megdunar (дата обращения 18.05.2012г.)

7.Конвенция о правах ребенка, принятая ООН в 1989 г.

8.Социально-демографическое развитие в Западной Европе. М., 1992.

9.Правовая система Консультант Плюс (дата обращения 18.05.2012г.)

10.Пантелеева Т.С. Экономические основы социальной работы // М., 1999г.

11.Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 05.11.2008 г. «Российская газета» №230 от 06. 11. 2008.

12.«Олимпийские объекты в Сочи сдают особый экзамен - на внимание к инвалидам», 16 мая 2012г. электронный ресурс: 1tv.ru›news/sport/207203. (дата обращения 18.05.2012г.)

13.Белясов С. Н. Социальная защита инвалидов, как обязанность государства // Государство и право: теория и практика: материалы междунар. заоч. науч. конф. (г. Челябинск, апрель 2011 г.). — Челябинск: Два комсомольца, 2011.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ

Пилюгина Т.В.
к.ю.н., доцент
Кубанский социально-экономический институт,
Россия, Краснодар
Сушкова И.А.
к.ю.н.,
Кубанский социально-экономический институт,
Краснодар, Россия

Аннотация: Право человека на медицинскую помощь закреплено в Конституции РФ. Проблема ненадлежащего оказания медицинской помощи сегодня приобретает особое значение. Официальную статистику врачебных ошибок, которые приводят к гибели пациентов, в России никто не ведет, однако, по неофициальным данным самих же медиков каждый третий диагноз – ошибочный, «халтура» и «просчеты» медиков убивают больше россиян, чем дорожно-транспортные происшествия.

Ключевые слова: Медицинская помощь, врачебная ошибка, просчеты медиков, преступление.

Abstract: The human right to health care is enshrined in the Constitution of the Russian Federation. The problem of inadequate medical assistance today is of particular importance. Official statistics of medical errors, which lead to the death of patients, nobody in Russia is, however, according to unofficial data the same doctors every third diagnosis is wrong, «the quickie» and «failures» of doctors killed more Russians than traffic accidents.

The keywords: Medical care, medical mistake, mistakes of doctors, a crime.

Право человека на медицинскую помощь закреплено в Конституции РФ как прямо, так и опосредованно, в том числе путем придания юридической силы на территории Российской Федерации общепризнанным принципам и нормам международного права и международным договорам Российской Федерации.

Международно-правовые акты более широко трактуют право человека на охрану здоровья, чем положения Конституции РФ. Это означает, что Российское государство должно обеспечить более высокий уровень гаран-

тий права каждого гражданина на качественную медицинскую помощь, чем тот, который существует в реальной жизни россиян.

Проблема ненадлежащего оказания медицинской помощи сегодня сверхактуальна и в то же время на сегодняшний день недостаточно изучена с точки зрения клинических, экспертных и правовых позиций. Вместе с тем отдельные научные исследования, проведенные за рубежом и в нашей стране, выявили не просто высокий уровень распространенности этого негативного явления, а, по образному выражению президента Всемирной ассоциации медицинского права (WAMI) профессора А. Карми, настоящую молчаливую эпидемию.[1]

По мнению британского "Фонда общественного мнения", 42% россиян считают, что они стали жертвами медицинских ошибок или неправильного лечения. 32% говорят, что они были неправильно диагностированы или им предписано неправильное лечение. 19% заявляют, что были свидетелями халатности врачей по отношению к членам своей семьи. По информации организации "Лига защиты пациентов", ежегодно от ошибок врачей в России умирает 50 тысяч человек. Официальную статистику врачебных ошибок, которые приводят к гибели пациентов, в России никто не ведет, однако, по неофициальным данным самих же медиков каждый третий диагноз – ошибочный, «халтура» и «просчеты» медиков убивают больше россиян, чем дорожно-транспортные происшествия.

Сразу необходимо оговориться, что на сегодняшний день в нормативно-правовых актах отсутствует понятие врачебной ошибки как ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей медицинскими работниками, что дает основания некоторым авторам считать ее не правовой категорией.

Однако в законодательстве Российской Федерации ответственность врача, медицинского учреждения перед пациентом оговорена в целом ряде законов и подзаконных актов, начиная с "Правил предоставления платных медицинских услуг населению..." и заканчивая Уголовным Кодексом Российской Федерации. При этом нарушение охраняемых прав и интересов пациентов как при непосредственном оказании медицинской помощи, так и в результате управленческой деятельности по ее организации закреплено законом. И здесь чрезвычайно важен взвешенный подход правового регулирования медицинской деятельности и определения однозначного подхода относительно юридической квалификации ошибочных действий врачей.[2] Ведь граница между «добросовестным заблуждением» и преступлением «по неосторожности» когда врач имел все основания объективно оценить ситуацию, очень тонкая.

В этом случае, необходимо учитывать оценку его действий на профессиональном уровне. Доказательства получить очень трудно, порой невозможно, особенно учитывая корпоративную солидарность, несомненно, имеющуюся во врачебной среде, определяющей "ошибки врача при ис-

полнении своих профессиональных обязанностей, как следствие добросовестного заблуждения и не содержащие состава преступления или признаков проступков".[3] Разрабатываемые медиками концепции уголовной ненаказуемости по причине добросовестности заблуждения врача противоречат положениям уголовно-правовой науки.

Уголовное законодательство предусмотрело ответственность только за те опасные последствия, в отношении которых установлена вина медицинского работника. В подавляющем большинстве случаев речь идет о неосторожной форме вины в виде преступного легкомыслия либо преступной небрежности, причем небрежность встречается гораздо чаще, чем легкомыслие Врачебной практике России почти неизвестны случаи умышленного причинения вреда.

Неосторожные действия медицинских работников встречаются значительно чаще, и выражаются в недостаточном обследовании больного и невыполнении специальных исследований, несвоевременной госпитализации и преждевременной выписке, в недостаточной подготовке и небрежном выполнении хирургической операции или манипуляций. Небрежный уход и наблюдение за больным, несоблюдение медицинских инструкций и правил, небрежное применение лекарств, ведение истории болезни и других медицинских документов, невежественные действия врача также составляет состав преступления.[4] В результате каждого такого действия или бездействия врача может наступить смерть больного. Оценка неблагоприятных исходов устанавливает причинную связь между неправильными действиями врача или, наоборот, его бездействием и тем самым неблагоприятным исходом. Выявление причины такого поведения врачей дает возможность установить его сущность и может служить критерием для оценки последствий этих действий.

Часто от молодых врачей можно услышать оправдание «не предвидел, не ожидал таких последствий, просто не знал (не нарочно, без умысла)». Но уровень знаний и умения должны обеспечить основное назначение врача - сохранение здоровья, облегчение страданий, наконец, спасение жизни людей. Человек вверяет врачу свое здоровье, свою жизнь и, если медицинский работник ненадлежащим образом выполняет свои профессиональные обязанности, в результате чего наступает такое необратимое последствие, как смерть человека.[5]

Рассматривая ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей медицинскими работниками через призму правовых оснований, определим ее как правильное определение болезни врачом (диагностическая ошибка) или неправильное врачебное мероприятие (операция, назначение лекарства и др.), обусловленные добросовестным заблуждением врача. В этом случае расширение круга унифицированных правил проведения диагностических и лечебных мероприятий автоматически снижает потребность медицинской сферы в услугах уголовного законодательства.

Любое профилактическое мероприятие связано с инвазивными методами, что означает проникновение в организм человека какого-либо лекарственного средства (большинство из которых обладает вредоносными свойствами и, на первый взгляд, полностью подконтрольного человеку), и, как показывает практика, может привести не только к инвалидности, но и к летальному исходу.[6]

В этом случае медицинская деятельность является источником повышенной опасности, и ее вредоносные результаты являются скорее нежелательным исключением (медицинской ошибкой), нежели правилом. А значит, она не грозит всем пациентам конкретным причинением вреда, который может быть причинен различными медицинскими действиями совместно с источником повышенной опасности.[7] И позволяет пациентам возмещать нанесенный им вред в результате медицинской ошибки независимо от вины (добросовестного или недобросовестного незнания) медицинского персонала.

В соответствии со ст. 63 Основ медицинские и фармацевтические работники имеют право на страхование профессиональной ошибки, в результате которой причинен вред или ущерб здоровью гражданина, не связанный с небрежным или халатным выполнением ими профессиональных обязанностей [8].

Страхование профессиональной ответственности объединяет виды страхования имущественных интересов различных категорий лиц, которые при осуществлении профессиональной деятельности могут нанести материальный ущерб третьим лицам.

Принятие закона о страховании ответственности исполнителей социально-медицинских услуг является приоритетной мерой в развитии механизма защиты социально-медицинских работников и пациентов [9].

Проблема страхования профессиональной ответственности исполнителей медицинских услуг уже на протяжении многих лет является предметом дискуссии как в литературе [10], так и при подготовке и рассмотрении различных законопроектов. В ходе парламентских слушаний по проекту федерального закона "О частной медицинской деятельности" 15 июля 1995 г. обсуждалась статья законопроекта "О необходимости страхования профессиональной ответственности", включенная по многочисленным предложениям пациентов и врачей [11]. В ней указывалось, что частные медицинские организации и лица, занимающиеся частной медицинской практикой, обязаны заключать договоры страхования своей профессиональной ответственности и уплачивать страховые взносы за счет получаемых доходов. Страхование профессиональной ответственности в том числе исполнителя социально-медицинских услуг и прежде всего частнопрактикующих врачей было предусмотрено и в ст. 29 законопроекта "О правах пациента" [12]. В 1999 году Комитетом Государственной Думы по охране здоровья был разработан законопроект "О страховании профессиональной от-

ветственности социально-медицинских работников". Разработчики проекта адресовали данный Закон в первую очередь исполнителям возмездных медицинских услуг. Ни один из указанных законопроектов до настоящего времени не принят.

В соответствии с гражданским законодательством Российской Федерации вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред (ст. 1064 ГК РФ), ответственность за неумышленное причинение вреда можно застраховать в соответствии с действующим законодательством РФ (см. гл. 48, в частности ст. 931 ГК РФ) [7].

Страховым случаем по договору страхования профессиональной ответственности медицинских работников признается факт возникновения обязанности страхователя (застрахованного лица) в соответствии с действующим гражданским законодательством РФ компенсировать расходы, произведенные вследствие причинения вреда жизни и здоровью пациента при оказании услуг, связанных с профессиональной медицинской деятельностью.

Договор страхования может быть заключен как по совокупности, так и по отдельным рискам причинения вреда жизни или здоровью пациента.

Страховой случай - причинение вреда здоровью пациента при установлении диагноза и лечении, смерть пациента в результате непреднамеренной ошибки страхователя (застрахованного лица) и другие варианты проявления страхового риска, если ошибка не связана с небрежным или халатным выполнением ими профессиональных обязанностей. Умышленное же причинение вреда (преступление), не являясь профессиональной ошибкой, не должно считаться страховым случаем. Однако согласно ст. 963 ГК РФ страховщик не освобождается от выплаты страхового возмещения, если вред причинен по вине ответственного за него лица. При наступлении страхового случая возникает обязанность страховщика произвести выплату страхового возмещения третьим лицам, которым был причинен вред (выгодоприобретателям). Несколько убытков, наступивших по одной и той же причине, рассматриваются как один страховой случай [13].

Страховым случаем по договору профессиональной ответственности медицинских работников может быть признано:

1) причинение вреда здоровью пациента в результате непреднамеренной ошибки страхователя (застрахованного лица) при установлении диагноза;

2) причинение вреда здоровью пациента в результате непреднамеренной ошибки страхователя (застрахованного лица) при проведении курса лечения;

3) смерть пациента в результате непреднамеренной ошибки страхователя (застрахованного лица);

4) другие варианты проявления страхового риска.

Страховым случаем по договору профессиональной ответственности медицинских работников, как показывает анализ законодательства и специальной литературы, может быть признано:

1) причинение вреда здоровью пациента в силу ошибки страхователя (застрахованного лица) при установлении диагноза;

2) причинение вреда здоровью пациента в силу ошибки страхователя (застрахованного лица) при проведении лечения;

3) смерть пациента в результате ошибки страхователя (застрахованного лица);

4) другие варианты проявления страхового риска [14].

В отличие от других видов страхования при страховании профессиональной ответственности наступление страхового случая обычно зависит не от внешних факторов (таких, как различные природные явления, стихии, действия третьих лиц), а от квалификации лица, осуществляющего профессиональную деятельность, случая, а также индивидуальных особенностей организма пациента (потерпевшего).

Страхование также может осуществляться на случай ошибок, небрежности, упущений среднего медицинского персонала.

Введение в действие страхования от врачебной ошибки, с одной стороны, закрепляет право граждан на получение компенсации за действия врачей, с другой - может способствовать тому, что сами доктора могли бы с большей уверенностью использовать имеющиеся у них возможности.

Врач является носителем риска, но ответственность за его действия несет именно клиника. Исключение из этого правила составляют частнопрактикующие на официальной основе врачи, но их в России пока мало.

Договор страхования может быть заключен как с медицинским учреждением (что встречается чаще всего), так и лично с врачом - в случае, если он занимается частной практикой. По договору может быть застрахована ответственность всех врачей медицинского учреждения или только части коллектива.

В странах Восточной Европы минимальная сумма покрытия при оценке вреда жизни - 30 тыс. евро, в развитых странах - 300, 500 тыс. долларов. Существует и безлимитное покрытие. Для большинства полисов по страхованию ответственности врачей составляет от 50 тыс. долл. до 500 тыс. долл. Цена страховки зависит от квалификации и опыта врачей и от того, как долго работает клиника. Судебные издержки клиники на случай возможного разбирательства входят в объем страхового покрытия. Получается, что клиники тратят на страхование от 500 долл. до 5 тыс. долл. в год. При стоимости годового полиса 3 тыс. долл. величина покрытия составляет до 500 тыс. долл. При этом, по данным страховщиков, большая часть исков от пострадавших пациентов пока еще не превышает 10 тыс. долл.

На Западе страхование ответственности врача стоит значительно дороже. В Америке, например, ни один врач не сможет начать профессиональную деятельность без приобретения страховки, стоимость которой составляет от нескольких десятков тысяч долларов для терапевта и до нескольких сотен тысяч для нейрохирурга [15].

Практика страхования профессиональной ответственности представителей ряда специальностей появилась в России в середине 90-х годов XX в. Но если, например, нотариусы и оценщики обязаны страховать свою ответственность по закону, то врачи могут страховать свои возможные ошибки лишь по доброй воле. Чаще всего их к этому побуждают работодатели - частные клиники. В целом число таких "сознательных" организаций невелико, доля застрахованных медучреждений в нашей стране не превышает 5 - 10%. Среди государственных клиник - это вообще единицы, и то в основном роддома, стоматологические клиники и поликлиники с широкой специализацией [16].

В заключение следует отметить, что введение обязательного страхования профессиональной ответственности врачей позволит обеспечить защиту не только прав пациента, но и защиту профессиональных и имущественных прав медработников.

Литература

1.Рыков В.А. Врачебная ошибка: медицинские и правовые аспекты // Медицинское право. 2005. N 1.

2.Мазин П.В., Битеев В.Х. Правовой статус врача в Российской Федерации // Вятский медицинский вестник. 1999. N 2.

3.Большой медицинский словарь М., 2003

4.Мохов А.А. Некачественное медицинское обслуживание как источник повышенной опасности для окружающих // Современное право. 2004. N 10. С. 2-6.

5.Кибальник А.Г., Старостина Я.В. Актуальные проблемы уголовной ответственности медицинских работников. – Москва: Илекса, 2006. – 92 с.

6.Леонтьев О.В. Нарушение норм уголовного права в медицине. – СПб., 2002.

7.Кибкало А.П., Мохов А.А., Салямов К.Ю. Определение понятий «неблагоприятный исход» и «врачебная ошибка» в медицинской практике: социально-правовое значение// Медицинское право. – 2003. - № 4. – С. 38-41.

8.Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан, утв. ВС РФ 22.07.1993 N 5487-1 (ред. от 28.09.2010) // Ведомости СНД и ВС РФ, 19.08.1993, N 33, ст. 1318.

9.Барков А.В. Договор как средство правового регулирования рынка социальных услуг: Монография. М.: Юрист, 2008. 291 с.

10.Михайлова Ю.В. Страхование профессиональной ответственности социально-медицинских работников за рубежом // Здравоохранение. 2002. N 9. С. 157 – 161.

11.Пиддэ А.Л. Защита врача: социально-правовые проблемы // Здравоохранение. 2002. N 9. С. 154 - 155.

12.Слушания по проекту федерального закона "О частной медицинской деятельности" // Информационный портал Государственной Думы: http://www.ekonomiks.ru/gd/;

13.Слушания по проекту федерального закона "О правах пациента" // Информационный портал Государственной Думы: http://www.ekonomiks.ru/gd/.

14.Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): федеральный закон от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 07.02.2011) // СПС Консультант Плюс, 2011.

15.Кушербаев С.К. Страхование профессиональной ответственности медицинских работников в Российской Федерации // Медицинское право. 2009. N 3. С. 40 - 44.

16.Капранова С.Ю. Нормативно-правовая база страхования профессиональной ответственности медицинских работников в современных условиях // Социальное и пенсионное право. 2006. N 4.

17.Колоколов Г.Р., Махонько Н.И. Медицинское право: учебное пособие. М.: Дашков и К, 2009. 452 с.

18.Игбаева Г.Р.Перспективы развития страхования профессиональной ответственности врачей и других медицинских работников // Социальное и пенсионное право. 2007. N

19.Рыков В.А. Врачебная ошибка: медицинские и правовые аспекты //

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ПО СОВОКУПНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Пичкуренко А.А.
Российская академия правосудия,
Краснодар, Россия

Аннотация: в статье рассмотрены проблемы касающиеся института назначения наказания. Автор раскрывает понятие совокупности преступлений, анализирует мнение ведущих ученых юристов.

Ключевые слова: Институт назначения наказания, уголовное право, преступление, уголовная ответственность.

Abstract. in article problems appointments of punishment concerning institute are considered. The author opens concept of set of crimes, analyzes opinion of leading scientific lawyers.

Keywords: Institute of appointment of punishment, criminal law, a crime, a criminal liability.

Проблема института назначения наказания в уголовно-правовой науке является наиболее сложной и многогранной. Реализуя себя, прежде всего, угрозой применения наказания этот институт наглядно и полно проявляет содержание и направление уголовной политики государства. По мнению Н.С.Таганцева деяние, чтобы быть преступным в смысле уголовного наказуемого должно быть воспрещено законом под страхом наказания. Причем страх этот не есть что-либо отвлеченное, не есть фантом, только пугающий того, кто посягает на нормы права, а реально им ощущаемое последствие такого посягательства, действительное наказание, как проявление того особого юридического отношения, которое возникает между карательной властью и ослушником велений авторитетной воли законодателя. В этом случае наказание является наиболее эффективным уголовно-правовым средством борьбы с преступностью, поскольку прерывает анти-

общественную деятельность лиц, совершающих преступление. Важным, актуальным и практически значимым для науки уголовного права и судебно-следственной практики является исследование проблемы назначения наказания по совокупности преступлений по уголовному законодательству. Это обуславливается тем, что деятельность правоохранительных органов направленная на сокращение преступности невозможна без постоянной борьбы со случаями совершения одними и теми же лицами множества преступлений, без ликвидации причин и условий, способствующих повторению преступлений.

Проблема института назначения наказания всегда представляла существенный интерес для науки, так как наличие судебных ошибок указывает на неоднозначно воспринимаемое практикой содержание ст. 69 УК РФ. Уже с 60-х годов прошлого столетия научные труды ученых - юристов Кафарова Т.М., Кудрявцева В.Н., Малкова В.П., Прохорова Л.А., Яковлева А.М. затрагивали проблемы института назначения наказания по совокупности преступлений и приговоров. И сегодня проблемам этого института посвящено немало научных трудов. И по-прежнему проблема назначения наказания по совокупности преступлений остается достаточно сложной.

Совокупность преступлений является видом множественности преступлений. Под совокупностью преступлений понимается одновременное или последовательное совершение двух или более преступлений, предусмотренных различными статьями или частями статей Уголовного кодекса, при условии, что ни по одному из них не был вынесен приговор. При совокупности преступлений лицо несет уголовную ответственность за каждое совершенное преступление по соответствующей статье или части статьи настоящего Кодекса (ч. 1 ст. 17 УК РФ).

При совокупности субъект совершает несколько преступлений, каждое из которых обладает особыми своими юридическими признаками, что, в конечном счете, влечет квалификацию содеянного по нескольким самостоятельным статьям или различным частям одной и той же статьи Уголовного кодекса одновременно.

Важным признаком совокупности выступает то, что виновный еще не был осужден ни за одно из совершенных преступлений. При практическом применении уголовного закона важно исходить из того, что при совокупности, независимо от того, образуют ли ее деяния, охватываемые разными статьями или различными частями статьи, требуется, чтобы эти нормы всегда отражали самостоятельные составы преступлений с собственными санкциями.

При совокупности преступлений все преступные деяния должны быть совершены виновным до вступления приговора в силу за любое из них. В противном случае речь может идти лишь о рецидиве, который влечет иные, нежели при совокупности, правовые последствия.

Теория уголовного права и судебная практика различают два вида совокупности преступлений реальную и идеальную.

Идеальная совокупность преступлений характеризуется единым преступным деянием, которое причинно обусловливает наступление разнородных или нескольких последствий, что причиняет ущерб различным объектам, охраняемым разными статьями Особенной части УК РФ. При этом непосредственные объекты посягательства должны не соотноситься как часть и целое, а состоять из различных общественных отношений. Как единое преступление следует, например, квалифицировать убийство в результате причинения различных по степени тяжести многочисленных телесных повреждений. В этом случае непосредственные объекты телесных повреждений подчинены непосредственному объекту убийства. Если же рассмотренные деяния были направлены на разных потерпевших, то они образуют совокупность преступлений, так как имеет место посягательство на два самостоятельных объекта.

Под реальной совокупностью преступлений понимаются случаи, когда лицо разновременно в результате различных самостоятельных деяний совершает два и более преступлений, предусмотренных различными статьями УК РФ, в которых описаны самостоятельные виды преступлений и предусмотрены самостоятельные санкции. При этом лицо не должно быть осуждено ни за одно из преступлений, входящих в совокупность.

Для того чтобы содеянное было правильно квалифицировано по совокупности преступлений, необходимо руководствоваться следующими правилами:

а) надо, чтобы виновным фактически были совершены два или более преступления, каждое из которых предусмотрено самостоятельной статьей или частью статьи Уголовного кодекса;

б) следует установить, что по каждому из этих преступлений сохраняется возможность уголовного преследования, то есть не истекли сроки давности уголовного преследования, предусмотренные ст. 78 УК РФ;

в) для квалификации по совокупности необходимо также, чтобы одно из преступлений, совершенных виновным, не являлось согласно закону признаком другого преступления.

Поэтому, когда оба деяния, совершенные виновным, подпадают под признаки различных уголовно-правовых норм, но в одно и то же время является в силу закона способом, средством или квалифицирующим признаком другого, квалификация по совокупности исключается, здесь налицо одно единое преступление. Например, виновный совершил разбойное нападение на кассира, угрожая потерпевшему финским ножом. Формально, содеянное субъектом предусмотрено двумя самостоятельными статьями ст. 162 УК РФ и ч. 4 ст. 222 УК РФ. Однако в таком случае квалификация по совокупности была бы излишней, так как вооруженность субъекта выступает по закону квалифицирующим признаком разбойного нападения.

Следовательно, в приведенном примере все содеянное надлежит квалифицировать только по ст. 162 УК РФ. Иное дело, если использованные виновным способ или средство совершения преступления не являются по закону обязательным признаком этого преступления и в то же время образуют состав иного преступления. В этих случаях квалификация по совокупности обязательна. Таково, например, убийство с использованием незаконно хранимого огнестрельного оружия. Наконец, квалификация по совокупности исключается, если даже в содеянном содержатся признаки преступлений, предусмотренных самостоятельными статьями Уголовного кодекса, но эти преступления соотносятся между собой как общий и специальный состав. В этих случаях содеянное должно квалифицироваться лишь по одной статье, предусматривающей специальный состав. Это правило нашло отражение в ч. 3 ст. 17 УК РФ.

Совокупность преступлений следует отличать от составных (сложных) преступлений, которые представляют собой единое преступление, квалифицируемое в силу прямого указания закона лишь по одной статье Уголовного кодекса. Например, только по ст. 162 УК квалифицируется нападение с целью завладения имуществом, соединенное с насилием, опасным для жизни и здоровья лица, подвергшегося нападению.

Новый УК РФ решительно и справедливо отказался от позиции прежнего УК, ограничивавшего пределы наказания по совокупности преступлений максимальными пределами санкции статьи УК, предусматривающей более строгое наказание за преступление, входящее в совокупность. Практически это означало, что, если виновный осуждался, к примеру, за совершение ста преступлений, он мог фактически не отвечать за девяносто девять из них. В этом случае законодатель как бы запрещал преступнику совершать лишь более тяжкое преступление, чем он уже совершил. И в самом деле, совершив, к примеру, вооруженное разбойное нападение, наказываемое в соответствии с прежним УК лишением свободы на срок до пятнадцати лет, виновный после этого мог вполне безнаказанно совершить даже умышленное убийство без отягчающих обстоятельств или изнасилование при отягчающих обстоятельствах, а также хоть сотню новых вооруженных разбоев. В рамках прежнего уголовного закона он фактически отвечал лишь за первое преступление, так как за все последующие указанные преступления предусматривалось либо такое же, как за первое преступление, либо более мягкое наказание. Следовательно, выйти за пределы наказания, назначенного за первое преступление, суд был не вправе. Такое правило нельзя не назвать абсурдным, так как оно лишь провоцировало совершение преступлений, особенно тяжких.

Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 года во многом по-новому определяет порядок и пределы назначения наказания по совокупности преступлений. Согласно ч. 1 ст. 17 УК РФ совокупностью преступлений признается совершение двух или более преступлений, предусмот-

ренных различными статьями или частями статьи УК, ни за одно из которых лицо не было осуждено. При совокупности преступлений лицо несет уголовную ответственность за каждое совершенное преступление по соответствующей статье или части статьи Особенной части УК РФ. Изменения в политической, экономической и социальной жизни страны в период отказа от советской государственной системы потребовали проведения правовой реформы, в ходе которой были приняты новые Уголовный, Уголовно-процессуальный и Уголовно-исполнительный кодексы. Уголовный кодекс РФ 1996 г., в основном, выполнил поставленную перед ним задачу - отразил произошедшие кардинальные изменения в экономике и государственном устройстве, обеспечил реализацию положений Конституции РФ 1993 г., при этом решительно отказался от позиции своих предшественников, ограничивавших пределы наказания в случае совершения нескольких преступлений пределами максимального наказания за самое строгое из них, установив, что окончательное наказание за совершение лицом нескольких преступлений может достигать 25 лет и 30 лет лишения свободы - по совокупности приговоров, предусматривается, и пожизненное лишение свободы в качестве альтернативы смертной казни.

Одним из этапов обновления уголовного законодательства стало внесение Федеральным законом в декабре 2011 года существенных изменений в Уголовный кодекс, позволившие отменить ограничения пределов назначения наказаний по совокупности преступлений. Различие в нормах назначения наказания по совокупности преступлений в прежнем УК объясняется тем, что роль обвинительного приговора и отбывания наказания в деле предупреждения преступлений («перевоспитания преступника») преувеличивалась, в связи с идеологической установкой на благотворное влияние социалистической, народной системы назначения и исполнения наказания на личность правонарушителя. К тому же, в отечественной уголовно-правовой науке переоценивалась роль рецидива преступлений. Однако основное количество преступлений совершается, согласно статистике, ранее не судимыми лицами. Поэтому новый УК вполне справедливо изменил нормы назначения наказаний по совокупности преступлений.

Литература:

1.Гаврилов Б.Я.- Современная уголовная политика России: цифры и факты-/ Б.Я. Гаврилов - М., 2008

2.Горелик А.С. Назначение по совокупности преступлений и приговоров. // Гарант 2012 год.

3.Игнатов А.Н., Красинов Ю.А. Уголовное право России (общая часть) 2005 г.

4.Кудрявцев В.Н. Теоретические основы квалификации преступлений. М., 1063.

5.Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть общая: Лекции. М.,1994. Т. 2. С. 5-7, 91-93.

6.Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 1999 г. № 40 "О практике назначения судами уголовного наказания".

7.Практика назначения судами наказания по совокупности преступлений и совокупности приговоров Журнал "Российское правосудие" № 9 (17). 2007г. [Электронный ресурс]: Государственная автоматизированная система Российской Федерации "Правосудие". – URL http://www.sudrf.ru/

8.Постатейный комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации. Под ред. Чучаева А.И. М., 2005. С. 472.

9.Прохоров Л.А., Прохорова М.Л. Уголовное право (Общая часть), Краснодар, 2006

10.Спивак С.Г. Назначение наказания по совокупности преступлений и совокупности приговоров, М., 2007

11.Уголовный кодекс Российской Федерации 2012г.

12.Уголовное право. Общая часть: учебник / Отв. ред. И. Я. Козаченко. – 4-е изд., перераб. и доп. - М.: Норма, 2008.

13.Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. N 420-ФЗ "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации" (с изменениями и дополнениями)

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА СЕМЬИ: НРАВСТВЕННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ РЕПРОДУКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Соболева А.А
аспирант Государственного аграрного университета
Краснодар, Россия

Аннотация: Рассматриваются вопросы материнство, детство и семья. Отношения, возникающие в рамках института семьи, всегда были значимой составляющей жизни любого демократического общества. В рамках формирования различных правовых механизмов, направленных на преодоление проблемы бесплодия в России, гражданское законодательство допускает возможность существования нескольких методов репродуктивной деятельности, применение на практике суррогатного материнства сопряжено со многими проблемами не только медицинского, но и юридического характера.

Ключевые слова: Материнство, детство, семья демократическое общество, суррогатное материнство, медицинский и юридический критерий.

Abstract. Questions are examined maternity, childhood and family. Relations arising up within the framework of institute of family always were meaningful making life of any democratic society. Within the framework of forming of the different legal mechanisms sent to overcoming of problem of sterility in Russia, a civil legislation assumes possibility of existence of a few methods of reproductive activity, application in practice of substitute maternity is attended with many problems not only medical but also legal x

Keywords: Maternity, childhood, family is democratic society, substitute maternity, medical and legal criterion.

Согласно статье 38 Конституции РФ [1], материнство, детство и семья находятся под защитой государства. Отношения, возникающие в рамках института семьи, всегда были значимой составляющей жизни любого демократического общества. В связи с чем, изучению вышеназванных отношений и поиску решений проблем, возникающих в рамках этих отношений, во все времена уделялось большое внимание, как со стороны государства, так и со стороны представителей различных отраслей науки, в том числе и со стороны ученых-правоведов и юристов-практиков.

В настоящее время в условиях принятия государством мер различного характера по преодолению демографического кризиса в центре общественного внимания оказалась наиболее значимая проблема, возникающая в рамках института семьи, а именно проблема репродуктивного здоровья граждан, выражающаяся в быстром росте числа граждан фертильного возраста, неспособных к естественному воспроизводству своего потомства.

Предоставленное гражданам Российской Федерации в соответствии с положениями международных конвенций и договоров в области прав человека, в частности со статьей 1 Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г., частью 2 ст. 20, ч. 1 ст. 24, ст. 27 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г., ст. 7 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г., ч. 4 ст. 14 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1 950 г., ст. 2 Конвенции о правах ребенка от 20 ноября 1989 г. и выразившееся в статье 19 Конституции РФ право иметь детей, является одним важнейших прав человека. Эффективность реализации указанного права гражданами напрямую зависит от эффективности правового режима, создаваемого государством в сфере репродуктивной деятельности (процессе воспроизводства потомства).

В рамках формирования различных правовых механизмов, направленных на преодоление проблемы бесплодия в России, гражданское законодательство допускает возможность существования нескольких методов репродуктивной деятельности, которые в статье 55 ФЗ от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан» (далее - № 323-ФЗ) [2] объединены одним термином «вспомогательные репродуктивные технологии - методы лечения бесплодия, при применении которых отдельные или все этапы зачатия и раннего развития эмбрионов осуществляются вне материнского организма (в том числе с использованием донорских и (или) криоконсервированных половых клеток, тканей репродуктивных органов и эмбрионов, а также суррогатного материнства).

Из указанных выше методов наиболее сложным является «суррогатное материнство», представляющее собой вынашивание и рождение ребенка

(в том числе преждевременные роды) по договору, заключаемому между суррогатной матерью (женщиной, вынашивающей плод после переноса донорского эмбриона) и потенциальными родителями, чьи половые клетки использовались для оплодотворения, либо одинокой женщиной, для которых вынашивание и рождение ребенка невозможно по медицинским показаниям (п. 9 ст. 55 № 323-ФЗ) [2]. Сложность восприятия и противоречивость содержания указанного метода искусственной репродукции человека проявляется не только в особенностях его медицинской составляющей, но и с точки зрения нравственно-правового восприятия данного метода представителями широкой общественности.

Не удивительно, что применение на практике указанного метода ВРТ сопряжено со многими проблемами не только медицинского, но и юридического, а так же этического характера.

На мой взгляд, суррогатное материнство, как медицинская технология, является позитивным явлением, так как при помощи указанной медицинской технологии гражданам, по каким-либо причинам не способным самостоятельно зачать (а женщинам и родить) ребенка, представляется уникальная возможность решить эту проблему.

Что же касается нравственно-юридической составляющей общественных отношений, возникающих в рамках применения такого метода ВРТ как суррогатное материнство, то необходимо отметить, что данный метод реализации репродуктивных прав подвергается критике за предполагаемую возможность коммерциализации данного метода ВРТ, т.е. превращения его из средства реализации своих репродуктивных прав в средство эксплуатации женщин в роли платных инкубаторов, а новорожденных младенцев в объект торговли.

Полагаю, что избежать возникновения такой ситуации на практике поможет системное всестороннее и эффективное регулирование отношений, возникающих в рамках применения методов ВРТ, со стороны государства, путем принятия нормативно-правовых актов соответствующего уровня, которые бы содержали нормы не только регламентирующие статус участников данных отношений (совокупность их прав и обязанностей), но и предусмотрели бы соответствующие виды ответственности вплоть до уголовной (целесообразным предполагается дополнить УК РФ соответствующими нормами) за нарушение прав граждан в рамках исследуемых отношений, например, со стороны соответствующего медицинского учреждения, суррогатной матери, а так же в некоторых случаях со стороны лиц, выступающих в качестве посредников между генетическими родителями и суррогатной матерью. В качестве примера противоправных действий, можно привести случаи, когда, суррогатная мать может начать злоупотреблять своим правом, и требовать от супругов в ответ на дачу согласия записать их родителями дополнительного вознаграждения, выполнения определенных действий.

Суррогатное материнство, как способ преодоления бесплодия является довольно позитивным явлением, позволяющим гражданам, страдающим бесплодием, реализовать свою мечту о рождении собственных детей. Поэтому основной задачей государства в настоящее время является недопущение превращения передовых медицинских технологий в методы наживы, мошенничества (кстати, в том числе и со стороны медиков – пациенты оплачивают все - и медикаменты, и нахождение в клинике, и непосредственно процедуры ЭКО, и затраты на обеспечение суррогатной матери в период участия ее в программе «Суррогатное материнство», и анализы, срок давности которых, кстати, не более трех месяцев и т.д. и т.п. Людям, более или менее сведущим в освещаемом вопросе известно, что зачастую именно медицина "спекулирует" на тех, кто прибегает к ЭКО или суррогатному материнству. Заплатив баснословные деньги пациенты могут не получить желаемого результата и один раз, и второй, и третий и более, а очередной "заход" вновь требует денежных вложений, причем таких же, если не больше, поскольку лекарства дорожают, цены растут, а пациент пошел по кругу, принося клинике доход. Зачастую такое положение вещей носит преднамеренный характер, именно с целью получения прибылей (попросту мошенничество), а не из-за того, что эмбрион не прижился, или по другим медицинским показаниям, хотя они тоже есть, и исключать их нельзя.

При таких обстоятельствах невозможно не согласиться, с мнением Л.К.Айвар, что пресечение описанных выше злоупотреблений возможно только законодательным путем, экономическими методами, когда "запускать клиента по кругу" будет невыгодно), а для этого требуется четкая законодательная база с четкими формулировками по всем возможным вопросам, не имеющая двойных стандартов [3].

В настоящее время «моралисты» придерживаются точки зрения, согласно которой этические и психологические интерпретации такого явления как суррогатное материнство неоднозначны, но даже в случае декларируемых благих (даже альтруистических) целей, скорее всего с неизбежностью придётся столкнуться с проблемой болезненного отчуждения ребёнка от суррогатной матери и кризисом родственной самоидентичности личности, узнавшей о своём не совсем обычном появлении на этот свет [4].

Однако, обращаясь к действующим нормам отечественного законодательства и, применяя принцип аналогии права, можно с уверенностью говорить о том, что информация о происхождении ребенка, рожденного суррогатной матерью является разновидностью охраняемой законом тайны близкой по своей правовой природе к тайне усыновления ребенка и относится к личной и семейной тайне гражданина, которая гарантирована каждому статьей 23 Конституцией РФ, вследствие чего должна охраняться за-

коном. В связи с чем, распространение информации о происхождении ребенка, рожденного суррогатной матерью, будет преследоваться по закону.

Кроме того, давая правовую оценку участию суррогатной матери в программе «Суррогатное материнство», необходимо отметить, что к целям, ради которых суррогатная мать вступает в данную программу, заключая договор о применении суррогатного материнства с родителями-заказчиками не относится цель рождения ребенка для себя, таким образом, реализуя предоставленное Конституцией РФ право ребенка на жизнь и воспитание в семье, полагаю, что передача его генетическим родителям будет, полностью отвечать интересам самого ребенка, родившегося в рамках реализации программы «Суррогатное материнство».

В настоящее время проблема, относящаяся к разряду наиболее важных, состоит в поиске ответа на вопрос том кто является официальной матерью ребенка, родившегося у суррогатной матери, данный вопрос, несмотря на свою исключительную значимость в разных странах решается по-разному: это может быть:

- только женщина, которая выносила ребенка,
- только женщина, которой принадлежит оплодотворенная яйцеклетка
- преимущественное право на признание себя официальной матерью дается суррогатной матери [5] (например, РФ где мать-заказчица может быть признана законной матерью, исключительно при условии получения согласия от суррогатной матери на запись родителей-заказчиков родителями ребенка.

Такое многообразие подходов связано с обычаями и традициями конкретного социума, строгостью норм репродуктивного регулирования, законопослушностью граждан, и потому в некоторых странах суррогатное материнство может быть разрешено в одних субъектах и запрещено в других (например, США) или вообще запрещено на территории всего государство, а попытки использования гражданами данных технологий повлекут за собой наложение всевозможных штрафных санкций и даже привлечения к уголовной ответственности.

Важность решения проблемы, занимающей переходное положение, имеющей нравственно-правовой характер, заключающейся в определении лиц, которые будут являться законными родителями ребенка, рожденного суррогатной матерью по условиям договора о применении суррогатного материнства, заключается в необходимости защиты новорожденного от угрозы остаться сиротой, в условиях все более активного обсуждения «автономного» отцовства и материнства в российских СМИ [6].

Нередко представители общественности, так называемы «защитники традиционной семьи», воспринимают и характеризуют появившуюся у одиноких, не состоящих в браке мужчин и женщин возможность стать ро-

дителями при помощи вспомогательных репродуктивных технологий, включая суррогатное материнство, как посягательство на семейные устои.

Однако для современного общества характерна трансформация самой парадигмы семьи, парадигмы деторождения, традиционно привязанного к браку. Понятия «семья», «любовь», «брак», «деторождение», никогда не бывшие тождественными, сейчас расходятся ещё больше [6].

И с уверенностью можно сказать, только то, что в настоящее время лишь рождение ребенка может говорить о возникновении семьи, в современном понимании данного института, способствующей укреплению и развитию социума, являющей собой залог преемственности поколений и поступательного развития нашего общества в отличие от формального брака, заключение которого в наше время чаще всего никак не связано с традиционной целью его заключения, а именно с созданием семьи.

Сохранение естественного деторождения однозначно желательно, но в конечном итоге, на мой взгляд, распространение вспомогательных репродуктивных технологий, в том числе суррогатного материнства, может способствовать росту рождаемости, а, следовательно, преодолению демографического кризиса в нашей стране, и, конечно же, увеличению количества семей, скрепленных не только брачными узами, но и отношениями родителей и детей.

Нет вызывает сомнений тот факт, что отрицательное отношение к вспомогательным репродуктивным технологиям во многом объясняется недостаточностью правого регулирования отношений, по применению указанных технологий, со стороны государства, а именно отсутствием федерального закона, посвященного репродуктивной деятельности, отсутствием эффективного механизма правового регулирования со стороны государства, основанного на принципах гуманности, разумности и справедливости, при наличии которого, указанные медицинские технологии смогли бы занять достойное место в ряду иных не менее значимых медицинских технологий, направленных на поддержание, сохранение и защиту здоровья граждан.

Литература

1.Конституция РФ от 12.12.1993

2.ФЗ от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан»

3.Айвар Л.К. Правовая защита суррогатного материнства // Адвокат. 2006. № 2

4.Суррогатное материнство: Мамы всякие нужны, мамы всякие важны//http://krsk.sibnovosti.ru/society/186192-surrogatnoe-materinstvo-mamy-vsyakie-nuzhny-mamy-vsyakie-vazhny

5.Русанова Н.Е. Репродуктивные возможности демографического развития" М.: Изд-во «Спутник+» 2008, с. 261-273.

6.Родить без мамы //http://svitnev.livejournal.com

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ВНУТРЕННИХ И ВНЕШНИХ ФАКТОРОВ СКРЫТОЙ И СКРЫВАЕМОЙ ПРЕСТУПНОСТИ НА ФИНАНСОВУЮ УСТОЙЧИВОСТЬ ЭКОНОМИКИ

Спирина С.Г.
к.ю.н., доцент
доцент Кубанского государственного университета
Краснодар, Россия

Аннотация. Рассмотрены вопросы методики расчета коэффициента латентной преступности, на основе данных зарегистрированной статистики о преступлениях, опроса трех групп и экспертной оценки достоверности их мнения**.**

Ключевые слова. Коэффициент преступности, латентная преступность, экспертная оценка, статистика, преступления в сфере компьютерных технологий

Abstract. Considered the issues of the methodology of calculation of the coefficient of latent crime, on the basis of data registered by the statistics on the crimes of the survey, the three groups and expert evaluation of the reliability of their views.

The key words. Crime rates, latent crime, expert assessment, statistics, crime in the sphere of computer technologies

При решении прикладных, статистических задач, формулировании рекомендаций по совершенствованию законодательства и корректировке социально-экономической политики, теневую экономику часто определяют через действия по ее измерению. По мнению автора, исследование внутренних и внешних факторов скрытой и скрываемой преступности, в первую очередь, способствует достоверной оценке их влияния на финансовой устойчивость не только экономики на макро но и микро уровне.

Особенностью экономического подхода влияния внутренних и внешних факторов латентной экономической преступности является изучение этого влияния на эффективность экономической политики, распределение и использование экономических ресурсов, разработку надежных методов ее оценки и измерения. На микроуровне внимание теневой экономики концентрируется на изучении экономического поведения и принятии решений субъектами теневой экономики, деловыми предприятиями, исследуются отдельные нелегальные рынки. [1]

В ряде работ автором рассматривалась методика расчета коэффициента латентной преступности, на основе данных зарегистрированной статистики о преступлениях, опроса нескольких групп респондентов и экспертной оценки достоверности их мнения. [2] Методика расчета обобщена

автором на оценку не только латентной экономической преступности, но и на оценку влияния внутренних и внешних факторов среды на скрытую и скрываемую экономическую преступность в целом.

Для расчета скрытой и скрываемой преступности необходимо иметь показатель зарегистрированной преступности (известный показатель) и показатель (количество) незарегистрированных преступлений (неизвестный показатель).

Расчет процента латентности любых преступлений можно найти по следующей формуле:

$$K_{\%} = \frac{K_л}{K_з + K_л} \cdot 100\%,$$

где $K_л$ – количество латентных преступлений, а $K_з$ – количество зарегистрированных преступлений.

Для расчета количества скрытых и скрываемых преступлений были проведены социологические опросы трех групп:

1)сотрудники правоохранительных органов, непосредственно сталкивающиеся по своим функциональным обязанностям с определенными составами преступлений, сотрудники прокуратуры и судов;

2)юристы, не являющиеся сотрудниками государственной службы;

3)граждане, не имеющие юридического образования, с определенным представлением об исследуемых составах преступления.

При расчете количества латентных преступлений, используется формула математического ожидания случайной дискретной величины [3] для трех исследуемых групп граждан и специалистов:

$$K_л = \sum_{i=1}^{3} K_{лi} \cdot p_i,$$

где $K_{лi}$- количество латентных преступлений, по мнению опрашиваемых групп по определенным видам (составам) преступлений; p_i- вероятность (достоверность) наступления события $K_{лi}$. Для определения вероятности p_i (достоверности) мнения групп о процентах зарегистрированных преступлений по отношению к количеству совершенных преступлений привлекаются экспертные группы. Обозначим за A_{ij} – процент зарегистрированных преступлений по j-ой группе преступлений i-ой экспертной группой. Сумма всех p_i равна 1.

В таблице 1 отражены абсолютные показатели динамики 21-ой группы основных преступлений, охватывающих 79-80% всех зарегистрированных преступлений, по данным статистических сборников ГИЦ МВД РФ.

Таблица 1

Динамика зарегистрированной преступности за 2000 и 2001 годы

Динамика преступлений	**2000 г.**	**2001г.**
Всего зарегистрировано	2705162	2737624
Убийство и покушение	28736	30834
Умыш прич. тяж. Вреда	45684	51577
Изнасилов. и покушение на изн.	7387	7727
Разбой	34561	39918
Грабеж	116816	131769
Кража	1197298	1172155
Мошенничество	75942	74347
Присвоение и растрата	49986	51835
Вымогательство	11154	10808
Поджог	5799	6431
Хулиганство	115620	123598
Прест. в сфере компьют. информации	375	600
Незак. оборот оружия	59224	58040
Угроза убийством или прич. тяж. вреда зд.	74026	86611
Вовлечение несов. в прест. деят.	19437	15841
Нарушение правил дорож. движения и эксп. трансп. Средств	48574	50711
Угон	24150	28763
Часть прест., совер. военнослужащими	2133	2203
Экологические преступления	15268	15757
Соверш. с применением огнест. и газов. оружия и взрывных средств	11853	11604
Причинив. круп. ущерб или в особо круп. размере	301544	282245
Итого:	**2245568**	**2253374**
Разность всех зарег. и суммы	459594 (20,5%)	484250(21%)

Для расчета общего количества совершенных преступлений по любому виду преступлений можно использовать формулу:

$$K_{лi} = (K_з / A_{лi}) * 100 \ ,$$

где $A_{лi}$ - процент зарегистрированных преступлений

Используя эту формулу для расчета латентной преступности по каждой группе указанных преступлений, в таблице 2 отражены проценты A_{ij} зарегистрированной преступности по отношению к общей преступности, рассчитанные после обработки результатов опросов и мнения экспертов. В

таблице 2 отражены абсолютные рассчитанные автором показатели латентной и общей преступности.

Динамика зарегистрированной и общей преступности (зарегистрированная плюс латентная) в 2000 и 2001 гг. отражена в таблице 2.

Таблица 2

Динамика латентной и общей преступности за 2000-2001 годы

ГОДЫ/Динамика преступлений	Латентная преступность		A_{ij} – Коэф. латенти(%)	Общая преступность	
	2000	2001		2000г.	2001г.
Убийство и покушение	1512	1623	95	30249	32457
Умыш прич. тяж. вреда	6230	7033	88	51913	58610
Изнасил. и покуш.на изн.	7387	7727	50	14774	15454
Разбой	3840	4435	90	38401	44353
Грабеж	29204	32942	80	146021	164711
Кража	1463365	1432634	45	2660663	2604789
Мошенничество	75942	74347	50	151884	148694
Присвоение и растрата	116633	120948	30	166618	172783
Вымогательство	33461	32424	25	44615	43232
Поджог	1450	1608	80	7249	8039
Хулиганство	214723	229539	35	330343	353137
В сфере компьют. информации	37125	59400	1	37500	60000
Незак. оборот оружия	138190	135427	30	197415	193467
Угроза убийством или прич. тяж. вреда зд.	172728	202092	30	246755	288703
Вовлечение несов. в прест. Деят.	29155	23762	40	48592	39603
Нарушение правил дорож. движения и эксп. т. с.	12143	12678	80	60717	63389
Угон	13004	15488	65	37154	44251
Часть совер. военносл. прест-ий	3199	3305	40	5332	5508
Экологические	61074	63028	20	76342	78785

Соверш. с применением огнест. и газов. оружия и взв. средств	1317	1289	90	13170	12893
Прич круп. ущерб или в особо круп. размере	129233	120962	70	430777	403207
ИТОГО:	4796484	4836065		2550916	2582691

Процент латентной преступности от всей преступности по расчетам в 2000 году составил 53,18%, в 2001 году – 53,4%, а процент латентной преступности к зарегистрированной преступности за тот же период составил: 113,6% и 114,61%. Несмотря на то, что данные за 20-21% преступлений по зарегистрированной преступности неизвестны, учитывая, что кражи в общей структуре преступности занимают больше 53%, для наглядности соотношения других составов преступлений, отразим на диаграмме соотношение составов без учета краж.

За один год структура преступности изменилась не кардинально, однако если ее сравнить с зарегистрированной преступностью, то разница будет существенной. Анализ структуры преступности 2005-2010 годов по меньшему объему выборки дал аналогичный результат: уровень латентной преступности по отношению к зарегистрированной составляет больше 100%.

По мнению автора, исследуя вопросы влияния внутренних и внешних факторов на скрытую и скрываемую экономическую преступность, необходимо комплексно и в системной взаимосвязи рассматривать как экономические, так и юридические аспекты латентных проявлений.

Знание структуры реальной преступности может способствовать корректировке политики противодействия преступности, более рациональному использованию как бюджетных средств, так и внебюджетных фондов, направленных на предупреждение преступности.

Литература:

1.Бекряшев А.К., Белозеров И.П., Бекряшева Н.С. Теневая экономика и экономическая преступность. [Электронный учебник к инновационному учебному курсу «Теневая экономика и экономическая преступность».] 2000. //http://rrc.dgu.ru/res/economika/ten_ec.doc.

2. Спирина С.Г. Криминологическая характеристика компьютерной преступности в России: Учеб. пособие. – Краснодар: Российский государственный торгово-экономический университет, 2003. – 70 с.

3. Спирина С.Г. Теория и методика расчета латентной преступности в России //Актуальные проблемы экономической теории и практики: сб. науч. тр./Под ред. В.А. Сидорова. – Краснодар, Кубанский гос. ун-т, 2012. – с. 144-147.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПОРЯДОК КАК УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ КАТЕРОГИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННОСТИ

Точка А.В.
Директор охранного предприятия «Атлант»,
юрист ООО «Щит Кавказа – 2», Краснодар, Россия

Аннотация: Статья посвящена вопросам общественной безопасности и общественного порядка как объекта преступного посягательства. Некоторые ученые-юристы, характеризуя общественный порядок как правовую категорию, фактически не делают различий между ним и общественной безопасностью, употребляя эти понятия как синонимы. Общественный порядок воплощается в создании обстановки общественного спокойствия, благоприятных внешних условий жизнедеятельности людей, что обеспечивает нормальный ритм общественной жизни, то общественная безопасность проявляется в создании безопасных условий при обращении с источниками повышенной опасности и проведении работ повышенной опасности.

Ключевые слова: Общественная безопасность, общественный порядок, преступное посягательство, преступление против общественной безопасости.

Abstract: The article is devoted to the issues of public security and the public order as the object of a criminal assault. Some scientists-lawyers, characterizing the social order as a legal category-of't actually have to make a distinction between him and the public safe-STU, using these concepts like синонимы. public order вопло-is in the creation of the situation of the public peace, favorable external conditions of life of the people, that provides the normal rhythm of public life, the public safety is manifested in Soz-Denmark secure environment during the handling of sources of increased danger of reliability and carrying out of works of high danger.

The keywords: Public safety, public order, criminal trespass, a crime against public saefty.

В уголовном законодательстве термин «общественный порядок» впервые был закреплен в УК РСФСР 1960 г. в гл. 10 «Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения». Действующий уголовный закон также содержит указание на общественный порядок как объект преступного посягательства в разделе IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка».

Между тем, анализ учебной и монографической литературы отчетливо свидетельствует об отсутствии единого толкования категории «обще-

ственный порядок», что, наряду с отсутствием его легальной дефиниции, влечет существенные разночтения в понимании преступлений, посягающих на общественный порядок. Вместе с тем без уяснения содержания данного понятия, отграничения его от понятия «общественная безопасность» невозможно решить вопрос, прежде всего, об объекте преступлений против общественного порядка.

Некоторые ученые-юристы, характеризуя общественный порядок как правовую категорию, фактически не делают различий между ним и общественной безопасностью, употребляя эти понятия как синонимы. Так, О.Н. Горбунова считала, что «…общественные отношения, которые создают в государстве обстановку спокойствия и безопасности, составляют систему волевых общественных отношений, совокупность которых можно назвать общественным порядком в узком смысле слова» [1]. Аналогичной точки зрения придерживался И.И. Веремеенко: «Общественный порядок как определенная правовая категория представляет собой обусловленную потребностями развития социализма систему общественных отношений, возникающих и развивающихся в общественных местах в процессе общения людей, правовое и иное социальное регулирование которых обеспечивает личную и общественную безопасность граждан и тем самым обстановку спокойствия, согласованности и ритмичности общественной жизни» [2]. На взгляд П.И. Гришаева, под общественным порядком следует понимать порядок, регулирующий отношения между членами общества, согласно которому каждый из них обязан соблюдать правила в обществе, как закрепленные в правовых нормах, так и в нормах морали. Соблюдение этих правил поведения всеми гражданами гарантирует общественную безопасность, то есть безопасные условия повседневной жизни и деятельности членов общества [3].

Приведенные суждения основываются на том, что между общественным порядком и общественной безопасностью фактически нет различий. Поддержать высказанную точку зрения не представляется возможным в силу целого ряда обстоятельств. Во-первых, сам законодатель проводит отграничение общественной безопасности от общественного порядка в названии раздела IX УК РФ. Во-вторых, совершенно очевидно, что общественный порядок и общественная безопасность, несмотря на их общность, являются самостоятельными категориями, охватывающими обособленные группы общественных отношений, и их существенные различия связаны с нормативными средствами урегулирования данных явлений. Общественный порядок достигается в результате упорядочения общественных отношений с помощью всех форм нормативного регулирования, тогда как общественная безопасность – только с использованием правовых и технических норм.

В этом смысле верным представляется утверждение С.С. Яценко о том, что если общественный порядок воплощается в создании обстановки

общественного спокойствия, благоприятных внешних условий жизнедеятельности людей, что обеспечивает нормальный ритм общественной жизни, то общественная безопасность проявляется в создании безопасных условий при обращении с источниками повышенной опасности и проведении работ повышенной опасности [4].

Общественный порядок – это «урегулированные нормами права и морали общественные отношения, в своей совокупности обеспечивающие общественное спокойствие, общепринятые нормы поведения, нормальную деятельность предприятий, учреждений, организаций и транспорта, сохранность всех видов собственности, а также уважение общественной нравственности, чести и достоинства граждан» [5].

Вместе с тем следует иметь в виду, что категория «общественный порядок» может иметь как широкое, так и узкое толкование. Все зависит от отрасли права, применительно к которой она используется.

В широком смысле слова общественный порядок определяют как систему общественных отношений, складывающихся вследствие соблюдения и реализации всех господствующих в данном обществе социальных норм, принципов, идей, закрепляющих общественно необходимое и наиболее важное для данного экономического и политического строя поведение людей, государственных и общественных организаций [6]. Это толкование имеет прикладное значение для отраслей конституционного и гражданского права.

Что же касается административного и уголовного, то здесь общественный порядок в силу специфики метода правового регулирования должен трактоваться в более узком понятии этого слова. Так, в частности, П.С. Дагель считал, что общественный порядок есть регулируемая нормами права и правилами общежития система общественных отношений, обеспечивающих общественное спокойствие, безопасность личности и сохранность имущества, а равно нормальные условия труда, отдыха граждан и деятельности государственных и общественных организаций, предприятий, учреждений [7].

Т.М. Кафаров и Ч.Т. Мусаев видели в общественном порядке необходимую предпосылку одобряемого функционирования государственных учреждений и предприятий, общественных организаций, нормальной общественно-политической, производственной и иной социальной деятельности, а также нормального быта и отдыха граждан [8]..

Еще более сужая границы рассматриваемого понятия, некоторые авторы специально указывают, что общественный порядок есть система волевых отношений, складывающихся главным образом в общественных местах [9]. Особенно характерен такой подход для представителей уголовно-правовой науки. «Общественный порядок, - пишет В.С. Комиссаров, - представляет собой систему общественных отношений, сложившихся на основе соблюдения норм права, направленных на поддержание общест-

венного спокойствия и нравственности, взаимного уважения, надлежащего поведения граждан в общественных местах, отношений в сфере социального общения» [10].

Сходное мнение высказывает Н.Ф. Кузнецова, понимая общественный порядок как определенную совокупность видов и форм поведения граждан в обществе, сформулированных в нормах морали и нормативных актах, регулирующих поведение граждан в общественных местах [11].

Аналогичную позицию занимает и Л.А. Есина, обращая внимание на то, что общественный порядок формируется из общественных отношений или благ (интересов), складывающихся в процессе сознательного и добровольного соблюдения гражданами установленных в нормах права и иных нормах неюридического характера правил поведения в общественных местах, в сфере общественно полезной деятельности, в быту. [12]

Заслуживает внимания трактовка общественного порядка, представленная в диссертационном исследовании А.Р. Гегамова. В работе отмечается, что это необходимый и достаточный уровень правовой защищенности интересов общества, обеспечивающих общественное спокойствие людей на основе правовых и нравственных норм, определяющих порядок взаимоотношений людей в публичных местах [13].

Солидаризируясь в целом с приведенными высказываниями, вместе с тем следует обратить внимание на то, что привязка преступлений против общественного порядка к месту совершения необоснованно сужает их систему. В этой связи следует иметь в виду, что отношения в сфере обеспечения общественного порядка складываются не только в публичных местах. Они возникают, развиваются и функционируют вне места и времени. Определяющим их содержание является то, что в основе обеспечения общественного порядка лежит система обязательных для исполнения моральных, нравственных и нормативных предписаний, призванных обеспечивать цивилизованные формы взаимодействия индивида и социума.

Отталкиваясь от приведенных доводов, считаем, что система преступлений против общественного порядка включает в себя следующие составы преступлений: приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем (ст. 175 УК РФ); заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 207 УК РФ); массовые беспорядки (ст.212 УК РФ); хулиганство (ст.213 УК РФ); вандализм (ст.214 УК РФ); небрежное хранение огнестрельного оружия (ст.224 УК РФ); пиратство (ст.227 УК РФ).

Литература

1.Горбунова О.Н. К вопросу об определении понятия «общественный порядок» в советской науке административного права // Труды Иркутского госуниверситета. Т. XIX. Серия юридическая. Вып. 8. Часть 2. Иркутск, 1967. С.162.

2.Веремеенко И.И. Административно-правовые санкции: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1970.С. 9.

3.Гришаев П.И. Преступления против общественной безопасности. М., 1959. С. 16-17.

4.Яценко С.С. Уголовно-правовая охрана общественного порядка: сравнительно-правовой аспект. Киев, 1986.С. 37.

5.Зарубин В. И. Уголовная ответственность за хулиганство: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2001. С. 7.

6.Матышевский П.С. Ответственность за преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения. М., 1964. С. 8-9; Котляревский Г.С. Некоторые вопросы советского социалистического правопорядка // Вопросы теории государства и права: Ученые записки ВЮЗИ. Вып. XI. М., 1960. С. 100.

7.Дагель П.С. и др. Административные правонарушения, рассматриваемые в судебном порядке. М., 1964. С. 43.

8.Кафаров Т.М., Мусаев Ч.Т. Борьба с посягательствами на общественный порядок. Баку, 1983. С. 23.

9.Игнатов В.И. Административно-правовые и общественные меры в области охраны общественного порядка: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1965. С. 4; Кузнецова Н.Ф. Уголовное право и мораль. М., 1967. С. 13.

10.Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1: Учение о преступлении: Учебник для вузов / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. М., 2002. С. 299.

11.Кузнецова Н.Ф. Уголовная ответственность за нарушение общественного порядка. М., 1963. С. 3.

12.Есина Л.А. Квалификация хулиганства и иных преступлений, совершенных из хулиганских побуждений (уголовно-правовые и криминологические аспекты): Автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Тамбов, 2010. С. 7

13.Гегамов А.Р. Насильственные преступления против общественной безопасности и общественного порядка и уголовно-правовой механизм назначения справедливого наказания: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2011. С. 8.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Антоненко М.Н. магистр Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия
Белхороева Д.А. Кубанский социально-экономический институт, Краснодар, Россия
Буз С.И., к.ю.н., доцент Краснодарского университета МВД России, Краснодар, Россия
Волобуева К.В. адъюнкт Волгоградской академии МВД России
Гаврильченко Л.К., к.ю.н., доцент Одесского национального университета им. И.Мечникова, Одесса, Украина
Гарбут Э., Кубанский социально-экономический институт, Краснодар, Россия
Гигинейшвили М.Т. преподаватель кафедры международного права Северо-Кавказского филиала Российской академии правосудия, Краснодар, Россия
Губко И.В. преподаватель Северо-Кавказского филиала Российской академии правосудия, аспирант Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия
Деметриус Андреас Флудас доцент колледжа Хьюз Холл Кембриджского университета, доцент Афинского института международного и зарубежного права, доцент Британской академии экспертов, адвокат Афинской палаты адвокатов, Греция
Дербок З.Г. соискатель Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия
Джангуразов М.А. адъюнкт Краснодарского университета МВД России, Краснодар, Россия
Дорошенко Г.С. уполномоченный по правам ребенка по Краснодарскому краю, Краснодар, Россия
Жинкин А.А., к.ю.н., доцент кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия
Жинкина Е.Ю., к.ю.н., доцент кафедры общетеоретических и государственно-правовых дисциплин Кубанского социально-экономического института, Краснодар, Россия
Заянчковская Элизабета, Польша, Легница
Иващенко Н.П. аспирант Краснодарского университета МВД Россия, Краснодар, Россия
Ищенко Д.С., к.филол.н., доцент Кубанского социально-экономического института, Краснодар, Россия
Клегер Сандра Венский Университет, Австрийская Республика
Кузьмин А.В. помощник Тушинского межрайонного прокурора г. Москвы,

Кулиш М.В., к.ю.н., доцент Кубанского социально-экономического института, Краснодар, Россия
Легостаев В.П., к.ю.н., доцент, профессор Кубанского социально-экономического института, Краснодар, Россия
Любичева Э.Н., Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия
Май Даг Биен, к.ю.н., прокурор провинции Лам Донг Социалистической Республики Вьетнам,
Максимов А.М., Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия
Малийкович О. магистрант Кубанского государственного аграрного университета, Краснодар, Россия
Мандрыкин А.С.соискатель Краснодарского университета МВД России, Краснодар, Россия
Мариненко В.Ю. аспирант кафедры уголовного права Краснодарского университета МВД России, Краснодар, Россия
Мартынова Т.В., к.ю.н., доцент Краснодарского филиала Владимирского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний России
Машлыкина О.В. аспирант Северо-Кавказской академии государственной службы, Краснодар, Россия
Медведева Э.А. преподаватель Кубанского социально-экономического института, Краснодар, Россия
Мельников А.В. соискатель кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия
Нальгиев Р.К. заместитель начальника СУ Приволжского линейного управления МВД России на транспорте, подполковник юстиции, к.ю.н., Саратов, Россия
Никитина Л.В. аспирант Краснодарского университета МВД России, Краснодар, Россия
Ольшанский А.В. Кубанский социально-экономический институт, Краснодар, Россия
Орели Дюборг, Высшая школа Брюсселя, Брюссель, Бельгия
Панкратова О.В., Кубанский социально- экономический институт, Краснодар, Россия
Пехтерева З.А., Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия
Пилюгин Д.С., Кубанский социально-экономический институт, Краснодар, Россия
Пилюгина Т.В., к.ю.н., доцент Кубанского социально-экономического института, Краснодар, Россия
Пичкуренко А.А. Российская академия правосудия, Краснодар, Россия
Помазан С.В., к.ю.н., Южный институт менеджмента, Краснодар, Россия

Прохоров Л.А., д.ю.н., профессор, заслуженный работник Высшей школы РФ, зав. Кафедрой административного права и правоохранительной деятельности Кубанского социально-экономического института, Краснодар, Россия

Прохорова М.Л., д.ю.н., профессор, зав. кафедрой уголовного и уголовно-исполнительного права Кубанского социально-экономического института, Краснодар, Россия

Пуду Эллиса, Урбинский университет имени Карло Бо, Урбина, Италия

Рамазанова Е.П. директор объединения «Луганскшахты», Луганск, Украина

Расцветаев С.А. аспирант Северо-Кавказской академии государственной службы, Краснодар, Россия

Рябошапка О.Н. аспирант Краснодарского университета МВД России, Краснодар, Россия

Сарычев В.В. начальник Следственного управления Центрального ДВД на транспорте МВД Республики Казахстан, полковник юстиции, Астана, Республика Казахстан

Сафронов Д.А. аспирант Краснодарского университета МВД России, Краснодар, Россия

Серая А.Н., к.ю.н., доцент, зам. начальника юридического отдела департамента муниципальной собственности и городских земель, Краснодара, Россия

Сидоренко Л.П., к.и.н., Кубанский социально-экономический институт, Краснодар, Россия

Сидоров А.А., Кубанский социально-экономический институт, Краснодар, Россия

Сильченко Е.В., к.ю.н., Кубанский государственный аграрный университет, , Краснодар, Россия

Скачко А.В., к.ю.н., доцент, Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия

Соболева А.А аспирант Государственного аграрного университета, Краснодар, Россия

Согомонов Д.К. помощник прокурора г. Новороссийска, Россия

Спирина С.Г., к.ю.н., доцент Кубанского государственного университета

Сушкова И.А., к.ю.н., Кубанский социально-экономический институт, Краснодар, Россия

Торосян Р.В., преподаватель Кубанского социально-экономического института, Краснодар, Россия

Точка А.В. директор охранного предприятия «Атлант», юрист ООО «Щит Кавказа – 2», Краснодар, Россия

Уткин В.Н. соискатель Краснодарского университета МВД России, Краснодар, Россия

Чапурко С.В. аспирант Краснодарского университета МВД России. Краснодар, Россия
Чапурко Т.М., д.полит.н., профессор Кубанского социально-экономического института, Краснодар, Россия
Чапурко Я.Я. аспирант Кубанского государственного аграрного университета, Краснодар, Россия
Шадрин С.М. адъюнкт Краснодарского университета МВД России, Краснодар, Россия
Эрнст А.А., Goethe-Universität Frankfurt am Main, Германия

Уголовная политика в сфере обеспечения безопасности здоровья населения, общественной нравственности и иных социально-значимых интересов

материалы Международной научно-практической конференции

Печатается по решению научно-методического
и редакционно-издательского советов КСЭИ

Подписано в печать 21.06.2012.
Формат 60х84. Усл. печ. л. 21,4 п.л. Тираж 300. Заказ

Издательство Кубанского социально-экономического института

Отпечатано с оригинал-макета заказчика в типографии
Кубанского социально-экономического института

Кубанский социально-экономический институт
350018 г. Краснодар, Камвольная, 3